

ИСТОРИЯ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Н. М. ДОРОШЕНКО

**МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ
ОСНОВАНИЯ**

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета

2007

УД К 930.1 ББК 63.3:87 Д69

Рецензенты: Доктор исторических наук, профессор Самарского
государственного

университета *О.Б. Леонтьева*

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН *Г.И. Смагина*

Дорошенко Н.М. Методология истории: теоретические и философские основания. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. 375 с. (История в политехническом университете).

ISBN 5-7422-1630-0

Монография является продолжением «Российской методологии истории» (СПб. 2005), исправленной и дополненной. В ней рассматриваются теоретические и философские основания методологии истории: онтологические (философия истории и теория исторического процесса), гносеологические (теория исторического знания), логические (теория исторического исследования); синергетический подход к методологии истории.

Предназначена для историков, философов и всех интересующихся методологией истории.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ISBN 5-7422-1630-0

© Дорошенко Н.М., 2007

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2007

Содержание

Введение.....

.... а

Глава I. Методология истории как философско-историческая дисциплина 19

1.1. Соотношение понятий «исторический метод», «методика исторического исследования», «методология истории»..... 19

1.2. Проблема статуса методологии истории..... 24

1.3. Философские аспекты методологии истории..... 34

Глава II. Теория исторического процесса - онтологическое основание методологии истории.....	43
2.1. Сущность онтологического понимания предмета и метода истории.....	43
2.2. Антитезы в понимании предмета и метода исторической науки.....	47
2.2.1. «Классический историзм» и религиозно-философский подход.....	47
2.2.2. Объективный и субъективный методы.....	58
2.2.3. Неокантианское и позитивистское понимание исторического метода. В.О.Ключевский.....	62
2.2.4. Идеалистический и материалистический методы.....	78
2.2.5. Альтернативные подходы А.Л. Чижевского и Л.Н. Гумилёва.....	86
2.3. Соотношение теории и методологии истории.....	190
Глава III. Теория исторического знания - гносеологическая основа методологии исторического познания.....	194
3.1. «Кризис исторической науки» и ориентация на историческое знание	194
3.2. Две линии в понимании исторического знания и его методов	201
3.2.1. «Теоретико-познавательный критицизм» Р.Ю. Випера.....	202
3.2.2. «Критическая философия» истории В.М.Хвостова.....	207
3.3. Общее и особенное в методах исторического познания.....	212
3.3.1. Методы анализа исторических источников.....	222
3.3.2. Методы анализа исторических фактов.....	225
3.3.3. Методы анализа исторических теорий.....	229
Глава IV. Теория исторического исследования - логическая основа методологии исторического исследования.....	234

4.1. Проблемы логики исторического исследования.....	234
4.2. ГГ. Шпет о логике исторической науки и герменевтике.....	247
4.3. Л.П.Карсавин о методе понимания «психоистории».....	262
4.4. Специфика методов исторического исследования.....	267
<i>АЛЛ. Методы исторического описания.....</i>	<i>267</i>
4.4.2. Методы исторического объяснения.....	271
<i>АЛЗ. Методы исторической оценки.....</i>	<i>278</i>
Глава V, Методология истории как система и подсистема.....	293
5.1. История как система.....	293
5.2. Система методов исторической науки и практики.....	295
5.3. Сиергетический подход к методологии истории.....	307
Заключение.....	
....	320
Литература.....	
....	322

Введение

На современном этапе общественного развития большое значение приобретает исследование методологических проблем общественных наук, в числе которых немаловажное место занимает историческая наука. Интерес к ним обусловлен рядом объективных факторов. Актуальность их определяется, прежде всего, собственными потребностями исторической науки. Необходимость осмысления новых фактов и закономерностей исторического процесса, подведения итогов предыдущего и определения перспектив последующего развития исторической науки требует постоянного совершенствования теории и методов.

Разработка философской теории, отражающей сегодняшний уровень общественно-исторической практики, анализ методологических принципов понимания сложного и противоречивого мира требуют не только увеличения исторических и теоретических исследований, но и решения методологических вопросов; каковы методы изучения истории, каков статус

и специфика методологии истории, каково ее место в системе исторического, философского и методологического знания?

Особую актуальность методологические проблемы исторического познания приобретают в современный период. В условиях реформирования всех сторон нашей жизни возрастает необходимость борьбы с негативными явлениями во всех областях нашей жизни, в том числе и в исторической науке. Одним из проявлений кризисного состояния современного общественно-научного знания, нуждающегося в коренной перестройке, является противоречие между задачами, стоящими перед современной наукой, и средствами их осуществления. В предшествующие десятилетия имеющийся в наличии методологический арсенал либо игнорировался (принципы объективности, историзма), либо искажался (принципы классового анализа, партийности). Сегодня жизнь потребовала перестройки в этой области, с одной стороны, отказа от устаревших методологических принципов; с другой - разработки новых методологических подходов, с помощью которых можно было бы решать наиболее актуальные проблемы современности. Достижение нового качества методологических исследований предполагает не только уточнение, дополнение, совершенствование методов теоретической и практической

деятельности, но и разработку философской теории метода, соответствующей нынешнему состоянию науки и требованиям общественно-исторической практики. Рассмотрение ее определяется не только потребностями познания, задачами философско-методологических исследований, в рамках которых разрабатываются философские, общенаучные и специально-научные методы, но и реальным уровнем общественного сознания, требующего синтеза философского и конкретно-научного знания. В этой ситуации проблема статуса и специфики методологии истории, ее места в системе исторического, философского и методологического знания представляется чрезвычайно актуальной.

Потребность в исследовании методологических проблем исторического

познания диктуется не только необходимостью их позитивного анализа, но и важностью аргументированной критики различных представлений об исторической науке и ее методах, отражающих сложный и противоречивый процесс развития современной методологии, наличие в ней диаметрально противоположных метафизических и диалектических, идеалистических и материалистических позиций, порождающих поляризацию методологических направлений; дивергенцию различных ориентации в рамках одних и тех же направлений; дифференциацию между различными школами и стилями в рамках одних и тех же ориентации.

Для разработки актуальнейших теоретических проблем и научной критики методологических концепций необходимо, на наш взгляд, учитывать изменения, которые произошли в понимании предмета и содержания, статуса и специфики, структуры и функций методологии истории. Чтобы учесть эти изменения, необходимо исследовать, как развивалась важнейшая проблематика методологии истории, как ведущие методологи, будучи сами не в состоянии верно решить и даже верно поставить важнейшие методологические вопросы, все-таки наметили пути их решения, знание которых позволяет сегодня найти правильное их понимание. Для этого необходима хотя бы краткая историческая справка.

Известно, что интерес к методологическим вопросам истории в конце XIX - начале XX века был проявлен во многих европейских странах: в Англии, Германии, Франции и др. В России в этот период интерес к методологическим проблемам истории

проявили специалисты многих областей общественности. В той или иной степени к методологическим вопросам истории обращались все выдающиеся философы «серебряного века»: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, К.Н.Леонтьев, А.Ф. Лосев, И.О. Лосский, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, М.М. Стасюлевич, Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский, С.Л.Франк, Л.И.Шестов, Г.Г. Шпет и др.; писатели Ф.М. Достоевский, Л.Н.Толстой, А.П.

Чехов, публицисты А.И.Герцен, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, Н.Г. Чернышевский, социологи М.М.Ковалевский, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, П.А. Сорокин, экономисты П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский и др. Но особую заинтересованность в решении проблем методологии истории проявили историки. Примером могут служить изданные в конце XIX в. работы К.Н. Бестужева-Рюмина «Методы исторических занятий», П. Бокля «Способы изучения истории», А.А. Малинина «Старое и новое направление в исторической науке», А.Н. Пыпица «Приемы исторической работы», А.И.Стронина «История и метод», Э. Фримана «Методы изучения истории». Причину повышенного внимания историков к методологическим проблемам указывал В.О. Ключевский, который считал существенным недостатком отсутствие метода пашей истории: она трудолюбива, «она многое обработала, но она сама не знает, что делать с обработанным материалом, она даже не знает, хорошо ли его обработала» (452. С. 5)¹. Стремясь преодолеть этот недостаток, историки начали разрабатывать методологические вопросы своей науки. В истории российской методологии истории, насчитывающей около 120 лет, мы выделяем три периода. Для первого периода характерно торжество классического историзма и зарождение марксистского подхода; для второго - господство марксистского подхода и появление альтернативных подходов; для третьего - отрицание марксистского подхода и утверждение неклассических и постклассических подходов. Первый период (середина 80-х г. XIX - середина 20-х г. XX в.), началом которого можно считать специальный курс «Методология русской

Далее в скобках будет указываться номер источника в списке литературы, помещенном в конце основного текста, затем том и страница.

7

истории», прочитанный В.О. Ключевским в 1884-1885 учебном году, а концом - третий том «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского, изданный посмертно в 1923 г. Оба они заложили основы методологии

истории, и их по праву можно считать основоположниками российской методологии истории.

В начале XX века к методологическим вопросам истории обращались продолжавшие или начинавшие научно-исследовательскую деятельность такие историки, как П.Н. Ардашев, Д.И. Багaley, А.С. Бубнов, В.А. Быстрянский, Р.Ю. Виппер, В.И. Герье, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.М. Лукин, П.Н. Милоков, Н.П. Павлов-Сильванский, Д.М. Петрушевский, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, Е.В. Тарле, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов, А.В. Шестаков, Е.Н. Щепкин и др. Наиболее ценными явились работы Э. Бернгейма «Учебник исторического метода», Н.М. Бубнова «Пособие по методологии истории», В.М. Хвостова «Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории», М.М. Хвостова «Лекции по методологии и философии истории», Е.Н. Щепкина «Вопросы методологии истории». Именно в этот период зародился марксистский подход, наиболее яркие приверженцы которого (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Н.И. Бухарин и др.) пытались применить к России материалистическое понимание истории.

Началом второго периода (середина 20-х гг. - середина 60-х годов XX в.) можно считать высылку на так называемом «философском пароходе» более 200 крупных ученых-обществоведов, а концом — «хрущевскую оттепель», когда началась политическая реабилитация невинно осужденных философов и историков. Высылка наиболее видных представителей российской интеллигенции началась по инициативе В.И. Ленина. 19 мая 1922 г. он направил Дзержинскому письмо, в котором изложил подробный план высылки за границу «писателей и профессоров, помогающих контрреволюции». Ф.Э. Дзержинский 6 сентября того же года в записке своему заместителю Упшлихту приказывал собрать сведения о профессорах, преподавателях и прочих интеллигентах: «На каждого интеллигента должно быть дело, Надо всегда помнить, что задачей нашего отдела должен быть не только арест или высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению

к спецам, т. е. внесения в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов без оговорок поддержать Советскую власть»

(1051. С. 142-143). Через несколько дней Ленин адресовал Сталину пространный меморандум, в котором подробно перечислял мероприятия по «окончательной очистке» России от интеллигентов, либералов и других господ, в числе которых называл историка Н.А. Рожкова («надо его выслать, неисправим») (1051. С. 143). В соответствии с этими предписаниями первая группа, состоявшая из 160 известных общественных деятелей, писателей, философов, историков, университетских профессоров, арестованных 16 и 17 августа 1922 г., была отправлена в сентябре 1922г. на немецком пароходе за рубеж. Вторая группа была отправлена 30 декабря 1922 года. Кстати, судьба многих интеллигентов сложилась по-разному. Одни, принудительно или добровольно эмигрировав, и за рубежом продолжали проводить свои исследования (например, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, П.А. Сорокин, П.Б.Струве, Н.С. Трубецкой, С.Л. Франк), а другие, оставшись в России, подверглись гонениям по идеологическим мотивам (929). Конечно, имело место и естественное выбывание, но многих репрессии вырвали из научных рядов.

В 20-х годах еще сохранялась хотя бы видимость научного подхода. Так, в 1923г. В.И. Невский (псевдоним - Кривобоков) опубликовал первые очерки по истории партии, в которых восстанавливал ретроспективу реальных исторических событий. В 1925-27 гг. С.А. Пиотковский в своих исследованиях показывал реальную роль большевиков, меньшевиков и эсеров, пытаясь объяснить, почему именно в России марксизм дал такие всходы. В 1927г. был открыт Институт Красной профессуры, в котором работали Н.М. Лукин, М.Н. Покровский, А.В. Шестаков как живые носители научного подхода. Для них исторические события, факты имели первостепенное значение, а их интерпретация - второстепенное.

На рубеже 20-х - 30-х годов началась деформация исторической науки, но особенно трагично сложились судьбы многих историков и философов в 30-40 гг. Так, уже в начале 30-х годов стали преследоваться представители

«так называемой школы Покровского» и «красной профессуры». Профессора оказались под большим прицелом еще и потому, что они читали публичные лекции перед большими аудиториями, и малейшие критические замечания их вызывали неоднозначную реакцию слушателей, среди которых к тому же оказывалось немалое количество сексотов

и «стукачей». Власти не терпели ни оппонентов, ни конкурентов. Соперничество и личные амбиции коллег выдавались за происки врагов. Идеологический монополизм обеспечивал контроль за всеми и за каждым. Не согласных с марксизмом либо уничтожали, либо изолировали от общества. Так, после смерти М.Н. Покровского в 1932г. были уничтожены все его ученики. В 1935 г. начались массовые аресты преподавателей истории в высших учебных заведениях, например, в 1935 г. были арестованы Г.С. Зайдель, И.Л. Татаров (Каган); в 1936 г. - М.С. Годес, С.А. Пионтковский, в 1937 г. - Х.З. Габидулин, П.О. Горин (Коляда), В.П. Затонский, А.Т. Мукераджи, А.С. Сванидзе, Ф.У Хо-джаев, Я.А. Яковлев (Эпштейн); в 1938 г. - П.А. Миф (Фартус Михаил), Н.И. Конрад (востоковед, проходивший по делу как «японский шпион») А.И. Стецкий; в 1939 г. - М.Д. Кокин и др. 1940 год не случайно отмечен датами смерти Н.М. Бубнова, В.А. Быстрянского, Н.М.Лукина, А.В. Шестакова. В 1949 г. по «ленинградскому делу» были арестованы преподаватели исторического факультета ЛГУ М.А. Гуковский, Н.А. Кориатовский; вынужден был скрываться В.А. Овсянкин.

С выходом в марте 1938г. Краткого курса ВКП(б), первый вариант которого был написан Н.Н. Поповым, а окончательная редакция (с добавлением печально известной четвертой главы) сделана Сталиным, начался догматизм, схематизм, идеологизированный подход. Начиная с Е.М. Ярославского (псевдоним -М.И. Губельман) стали расставлять новые акценты, перекраивать историю, писать то, что скажет Политбюро. В соответствии с его установками началась политизация истории, искусственное сужение предметных рамок. Например, была дана установка писать историю классовой борьбы, внедрялась концепция «двух вождей»

(Ленина и Сталина). Троцкий, Каменев, Зиновьев, а затем и Бухарин стали изображаться как члены наемной банды, защищавшие интересы империализма и фашизма. Трагизм положения заключался еще и в том, что оставшиеся в живых и работавшие историки вынуждены были лгать; думать одно, а говорить с трибун или писать в своих трудах другое. Ложь, автоматически срываясь с языка на лекциях и семинарах, пропитывая учебники и учебные пособия, статьи и монографии, стала непременным атрибутом жизни и работы. Истина приносилась в жертву классовым и партийным интересам. История окончательно превра-

щалась в «прокрустово ложе», внедрялись командно-административные методы. Кадры стали подбираться по сталинской указке, привлекая тех, кто удобнее, кто боялся за себя или за родственников. На протяжении нескольких десятилетий историки находились буквально на грани выживания, хотя отношение к ним со стороны властей было неоднозначным: одних хулили, других хвалили; одних сажали, других награждали; одних отправляли на казенный счет в Магадан. Караганду и другие, отдаленные от центра места, других на государственный счет посылали за границу в почетные командировки. Поэтому при оценке этого периода надо учитывать все сложности и трудности того времени. Что касается методологии истории, то марксистский подход, который в тот период был доминирующим, считался классическим, а все другие, существовавшие до него или помимо него, оценивались негативно, как буржуазные, идеалистические, метафизические. Методологические вопросы исторической науки почти совсем не разрабатывались. Насколько нам известно, в то время вышли всего две монографии: Г. Саар «Источники и методы исторического исследования» (Баку, 1930) и А.В. Шестаков «Методика исторического исследования» (Воронеж, 1929) и статья А.И. Тюменева «Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке» (1956). Дискуссии по этим проблемам долго не проводились, исключением явилась лишь дискуссия 1930 г. по вопросам, связанным с общественно-экономической формацией

(917)). Официально считалось, что методологическую роль выполняют философские и теоретические положения марксистской философии в целом, и исторического материализма, в частности. Типичным для тех лет являлось утверждение академика М.В. Нечкиной: «Методология истории - органический элемент исторического материализма, и нет нужды выделять специальную методологию исторического познания» (687. С. 226).

Но нелегально продолжали развиваться другие подходы. Так, С.Л. Франк в 1922 г. в Москве издал две книги: «Очерк методологии общественных наук» и «Духовные основы общества». Л.П. Карсавин, дважды репрессированный (в 1922 г. и в 1940 г.), умиравший в лагере от туберкулеза, продолжал писать о специфике исторического метода в духе «философии понимания». А.Л. Чижевский в 1924 г. в Калуге опубликовал книгу «Физи-

11

ческие факторы исторического процесса», явно расходившуюся с официальными взглядами на исторический процесс. Г.Г. Шпет до самого ареста занимался проблемами логики исторической науки и герменевтики. Так что, несмотря на все препоны и препятствия методологическая мысль всё-таки не затухала.

Третий период (середина 60-х по настоящее время) характеризуется возрождением интереса к методологическим проблемам исторического познания. Определенную роль в этом отношении сыграли Всесоюзное совещание историков в декабре 1962 г. и постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», в которых говорилось о необходимости дальнейшего развития методологических проблем общественных наук.

В 60-е годы инициатором выступил ректор Томского университета А.И. Данилов, позднее министр культуры РСФСР, прочитавший первый в Советском Союзе спецкурс по методологии истории и основавший сборники

«Средние века» и «Методологические и историографические вопросы исторической пауки», выходявшие с 1963 по 1985 гг. Питомцы Данилова, разъехавшиеся по всей стране, стали заведовать кафедрами, руководителями студенческих и аспирантских работ, рецензентами и оппонентами кандидатских и докторских диссертаций по методологии истории.

В середине 70-80 гг. в ряде редакционных статей газеты «Правда» (от 19 сентября 1975 г., 25 июня 1983 г. и др.) была поставлена задача совместными усилиями обществоведов создать целую отрасль исследований по методологическим вопросам общественных наук. Реализацией этой задачи явился значительный рост работ по общей методологии научного познания, в разработке которой приняли участие такие ученые, как Е.Н. Городецкий, Д.П. Горский, А.В. Гулыга, Е.М. Жуков, Б.М. Кедров, М.П. Ким, П.В. Копнин, Ф.В. Константинов, В.А. Лекторский, А.И. Ракитов, Б.С. Украинцев, П.Н. Федосеев, Ю.П. Францев, Н.П. Французова, А.П. Шептулин, В.С. Швырев и др. В их трудах рассматривались общие принципы научного познания, обобщался методологический опыт, конкретизировались философские положения применительно к историческому познанию.

Безусловно, обсуждение методологических проблем социального познания шло тогда в основном в рамках исторического

12

материализма. В работах Г.С. Арефьевой, Б.Г. Багатурии, А.Я. Вербина, Г.Г. Глезермана, Л.Ф. Ильичева, Г.Г. Караваева, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, Е.Н. Лысманкина, В.М. Межуева, Ю.К. Плетникова, В.И. Приписнова, В.П. Рожина, В.П. Тугаринова и др. ставились проблемы по *теории исторического процесса*. Наряду с разработкой общих теоретических проблем истории стали исследоваться методологические аспекты понятий «исторический процесс», «историческая реальность», «историческая эпоха», «историческое время», «историческое сознание», «историческое бытие», «историческое событие», «исторический факт», «исторический закон». Крупный вклад в разработку методологических проблем своей науки

вносили историки А.Я. Гуревич, Л.А. Дербов, В.З. Дробижев, Н.А. Ерофеев, А.П. Каждан, В.И. Ма-рушкин, В.И. Салов, А.М. Сахаров, С.Л. Утченко, Л.В. Черепнин, Е.М. Штаерман и др., в трудах которых наряду с конкретным анализом исторического материала содержались ценные положения методологического характера. Назревала необходимость в обобщении, критическом осмыслении достигнутых результатов, определении перспектив дальнейшего развития методологии

истории.

Но в эти же годы были предложены и другие подходы к исследованию методологии истории в работах О.Л. Вайнштейна, В.А. Вазюлина, Б.Г. Грушина, Н.А. Девяшина, О.И. Джигоева, В.А. Дьякова, В.А. Ельчанинова, В.В. Иванова, Г.М. Иванова, Н.Г. Козина, И.Д. Ковальчепко, И.С. Кона, В.В. Косолапова, Б.Г. Могильницкого, В.Н. Орлова, К.Д. Петриева, Б.Ф. Поршнева, А.А. Порка, Н.И. Смоленского, А.И. Уварова и др. Существенный вклад в разработку методологических проблем внесли О.Л. Вайнштейн, В.А. Дьяков, В.П. Красавин, Л.Н. Хмылев, проанализировавшие развитие методологии истории в русской и зарубежной философской и социологической литературе.

Существенное значение имели широко развернувшиеся в этот период исследования по *теории исторического познания*. В трудах А.В. Гулыги, В.В. Иванова, Г.М. Иванова, Н.Г. Козина, Б.Г. Могильницкого, В.И. Мишина, А.С. Морозова, Е.П. Никитина, Ю.В. Петрова, Л.Н. Пушкарева, С.П. Сайко, Г.Ч. Синченко, С.В. Синякова, Н.И. Смоленского, М.Н. Терешко, А.И. Уварова, Ю.Н. Шевченко и др. рассматривалось соотношение объекта и субъекта в историческом познании, проблемы истори-

ческой истины, исторического знания, исторического источника, исторического факта, исторической теории.

Ценным вкладом в методологический анализ явились работы по *теории исторического исследования* Б.Г. Грушина, В.С. Егоровой, М.В. Егоровой, И.С. Кона, В.В. Косолапова, Е.П. Никитина, В.Н. Орлова, А.А.

Порка, А.И. Ракитова, В.П. Фомина и др. В них содержался анализ исторического исследования в целом и отдельных логических процедур: исторического описания, исторического объяснения, исторической оценки. Новейшие научно-технические достижения стимулировали интерес к применению в исторических исследованиях ЭВМ, кибернетики (Ю.А. Полетаев, В.А. Устинов), математических моделей (Ю.Л. Бессмертный, А.С. Гуссейнова, М.П. Завьялова, Ю.А. Левада, Б.Н. Миронов, Н. Моисеев, Ю.Н. Павловский, З.В. Степанов, Т.И. Славко, К.В. Хвостова), статистических и количественных методов (В.В. Бовар, Л.И. Бородин, Ю.Ю. Кахк, И.Д. Ковальченко, В.Е. Полетаев, Ю.А. Поляков, Н.В. Сивачев, А.К. Соколов, А.В. Устинов и др.). Рассматривался междисциплинарный подход в статьях К.С. Гаджиева, Э.М. Мирского, Н.В. Сивачева. Шла также традиционная разработка методик исторического исследования (А.Г. Задера, А.П. Пронштейн, А.В. Санцевич).

Однако многие фундаментальные проблемы методологии истории оставались еще не решенными или дискуссионными.' Поэтому в 70-е гг. развернулась дискуссия о предмете методологии истории, ее возможностях и границах (294, 609). Наиболее спорными оказались вопросы: является методология истории частью исторической науки, частью философии или же самостоятельной научной дисциплиной. В ходе дискуссии обнаружилось, что традиционное содержание и понятийный аппарат методологии истории не охватывают всех философских аспектов ее проблематики. Хотя большинство авторов придерживалось позиции о включении в состав методологии истории одновременно исторического и философского знания, но проблема во многом оставалась не решенной. Вследствие этого ни предмет, ни границы методологии истории не были четко определены и достаточно обоснованы.

В 80-х гг. ситуация существенно изменилась. Появилось не только большое количество монографий по методологии истории М.А. Барга, Е.М. Жукова, В.В. Иванова. А.М. Коршунова, Ю.В. Петрова, А.И. Уварова, В.Ф. Шаповалова и др., но возник-

ли также качественно новые концепции ее понимания. Появились нюансы в определении понятия «методология история», в истолковании ее философского статуса и специфики, в определении задач ее философской интерпретации. Главным предметом последующих дискуссий явились вопросы, чем должна заниматься методология истории, каковы ее общие и особенные черты, каково ее соотношение с уже сложившимися историческими и философскими дисциплинами.

В начале 90-х годов были опубликованы сочинения казалось забытых русских философов Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бухарина, И.А. Ильина, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, С.Н. Федорова, А.С. Хомякова, П.Я. Чаадаева и др., а также реабилитированных философствующих историков: Л.Н. Гумилева, Л.П. Карсавина, Н.И. Конрада, А.Л. Чижевского, Г.Г. Шпета и др. Были переведены на русский язык монографии иностранных авторов: Т. Адорно, р. Арона, Д. Белла, Г. Гадамера, А. Данто, Р. Коллингвуда, К. Погшера, П. Рикера, Ж-П. Сартра, А. Тойнби, Дж. Тоша, Э. Трельча, Х. Уайта, Л. Февра, Ф. Фукуя-ма, М. Хайдтгера, И. Хейзииги, Э. Хобсбоума, О. Шпепглера, К. Ясперса и др.

В середине 90-х гг. вошла в моду историческая синергетика. В работах А.Ю.Андреева, Л. И.Бородкина, С.Г. Гомаютюва, Г.П.Григорьевой, М.И.Левандовского раскрывалась сущность и значение исторической синергетики. В монографиях И.В.Бестужева-Лады, В.П.Браиского, М.С.Кагана, Ю.М.Лотмапа, А.П. На-заретяна стал разрабатываться синергетический подход к изучению истории. В начале XXI века началось активное обсуждение постпклассических подходов к изучению истории: цивилизационного и антицивилизационного, модернистского и постмодернистского, глобалистского и антиглобалистского подходов (ТВ. Анкерсмит, И.Л. Бородин, О.Г. Дука, А.В. Иванов, С.А. Клишина, Н.Н. Козлова, И.Ф. Лиотар, Б.Г. Могильницкий А.А. Мо-Рев, В.П. Милецкий, В.М. Найдет, Ю.В. Павленко. Л.И. Репина, О.Ф. Русакова, К.Е. Сигалов, В.Л. Усманова, В.Г.

Федотова, П.Н. Хмылев, Г.Д. Чесноков и др.). В статьях А.В. Будницкого, А.В. Бузгалипа, Ю.И. Игрицкого, В.Л. Иноземцева, В.И. Панти-^{На} Н.Б. Шулевского и др. рассматривались проблемы вестернизации, глобализации, модернизации, терроризма. На рубеже веков появилось большое количество монографий и

15

учебных пособий по теории и философии истории (И.А. Гобозов, В.В. Иванов, А.А. Ивин, В.В. Ильин, Е.А. Карцев, Ю.А. Ки-мелев, В.Ф. Коломийцев, М.А. Кукарцева, Г.Г. Лукава, М.В. Ма-сарский, Е.Е. Михайлова, А.С. Панарин, Т.В. Панфилова, Н.С. Розов, В.А. Салин, С.Н. Семенов, Е.М. Сергейчик и др.), по русской философии истории (А.Ф. Замалеев, В.В. Зеньковский, И.И. Евлампиев, А.В. Малинов, О.Б. Леонтьева, Л.И. Новикова, С.Н. Погодин, И.Н. Сиземская и др.) и по методологии истории (М.П. Лаптева, О.М. Медушевская, И.Д. Парфенов, С. Пскарчик, А.С. Попов, М.Ф. Румянцева, О.Ф. Русакова, В.Г. Федотова и др.). Все работы названных авторов носили, как правило, обобщающий характер, а известно, что фундаментальность любого научного исследования зависит от обобщения результатов исследования в той или иной области знаний, объединенных единой концептуальной связью. Между тем в области истории разработка методологических проблем относилась только к отдельным ее сторонам: историческому процессу, историческому знанию, историческому исследованию, историческому методу. Соответственно, методология истории сводилась либо к теории исторического процесса, либо к теории исторического знания, либо к теории исторического исследования, либо к теории исторического метода, т. е. исследовались отдельные аспекты, а целостная картина отсутствовала. Специальных философских работ, трактующих методологию истории как систему, не было. Возникал определенный разрыв между исследованиями отдельных аспектов методологии истории и их философской систематизацией. В диссертации автора на тему «Методология истории в системе исторического и

философского знания» эти проблемы являлись предметом специального анализа; был обоснован системный анализ методологии истории, ее целостность и значимость, выявлена ее интегративная роль в познании.

Но сегодня уже недостаточно простой систематизации. Успех любого методологического исследования стал зависеть от решения таких принципиальных вопросов, как выяснение теоретических и философских оснований методологии истории, анализ особенностей генезиса методологии истории, закономерностей и тенденций ее развития, структуры и функционирования, совместного действия основных методологических направлений. Эти проблемы рассматривались, главным образом,

16

в области естественнонаучных исследований, а применительно к историческому познанию анализ указанных проблем проводился очень мало. Уточнения специфики решения этих проблем в методологии исторического познания не предпринималось. В настоящей работе эта задача выдвигается на первый план.

Главная цель настоящего исследования - не только обосновать системный характер методологии истории, установить ее место в структуре современного исторического, философского и методологического знания, но и выяснить теоретические и философские основания методологии истории, ее связь и зависимость от теории исторического процесса, теории исторического знания, логики исторического исследования, показать их синергетическое воздействие на методологию истории. Это предполагает решение ряда конкретных задач, среди которых можно выделить следующие:

- обосновать системный характер методологии истории, обусловленный ее сложным процессом развития и целостностью многоуровневой структуры;

- раскрыть сущность и значение ведущих философских подходов к изучению истории, обозначив их связь и возможность максимального использования каждого из них; показать синергетическое, совместное их

взаимодействие;

- определить место методологии истории в системе философского знания, показав ее связь с философией истории, теорией исторического процесса, теорией познания, логикой научного исследования, аксиологией и праксологией;

- установить место методологии истории в системе исторического знания, указав на ее связь с исторической наукой, историографией, источниковедением;

- установить место методологии истории в системе методологического знания, раскрыв ее связь с историческим методом, методикой исторического исследования, с общей методологией и специальными методологиями естественно-научного и гуманитарного знания;

- в соответствии с общенаучным, универсальным характером принципа историзма обосновать общенаучный, универсальный характер исторического метода и методологии истории;

- раскрыть сущность и значение исторического подхода к методологии истории.

2 Зак.253

17

Задачами и целями данного исследования определяется структура монографии, состоящей из введения, пяти глав, заключения и литературы, насчитывающей более тысячи наименований. В первой главе определяется статус, генезис и структура методологии истории; доказывається ее философско-исторический характер; во второй - выясняются онтологические основания методологии истории, ее связь с философией истории и теорией исторического процесса; в третьей - раскрываются гносеологические особенности методологии истории, ее связь с общей теорией познания и теорией исторического знания; в четвертой - прослеживается связь методологии с логикой исторического исследования и герменевтикой, в пятой - рассматривается системный характер методологии истории, ее связь с

методологией практической деятельности; определяется место методологии истории в структуре исторического, философского и методологического знания, ставится вопрос о применимости синергетического подхода к методологии истории. В заключении подводятся итоги проделанной работы.

Глава I

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ КАК ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

1.1. Соотношение понятий «исторический метод», «методика исторического исследования», «методология истории»

Трудности исследования методологической проблематики в определенной степени связаны с отсутствием однозначных определений понятий «метод», «методика», методология». Обобщая материалы дискуссий последних лет, мы констатируем произвол в употреблении указанных понятий, многозначность терминов, отсутствие строго научного определения понятий «метод», «методика», «методология», отождествление методологии истории с методом (общим или частными) и с методикой исторического исследования. В специальной литературе встречается множество дефиниций, авторы которых в одних случаях смешивают указанные понятия, в других - противопоставляют их. При смешивании в эти понятия вкладываются различное по количественным и качественным характеристикам содержание, в результате чего возникает не только терминологическая путаница, но и теряется сущностная определенность понятий, о которых идет речь. Поскольку это касается многих авторов, то это нельзя объяснить их лингвистической некомпетентностью. Трудности, связанные с исследованием данных понятий в том или ином контексте, определяются часто той полисемантичностью, полиструктурностью, полифункциональностью, которую они приобрели в процессе познания.

Полисемантичность указанных понятий связана, прежде всего, с

многозначностью слова «метод» в научной терминологии. В определении этого понятия в специальной литературе

о*

19

встречаются большие разночтения. Так, одни авторы выводят метод из закономерностей изучаемого объекта и определяют его через принцип или систему принципов; другие - связывают метод с познанием, понимая под ним не только процесс, но и результат; третьи - отождествляют метод с действием (922. С. 6). Наличие подобных дефиниций метода в какой-то степени объясняется его полифункциональностью, порождающей его трактовку то как способа изучения реальной действительности, то как приема получения знания, то как способа интерпретации фактов, то как метода преобразования мира. Например, по мнению В.В. Косолапова, «в историческом исследовании метод - это путь познания, опирающийся на совокупность философских, общенаучных и общеисторических знаний и принципов, в которых суммированы итоги многовекового изучения исторической реальности» (503. С. 354-355). В.И. Столяров под методом понимал «некоторое отдельное действие или совокупность упорядоченных, связанных между собой действий (операций), применяемых для решения определенных познавательных целей (метод от греч. *methodos* - исследование, прослеживание» (922. С. 5).

Полисемантность, полиструктурность и полифункциональность понятия «метод» наложили отпечаток на понятие «исторический метод», которое усугублялось также многозначностью терминов «история», «исторический». Известно, что в марксистской литературе они употреблялись в трех основных значениях: как синоним всякого естественного процесса развития (550. Т. 20. С. 91, 137, 366); как синоним социального (общественного) развития, т. е. того же процесса развития, только применительно к обществу (550. Т. 18. С. 357) и как синоним рассмотрения предмета исторически, т. е. в связи с другими, в связи с

конкретным опытом истории (600. Т. 46. С. 449). В функциональном отношении, когда дело касалось исторического метода, в одном случае¹ речь шла о предмете исторической науки - историческом процессе; в другом - о методе исторического познания, в качестве которого выступал не только метод собственно исторической науки, но и метод некоторых естественных наук, таких как геология, биология, зоология, и метод многих общественных наук (лингвистики, психологии, правоведения и др.), имеющих своим объектом историческую реальность, отличающуюся от современного состояния объекта: в третьем - об историческом ис-20

следовании, противоположном теоретическому (соотношение исторического и логического, исторического и социологического); в четвертом - об историческом методе, противоположном структурно-функциональному подходу.

Проблема исторического метода, его статуса и специфики, его места в системе других методов научного познания, относится к числу актуальнейших проблем методологии истории. Актуальность ее определяется в значительной степени тем, что она перерастает рамки академических интересов и получает практическое значение в современной жизни. В настоящее время эта проблема переживает как бы второе рождение. Повышенный интерес к историческому методу наблюдается в зарубежной философии и методологии науки. Показателем является неозволюционизм в этнографии (Дж. Стюарт, Д. Уайт), исторической психологии (Ж.П. Бернан, А. Мандру, И.М. Мейерсон), исторической социологии, исторической демографии, исторической лингвистике. На первый план выдвигается так называемая «историческая школа в методологии наук», представленная такими именами, как Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейсрабенд, П. Хэнсои и др. Возрождение интереса к историческому методу обусловлено многими причинами, в числе которых и желание историков дать строгое обоснование методу своей науки, претерпевшему значительные изменения, и стремление

противопоставить марксистскому пониманию исторического метода новое понимание его.

В российской методологической литературе исторический метод также становился предметом специального рассмотрения в трудах М.А. Барга, Г.А. Подкорытова, Н.И. Смоленского, В.И. Столярова, Н.П. Францужовой и др. Хотя диапазон понимания исторического метода велик: от отождествления его с диалектическим методом до ограничения эмпирическим описанием хронологической последовательности конкретных исторических событий, но однозначного определения пока не выработано. Имеет место одностороннее определение его либо как метода изучения истории, либо как метода получения исторических знаний, либо как метода исторического исследования. Например, М.А. Барг под историческим методом понимал «подходы к изучению соответствующих проблем, способы препарирования свидетельств исторических источников» (44. С. 4). В.И. Столяров определял исторический метод как «метод решения задач, встающих

21

в ходе познания какого-либо предмета, путем воспроизведения, т. е. путем получения знаний об его истории» (922. С. 6); Н.П. Францужова определяла его как «анализ следов прошлого, выяснение границ определенных систем, установление преемственности их и дискретности этапов развития, а, следовательно, и выяснения причин смены этих этапов» (1003. С. 49).

Понятие «исторический метод» считается центральным ядром понятия «метод исторической науки», которому уделяется большое внимание в современной методологической литературе. Помимо них часто употребляются понятия «метод истории», «метод исторического познания», «метод исторического исследования», которые различаются по структурно-функциональным характеристикам. Комплексный анализ методов, применяемых в исторической науке, позволяет дать предметную характеристику методологии истории. Однако методология истории не может быть

сведена ни к методу, даже самому общему, ни к сумме их. Методология и метод не совпадают, как не совпадают предмет науки и сама наука. Соотношение метода и методологии выступает как частный случай соотношения предмета и науки. Точка зрения, что методология есть наука о методе, а метод является предметом данной науки, находит все большее признание в методологической литературе. Так, болгарские философы Г. Гир-гинов и М. Янков совершенно справедливо утверждали: «Методология не включает методы, а превращает их в предмет исследования. Метод является предметом интерпретации в методологий» (161. С. 127). На этом основании необходимость их различия обусловлена и в идеологическом плане. Метод может быть (а может и не быть!) нейтральным, а его интерпретация, учение о нем в обществе, раздираемом различными противоречиями, не может быть нейтральным.

По аналогичным причинам методология истории несводима к методике. Термин «методика» употребляется в трех разных, хотя и близких друг у другу смыслах:

а) совокупность методов, применяемых в той или иной сфере деятельности, перечень операций, приемов, указаний последовательности действий, например, методика исследования, методика преподавания, методика изготовления чего-либо и т. д.;

б) знание об эмпирических методах, например, о методах критики исторических источников, констатации исторических фактов;

22

в) эмпирическое знание о методах, т. е. описательная характеристика методов.

Хотя методология истории невозможна без всех этих эмпирических методик, но сама она несводима ни к одному из этих значений. В первом случае методика означает совокупный метод деятельности и, как предмет исследования, не может быть отождествлена с методологией истории по

причинам, рассмотренным выше. Во втором случае методология истории включает в себя знание об эмпирических методах, но не только о них, и не сводится к ним так же, как и в первом случае. Предметом методологии истории является целая система методов (эмпирических и теоретических, частных и общих, научных и философских), и потому содержание методологии истории всегда шире содержания методики исторического исследования. В третьем случае методология истории включает в себя эмпирическое знание о методах, но не сводится к нему. Будучи сложной системой научного знания, методология истории имеет сложную структуру, включающую наряду с эмпирическим еще целый ряд других уровней. В целом же методология истории определяется не только структурой методов, но и структурой методологического знания.

Современному уровню разработки понятия «методология истории», несмотря на возросшую его популярность свойственен ряд недостатков:

1) отсутствие однозначного определения понятия «методология истории», произвол и многозначность в его употреблении;

2) отождествление понятий «методология истории», «методология исторического познания», «методология исторического исследования»; отсутствие четкого установления их границ и содержания;

3) чрезвычайно узкое поэлементное понимание предмета методологии истории и соответствующее сведение методологии истории либо к учению о специальных, конкретных, эмпирических методах, либо к учению о теоретических и философских методах;

4) ограниченное понимание структуры методологического знания, сведение методологии истории к одному из уровней методологического анализа: к эмпирическому описанию стихийно возникающих методов или к теории методов; примером последнего является дефиниция О.Л. Вайиштейна: «Марксистская

методология истории может быть рассматриваема как теория методов, применяемых в историческом исследовании; теория, анализирующая специфику каждого метода, его связи с другими методами и их взаимодействие в рамках единой системы методов» (105. С. 210-211);

5) одностороннее понимание философских оснований (функций, сторон, частей) методологии истории, сведение ее к одной из функций философии: онтологии, гносеологии, логике, аксиологии;

б) сведение методологии истории к одной из исторических теорий, в частности, отождествление ее а) с теорией исторического процесса, с историческим материализмом (408, 820);

б) с теорией исторического познания, например, по определению Л.Н. Хмылева, «Методология истории представляет собой теоретическое осознание основных закономерностей, принципов, сторон исторической науки, ее основным содержанием является проблематика теории исторического познания» (1033. С. 3);

в) с теорией исторического исследования, например, Н.И. Смоленский полагал, что «методология истории есть область исторической науки, в которой процесс конкретного исторического исследования осознается теоретически, учение о методах исторического исследования» (622. Вып. 10. С. 17).

7) сведение методологии истории к конкретно-научному знанию о методе, к учению о «чистом методе», к «чистой методологии».

Все названные точки зрения, безусловно, имеют свои исторические корни. Чтобы уяснить их, необходимо проследить, как постепенно складывалось современное представление о методологии истории, как многие историки и философы пытались дать ее обоснование, не вполне в этом преуспели, но все-таки создали условия для правильного понимания ее статуса и специфики.

1.2. Проблема статуса методологии истории

По вопросу о статусе методологии истории в нашей литературе в последние десятилетия четко обозначились три точки зрения. Выразители первой считали методологию истории частью философии и, боясь нанести ущерб последней, выступали против выделения методологии истории из философии, полагая не-

24

правильным и даже вредным дробление единой марксистско-ленинской теории на специальные области (398. С. 226).

Вторую точку зрения разделяли те ученые, которые считали методологию истории частью исторической науки (398. С. 150). Они отождествляли методологию историю со всей исторической наукой или с ее отдельными областями (историографией, источниковедением) и возражали против выделения методологии истории в самостоятельную дисциплину, поскольку это, по их мнению, либо поставит ее вне или над исторической наукой, что приведет к разрыву между методологией и самой исторической наукой, либо существенно обеднит каждую из них.

Представители третьей точки зрения (В.В. Косолапов, Н.Н. Маслов, Б.Г. Могильницкий и др.), не сомневаясь в правомерности связи методологии истории, с одной стороны, с философией, с другой - с исторической наукой, признавали все же необходимость существования методологии истории в качестве специальной, относительно самостоятельной научной дисциплины. Примером может служить дефиниция киевского философа В.В. Косолапова: «Специальная методология истории - это наука о методах исторического исследования, теория практики их использования в исторических исследованиях» (503. С. 51).

Нельзя не отметить, что в спорах по вопросу о статусе методологии истории часто не учитывались история вопроса и те изменения, которые произошли в понимании статуса и специфики методологии истории. Причиной различного понимания статуса методологии истории является тот

факт, что до недавних пор учение о методе было вплетено в систему либо исторического, либо философского знания. Философия истории решала одновременно онтологические, гносеологические, логические и методологические проблемы, из общего познавательного образа выводилась направленность познания. Выделение методологии истории из числа других исторических и философских дисциплин, становление ее как относительно самостоятельного учения, было осуществлено позднее.

Становление и функционирование методологии истории представляет собой сложный противоречивый процесс, являющийся частью общего процесса дифференциации и интеграции научного знания. В этом процессе четко прослеживается ряд тенденций, анализ которых позволяет понять методологию истории

25

как исторически сложившуюся и сегодня существующую область исторической и философской мысли. Важно только учитывать, что ни одна из них не возникла произвольно, каждая из них была исторически обусловлена и соотносилась с потребностями исторической науки и общественно-исторической практики.

На проблему становления методологии истории уже обращали внимание В.А. Дьяков, В.В. Косолапов, В.П. Красавин, Б.Г. Могиль-ницкий и др. Специальные исследования этому процессу, характерному для западно-европейской и российской историографии конца XIX - начала XX в., посвящали О.Л. Вайнштейн и Л.Н. Хмылев. Рассматривая процесс становления методологии истории в российской историографии конца XIX - начала XX в., Л.Н. Хмылев анализировал только один путь — становление ее в рамках исторической науки: «Методология истории формировалась в России как одна из отраслей исторической науки и в этом ее специфика по сравнению с философией истории и социологией» (1032. С. 76).

Спору нет, необходимость создания специальной методологии истории диктовалась, прежде всего, развитием и функционированием самой

исторической науки. В этом смысле генезис методологии истории совпадает с генезисом исторической науки. Многие методологические вопросы, касающиеся способов понимания исторических событий, приемов получения исторических знаний, методов описания, объяснения и оценки исторических фактов, ставились во все времена, начиная с античной истории и кончая новейшей.

Вначале же познание истории шло стихийно, неосознанно, методы определялись эмпирически, путем проб и ошибок. Потребность в самостоятельной разработке методологических проблем возникла не сразу, а позднее, на более развитых ступенях исторического познания. Первоначальные сведения об историческом методе и методологии истории накапливались внутри исторического знания и содержались в них имплицитно, не складываясь в самостоятельную, законченную систему знаний. Так, сведения об историческом методе накапливались в следующих областях исторического знания:

- в рамках *исторической науки* историки разрабатывали способы изучения исторических событий, описания различных сторон общественной жизни, констатации роли великих личностей в истории;

26

- в рамках *источниковедения* анализировались приемы работы над историческими источниками, разрабатывались методы внешней и внутренней критики исторических источников;

- в рамках *историографии* рассматривались способы получения исторических знаний, способы верификации и фальсификации исторических фактов и теорий, критерии их истинности и правильности.

Связь методологии истории со всеми этими дисциплинами отразилась в бытующей до сих пор терминологии: «методология исторической науки», «методология источниковедения», «методология историографии». Однако в скором времени этот уровень перестал удовлетворять требованиям развивающейся исторической науки; она потребовала разработки

самостоятельного учения о методе. Возникновение такой потребности - явление закономерное на зрелых стадиях развития науки: чем более сложен и развит уровень познавательной деятельности, тем нужнее анализ методологических средств. Известно, что метод - орудие развитой науки, проникшей в существенные связи и отношения своего предмета исследования, познавшей законы его развития, структуры и функционирования и пригодной для использования теоретических положений ее для преобразования действительности.

Необходимость осмысления исторического метода объяснялась также особым интересом к нему со стороны всего обществознания. Интерес к нему привел к значительным изменениям во многих сферах исторического сознания. Появились определения истории как метода (865. С. 5). Произошли изменения в теории и философии истории. Целый ряд историков обратился к анализу исторического метода в разного рода вводных курсах к истории (Д.И. Багалей, А.М. Большаков, Э. Бернгейм, Л.А. Дербов, С.П. Мельгунов и др.).

Как отмечает большинство исследователей, конституирование методологии истории в специальную историческую дисциплину произошло в начале XX века, когда под названием «Методология истории» вышли книги Н.М. Бубнова, А.С. Лап-по-Данилевского, Е.Н. Щепкина. Н.М. Бубнов - один из первых дал этимологическое определение метода и методологии истории: «Методология - слово греческое. Происходит от слов *logos* — наука, речь и *methodos*. Метод — это прием или совокупность

27

умственных приемов для установления фактов. Методология истории есть наука о тех приемах, при помощи которых историк устанавливает свои истины» (89. С. 22). Ценным в таких дефинициях было не только определение исторического метода, но и установление предмета и границ методологии истории, места ее в системе других исторических дисциплин. Вместе с тем в таком понимании предмет методологии истории сводился к

частным методам исторической науки, а методология истории квалифицировалась как элемент исторического знания, как одна из исторических дисциплин, которую интересовал опыт исторического познания вообще. Содержание методологии истории часто сводилось к методам работы над историческими источниками и фактами, а сама она отождествлялась с методиками исторического исследования, лучшими образцами которых являются методики С.Н. Быковского, А.Г. Задеры, А.П. Пронштейна, А.В. Санцevi-ча, А. Шестакова.

Таким образом, возникнув на довольно зрелых стадиях развития исторической науки, методология истории конституировалась в относительно самостоятельное учение, имеющее свой предмет исследования, свою историю и логику развития. В ее задачи входило изучение методов, применяемых в исторической науке, их классификация и систематизация. С выделением методологии истории в специальную историческую дисциплину появилась граница, отделяющая методологические вопросы исторической науки от конкретно-научных. Эта граница относительна, подвижна, тем не менее она есть, и ее нельзя игнорировать. С появлением этой границы методология истории, содержащая не только мировоззренческую систему взглядов, но и представляющая определенную научную и учебную дисциплину, получила определенный статус в специальной литературе.

Становление методологии истории как относительно самостоятельной исторической дисциплины отвечало некоторым практическим запросам российского общества и явилось закономерным результатом научного поиска, следствием дифференциации исторического знания. Проблемы методологии истории вытекали из потребностей эпохи, из внутренней логики развития исторической науки и ее теории познания. Поэтому становление методологии истории как относительно самостоятельной исторической дисциплины было социально обусловлено, соот-

Это был несомненно прогрессивный шаг в науке, сопровождавшийся качественными изменениями в развитии методологических учений: были поставлены многие вопросы, решение которых способствовало развитию и самой исторической науки, и ее методов.

Однако с самого начала учение об историческом методе носило ограниченный характер. Останавливаясь на описании методов, применяемых в исторической науке, не поднимаясь до их теоретического обобщения и объяснения, до понимания закономерностей их развития и функционирования, методологический анализ был, по существу, эмпирическим. Такой уровень, конечно, не случаен и имел свое историческое оправдание. Констатация методов - необходимый уровень методологических исследований, являющийся базой для других, более высоких уровней. Но описание методов, достаточное для начального этапа методологических исследований, становилось совершенно недостаточным для более высокого уровня развития исторической науки и ее методологии. Укажем на четыре основных недостатка этого уровня методологии истории:

а) ограниченное понимание предмета методологии истории, редукция ее к методу, к методике исторического исследования, к совокупности технических приемов внешней и внутренней критике исторических источников;

б) отрыв от теории, узкая интерпретация структуры методологического знания, сведение ее к эмпирическому уровню, к описанию познавательных, исследовательских приемов;

в) отрыв методологии истории от философии истории, сведение ее содержания к конкретно-научному знанию о методе;

г) отрыв методологии истории от философских оснований (онтологии, гносеологии, логики, аксиологии, праксеологии), сведение ее к учению о методах исторической науки.

Вследствие указанных недостатков тогдашняя методология истории так и не приобрела подлинно научного статуса. Более того, се

существование, даже не достигшее кульминационной стадии развития, было поставлено под вопрос. Начались даже разговоры о кризисе методологии истории, якобы не отвечавшей запросам исторической науки. Основанием служило осознание того факта, что в пределах конкретной пауки невозможно реше-

29

ние вопроса о предмете и границах ее методологии. Традиционное содержание и понятийный аппарат исторической науки не могли охватить всех аспектов методологической проблематики и дать удовлетворительных результатов. Пытаясь разрешить внутренние противоречия своей науки, историки не могли справиться с требованиями сложного методологического анализа. Называя методологией всякое учение о методах, включая методики, процедуры отбора и обработки информации, они шли не от философского, а от обыденного понимания методологии

истории.

Как уже говорилось, методология истории не сводима ни к методу, ни к методике. Указанные понятия тесно связаны, но не тождественны ей. Будучи сложной системой знания, методология истории выступает как некая теория, включающая знания о принципах, законах и методах исследования как общих, обязательных для всех наук, так и особенных, опирающихся на теорию (теорию исторического процесса, теорию исторического знания, теорию исторического исследования, теорию исторического метода) и практику исторических, историографических и источниковедческих исследований. Включая эти уровни, образующие единое устойчивое целое, методология истории выступает как сложная многоуровневая система, обладающая сложной структурой. Будучи полиструктурной и полнфункциональной системой, методология истории синтезирует указанные уровни, каждый из которых сам выступает как подсистема. Не совпадая ни с одним из указанных уровней, методология истории и не сводится ни к одному из них. Специальный анализ методов, применяемых в исторической

науке, позволяет дать предметную характеристику ее, но не более того.

Итак, анализ становления методологии истории в рамках исторической науки позволил сделать следующий вывод; сложный и противоречивый процесс становления методологии истории является частью общего процесса дифференциации и интеграции современного научного знания. Появившись в качестве специального учения о методах, применяемых в исторической науке, методология истории в конце XIX - начале XX в. конституировалась в относительно самостоятельную дисциплину, имеющую свой предмет исследования, свою историю и логику развития. В ее задачи входил, прежде всего, анализ методов,

30

применяемых в исторической науке, классификация и систематизация их. Но в пределах исторической науки с присущим ей концептуальным аппаратом невозможно обоснование самостоятельности и специфических задач методологии истории.

Достигнув большого искусства в практике конкретно-исторических исследований, историки, как правило, не были искушены в философской рефлексии или пытались обосновать свои методы с помощью ненаучной философии. На это справедливо указывал ГГ. Шпет: «Для суждения о философском и логическом значении своей науки у специалиста - ученого нет ни нужной опытности в философской рефлексии, ни даже нужного запаса философской и логической терминологии» (1089. С. 449). Избежать вышеназванных недостатков, как справедливо полагали сами исследователи конца XIX - начала XX в., можно было лишь на основе творческого содружества историков с философами. Так, М.М. Хвостов писал: «Тут призваны работать рука об руку и историки, и философы. Первые должны внести сюда привычку к анализу конкретного исторического материала, сознательный эмпиризм, отличный от прежнего эмпиризма, «инстинктивного»; вторые принесут пользу своей привычкой возвышаться над определенной группой явлений и применять к анализу этих явлений

общие теоретико-познавательные принципы» (1023. С. 794-795). По его мнению, влияние философских идей на исторические исследования имело место уже в античности, но «..лишь с 80-х годов прошлого века начинает отчетливо обозначаться поворот в отношении философии истории и самой исторической науки, особенно возрос интерес к этим проблемам в среде профессиональных историков в 90-х годах XIX века» (1023. С. 793). Таким образом, благотворное влияние на становление и развитие методологии истории оказала также философская методология. Философия здесь не являлась любовью к мудрости и не была украшением эрудиции историков, а расставляла должным образом акценты в подходах к изучению истории. Поскольку в задачу методологического анализа стало входить не только изучение применяемых в исторической науке методов, но и использование уже имеющихся теорий, принципов мировоззрения, законов общественного развития, философских категорий, задача обоснования самостоятельности и специфических возможностей методологии истории могла быть решена только на философском уровне.

31

Развиваясь внутри философского знания, методологические проблемы первоначально не выделялись из массы философских вопросов. Типичным являлось синкретическое неразделение философии и методологии истории, сведение последней к философии в целом, или к отдельным ее частям. Например, по мнению С.Л. Франка, «методология общественных наук есть социальная философия» (997. С. 10), Однако постепенно, в связи с развитием философского и методологического знания, появилось стремление выделить из философии методологические вопросы в относительно самостоятельную область знания. В огромной степени этому способствовал процесс дифференциации философского знания, внутри которого образовывались новые дисциплины, в числе которых была и методология. Дедукция общих методологических принципов на конкретные области исследования приводила к образованию специальных дисциплин: методологии

естественных наук и методологии общественных наук, первоначально носившей общее название «методология истории». К числу специальных методологий относилась и методология исторической науки.

Таким образом, становление методологии истории было обязано действию двух тенденций: одна была связана с описанием того, что делается в практике исторических исследований, с обобщением методологического опыта профессиональных историков, другая - с применением философской методологии к конкретным историческим исследованиям. Кстати, эти две тенденции прослеживаются и в современной зарубежной методологии истории. Так, английский историк Э.Дж. Хобсбоум определял задачи методологии истории в русле первой тенденции: «В настоящее время, по-видимому, решение этой задачи сводится к наблюдению за тем, что мы делаем, обобщению и корректировке нашей практики в свете проблем, вырастающих из наших исследований» (1040. С. 306). Канадский философ У. Дрей более склонялся ко второй: «...я не стал бы ограничивать задачу философа простым *описанием* того, что делается в практике исторических исследований...от философа мы ожидаем скорее рациональной перестройки практики, чем ее копирования» (993. С. 40).

Таким образом, в силу действия этих двух тенденций методологическими вопросами исторической науки занимались одновременно и историки, и философы, но граница методологиче-

32

ских исследований определялись не столько профессиональным статусом исследователей, сколько различным пониманием путей развития методологии истории: работа историков, как правило, носила индуктивный характер: они давали описание приемов работы над историческими источниками, констатировали отдельные способы исследования исторических фактов, поднимаясь в тех или иных случаях до специального анализа методов в разного рода вводных курсах; работа философов носила дедуктивный характер, сводясь к распространению общих философских

положений на конкретные области знания. С учетом этой двойной «подчиненности» методологические вопросы исторической науки решались, с одной стороны, на уровне исторического знания, с учетом достижений не только самой исторической науки, но и таких ее специальных областей, как историография, источниковедение и целого ряда вспомогательных исторических дисциплин; с другой стороны, для решения методологических проблем исторической науки привлекались не только традиционно философско-методологические положения, но и специальная науковедческая литература, содержащая анализ организации науки, факторов, поддерживающих или препятствующих становлению дисциплинарной структуры методологии истории (П.П.Гайденов, С.Г. Кара-Мурза, Э.М. Мирский, В.Г. Федотова и др.).

Итак, возникнув на «стыке» двух дисциплин - истории и философии, методология истории представляет собою промежуточную область знания, своего рода междисциплинарное исследование, не сводимое ни к истории, ни к философии, хотя содержание ее, естественно, определяется содержанием и истории, и философии. Поэтому в структуре методологии истории одновременно присутствуют два уровня: исторический и философский. К сожалению, до сих пор проблема тождества и различия этих уровней остается малоизученной и дискуссионной. Противопоставление в ходе дискуссий исторического и философского уровней методологии истории является результатом односторонней рефлексии и некритической приверженности метафизическим посылкам. Абсолютизация исторического уровня ведет к отрыву методологии истории от философской теории. Абсолютизация философского уровня ведет к отрыву методологии истории от исторической науки, от теории и практики исторических, историографических, источниковедческих исследований. Между

возможностях и границах и т. п. всегда носили философский характер. Анализ дискуссионных материалов позволил сделать вывод, что в пределах специальной методологии исторической науки с присущим ей концептуальным аппаратом невозможно обоснование самостоятельности и специфических возможностей методологии истории. Только в философском контексте возможна одновременная трактовка ее как системы и подсистемы, т. е. как одного из элементов в структуре исторического, философского и методологического знания.

1.3. Философские аспекты методологии истории

Признание философского уровня методологии истории требует подробного выяснения, какие вопросы являются философскими, как они соотносятся с другими уровнями, какова между ними связь и зависимость. В основе современного понимания структуры и функции методологии истории лежит единство исторического и логического, теоретического и философского анализа. В свете этого единства методология истории может быть определена и как *история* методологических учений, поскольку полноценное представление о методологии истории невозможно без учета сложившихся ранее представлений о методах исторической науки, и как *логика*, занимающаяся анализом дефиниций «метод», «методика», «методология» в различных их связях и отношениях.

Одним из критериев научности, т. е. формальным признаком отнесения методологического знания к научному, считается наличие *теории* метода и применение этой теории к анализу конкретных методов. В процессе анализа структуры и функций методологии истории становится ясно, что она может и должна разрабатываться на разных уровнях теоретического обобщения, каждый из которых имеет свое место и значение. На первом уровне дается общая характеристика исторического метода исторической науки как сложной динамичной, полиструктурной и полифункциональной системы, анализируются его свойства, выясняются внутренние закономерности его развития. На втором уровне устанавливается его место в системе других

методов, уточняется его статус и специфика. При сравнении методов ес-

34

тественных и социальных наук рассматриваются общие, свойственные всем им черты (научность, объективность, рациональность) и в то же время устанавливаются специфические, свойственные только данному методу признаки. В итоге дается более или менее общая характеристика метода исторической науки. Это важная задача, но не единственная и не достаточная. Остановка на этом может породить догму «чистого метода». Метод не самоцель. Он приобретает смысл и значение только в связи с познанием и действием.

На эту связь указывали уже античные философы, например, Аристотель, но до нового и новейшего времени знания о методе развивались в онтологических формах и приобрели откровенно догматический характер. Первую попытку преодолеть догматический характер этих онтологических форм предприняли Р. Декарт и И. Кант. Борясь с догматизмом онтологии, И. Кант попытался перевести «трансцендентальную методологию» на путь гносеологии. Однако, борясь против догматизма путем критицизма, Кант, по утверждению Гегеля, впал в догматизм еще худшего сорта: «Для критицизма всякое знание о существующем в себе, как таковом, есть догматизм, между тем как он сам-то и есть наихудший вид догматизма» (147. Т. X. С. 438). Подвергнув критике кантовский догматизм, Гегель пошел по пути превращения методологии в логику. Поставив метод в связь с познанием («метод может ближайшим образом представляться только видом и способом познавания, и он в самом деле имеет природу познавания» (147. Т. VI. С. 298)), он определял метод как орудие и средство познающей деятельности, отличное от нее, как «средний термин» во взаимодействии субъекта и объекта. «В ищущем познании метод тоже поставлен как *орудие*, как: некоторое, стоящее на субъективной стороне средство, через которое она соотносится с объектом» (147. Т. VI. С. 299). Связан метод с познанием, Гегель дал ему содержательную характеристику: «Метод есть поэтому *душа*

и субстанция, и о любом предмете мы должны сказать, что мы его постигаем в понятии и знаем его в его истине только постольку, поскольку он *полностью подчинен методу*; он есть собственный метод всякой вещи...» (147. Т. VI. С. 299). Содержательную сторону метода подчеркивал также А.И. Герцен. «Метода в науке вовсе не есть дело личного вкуса или какого-нибудь внешнего удобства, что она, сверх своих формальных значений, есть

3*

35

самое развитие содержания, - эмбриология истины, если хотите» (154. Т. 1. С. 97). Такого рода понимание, построенное на объективно-идеалистической основе, возводило метод в абсолют: «Метод есть поэтому не только наивысшая *сила*, или, вернее, *единственная* и абсолютная *сила* разума, но также наивысшее и единственное его *влечение* обрести и понять *себя самого во всем через самого себя*» (147. Т. VI. С. 298). Как и все другие философы на Западе, Гегель видел в методе лишь способ интерпретации мира (т. е. способ объяснения и оценки его), но не его изменения. За решение последней задачи взялись Маркс, Энгельс, Ленин и другие марксисты, но теоретическое и практическое решение этой задачи пока что дало слишком мало положительных результатов.

В российской философии конца XIX - начала XX в. существовало, по меньшей мере, пять дисциплин, разрабатывавших методологические проблемы исторического познания: философия истории, теория исторического процесса, теория исторического знания, логика исторического исследования, учение о ценностях. Безусловно, соотношение онтологической части (философия истории и теория исторического процесса), гносеологической (теория исторического знания), логической (теория исторического исследования), аксиологической и праксеологической - в разные исторические периоды было неодинаковым (490. С. 5). Разумеется, все указанные аспекты методологии истории всегда были связаны. Связь их так или иначе проявлялась при решении любых методологических проблем,

хотя главным, ведущим в разных познавательных и исторических ситуациях выступал какой-либо один из этих аспектов.

Связи и взаимоотношения метода с познанием и действием устанавливаются на следующем уровне философского анализа, предметом которого является не столько сам исторический метод, сколько его наиболее общие связи и отношения. На этом уровне в задачи методологии входит решение вопросов о соотношении метода и предмета, метода и знания (теории), метода и исследования, метода и опыта. Применительно к истории - это вопросы о соотношении исторического метода и предмета исторической науки, исторического метода и исторического знания (исторической теории), исторического метода и исторического исследования, исторического метода и исторического опыта. Эти задачи оказываются разрешимыми на уровне, находящемся в

36

прямой зависимости от философского анализа истории, исторического знания, исторического исследования, исторического опыта. Поэтому методологический анализ здесь органично переплетается с онтологическим, гносеологическим, логическим, аксиологическим и праксеологическим анализом.

В *онтологическом* аспекте выясняется соотношение метода и предмета исторической науки; дается онтологическое обоснование истории, исторического метода и методологии истории; выясняются онтологические основания методологии истории, ее связь с философией истории и теорией исторического процесса; дается общая характеристика исторического метода, рассматривается его онтологическая специфика, доказывается его объективный характер. Заметим, вопрос об объективности метода до сих пор остается дискуссионным. Будучи не столько «объективным аналогом» реальной действительности, сколько обобщением исследовательской практики, закреплением успешного опыта познавательной деятельности, метод

выступает как объективное средство, используемое не только для познания, но и для преобразования действительности.

В *гносеологическом* аспекте раскрывается соотношение метода познания и исторического знания; выясняется специфика познания прошлого, его отличие от методов познания настоящего и предвидения будущего; дается гносеологическое обоснование исторического метода, рассматривается его эпистемическая специфика; уточняются его критерии научности и истинности; выясняются гносеологические основания методологии исторического познания, раскрывается ее связь с общей теорией познания и теорией исторического знания. Кстати, по вопросу о том, обладает ли метод истинностью, существовало две точки зрения, Согласно первой, методологические предписания, правила, алгоритмы должны оцениваться в зависимости от того, дают они адекватное представление об объекте или нет, т. е. являются истинными или ложными; согласно другой - методологические нормы ничего не отражают и потому не могут квалифицироваться как истинные или ложные. Противоположность суждений и выводов здесь объясняется разным пониманием критериев истинности: в одном случае под истинностью понимается соответствие метода свойствам объекта, в другом - отражением им объективной реальности, На наш взгляд, более правильно говорить о соответствии метода предмету.

37

В *логическом* аспекте выясняется соотношение метода и исследования, раскрывается специфика исторического мышления, особенности исторического понимания; дается логическое обоснование исторического метода исследования, уточняются критерии его правильности; выясняются логические основания теории исторического исследования, ее связь с формальной и диалектической логикой. (Проблема правильности метода тесно связана с проблемой его истинности, но не тождественна ей. Главное различие в том, что истинность - категория гносеологическая, а правильность - логическая. Критерием истинности выступает соответствие объекту, а

критерием правильности - соответствие правилам формальной и диалектической логики).

В *аксиологическом* аспекте рассматривается соотношение истории и современности, дается ценностное обоснование исторической науки и исторического метода, устанавливается его зависимость от ценностных установок познающего субъекта, вырабатываются критерии отбора и оценок исторических источников, исторических фактов и исторических теорий; выясняются аксиологические основания методологии истории, связь ее с теорией ценности и с общей аксиологией.

В *праксеологическом* аспекте указывается на связь методов незнания и методов практической деятельности, методологии исторического познания и методологии практической деятельности. В этом аспекте метод определялся как *modus operandum* (образ действий), так Канту принадлежит определение метода как «способа действий согласно основоположениям» (405. Т. 3. С. 159). Здесь же указывается на значение исторического опыта, знание которого позволяет с помощью исторической науки познакомиться с наиболее эффективными методами исторической деятельности и научиться применять их в современной практической жизни.

Итак, значение философского анализа велико. Благодаря ему метод истории рассматривается с новых сторон, которые нельзя увидеть на прежних уровнях. В результате более глубокого и более широкого (по сравнению с другими) философского подхода развивается новое, далеко превосходящее прежнее, знание о методе. Философский уровень представляет вершину методологического знания. По существу, все другие уровни начинают по-

настоящему работать, когда они «освещены» философским анализом. Философский анализ позволяет не только наиболее полно определить сам исторический метод, но и создать подлинно научное знание о нем -

методологию, в рамках которой становится возможным преодоление догмы «чистого метода». «Чистый» методолог справедливо сравнивался Гуссерлем с точильщиком, который точит нож, не переставая, и в конце концов стачивает его о точильный камень, так и не употребив в дело, или с охотником, который оттачивает оружие, не выходя на охоту. Подобно тому, как неправомерно было бы сводить методологию истории к «чистой онтологии», «чистой гносеологии», «чистой логике» или «чистой аксиологии», точно так же неправомерно сводить ее к «чистой методологии». С позиций диалектики «само понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца, во всей его сложности» (550. Т. 26. С. 241). Преодоление «чистоты» методологии истории возможно лишь на основе связи с другими философскими теориями. Например, решение вопроса о статусе и специфике метода истории невозможно без общего понятия об истории и требует выхода за философию истории, установления связи методологии истории с теорией исторического процесса. Решение проблемы истинности метода невозможно без общего понятия об истине и требует выхода в общую теорию познания и специальную теорию исторического знания. Решение вопроса о правильности метода невозможно без знания общих правил логики и требует выхода в формальную и содержательную логику, что невозможно без установления связи методологии истории с общей диалектической логикой и специальной логикой исторического исследования. Решение вопроса о ценности метода невозможно без анализа категорий «цептость», «историческая ценность» и потому предполагает выход за общую аксиологию и требует установления связей методологии истории с теорией ценности.

Все эти связи осуществляются на еще более высоком уровне философского анализа, предметом которого является уже не столько сам метод, сколько теория метода и методология истории в целом. На этом уровне устанавливается связь и взаимодействие методологии истории с общей методологией и частными методологиями (естественных, социальных

наук); с общей философией истории и теорией исторического процесса; с общей теорией познания и теорией исторического знания, с источниковедением и историографией; с общей диалектической логикой и теорией исторического исследования, с общей аксиологией и теорией ценности. Этот уровень стоит на порядок выше, чем содержательная характеристика метода.

Таким образом, высшим уровнем философско-методологического анализа является учение о самой методологии истории, характеристика ее как сложной развивающейся полиструктурной и полифункциональной системы, выяснение ее места и роли в системе философских, исторических и методологических теорий. Именно при таком соотнесении в значительной степени выясняется ее статус и специфика. При этом содержание ее условно делится на две части, одна из которых имеет признаки, общие всем модификациям методологии, другая - признаки, присущие методологии истории как отдельному виду. В первом случае смысловое значение этого понятия восходит к его этимологическим истокам и понимается в самом общем виде как *философское учение о методе*; во втором — как *философское учение о методологии истории*. Для обозначения этого уровня мы считаем возможным употребление понятия *метаметодология* (от греч. meta - за, после). Введение понятия «метаметодология истории» позволяет четко разграничить два уровня философской рефлексии, которые смешиваются наивным обыденным сознанием, не способным подняться до философии более высокого порядка. Первый содержит анализ предмета и содержания методологии истории, занятой анализом генезиса исторического метода, его структуры и функций, статуса и специфики. Здесь дается историческая и логическая, структурная и функциональная, теоретическая и философская характеристика исторического метода во всем его

многообразии. На втором уровне дается анализ методологии истории, ее генезиса, структуры и функций. Здесь выясняется ее место в структуре современного знания, устанавливается связь и взаимодействие с философией истории и теорией исторического процесса, с общей теорией познания и теорией исторического знания, с диалектической и формальной логикой и теорией исторического исследования. Значение метаметодологии истории велико: здесь дается наиболее полное определение

40

методологии истории, выясняется ее философский статус, устанавливается ее научная специфика. Только на этом уровне возможно наиболее полное раскрытие содержания методологии истории. Будучи так понята, методология истории может быть определена и в узком, и в широком смысле слова. В узком смысле дается предметное определение методологии истории как учение о системе методов, применяемых в исторической науке. Это определение важное, но недостаточное. В ее определение должно быть включено все богатство эмпирических и теоретических, исторических и логических, конкретно-научных и философских характеристик. Несмотря на важность каждого из перечисленных уровней методология история несводима ни к одному из них. В широком смысле методология истории может быть определена как комплексное, системное знание о методах исторической науки, включающее и общие философские положения, применимые во всех науках, и частные, опирающиеся на теоретические положения (теорию исторического процесса, теорию исторического знания, теорию исторического исследования и др.) и практику исторических, историографических и источниковедческих исследований. Учет всех этих связей и отношений позволяет достигнуть наиболее полного понимания методологии истории как исторически сложившейся и сегодня существующей специальной области научного знания, определить ее генезис и структуру и установить ее место в структуре современного

обществознания.

В зависимости от структурной принадлежности методология истории может рассматриваться в системе понятий разного уровня. В структуре исторического знания она рассматривается в системе понятий: методология исторической науки - методология историографии - методология источниковедения - методология исторического познания - методология исторического исследования, которые, на первый взгляд, воспринимаются как синонимы, а при более глубоком анализе предстают как взаимосвязанные элементы единой системы. В структуре методологического знания она рассматривается в системе понятий: методология научного познания — методология естественных наук - методология социальных наук - методология технических наук. В структуре философского знания методология истории включается в систему философских дисциплин: теория историческо-

41

го процесса - теория познания - логика - аксиология - праксеология. Такой подход помогает выявить различные связи и отношения методологии истории и обратить внимание на те ее аспекты, которые еще сравнительно мало изучены. Поэтому во всем объеме понятие «методология истории» раскрывается содержанием всей монографии. В этой главе дана только самая общая характеристика методологии истории, остальные главы при всей их самостоятельности могут рассматриваться как конкретизация философских положений первой главы, последовательно раскрывающие связанные между собой сферы: собственно историю, знание о ней и исследовательскую деятельность историка.

Глава II

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА -ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

2.1. Сущность онтологического понимания предмета и метода истории

Онтологические проблемы стояли в центре внимания историков и философов во все времена. Особого расцвета они достигли в конце XIX - начале XX века в Германии (Э. Бернгейм, Г. Зиммель и др.) и в России (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.И. Кареев, С.Л. Франк и др.). В середине и второй половине XX в. в зарубежной философии онтология переживала своеобразный ренессанс: «трансцендентальная онтология» Э. Гуссерля, «критическая онтология» Н. Гартмана, «фундаментальная онтология» М. Хайдеггера и др. Им уделялось большое внимание в советской методологической литературе (Г.А. Аптипков, М.А. Барг, А.Я. Гуревич, О.И. Джиосв, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, Л.Н. Коган, Ю.И. Семенов и др.).

Однако в решении методолого-онтологических проблем наметились две крайности: 1) отождествление методологии истории с одним из уровней учения об историческом процессе: с исторической наукой, с теорией исторического процесса, с философией истории; 2) онтологизация методологии истории, сведение ее к одной онтологии и как причина (или следствие) - игнорирование собственно методологической проблематики и принижение других оснований методологии истории гносеологии, логики, аксиологии, праксеологии. Преувеличение значения онтологии ведет, с одной стороны, к догматизму, с другой - вызывает негативную реакцию со стороны гносеологов, логиков, аксиологов, праксеологов, которые впадают в другую крайность,

43

отрицая значение и необходимость онтологического понимания истории и ее методов.

На самом деле значение онтологического подхода велико; именно здесь дается установка на предмет, раскрывается связь исторического метода и предмета исторической науки, выясняется зависимость данного метода и методологии истории от понимания истории, от теории исторического процесса и философии истории. В онтологическом плане понимание метода и методологии истории зависело, прежде всего, от ответа на вопрос: «что

такое история»? Под таким названием выходили многочисленные работы российских философов и историков (А.А. Витухновский, М.А. Ерофеев, П. Мельгунов, Л.Л. Челидзе) и зарубежных (Е. Карр и др.).

Сущность онтологического подхода выражена, на наш взгляд, в двух понятиях: «предмет» и «бытие». Онтологический тезис гласит: предмет определяет метод или метод определяется предметом. В литературной форме эта зависимость выражена баснописцем И.А. Крыловым: «беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник» Это означало, что каждый специалист должен пользоваться методами, соответствующими его делу. В российской философии па правомерность и необходимость постановки вопроса о зависимости метода и методологии истории от предмета указывал выдающийся русский философ И.А. Ильин: «метод есть живое, ищущее движение к предмету, творческое приспособление к нему, «исследование», «изобретение», вживание, вчувствование в предмет, нередко импровизация, иногда перевоплощение... Его наука должна стать наукой творческого созерцания - не в отмену логики, а в наполнении ее живою предметностью; не в посприание факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними» (388. Т. 2. Кн. 1. С. 430). На значение предмета указывал также М.М. Стасюлевич: «Вопрос о том, что должно составить содержание истории, предмет исторического познания при всей своей краткости, остается одним из самых обширных вопросов. Какие познания заслуживают названия исторических? Что нужно знать, чтобы быть историком, а главное, *как* нужно знать? Одним словом, что такое «история"?» (919. С.6). Вопросы: каков предмет исторической науки, каково его влияние на метод и методологию истории ставились в специальных статьях

44

А.А. Говоркова, А.В. Гулыги, М. Кирюшкина, В.П. Конева, В.М. Лавровского и др.

Без анализа предмета истории невозможно решение методологических проблем, обоснование объективности и истинности метода. Взятый

безотносительно к предмету, метод превращается в субъективное средство, произвольно используемое или вообще непригодное для научного исследования. Значение предмета возрастает по мере дальнейшего развития познания. Но одной установки на предмет мало. Важно понять, что стоит за понятием «предмет». Сложность вопроса заключалась в том, что разными мыслителями в понятие «предмет» вкладывалось разное содержание: одни понимали под предметом истории бытие людей, другие - историческое знание, третьи - исторические источники, четвертые - исторические факты и т. п. Соответственно, понималась и история: одни понимали под историей бытие людей в целом или отдельные его стороны или уровни («история политики», «история хозяйства», «история культуры», «история событий», «история структур» и пр.); другие - историю сознания, «историю мыслей и чувств»; третьи - историческое знание или его отдельные элементы («история - источники», «история — факты»), четвертые - историческое исследование в целом или отдельные исследовательские процедуры («история - описание», «история - объяснение», «история - интерпретация», «история - отбор и расположение материала»); пятые - исторический метод, «Не случайно, - писал канадский историк А. Дюбюк, - слово «история» одновременно означает объект исследования и метод познания этого объекта» (299. С. 8; 773. С. 5).

Под предметом исторической науки сторонники онтологического подхода понимали *бытие* (онтология - метафизическое учение о бытии как таковом)- ПОСКОЛЬКУ бытие понималось по-разному, то и под предметом истории одни понимали бытие Бо-жие («Кинга Бытия»), другие - бытие людей, третьи - историческое бытие, четвертые - общественное бытие, пятые - «бытие сознания» и т. п. В отличие от социологов, изучающих бытие в настоящем времени, историки изучали его в прошедшем времени, отвечая па вопросы: что *было*, как *было*, когда *было*, где *было*. Знаток *былого* назывался историком. Соответственно, и в теории познания, и в теории исследования *бытие* трактовалось как описание того, что *было*; объяснение - почему это

было, понима-

45

ние - почему *было* именно так, а не иначе; оценка - как (плохо или хорошо?) это *было*. В связи с этим представители «онтологии истории» конца XIX-начала XX век рассматривали сквозь призму бытия все теоретические и методологические проблемы: история (равно как и предмет исторической науки) определялась как историческое бытие; исторический факт - как историческое событие (со-бытие - слово акроним, фрагмент бытия); теория истории - как теория исторического бытия; философия истории как - философия бытия или философия жизни. В соответствии с этим исторический метод понимался либо как способ изучения исторического бытия в целом, либо как способ изучения отдельных исторических событий. И методология истории, соответственно, определялась то как учение о способах понимания истории в целом или ее отдельных элементов (исторических событий или исторических закономерностей, исторических процессов или исторических структур, исторических личностей или масс); то как учение о путях познания минувшего бытия, то как учение о приемах исследования исторического бытия.

В рамках онтологического подхода были поставлены вопросы:

- может ли историк пользоваться методами, применяемыми в других науках (естественных, социальных, технических), или для изучения истории требуется особый метод?

- может ли историк пользоваться объективным методом или для изучения истории нужен особый субъективный метод?

- является метод изучения истории эмпирическим или теоретическим, т. е. методом изучения исторических событий или исторических закономерностей; методом идиографическим, индивидуализирующим, описывающим частное, отдельное, единичное, или номографическим, номотетическим, изучающим общее;

- является исторический метод индивидуалистическим или

коллективистическим, методом изучения роли отдельных личностей, социальных групп или масс?

- является метод истории описанием отдельных сторон общественной жизни (экономической, социальной, политической или духовной) или методом изучения всего социального организма в целом?

- является метод истории эволюционным, структурным или функциональным?

46

- служит метод истории способом изучения статики или динамики, состояний или процессов?

- является метод истории чисто историческим или социологическим, конкретно-историческим или абстрактно-логическим?

- достаточно для понимания истории чисто онтологических средств или нужны другие подходы?

Эти вопросы не потеряли своего значения до нашего времени. Решение их всякий раз носило дискуссионный характер и определялось философской позицией исследователей, их разными подходами к изучению истории. Менялись проблемы, менялись аспекты их рассмотрения, способы доказательств и аргументация, но неизменной оставалась их преданность онтологии. В то же время все они представляли как методологические, поскольку предмет в них диктовал метод.

2.2. Антитезы в понимании предмета и метода исторической науки

В рамках онтологического подхода функционировали «классический историзм» и религиозно-философский, объективистский и субъективистский, позитивистский и неокантианский, идеалистический и материалистический, неклассические и по-степклассические подходы. Именно здесь сложились антитезы научного и религиозного понимания истории, объективизма и субъективизма, нигилизма и позитивизма, иррационализма и рационализма, исторического идеализма и исторического материализма. Все они в той или иной мере существуют и в современной методологии и потому нуждаются в

специальном рассмотрении.

2.2.1. «Классический историзм» и религиозно-философский подход

В рамках онтологической ориентации известно множество методологических подходов, по, пожалуй, самым первым являлся «классический историзм», основы которого заложены античными историками, начиная от Геродота, не случайно названного «отцом истории» и кончая Аристотелем. Именно на них ссылался английский профессор Эдуард Фриман в восьми лекциях, прочитанных в Оксфордском университете в 1884 г. и переведен-

47

ных на русский язык П. Николаевым в 1893 г. В этих лекциях были изложены основные представления о «классическом историзме». В них также содержалось довольно ясное представление о предмете и методе «классического» понимания истории. По своему предметному содержанию, утверждал Фриман, «история есть только политика прошлого, а политика есть только текущая история» или «история настоящего»; «история есть наука о человеке, как о существе политическом» (1009. С. 10, 32, 75-76). Для изучения человека как существа политического он считал необходимым использовать метод Аристотеля, изложенный в его «Этике» и «Политике»: «Человек, приготовившийся к мышлению изучением «Этики», устранил многие затруднения, мешающие изучению истории, - в особенности, если он последует правилу изложенному в последнем параграфе «Этики», т. е. перейдет от ее изучения к изучению «Политики». Если он поймет все значение всякого отличия и определения, изложенных с такой изумительной ясностью, значит он прошел лучшую школу, выучился применять приобретенные им умственные навыки к некоторым из частей исторической науки» (1009 С. 72). Определив цель истории, как «уяснение исторических событий при посредстве расположения их в надлежащем порядке и в известных соотношениях времени» (1009. С. 36). Фриман считал возможным реализовать эту цель с помощью исторического метода в двух его вариантах.

Первый вариант - «строгий метод изучения старой школы», заложенный Геродотом, Фукидидом, Тацитом, означал фундаментальное изучение источников: «Единственная основа изучения истории есть умение обращаться с оригинальными текстами - в деле комментирования, уяснения и сравнения текстов. Знание «книг» есть основание, начало, абсолютно необходимое, без которого все остальное - суета сует» (1009. С. 26). Применяя этот метод к изучению языка, Фримап конкретизировал исторический метод и дал ему свое истолкование: «Я называю историческим методом изучения языка не только уяснение его истории при посредстве исторических свидетельств, я говорю о настоящем историческом методе изучения, при помощи свидетельств или без них; и при отсутствии этих исторических свидетельств можно сделать многое такое, что будет по сущности своей историческим» (1009. С. 40).

48

Второй вариант - «настоящий исторический метод изучения» Фриман проиллюстрировал на примере исследования историком языкознания. «Если ему (историку - Н.Д.) сообщить разные изменения этих языков во всей их полноте, не сообщая ни дат, ни названий стран и народов, он будет в состоянии расположить эти изменения в надлежащем порядке и определить последовательность стадий, через посредство которых позднейшие формы языка произошли от более древних; он будет в состоянии определить настоящее отношение языка А к языку Б; отсчеты могли бы только сообщить ему, как именно называются эти языки, какие народы говорили на них, когда, где и как произошли события, поставившие эти языки в те отношения, какие существуют между ними в настоящее время» (1009. С. 41). Овладев историческим методом, историк может и должен показать развитие исторических форм в их преемственности, установить связь времен: «Он должен понять, что, изучая Фукидида, Аристотеля и Тацита, он выучился методу изучения истории и потому больше всех других может заняться изучением позднейших исторических периодов; он должен кроме того

попят, что если он не займется позднейшими периодами, его собственная работа будет далеко несовершенной, будет средством, не ведущим к цели, будет началом без конца, фундаментом без надстройки...Ваши исследования, отделенные от наших, будут похожи на постройку человека, начавшего строиться с имевшего возможность, но не захотевшего закончить постройку» (1009. С. 73, 74).

Таким образом, метод античных историков был признан эталоном исторического метода и послужил главным основанием классического историзма. В рамках классического историзма метод истории квалифицировался в предметном отношении как способ анализа исторического бытия, установления политических событий, описание деятельности великих личностей, констатации отдельных исторических событий. У него были свои достоинства по части формы, заслуживающие внимательного изучения: тщательная разработка деталей, точнейшие штрихи достоверности, граничащие с педантизмом и т. п. Однако такие методологические представления носили ограниченный характер. При рассмотрении метода истории как способа констатации политических событий не анализировались особенности изуче-

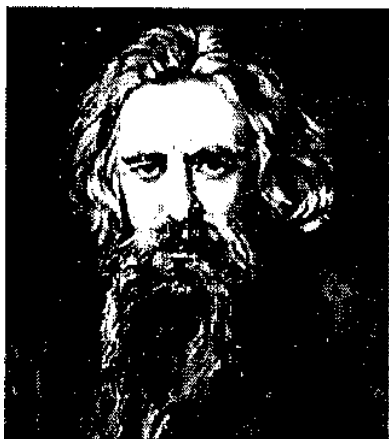
ния экономической, социальной и духовной жизни людей. При характеристике метода истории как способа анализа деятельности политических деятелей, не принимались во внимание способы анализа деятельности масс, больших и малых социальных групп. Увлечение «историей событий» повлекло за собой эмпирическое определение метода истории как способа описания отдельных исторических событий, а не всего исторического бытия, констатация фактов, а не законов; историческое исследование сводилось к описанию конкретных деталей, «академическому разбору мелочей» (220. С. 411).

Однако, не смотря на все эти ограничения, «классический историзм»

все-таки отстаивал *научный анализ* истории. Это, естественно, вызывало неприятие со стороны философов и историков религиозного толка. Известно, что большинство русских философов конца XIX — начала XX в. (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, С.Н. Трубецкой, Н.Ф. Федоров, С.Л. Франк и др.) стояли на позициях методологического дуализма. Поиски понимания специфики познания мира соединялись у них с обращением к сверхъестественному, «специфичность перерастала в сверхъестественность» (95. С. 158). Сопоставляя способы познания естественного и сверхъестественного миров, они исходили из антитезы научного анализа и религиозного синтеза, рационализма и иррационализма, дискурса и интуиции. Рассмотрим кратко их методологические позиции на двух примерах.

Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900), наиболее крупный из философов религиозного направления, сын знаменитого русского историка С.М.Соловьёва (1820-1879), хотя и не занимался специально методологическими проблемами исторической науки, но в его богатой идеями «историософии» они нашли достойное место. Известно, что его философское учение весьма противоречиво, но, отбросив край-

50

пости, мы выделяем три основных методологических установки.

Во-первых, его методологическая установка согласовывалась с его религиозными убеждениями. Задачу религии он видел в «приведении всех

стихий человеческого бытия, всех частных начал и сил человечества в правильное отношение к безусловному центральному началу, а через него и в нем к правильному согласному отношению их между собой» (812. С. 14). По этой причине он все философско-исторические понятия употреблял с эпитетом религиозный: «религиозное бытие», «религиозное сознание», «религиозная истина», «религиозное знание», «предмет религиозного знания» и др.

Во-вторых, его историософская концепция базировалась на христианских основаниях, хотя его религиозные взгляды менялись: после некоторого увлечения католичеством и протестантством он разочаровался в них и перешел на позиции православия, хотя и в дальнейшем его религиозная философия не носила ортодоксально православного характера. Через все его труды проходят понятия: «христианская истина», «христианский мир», «христианская церковь». Философ по-своему решал все традиционные проблемы, поставленные христианством: тринитарную (о трех ликах или ипостасях Бога), христологическую (проблема Христа как сына Божия или человеческого), антропологическую (о природе и сущности человека), сотерiologicalную (проблема личного спасения), эсхатологическую (проблема будущего человечества).

Главная же методологическая установка В.С. Соловьева была обозначена в его магистерской диссертации: частные принципы не должны претендовать на значение целого; они не могут быть практическим основанием жизненных взаимоотношений людей в индивидуальной («единичной») и социальной («собирательной») жизни, поэтому необходимо принципиально новое основание для онтологических и методологических построений. Такое основание было найдено им в форме «всеединства», «положительного единства», «целого», «подлинно целого». Полагаясь на это основание, он переосмыслил традиционные понятия «Софийность», «Соборность», «Русская идея» и придал им новое содержание. Принцип всеединства также наложил отпечаток на введенные им понятия

«Богочеловек», «Богочеловеческий организм», «Богочеловеческий процесс» и др.

4*

51

Разъясняя суть своего методологического подхода, он сравнивал его с естественнонаучным анализом, в основе которого лежала дифференциация природных явлений на роды и виды, и, подчеркивая специфику осмысления исторических явлений, соотносил человечество с племенами и народами не как род с видами, а как *целое с частями*. Такой подход, направленный на осмысление «всеединства» и «всецелостности», исключал редуccionистский принцип сведения многообразия жизненных явлений к единственно возможной форме. Не сведение к единому, а способ соединения частей (двух и более) в целое, интеграция отдельного в общее, синтез многообразия в единое. Этот метод - *Великий синтез*, изложенный в трудах: «Чтения о Богочеловечестве», «Из философии истории», «Русская идея» и др., Соловьев противопоставил естественнонаучному анализу.

С помощью этого метода он попытался решить ряд философско-исторических вопросов, имеющих в определенном смысле методологический характер:

- Что является предметом исторического познания, что собою представляет историческое бытие, каковы субъекты этого бытия?
- Каковы способы познания истории, в чем их специфика?
- Какими путями должно идти человечество?
- Каким путем должен идти русский народ?
- Каким путем должна идти Россия? В «Русской идее» он констатировал этот «самый важный из всех для русского - вопрос о смысле существования России во всемирной истории, какова та *мысль*, которая скрывает за собой или открывает нам факт величия России; каков идеальный *принцип*, одушевляющий это огромное тело, какое новое *слово* этот новый народ скажет человечеству; что он желает *сделать* в истории мира?» (910. С.

28-29).

Ответ на все эти вопросы В.С. Соловьев давал в соответствии со своими методологическими установками, которые позволили ему дать качественно новое понимание исторического бытия, исторического знания, метода исторического познания и метода исторического действия. Так, пытаясь определить предмет исторического познания, он характеризовал его как «Бытие Божие», следующим образом конкретизируя это понятие: «Бытие вообще обозначает лишь отвлеченное понятие, действительное же бытие необходимо требует известного предметного содержания или

52

сущности, или сказуемого, отвечающего на вопрос: что есть этот субъект или что он собою представляет» (907. С. 14). Главным субъектом у него является Бог, ему принадлежит бытие, он обладает бытием и составляет собственное содержание, предмет или объективную сущность бытия. Именно Бог определял Соловьевым как первое «всеединство», «все в положительном смысле» или «единство всех»: «Реальность Божия составляет предмет *«религиозного знания»*. Считая основным центральным началом Бытие Божие, он соединил этот методологический принцип с христианским пониманием. Рассматривая «исторический и логический порядок развития религиозной истины», он строил свою историософскую модель по аналогии с библейской, в начале которой - космогонический процесс, завершающийся созданием человека природного; в центре - тсогогонический процесс, заканчивавшийся созданием мировой души; в конце - процесс создания человека духовного. Всю историю человечества он разделил на два периода: дохристианский и христианский мир, поставив Христа посередине, называя его «центр истории», «духовный центр вселенского организма» (907. С. 105,152,153).

Исходя из своих методологических установок, В.С. Соловьев определял и характер исторического знания, и способ объяснения и преобразования мира. «Цельное знание» (Софию) он трактовал как синтез

пауки, философии и религии: паука дает знание о материальном, философия - об идеальном, религия - об абсолютном. Способ познания мира он определял как триединство «чувства, разума и веры», т. е. синтез чувственного опыта, рационального мышления и религиозной веры. Главным звеном в этой цепи он считал религиозный, образно-символический способ постижения божественной мудрости, посредством которого он пытался найти искомое «положительное всеединство». Свой Великий синтез он считал пригодным на роль не только способа объяснения мира, но и на роль практического метода «преобразования жизни согласно истине».

Безусловно, его сложная религиозно-христианская конструкция не лишена недостатков. При всей широте исторических взглядов В.С. Соловьева, его историософская схема страдала узостью и односторонностью. Так, основными двигателями дохристианского периода он считал только три народа: индусы, греки, иудеи. Остальные выпадали из его поля зрения. Дав

универса-

53

листскую интерпретацию христианства, отождествив его с мировой цивилизацией, он абсолютизировал его роль и в некотором смысле идеализировал его. При характеристике «цельного знания» он интерпретировал истину с религиозных позиций, согласно которым истина дана свыше в готовом состоянии, она не впереди, а позади, что противоречит научному и философскому пониманию истины, которая должна быть впереди, рождаясь в процессе поиска. Пытаясь определить метод исторического познания, он рациональный, эмпирический, научный методы познания мира называл «ложными путями». В то же время полагал, что предложенный им метод «положительного всеединства» является абсолютно правильным методом решения всех задач, связанных с познанием и преобразованием мира. Разумеется, все сказанное не снижает ценности его идей. Его подход оказал большое влияние на всех, кроме атеистов и радикально настроенных марксистов. Наиболее востребованными сегодня

являются следующие соловьевские идеи и подходы:

- призыв к преодолению духовного дефицита и к духовному оздоровлению, поиск новых форм духовности, наполнение их гуманистическим содержанием, создание единой культуры на основе общечеловеческих ценностей;

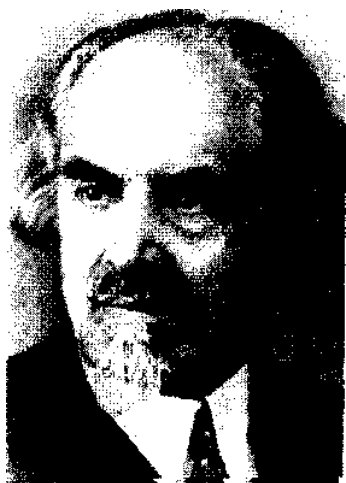
- признание нравственности доминантой человеческой культуры, необходимости синтеза науки и нравственности;

- осуждение насильственных методов деятельности, стремление к организации общества, основанного на принципах добра и любви;

- размышление над путями развития человечества в целом, и русского народа в частности, призыв к социальной солидарности, справедливости, к согласию между людьми;

- забота о спасении всего рода человеческого, объединение всех сил человеческих для решения глобальных проблем, разумное сочетание частных и общих, национальных и интернациональных интересов;

- осмысление методов познания истории в целом и русской истории в частности, критика рационализма, предчувствие кризиса научного типа рациональности; недостаточности аналитической техники для познания исторических явлений и осознание особой роли синтеза для выработки целостного взгляда на мир, на историю.

Эти положительные моменты присущи и другому гениальному русскому философу Николаю Александровичу Бердяеву (1874-1948). Спектр его проблематики также широк и многообразен. Он по-своему пытался решить традиционные проблемы, поставленные философской и христианской мыслью, но признавался, что его всегда мучили не столько богословские, догматические, церковные или школьно-философские проблемы, сколько вопросы о смысле жизни, о свободе, о судьбе, о вечности, о страдании, о добре и зле: «Но проблематика моей философской мысли всегда оставалась той же. В центре моей мысли всегда стояли проблемы свободы, личности, творчества, проблемы зла и те-одицеи, т. е. в сущности одна проблема - проблема человека, его назначения, оправдания его творчества» (62. С. 86, 102).

Вместе с тем он попытался решить ряд философско-исторических вопросов, носящих методологический характер:

- что собою представляют понятия «историческое», «историзм», «история», «философия истории», «метафизика истории»;
- как соотносятся между собою историческое и метафизическое, земная, летописная, текущая история с небесной, метафизической историей;
- каков метод понимания истории, является он историческим или метафизическим, рациональным или иррациональным;
- в чем смысл истории: «В чем же тогда заключается внутренний смысл грядущей исторической судьбы и существует ли этот смысл?»
- какова историческая судьба России, каковы пути ее развития?

В своем учении, названном «метафизикой истории», Бердяев представил дуалистическую картину мира, в которой сопоставлял два онтологических ряда:

Свобода - дух (Бог) - ноумен -- субъект,
Необходимость - мир - феномен - объект.

55

Этим двум рядам соответствовали два ряда истории: небесная история

и земная история, с присущими им чертами:

Небесная: свободна - духовна - субъективна - метафизична;

Земная: зависима - материальна - объективна- эмпирична.

Главенство в бердяевской «метафизике истории» принадлежит небесной истории; с нее начинается исторический процесс, ею же он и заканчивается (62. С. 88).

Рассматривая в онтологическом аспекте предмет исторического познания, Н.А. Бердяев признавал наличие иррационального начала в самом бытии, в самой истории (59. С. 29). Историческое бытие содержит иррациональное, потому что без иррационального начала, вызывающего борьбу света и тьмы, столкновение противоположностей - невозможна история, невозможен истинный динамизм. От видения иррационального в истории зависело его решение методологических проблем. Отвечая на вопрос: почему люди задумывают одно, а получается совсем другое, часто такое, каким его вообще никто не ожидал, он пришел к выводу: поскольку текущая история не рациональна, то и познать ее рациональными средствами трудно. Сознвая, что наличие иррациональных сил в истории не позволяет понять ее рациональными средствами, он говорил о необходимости осмысления ее иррациональными средствами, но что собою представляют эти иррациональные средства, он не мог уяснить до конца. В этом он сам откровенно признавался: «Я не принадлежу к людям рефлексии над собой. Я всегда сознавал слабые стороны своего мышления. У меня малая способность к анализу и дискурсивному развитию своей мысли. Мысль моя протекала не как отвлечение от конкретного и не подчинялась законам дискурсива. Я стремился не к достижению всеобщего по своему значению, а к погружению в конкретное, к узрению в нем смысла и универсальности» (62. С. 93). Веря в существование универсальной мистики, он вначале в «Философии свободы» писал: не пытайтесь понять, принимайте, по впоследствии, исходя из своего собственного философского опыта, уточнял значение интуиции и синтеза: «Я прошел длинный путь философского

развития, но остался верен первоначальной интуиции. Это значит, что мысль моя интуитивна и синтетична. Я в частном и конкретном узревал универсальное. Во всем детальном, частном, отдельном я вижу целое, весь смысл мироздания» (64. С. 94,101).

56

Интуиция - стержень всей методологии Бердяева. Через нее - осмысливание, понимаемое как придание смысла бессмысленному. Интуиция у него напрямую не связана ни с разумом, ни с чувствами, поэтому его не устраивали ни рационализм Декарта, ни интуитивизм Лосского. Интуицию он понимал как выражение жизненного импульса, она не имеет временного параметра и охватывает материал сразу, сейчас, целиком, во всей полноте и глубине предмета. Там, где надо изучать целое, она особенно эффективна, и Бердяев ею успешно пользовался. «Конечно, в своих философских трудах я прибегаю и к дискурсивной мысли, но это имеет для меня лишь второстепенное и подсобное значение. К анализу я не прибегал почти никогда, я пользовался лишь методом характеристики. Я всегда хотел уловить характер, индивидуальность предмета мысли и самой мысли. Я очень мало объективировал свою мысль, но сознание значения положительной «объективной» науки у меня очень возросло, особенно значение истории, в частности, религиозной истории. Беспристрастная, неподкупная паука имеет очищающее значение для религиозного сознания... Беспристрастное в познании, рекомендованное Спинозой, мне всегда казалось искусственной выдумкой. Философия есть любовь к мудрости, любовь же есть эмоциональное и страстное состояние... Помимо всякой философской теории, всякой гносеологии, я всегда сознавал, что познаю не одним интеллектом, не разумом, подчиненным собственному закону, а совокупностью духовных сил, также своей волей к торжеству смысла, своей напряженной эмоциональностью» (62. С. 94-95).

Справедливо полагая, что невозможно отделить философское познание

от совокупности духовного опыта, он подчеркивал: «Философствует и познает конкретный человек, а не гносеологический субъект, не отвлеченный универсальный дух. И Платон, и Декарт, и Спиноза, и Кант, и Гегель были конкретные люди, и они вкладывали в свою философию свое человеческое, экзистенциальное, хотя бы и не хотели в этом сознаться» (62. С. 105). Веря в универсальную духовность, он никогда не был «чистым» философом, никогда не стремился к отрешенности философии от жизни. «Наоборот, я всегда думал, что философское познание есть функция жизни, есть символика духовного опыта и духовного пути. На философии отпечатываются все противоречия жизни, и не нужно их пытаться сглаживать» (60. С. 106).

57

Присущая Бердяеву установка на духовность имеет большое методологическое значение. Лишь на основе духовной установки возможно правильное понимание современной методологии истории, для которой рациональный подход - необходимый, но не единственный способ понимания истории. Духовность открывает не только новые способы понимания действительности, но и новые уровни бытия и познания. Такой подход предполагает ориентацию на всю жизнедеятельность, на всю полноту и глубину человеческой жизни. Поэтому наряду с другими ценными бердяевскими мыслями идея необходимости возрождения духовности и всех сторон многогранной человеческой деятельности представляется весьма актуальной и плодотворной. Бердяевское понимание способа познания истории оказало большое влияние на развитие иррациональных средств понимания истории. Сопоставляя способы познания естественного и сверхъестественного миров и пытаясь определить специфику исторического метода, он так же, как и другие сторонники философско-религиозного подхода, определял его как интуитивный синтез, иррациональный способ видения истории.

2.2.2. Объективный и субъективный методы

На позициях дуализма в понимании предмета и метода истории стояли еще две группы. Первую представляли сторонники так называемого «особого субъективного метода в социологии», вторую - сторонники неокантианской философии. Субъективизм в России явился реакцией на объективизм, родоначальником которого считался немецкий историк Л. Ранке, известный своей формулой: «Wie es eigentlich gewesen», выразившей суть объективизма с его установкой на объект познания, на поиск критериев объективности и применения объективного метода в исторических исследованиях. Ранке считается приверженцем «классического историзма» и основоположником буржуазного объективизма, согласно которому метод истории квалифицировался как: а) способ изучения исторического бытия, б) способ констатации исторических событий, в) установления политических событий, г) описания роли великих личностей: князей, царей, полководцев и пр. Но его объективный метод часто трактовался как способ описания отдельных событий, а не всего исторического бытия; констатации со-

58

бытий-случаев, а не законов; событий-результатов, а не процессов, конкретных событий, конкретных деталей, отдельных персоналий.

Безусловно, конкретный анализ исторических событий сам по себе правомерен и необходим. Но понимание исторического метода как абсолютно конкретного, отрицание роли абстракции в исторической науке неправомерно. Сведение исторического анализа к способу установления конкретных событий покоилось на ограниченном понимании самого исторического события. Всякое историческое событие, каким бы оригинальным и неповторимым оно ни казалось, аккумулирует в себе многие свойства исторического процесса, включая объективные и субъективные факторы, материальные и духовные стороны, общие и особенные черты. Событие конкретно, но конкретное есть единство многообразия и, как таковое, оно не может рассматриваться как абсолютно единичное, отдельное, частное, поскольку в нем наряду с указанными моментами присутствуют

общие, повторяющиеся, закономерные связи. В итоге метафизические методологические позиции привели к краху ранкеанского понимания предмета и метода истории и предопределили, в конечном счете, кризис буржуазного историзма. Этот кризис привел к смене парадигм: объективистской на субъективистскую.

Рождаясь и укрепляясь в полемике с объективизмом, субъективизм в России наиболее ярко проявился во взглядах П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Л.Е. Оболенского, С.Н. Южакова. Сопоставляя методы исторической и естественных наук, они обосновали специфический «особый субъективный метод». Так, Петр Лаврович Лавров (1823-1900) в таких трудах, как «Философия и социология», «Исторические письма», «Задачи понимания истории», «Важнейшие моменты в истории мысли», указывал

59

на взаимосвязь естествознания и истории и в то же время подчеркивал их различие по предмету и методу. Уточняя термины «естествознание» и «история», он все научное знание делил на «науки феноменологические, исследующие законы повторяющихся явлений и процессов» (геометрия, механика, группа физико-химических наук, биология, психология, этика и социология) и «науки морфологические, изучающие распределение предметов и форм, которые обуславливают наблюдаемые процессы и явления, причем цель этих наук есть сведение всех наблюдаемых форм и распределений на моменты генетических процессов» (531. Т.2.С.25). Стремясь понять специфику предмета истории, он опирался на антропологический принцип в философии и утверждал: «Для этого нужно взять в соображение характеристические особенности того существа, которое составляет единственное орудие и единственный предмет истории - человека» (531. Т. 2. С. 38). Сделав вывод, что субъективность частных целей и нравственной оценки их в данную эпоху есть факт неизбежный и вполне научный, Лавров от этого факта пришел к субъективистскому обоснованию метода истории: «При этом построении все главные предметы и орудия исследования

принадлежат миру субъективному. Субъекты рга-нообразные цели, преследованные личностями и группами личностей в данную эпоху; субъективно мирозерцание, по которому оценивались эти разнообразные цели их современниками; субъективна оценка, приложенная историком к мирозерцаниям данной эпохи, чтобы выбрать из них то, которое он считает центральным, высшим...» (531. Т. 2. С. 41). Признавая в итоге наличие в научном исследовании объективных и субъективных сторон,

ГТЛ Лавров на первое место выдвигал субъективную сторону.

Вслед за ним Николай Константинович Михайловский (1842-1904) в книгах «Аналогический метод в общественных науках», «Теория Дарвина и общественные науки», «Что такое прогресс» разграничивал методы естественных и социальных наук: «Наука об обществе не может быть построена из тех же материалов и теми же способами, из каких и какими строится на-

60

ука о природе. По крайней мере социологии приходится бороться с трудностями, какие не встречаются в науках физических. Из этого следует, что, не смотря на единство мира физического и нравственного, приемы исследования того и другого не могут быть вполне сходны» (641. Т. 3. С. 390-391). По его мнению, изучение специфической социальной деятельности, определяемой целями, мыслями и чувствами «критически мыслящей личности», должно осуществляться путем сопереживания, носящего психологический характер: «Я убежден, что исключительно объективный метод в социологии невозможен и никогда никем не применялся. Но там, где нельзя применить объективного метода, метод субъективный, не смотря на

все свои трудности, должен быть применяем» (641. Т. 3. С. 397, 401). Из этого убеждения вытекала его дефиниция субъективного метода: «Субъективным методом называется такой способ удовлетворения познавательной потребности, когда наблюдатель ставит себя мысленно в положение наблюдаемого. Этим самым определяется и сфера действия субъективного метода, размер законно подлежащего ему района исследований. Наблюдатель - человек и, следовательно, может себя мысленно поставить только в положение такого же, как и он, человека» (641. Т. 3. С. 402). Субъективисты, справедливо подчеркивая роль субъекта в онтологической плоскости, совершали, на наш взгляд, три ошибки: во-первых, очень узко понимали субъект познания как человека - наблюдателя, а, как известно, в исторической науке наблюдение занимает весьма незначительное место; во - вторых, отрывали субъект от объекта; в-третьих, смешивали онтологические вопросы с гносеологическими. В истории и в познании ее неразрывно связаны субъект, ставящий те или иные цели, и объект, который лимитирует эти цели и детерминирует деятельность субъекта. Под объектом понимается то, на что направлена деятельность человека - познающего и действующего. Главными видами объекта деятельности выступает природа и сами люди, в силу чего человеческая деятельность имеет две стороны: «обработка природы людьми» и «обработка людей людьми» (600. Т. 3. С. 35). Под субъектом понимается: а) человеческое общество («обобществившееся человечество»), выступающее как деятельная созидательная сила, познающая и преобразующая действительность в процессе своей деятельности; б) в каждом конкретном обществе субъектом деятельности выступают определенные группы, оказы-

61

вающие влияние на деятельность и познание; в) активно действующий и познающий, обладающий сознанием и волей человек. История делается и познается не только обществом в целом и не только определенными группами, но и отдельными людьми, личностями, индивидами, которые

могут объединяться в коллективы («коллективный субъект») для решения конкретных задач. Поэтому диалектическое понимание субъекта противостояло и противостояит метафизическому разрыву этих трех видов субъекта: либо сведения его к общечеловеческим усилиям при игнорировании национальных, классовых или партийных интересов и индивидуальных усилий, либо сведения его к действиям отдельных личностей, игнорирования того обстоятельства, что деятельность личности детерминирована ее положением в обществе, задачами ее народа, нации и т. п. Совершенно очевидно, что дифференцированное понимание субъекта: а), б), в) относительно, как относительно всякое различие между общим, особенным и единичным. Воздействие субъекта на объект представляет собой вторичный, но отнюдь не второстепенный по важности фактор исторического развития и познания.

Поэтому правильное решение вопроса о специфике метода истории не возможно ни с помощью субъективистской установки, нацеливавшей на раскрытие только субъективных сторон исторического процесса и познания, т. е. анализ его только в «форме субъекта», ни с объективистской установкой на анализ истории и познания только в «форме объекта». Истинная задача состоит в том, чтобы рассматривать в единстве объективное и субъективное как две стороны единого исторического и познавательного процесса, каждая из которых обладает относительной самостоятельностью и в то же время неразрывно связана с другой. В итоге получается не только синтез объективного и субъективного, но и качественно новое понимание каждого из них: новое понимание объективного, обнаруживающегося в деятельности людей, и новое понимание субъективного, подчиняющегося объективным законам, действующим в природе, обществе и мышлении.

2.2.3. Неокантианское и позитивистское понимание исторического метода. В.О. Ключевский

Другого рода дуализм был представлен в трудах неокантианцев в Германии (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) и в России (А.С. Лаппо-Данилевский,

В.М. Хвостов, М.М. Хвостов и др.).

62

Отвечая на те же вопросы: что такое история, каков ее предмет и метод, в чем их специфика, они принципиально возражали против монистического подхода и решали эти вопросы с дуалистических позиций. Например, Г. Риккерт утверждал, что мысль о «монизме» есть «логическая утопия некоего универсального метода», ибо не существует никакого универсального метода» (816. С. 7). Противопоставив по предмету «науки о природе» и «науки о культуре», «науки о законах» и «науки о событиях», «науки об общем» и «науки об индивидуальном», они определяли историю как «науку о культуре», «науку о событиях», «науку об индивидуальном». Предметом истории неокантианцы стали считать культурную жизнь, частные, отдельные, единичные события, неповторимое, особенное, индивидуальное. В соответствии с таким определением предмета, и метод истории стал определяться как метод установления культурных ценностей, как способ описания уникального, неповторимого, особенного («идиографический метод»), как способ констатации частного, единичного, индивидуального («индивидуализирующий метод»). Например, В. Виндельбанд выдвинул принцип деления наук по предмету: «Одни из них суть науки о законах, другие - науки о событиях, первые учат тому, что всегда имеет место, последние — тому, что однажды было» (123. С. 320). Противопоставив науки по предмету, он сделал вывод о противоположности логических суждений: «...одни отыскивают общие законы, другие — отдельные исторические факты; выражаясь языком формальной логики, цель первых - общее, аподиктическое суждение, цель вторых - суждение единичное, ассерторическое». Взяв за основу деления познавательные цели наук, он выделил две формы мышления: номотетическое и идиографическое: «в первом случае мышление стремится перейти от установления частного к пониманию общей связи, во втором - оно останавливается на тщательном выяснении частного» (123. С. 324). Вслед за

шим Г. Риккерт также ставил задачу - выработать две основные формы научного мышления, установив два крайних полюса научной деятельности, т. е. формальную противоположность двух различных между собой методов (818. С. 35, 46). Противопоставив «науки о природе» и «исторические науки о культуре» и определив специфику истории как «единичное, индивидуальное течение вещей» (818. С. 96), он пришел к выводу: «Несмотря на все переходные и промежу-

63

точные формы, при исследовании природы все же пользуются преимущественно естественнонаучным, при исследовании же жизни культуры, главным образом, историческим методом» (818. С. 49, 51). Исторический метод в его понимании означал научные приемы, направленные на изучение особенного и индивидуального (Там же. С. 96).

Русские неокантианцы пошли дальше. Наиболее полно и глубоко неокантианские взгляды в России были развиты А.С. Лаппо-Данилевским и В.М. Хвостовым. Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863-1919) не просто встал на позиции неокантианской методологии, а дополнил и усовершенствовал неокантианское понимание предмета, метода и методологии истории. Отметим три наиболее важных момента. Во-первых, не отказываясь от характерного для немецких коллег дуалистического противопоставления естественных и исторических наук и естественнонаучного и исторического методов, он относил к наукам идиографическим не только историю общества, но и историю природы, а к

паукам номотетическим наряду с естественными науками - психологию и социологию: «Таким образом, получается двойной ряд наук, изучающих действительность: одни из них конструируют общие ее законы с номотетической точки зрения, характеризующей естествознание, психологию, социологию и т.п.; другие дают построение индивидуального процесса ее становления или развития с точки зрения идиографической, присущей тем из них, которые занимаются историей природы и, в особенности, историей человечества» (542. С. 22). Во-вторых, он первый провел различие по предмету и методу между социологией и историей и таким образом обосновал специфику исторического метода, показав его отличие от естественнонаучного и социологического методов. В-третьих, и в самой исторической науке он стал различать номотетическую и идиографическую точки зрения и сформулировал задачи номотетического и идиографического построения исторического знания

64

(542. С. 22,23,29). Это был шаг вперед по сравнению с немецкой неокантианской методологией.

Вениамин Михайлович Хвостов (1868-1920), профессор юридического факультета Московского университета, окончивший жизнь суицидом, в солидной монографии «Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории» дал обоснование специфического характера предмета и метода истории. Он первоначально стоял на позициях дуализма в понимании предмета и метода истории: «История изучает не какие-либо типические процессы, но *отдельные* события и состояния во всей их конкретности; ее интерес возбуждается не тем, что есть в этих событиях общего с какими-либо другими, но именно всеми конкретными особенностями этих событий; отдельные события во всей их конкретности никогда не повторяются, - и именно такие неповторяющиеся события и составляют предмет изучения истории» (1020. С. 3-4). В определении предмета исторической науки, он подчеркивал три момента. Во-первых, ис-

тория есть наука, изучающая *минувшие* события и состояния в жизни людей как социальных существ. Во-вторых, предметом изучения историка являются не какие-либо типические процессы, а *отдельные неповторяющиеся события и состояния во всей их конкретности* со всеми их особенностями; историки не устанавливают никаких общих формул. В-третьих, предметом истории являются только те события и состояния, в которые люди вступают как члены человеческого общежития, т. е. события *социального* характера, в которых деятелями оказываются не одни только массы, но и отдельные личности (1020. С. 4, 13). Определяя особенности предмета исторической науки с неокантианских позиций, В.М. Хвостов ссылался на утверждение Г Риккер-та, что классификация наук должна иметь два основания: различие предметов, подлежащих изучению, и различие точек зрения, с которых отдельные науки рассматривают действительность (1020. С. 108). Составляя свое собственное представление о предмете и методе исторической науки, он, с одной стороны отличал его от предмета теории исторического процесса и философии истории, с другой - от предмета естественных наук. «Предметы их изучения настолько различны, методы исследования настолько разнородны, что мы имеем полное основание утверждать, что при классификации наук это разделение должно занимать

одно из самых видных мест» (1020. С. 89). Исходя из дуалистической картины мира, распадающегося на мир физический и мир духовный (1020. С. 90), он различал «науки о мире физическом» и «науки о мире духовном» и относил историю к «наукам о духе», «наукам о мире психическом», поскольку историку приходится иметь дело с фактами, относящимися, главным образом, к области психических явлений. Выделяя целую группу исторических наук, где исключительный предмет изучения составляет индивидуальное, он подчеркивал, что индивидуальное, с которым имеет дело история людей, отличается по своим свойствам от того единичного, с

которым приходится встречаться наукам о мире физическом. Специфику индивидуального в истории человечества он видел в том, что исторический процесс есть процесс духовной жизни, что история по существу своему есть наука о духе, и что разделение «наук о природе» и «наук о духе» ввиду принципиального различия в характере причинности психической и физической имеет огромное значение в классификации наук» (1020. С. 126).

Из особенностей предмета истории как «науки о мире психическом», индивидуализирующей генетической науки о духе», В.М. Хвостов выводил особенности метода исторической науки. Первая особенность выводилась им из специфического отношения к индивидуальному: исторические науки смотрят на действительность с совершенно иной точки зрения и работают иными методами. «В то время, как естественные науки работают методом генерализирующим, т. е. интересуются только общим и лишь общее, как таковое, почитают существенным, науки исторические, напротив, обращают все свое внимание на индивидуальное. Эти науки работают методом *индивидуализирующим*» (1020. С. 109). Индивидуализирующим методом, по его мнению, история отличается не только от естественных наук, но и от таких общественных наук, как общая социология, филология, полит-экономика, теория права и др., которые ставят своей задачей обобщение.

Вторая особенность проистекает из необходимости применения в истории принципа отбора фактов, называемого неокантианцами «методом отнесения к ценностям». «В то время, как генерализирующие науки в своей работе принципиально отвлекаются от всяких ценностей, кроме логических, науки истори-

66

ческие обращают внимание только на те явления, которые стоят в прямом отношении к признаваемым людьми ценностям. Они изучают только существенные исторические факты, а индивидуальное может стать существенным только под углом зрения какой-нибудь ценности» (1020. С. 110).

Третью особенность В.М. Хвостов объяснял духовным характером исторических объектов. Эти объекты теснее всего связаны с ценностями в области духовной жизни людей, и нет ничего удивительного в том, что индивидуализирующий метод, как метод исторической науки, по преимуществу применяется именно к событиям духовной жизни и является по существу психическим, поскольку «о содержании чужой психики мы умозаключаем лишь по аналогии с нашей собственной» (1020. С. 364). В этой связи важно отметить, что в отличие от Риккерта, он не преувеличивал значение духовности: «Духовные явления составляют все-таки лишь одну сторону исторического процесса, правда, наиболее важную, но не единственную. История не упускает из виду и телесных процессов, имеющих отношение к ценностям. С другой стороны, и не вся духовная жизнь людей дает материал для истории, но исторически существенная часть ее». (1020. С. 112).

Четвертая особенность выводилась им из того, что система общепризнанных ценностей составляет содержание культурной жизни общества. «Поэтому науки, работающие методом отнесения к ценностям, могут быть названы *науками о культуре*, в противоположность генерализирующим *наукам о природе*, в состав которых одинаково входят как науки о мире физическом, так и общие науки о духе. Установление самой системы ценностей не есть уже дело истории. Это - задача общей философии и философии истории» (1020. С. 111). Признавая правоту Риккерта в том, что руководящим методом при отборе исторически существенных фактов от несущественных является *метод отнесения к культурным ценностям* («ведь именно интерес наш к культурным ценностям приводит к тому, что мы начинаем внимательно изучать неповторяющиеся события в социальной жизни людей во всей их индивидуальности») В.М. Хвостов в то же время не соглашался с ним в стремлении отождествить методы философии и науки. «Но в области строго эмпирической науки, каковой является история, мы должны ограничиваться исключительно-5*

но применением логических критериев, установившимися взглядами на содержание логических норм. Все же остальные нормы -этические, эстетические - могут быть предметом изучения историка в их генезисе, но не могут определять методов исторического исследования. Метод историка состоит в каузальном изучении исторической действительности при помощи строго логического анализа ее (1020. С. 127).

Рассмотрев особенности метода исторической науки, В.М. Хвостов справедливо указывал на границы применения этого метода. «Отнесение к ценностям должно иметь значение только для отбора существенного и подлежащего изучению материала, но не более того. Непосредственной же задачей исторического исследования должно служить обнаружение той причинной связи, в которой стоят между собой исторические события. Эта историческая причинность не совпадает с той причинностью, которая изучается естествознанием. В естественных науках дело идет об установлении общих законов явлений. В истории вскрывается историческая причинность, в которой нет ничего общего; она столь же индивидуальна, как индивидуальны события, изучаемые историком. Историческая причинность никогда не повторяется, и ее особенностью является то, что результат здесь никогда целиком не содержится в своих причинах» (1020. С. 110-111). Историческая причинность в итоге характеризовалась им как особое проявление причинности психической с ее качественно творческим характером. Причины сложного исторического явления могут быть разложены на составные элементы с тем, чтобы эти элементы уже были подведены под те общие законы, которые систематическими науками установлены по отношению к этим элементам. Допуская законы в историческом процессе, В.М. Хвостов признавал также роль случая в истории, оговариваясь при этом, что если даже метафизическим теориям, которые сооружаются чисто умозрительным путем, никогда не удастся, благодаря дискурсивности человеческого мышления, удовлетворительно примирить единство со

множеством, то история, как эмпирическая наука, осуждена всегда считаться с множественностью независимых друг от друга причинных рядов, столкновение которых само по себе есть случай, и которые, основываясь на творческой психической причинности и независимо от таких столкновений, постоянно готовят нечто новое, небывалое и потому непредвиденное.

68

Излагая свой взгляд на теорию исторического процесса, он довольно точно определял ее предмет и задачи. Предметом ее, в отличие от исторической науки, не являются конкретные неповторяющиеся события и состояния. Ее задача, как и задача всякой теории, состоит в построении известных общих учений, в установлении абстрактных положений, применимых к разнообразному материалу фактов. «Теория исторического процесса имеет своим предметом обоснование общих положений, лежащих в основе самой исторической науки, дающих руководящую нить при всяком историческом исследовании» (1020. С. 4). Основное содержание теории исторического процесса В.М. Хвостов связывал с теорией факторов, под которой он понимал те «элементы исторической причинности, действие которых может быть подведено под общие законы, и которые в совокупности образуют сложную причинность конкретных исторических событий» (1020. С. 206). Задача теории исторического процесса виделась им в обнаружении и систематизации этих факторов или сил, действиями которых создается индивидуальное разнообразие исторических событий и состояний. Систематизируя эти факторы, теория помогает историку в его исследовательской деятельности. «Мысль историков направлена, главным образом, к тому, чтобы вскрыть основные факторы исторического процесса и составить себе представление о том механизме, которым управляется история, и который может быть сделан предметом вполне научного, точного исследования. При этом мы встречаемся с целым рядом несогласных друг с другом направлений, разница между которыми определяется тем, какому фактору стараются придать преобладающее значение и какой колорит

приписывают исторической причинности в ее основных чертах (1020. С. 185). Отдав;< должное историческому материализму, прослеживающему ход экономической эволюции, В.М. Хвостов не видел никаких оснований и никакой необходимости выводить эту эволюцию из какой-нибудь одной силы, что было характерно и для исторического материализма, и для исторического позитивизма, сводивших историю, по его мнению, либо к единому фактору, либо к единому процессу.

В отличие от указанных направлений, В.М. Хвостов в своей теории указывал на три важнейших фактора исторического процесса. К первому он относил условия исторического процесса, свя-

69

занные с человеком как отдельной биологической единицей, с его психической и физической организацией, с его расовыми особенностями; ко второму - условия, касающиеся человеческих обществ, взятых как самостоятельное целое; к третьему - условия, стоящие в связи с внешней природой, географической средой. Сущность первого - человеческого - фактора он видел в психической и физической организации человека, которые выступают в истории преимущественно как признак устойчивости: меняется запас наших знаний и содержание мировоззрения, меняются способы воздействия человека на мир, но основные законы физической и психической жизни человека остаются неизменными (1020. С. 222-242). Второй фактор исторического процесса - общество -ведет свою особую жизнь, подлежащую действию особых законов, и в этой жизни оно производит продукты, создание которых не под силу отдельному индивиду. Общество не есть простая сумма индивидов, но особое целое, которое живет и развивается как особое органическое целое. Сложное строение общества приводит к тому, что образ действий его отдельных членов в разных случаях жизни становится сложным, в каждом предприятии приходится считаться с необходимостью услуг массы других лиц и целых установлений, вылившихся в определенные устойчивые формы (1020. С. 249-273). В этой

связи он считал необходимым также учитывать роль идеологии и подражания, действующих как фактор устойчивости и изменчивости (1020. С. 273-282). Влияние третьего - географического - фактора, по его словам, давно подмечено и не подлежит сомнению. По мере культурного развития связь человека с природой не только не ослабевает, но даже увеличивается. Вес стороны внешней природы имеют значение в истории: климат, географическое положение, устройство поверхности, характер флоры и фауны, и все это должно учитываться исследователями (1020. С. 216-222).

Создав плюралистическую теорию факторов, В.М. Хвостов неоднократно подчеркивал ее методологическое значение как «руководящей нити» при историческом исследовании: «на почве теории исторического процесса историк должен установить те основные предпосылки, из которых он будет исходить при своей дальнейшей деятельности». «Историк должен выяснить генетическую связь фактов, т. е. найти причинную связь событий. Для

70

этой цели историку приходится принимать во внимание учение о факторах исторического процесса и его ходе» (1020. С. 4,374). Хвостовское учение о факторах составляло основное содержание его теории исторического процесса, которое составляло важную часть философского осмысления исторического материала, но не единственную. Это, так сказать, теория исторического процесса в узком смысле слова. В широком смысле - теория исторического процесса отождествлялась им с философией истории, которая помимо онтологических проблем включала гносеологические, логические и методологические вопросы. Его плюралистическая (теория факторов) была направлена, главным образом, против исторического позитивизма, стоявшего на позициях методологического монизма.

Исторический позитивизм имел свою историю и логику развития. Известно, что первая попытка создания позитивистской методологии была сделана во Франции. Начало положил Оггост Конт (1798-1857), открывший

так называемый «закон интеллектуальной эволюции человечества или закон трех стадий», определяемый следующим образом: «Человеческий дух по самой своей природе в каждом из своих исследований пользуется последовательно тремя методами мышления, по характеру своему существенно различными и даже прямо противоположными друг другу: сначала теологическим методом, затем метафизическим и, наконец, положительным методом» (497. Т. 1.34). В России выразителями положительного (позитивистского) метода стали

В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский, Н.А. Рожков, П.А. Сорокин и др.

Василий Осипович Ключевский (1841-1911) высоко ценил знание истории: «Изучая дедов, узнаем внуков, т. е. изучая *предков*, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться»

71

/

(Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли/об истории. М., 1968. С. 332). Он дал превосходное обоснование позитивного, объективного, сравнительно-исторического ХіТО-дов в спецкурсе «Методология русской истории», прочитанного им в 1884-1885 академическом году и опубликованного в полном объеме лишь в 1989 г.

Исходя из главной онтологической установки (метод определяется предметом), он давал определение понятий: «предмет исторического изучения», «исторический процесс», «историческое движение» «исторический закон», «исторический метод». Понимая под методом «совокупность приемов изучения известной отрасли человеческого знания»; он уточнял эту зависимость: «Приемы эти определяются задачами, какие ставятся изучению той или иной отрасли, а задачи определяются предметом изучения» (452. Т. VI, С. 70). Определяя предмет истории, он имел в виду три рода явлений. Во-первых, «явления, составляющие настоящий предмет исторического изучения[^] суть не приключения и события, а *быт*, т. е. производные элементы общежития - понятия, привычки, нравы и право» (452. Т. VI. С. 76). Во-вторых, «предметом исторического изучения служат человеческие союзы, их развитие, взаимодействие и смена, точнее, цепь союзов, идущих с незапамятных времен до настоящего времени. ...Эта цепь столкновений, изменений и перерождение общежития и составляет общий процесс» (452. Т. VI. С. 31,52). В-третьих, «под предметом исторического изучения понимается исторический процесс, т. е. ряд явлений, которым он обнаруживается, как возникает, растет и осложняется известный союз, как меняется под влиянием природных условий, как получает новые формы... Исторический процесс - это развитие, взаимодействие и перерождение, т. е. смена людских союзов» (452. Т. VI. С. 29, 70).

Поясняя специфику исторического процесса, он проводил следующее различие: в отличие от физических процессов, представляющих собою повторение явлений в одном определенном порядке, например, смена времен года, и имеющих в каждом явлении причину и следствие, «в историческом процессе, кроме причин и следствий, имеют место и цели человеческих действий, например, стремление человека исправлять природу или приспособлять ее к своим потребностям. Иначе говоря, в природе нет целей, а есть только результаты, а в человеческой жизни есть и результат, и цели, хотя цели иногда и не достигаются, т. е. не 72

становятся результатами» (452. Т. VI. С. 52). В-четвертых, понятие «исторический процесс» у него тесно связывается с понятием «историческое движение», в которое «входят силы, его производящие, свойства предметов, движимых этими силами, и порядок, или последовательность самого движения» (452. Т. VI. С. 73). По мнению Ключевского, изучающий это движение историк должен решать методологические вопросы: как изучить этот процесс, каким образом исследовать этот процесс движения? В отличие от философа, изучающего, откуда идет история и куда она направляется, т. е. познающего начало и конец движения, историк изучает, *как* совершается движение (рост, возмужание, созревание). Поле исторического движения определяется продолжительностью движения следующих один за другим моментов (452. Т. VI. С. 61). Отвечая на вопрос, *как* изучить это движение, Ключевский давал характеристику методов изучения истории. Из всего разнообразия методов он выделял два метода, за которыми признавал научное значение: субъективный и объективный. При субъективном методе историческое изучение отправляется не от изучаемого объекта, не от исторического явления, а от изучающего субъекта, следовательно, исходным пунктом изучения становится точка зрения изучающего. «Метод такой называется субъективным. Исторические явления подбираются и излагаются по личному усмотрению историка. Приемы субъективного метода: подбор явлений, сравнительная оценка их и связь» (452. Т. VI. С. 71, 72, 89-90, 396 и др.).

Характеризуя объективный метод изучения истории, Ключевский называл три приема: наблюдение, сравнение или сопоставление явлений и обобщение их. Эти приемы постигают разные стороны исторического процесса, каждый следующий служит средством изучения все более сложных или более скрытых моментов. «Эти приемы суть последовательные моменты исторического познания, ступени, на которые последовательно восходит изучающий историю» (452. Т. VI. С. 88). Заметим, что это лучшее понимание исторического подхода. Первым приемом - наблюдением

познается состав общежития, взаимные отношения составных элементов. Это познается путем изучения отдельных явлений, которыми обнаруживается общая жизнь. «Наблюдая явления, мы их анализируем, анализируя, открываем первичные элементы, которыми они произведены; исследуя эти элементы, видим их со-

73

четания, т. е. состав общежития; разбирая их сочетания, замечаем их взаимные отношения или взаимодействие элементов. Следовательно, наблюдением познается состав общежития и взаимные отношения составных элементов» (452. Т. VI. С. 76).

Второй прием - сравнение или сопоставление явлений, при помощи которого историк ищет сходство и различие явлений. «Если наблюдением познается состав общежития и взаимные отношения составных элементов, то познание свойств и способов действий элементов общежития в различных его составах и при различном взаимном отношении составных элементов есть цель сравнительного изучения» (452. Т. VI. С. 78). Путем сравнения изучаются свойства разных элементов, обнаруживающихся при различных их сочетаниях в составе общежития. Чтобы изучить эти явления, надобно их сопоставлять.

Третий прием объективного изучения есть обобщение явлений, с помощью которого историк углубляется в «более сокровенные струи» исторического процесса. Обобщением явлений вырабатываются исторические схемы и исторические законы. Путем обобщения устанавливается внутренняя последовательность, или связь, между хронологически сменяющимися союзами и приводится эта смена к основным началам, по которым она создается. Узнать начало, управляющее сменой исторических явлений - значит открыть закон. «Если обобщение охватывает только внутреннюю последовательность, или связь, хронологических смен явлений, оно дает историческую схему. Если оно указывает начало, по которому совершается эта схема, оно дает исторический закон» (452. Т. VI.

С. 79). По мнению Ключевского, историческая схема отвечает на вопрос: в каком порядке сменяются явления, а исторический закон дает ответ на вопрос: почему они сменяются в таком порядке (452. Т. VI. С. 80). В его понимании исторический закон не тождествен ни физическим, ни биологическим, ни физиологическим, ни социологическим законам, хотя по свойствам явлений, которыми они управляют в истории, он не чужд ни первым, ни вторым, ни третьим, ни четвертым. В истории есть явления психические, но они преломляются под действием условий социологических, физиологических и др., есть явления социологические, но они преломляются под действием условий психических и т. д. Это преломление и есть следствие взаимодействия исторических сил. (452. Т. VI. С. 84).

74

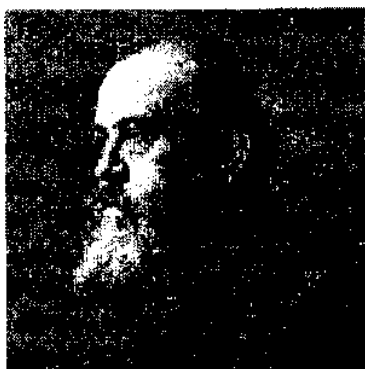
Его понимание исторических законов как «законов взаимодействия исторических сил», «законов сложения исторических сил», хотя и грешит некоторым схематизмом, но для своего времени оно было наиболее передовым и прогрессивным. И для сегодняшнего дня связь исторических законов с обобщением является редкостью и заслуживает одобрения.

Ценность своего метода Ключевский доказал на практике, воплотив в таких исторических трудах, как «Курс русской истории» в пяти томах, «Боярская дума древней Руси», «Происхождение крепостного права в России». «Подушная подать и отмена холопства в России» и др. Даже краткий анализ его методологических принципов, еще недостаточно оцененных и усвоенных современными историками, позволяет сделать вывод, что он внес значительный вклад в разработку методологии не только русской, но и всемирной истории. В свое время они оказали большое влияние на методологические взгляды М.М. Ковалевского, Н.И. Рожкова, П.А. Сорокина и многих других русских историков.

Максим Максимович Ковалевский (1851-1916) много уделял внимание разработке сравнительно-исторического метода. Он видел особенность «истори-ко-сравнительного метода» (так он его называл) в «параллельном

изучении развития форм общежития у различных древних и современных народов, изучении, которое должно дать нам общую *формулу социальной эволюции*. Применяя этот метод, мы не должны останавливаться на особенностях проявления какого-нибудь закона общежития у того или другого народа, у той или иной расы, не иметь в виду его общую эволюцию у всего человечества. Факты из истории отдельного народа должны при этом лишь постольку привлекать наше внимание, поскольку они освещают эволюцию данного явления вообще, т. е. повторяются в жизни других народов. Историко-сравнительный метод более заботится об установлении сходства, чем о выделении черт различий» (458. С. 130). Нельзя не отметить, что взгляды Ковалевского менялись: если в начале его привле-

75

кал анализ эволюции всего человечества, идея медленного усовершенствования общественных учреждений, называемая «основным социологическим законом прогресса», то позднее он перешел к анализу «эволюционных рядов», т. е. отдельных наций и обществ. Решение последней задачи он намеревался осуществить с помощью указанного историко-сравнительного метода, поставив цель - разбить целое на части, сравнить их между собой, установить их сходство и различие, понять их движущие силы, причины и следствия. В своих ранних исторических исследованиях он под влиянием материалистического понимания истории придавал большое значение экономической и социальной организации, а в более поздних работах перешел на плюралистические позиции, подчеркивая значение биологического и психологического факторов в истории.

С помощью сравнительно-исторического метода надеялся рассмотреть русскую историю и Николай Александрович Рожков (1868-1927), автор таких трудов, как: «Русская история в сравнительно-историческом освещении», «Исторические и социологические очерки», «Обзор русской истории с социологической точки зрения», «Город и деревня в русской истории». В первом труде он ставил цель - исследовать с помощью сравнительно-исторического метода социальную динамику и социальную статику русской истории. Под социальной статикой он понимал «учение о взаимоотношениях общественных явлений, взятых не в целом процессе развития, а в состоянии покоя, равновесия в каждый данный момент общественной жизни»; под социальной динамикой - «исследование общественных явлений в их движении, развитии» (821. С. 14). Исходным положением социальной динамики у него служил постулат: «общественная жизнь идет непрерывно, без особенно резких переходов, развивается постепенно, но и в развитии общества, как и в жизни природы, скачки («мутации») неизбежны очень часто» (821. С. 21). Понимая сложность предмета истории, в которой царит «большой хаос» и «непроглядная тьма», он считал, что единственным средством упорядочить этот хаос и рассеять эту тьму в интересах научного исследования - это «*построить модель*», каковой может служить теория развития психических типов» (821. С. 10). Эта теория, по мнению историка, имеет два важных достоинства: во-первых, она органически связывает воедино все различные проявления ду-

76

ховной культуры; во-вторых, дает возможность точными и ясными *формулами* выразить отношение духовной культуры к экономическому базису как непосредственно, так и в конечном счете, -через посредство социальной и политической надстроек (821. С. 11). Он предлагал «отбросить ложную всемирно-историческую точку зрения и обратить внимание на развитие отдельных стран и народов», чтобы обнаружить постоянные сходства, полагая, что «там, где есть повторение сходных явлений и процес-

сов, есть и правильная их закономерность. Надо открыть эту закономерность в развитии общественных явлений, в данном случае в развитии психических типов, которые также с некоторыми лишь вариациями повторяются в истории разных стран и народов в соответствующие (сквозь и рядом не одновременно везде протекающие) периоды их развития (821. С. 11). Но пытаясь сформулировать общие законы развития и сосуществования общественных явлений, он понимал их в субъективно-идеалистическом смысле как законы человеческой психики, выводимые, кстати, не из реальной истории, а из неких философских постулатов.

Итак, позитивизм имел свои положительные стороны: стремление решить вопрос об едином научном методе, о научном статусе исторического метода, о возможности применения в исторической науке методов других наук, о желании сделать историческую науку более строгой в научном плане. Пытаясь решить методологические вопросы исторической науке на онтологическом уровне, позитивисты первого поколения внесли ряд ценных положений в понимание предмета, метода и методологии истории. В предмет истории они включили, во-первых, социальные и частично экономические отношения, отличавшиеся иными, по сравнению с политическими и культурными, свойствами; во-вторых, предметом истории стали считать не только отдельные личности, но и деятельность различных социальных групп, «человеческих союзов», общественных организаций и, в определенной степени, народных масс, вследствие чего на смену «индивидуалистической истории» пришла «коллективистическая история»; в-третьих, от исследований предметов стал осуществляться переход к исследованию процессов, происходящих во времени.

Такие изменения в понимании предмета, естественно, привели к изменениям в понимании истории, исторического мето-

да, методологии истории. История стала отождествляться со временем. Подчеркивая направленность истории во времени, позитивисты взяли на

вооружение эволюционную теорию, согласно которой существует единый глобальный процесс развития, подчиненный одним и тем же законам. Следствием эволюционного подхода явилось новое понимание принципа историзма. На смену событиям пришли процессы, на смену фактам - идея законосообразности, на смену разобщенности - исторические связи; на смену конкретным историческим исследованиям - формулы социальной эволюции.

В связи с тем, что господствующим стал эволюционный подход, произошли большие изменения в понимании методов и методологии истории. Методы изучения предмета стали сменяться методами изучения процессов, способы изучения отдельных событий и состояний — способами создания моделей исторических процессов; методы описания хронологической последовательности событий - способами описания изменений, происходящих в обществе, т. е. исторических перемен; способы констатации отдельных изолированных фактов - способами связи социальных элементов в различных социальных состояниях; способы изучения особенного, уникального - способами изучения общих, повторяющихся связей. В связи с этим большое распространение получили методы исторического обобщения, исторического синтеза. Главный же недостаток позитивистского подхода сказался в недооценке специфики исторического познания, в натурализме. Типичным являлось суждение французского историка И.Тэна: «Я рассматривал свой предмет, как натуралист рассматривает насекомое, претерпевающее превращение» (955. С. 9-10). В целом же позитивизм сыграл большую роль в научном понимании истории, отвергая старые стереотипы и предлагая новые подходы к изучению истории.

2.2.4. Идеалистический и материалистический методы

Идеалистическое и материалистическое понимание истории различались по трем основным вопросам: о началах (вопрос о первичности общественного бытия или общественного сознания), о причинах исторических событий и о движущих силах исторического развития. Из

первого вытекало понимание предмета исторической науки, коим идеалисты считали факты обще-

78

ственного сознания, события духовной жизни общества, политические и культурные явления. Причинами исторических событий они считали идеальные, духовные факторы; движущими силами истории - великие личности. Для идеалистического понимания предмета исторической науки характерны следующие редукционистские положения:

- сведение истории к духовной жизни общества («история сознания», «история мыслей и чувств» и т.п.);
- сведение истории к одной из сторон общественной жизни («история политики», «история культуры»);
- сведение истории к деятельности отдельных лиц или групп (индивидуалистическая история», «коллективистическая история»);
- сведение истории к эмпирическому уровню («история со-бытия», «фактография», «идиография»).
- разрыв между предметным и процессуальным подходами, отсутствие исторического взгляда на общество.

Идеалистическому пониманию предмета исторической науки соответствовал идеалистический метод («особый субъективный метод» Н.К. Михайловского, «метод чувства и страсти» С.Н. Южакова и пр.). Для всех сторонников этого метода характерно объяснение исторических событий идейными мотивами и волевым напряжением великих людей; результатом деятельности отдельных личностей или элитных групп, субъективная оценка исторических событий.

Абсолютизация конкретных событий неминуемо приводила к отрицанию законов. Тезис: «История не может быть наукой о законах» являлся типичным для многих историков и философов. Например, русский историк Д.И. Багалей заявлял: «Исторические законы - это химера» (30. С. *5). Немецкий историк Э. Мейер утверждал: «Исторические законы

существуют только в идее, в качестве постулатов. Нет никаких законов, а есть лишь выведенные путем аналогии эмпирические обобщения» (617. С. 36). Отрицание законов исторического развития означало вместе с тем отрицание применения в истории теоретических методов и обоснование эмпирического характера метода истории. Эмпирические методы, какую бы ценность ни представляли для исторического анализа, оказывались всякий раз недостаточными, когда дело касалось внутренних, необходимых, повторяющихся-

79

ся во времени и пространстве исторических процессов. В итоге с помощью идеалистического метода писалась история идей, история достижения целей, история выполнения конкретных планов, биография князей, царей и героических личностей, Примерами могут служить «Герои и героическое в истории» Т. Карлейля, «История Российская с древнейших времен» в 5-ти кн. В.Н. Татищева, «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «История России» в 5 томах Д.И. Иловайского и др.

Против такого понимания предмета и метода истории выступали многие русские мыслители. Например, Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» утверждал, что такой прием неверен и предлагал «изменить совершенно предмет наблюдения, ...оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами. Никто не может сказать, насколько дано человеку достигнуть этим путем понимания законов истории; но очевидно, что на этом пути только лежит возможность уловления исторических законов и что на этом пути не положено еще умом человеческим одной миллионной доли тех усилий, которые положены историками на описание деяний различных царей, полководцев и министров и на изложение своих соображений по случаю этих деяний» (Толстой Л.Н. Война и мир. М, 1983. Т.3. С. 286).

Критика исторического идеализма давалась также классиками марксизма. Наиболее удачным, на наш взгляд, явился ленинский анализ

гносеологических корней идеализма. Он утверждал, что идеализм - не чепуха, не ерунда, а отросток на живом дереве человеческого познания (550. Т. 29. С. 322). В индийском городе Банарес, являющемся центром буддизма, рядом со статуями Будды и его учеников, растет «древо познания». Сколько на нем ветвей, сколько листьев - и все это «отростки на живом дереве» человеческого познания! Невольно на ум приходит аналогия: столько существует (и еще будет существовать) направлений человеческой мысли, служащих основанием не только для идеализма, но и для материализма, и для плюрализма и пр. Правильное понимание предмета и метода истории невозможно ни с помощью идеализма, нацеливающего на раскрытие только идеальных, духовных сторон общественной жизни, ни с помощью материализма, нацеливающего на анализ только материальных, экономических отношений. Задача состоит в том, чтобы рассмат-

80

ривать в единстве материальное и идеальное как две стороны единого исторического процесса, каждая из которых обладает относительной самостоятельностью и в то же время неразрывно связана с другой. В итоге получается не только синтез материального и идеального, но и качественно новое понимание каждого из них.

Одной из заслуг материалистического понимания истории является стремление решить монистическим путем проблему единства мира. Проблема эта необычайно сложна. Она включает множество проблем: проблему единства природы и общества, проблему единства человеческого рода, включающего различные народы, расы, нации, проблему единства исторического процесса, проблему единства науки, проблему единства познавательных (методологических) средств и др. Сознвая эту сложность, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», предупреждали, что «действительное единство мира доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания (600. Т. 20 С. 43). Широко известны их слова, касающиеся единства исторической науки:

«Мы знаем только одну единственную науку, науку историю, которую можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны: до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» (600. Т. 3. С. 16, 43). Исходя из указанного единства, К.Маркс предложил свой метод, утверждая, что «последний метод есть единственно материалистический, а, следовательно, единственно научный метод» (600. Т. 23. С. 383). Ф. Энгельс считал диалектику «единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития епгттвознания (600, Т. 20. С. 528). Оба эти метода проистекали из диа: ^ктнко-материалис-тической теории исторического процесса.

Будучи уверены в единстве исторического процесса, классики марксизма создали теорию общественно-экономических формаций и на основе ее формационный подход, однако в практике советских историков этот подход по выдержал проверки временем, главным образом потому, что он был скроен по единой европейской, точнее по греческой мерке, и в эту схему, как в прокрустово ложе, не укладывалась история других стран и континентов,

О

:ьк.253

81

в частности в России, как известно, не было ни классического рабовладения, ни классического капитализма.

Сущность понимания единства мира более подробно пытался определить Н.И. Бухарин, который считал особенно ценным у Маркса экономическое учение и методологию истории (95. С. 129). Подвергнув критике неокантианские и позитивистские взгляды на предмет и метод истории, он видел причину их неудач в неумении бросить исторический взгляд на природу, общество, человека. Рассматривая истоки «не-исторического» взгляда» на предмет и метод истории, он проводил аналогию

между неокантианской методологией и философией Гегеля, у которого «природа не знает истории, и сама история успокаивается на буржуазно-помещичьем государстве (здесь *система* Гегеля как раз приходит в конфликт с *его методом*)». По утверждению Бухарина, классики марксизма дуалистическому подходу противопоставили монизм, но речь у них шла не о «плоском монизме, для которого нет *многообразия* и у которого все кошки серы, и отнюдь не о плюрализме, для которого нет *единства*, а о диалектическом и материалистическом монизме, который адекватен реальному единству в многообразии и многообразию в единстве, со всеми формами противоречий, с взрывами и катаклизмами, с переходом одних форм в другие, который адекватен величественному и всеобщему *историческому процессу развития*» (95. С. 157). Суть «диалектического монизма» Бухарин определял как исторический взгляд на природу, общество и человека. Согласно такому пониманию, «природа есть единство, но единство противоречивое. Общество есть продукт *исторического* развития природы, но продукт, который относительно противостоит природе, воздействует на нее и даже превращает в процессе исторического развития саму внешнюю природу в свой продукт (так называемый *культурный ландшафт*)» (95. С. 155-156). Разъясняя новизну марксистского понимания предмета и метода истории, Бухарин утверждал, что суть его именно в историческом взгляде на предмет и метод. Всякий предмет должен рассматриваться одновременно как продукт исторического развития и как процесс развития. И исторический метод есть не что иное, как исторический взгляд на вещи. Как известно, В.И. Ленин, подвергая критике методологический редукционизм во всех его разновидностях, критиковал бухаринскую теорию равновесия систе-

мы- общества со средой-природой, изложенную в книге «Теория исторического материализма», но в данном вопросе он не сомневался в правоте Бухарина.

Сам В.И. Ленин указывал на следующие приемы, определявшие содержание материалистического метода применительно к

обществознанию;

- выделение материальных отношений в качестве основных, определяющих и сведение идеального («идей и целей») к материальным общественным отношениям (550. Т. 1. С. 138, 168);

- сведение общественных отношений к производственным отношениям и производительным силам, давшее «твердое основание для представления развития общественно-экономических формаций естественноисторическим процессом» (550. Т. 1.

С. 138);

- подведение индивидуальностей под общие законы; «подведение «индивидуальностей» под известные общие законы давным-давно завершено для мира физического, а для области социальной оно твердо установлено лишь теорией Маркса» (550.

Т. 1.С. 430);

- сведение индивидуального к социальному: «Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что устанавливает приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью» (550. Т 1. С. 429);

- сведение единичных явлений к массовым, акцентирование внимания на изучении «массовых действий, относящихся к миллионам людей», «массовых повсеместных фактов из жизни рабочих» (550. Т. 6. С. 167; Т. 35. С. 320);

- сведение отдельных человеческих действий к групповым: «действия «живых личностей"... бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей» (550. Т. 1. С. 430);

- сведение личных и групповых интересов к классовым: «Мы должны брать за основу не лица и не группы, а именно анализ *классового* содержания общественных течений и идеально-политическое исследование их главных, существенных принципов»

(550. Т. 26. С. 151);

- применение к социальным исследованиям общенаучных критериев повторяемости: «Материализм дал вполне объектив-6*

83

ный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты» (550. Т. 1. С. 137). Эти приемы обобщения Ленин называл «научным методом в социологии», «единственно правильным методом в социологии» (550. Т. 1. С. 137).

Однако в процессе применения этого метода в теории и на практике обнаружились многие негативные следствия. Вульгарное сведение идеальных отношений к материальным привело к недооценке духовных отношений, к игнорированию духовных потребностей. Охульное сведение общественных отношений к производственным привело к абсолютизации технократического подхода к человеку, к характеристике его только как специалиста, «кадра» и недооценке его социальных, культурных качеств. Сведение производственных отношений к производительным силам породило односторонний взгляд на человека как на главную производительную силу, как придаток к машине, как «винтик» гигантского производственного механизма. Человек приравнивался к техническому средству, с помощью которого надеялись достигать великие цели, осуществлять грандиозные планы, осваивать космические пространства. Сосредоточение внимания на безличных социальных структурах отодвигало человека на второй план, обесценивало человеческую личность, порождало пренебрежительное отношение к судьбам отдельных «маленьких» людей. Такой подход, доминировавший несколько десятилетий в России, только в последние годы стал пересматриваться.

Отвергая объективизм и субъективизм как метафизические методы мышления, В.И.Ленин предложил свой метод под названием «объективизм

классовой борьбы» (550. Т. 22. С. 101), в котором объективный метод, дополненный классовым анализом и партийной оценкой, способен был якобы дать не только правильное объяснение текущей истории, но и указать наиболее правильный путь преобразования российского общества. Этот метод также не выдержал испытания ни в теории, ни на практике. На практике он выродился в культ одного класса, одной партии, одной личности. Культ одного класса привел к установлению диктатуры пролетариата и к физической ликвидации других классов (помещиков, буржуазии, зажиточных крестьян). Культ одной

84

партии, менявшей названия (РСДРП(б), ВКП(б), КПСС), но сохранявшей суть большевизма, привел к уничтожению других партий (меньшевиков, эсеров и пр.) и к установлению однопартийной системы, закрепленной в 5-й статье Советской Конституции. Культ личности, начиная с культов личности Генеральных секретарей (Сталин, Хрущев, Брежнев) и кончая сравнительно маленькими культами личностей в республиках, областях, районах, предприятиях, привел к искажению методологических норм в науке и практике. Так, в исторической науке вследствие этого подхода появилось много «белых» и «черных пятен», искажающих отечественную и зарубежную историю. Негативные следствия такого подхода предсказывали многие философы, экономисты, историки, например, П.Б.Струве, но их доводы были отвергнуты, а сами они либо были высланы на печально известном «философском пароходе», либо отправлены в ГУЛАГ.

Итоги массовых репрессий, унесших жизни миллионов людей подведены многими советскими историками, в частности Д.А. Волкогоновым, но наиболее впечатляющий итог преступлениям, репрессиям и «красному террору» содержится в переведенной с французского «Черной книге коммунизма»:

- во время «красного террора» 1918-1922 годов совершено убийство сотен тысяч взбунтовавшихся рабочих и крестьян, расстрелы без суда и

следствия десятков тысяч заложников и лиц, находящихся в местах заключения;

- в 1918-30-х годах гибель десятков тысяч заключенных в концентрационных лагерях;

- в 1921-22 гг. голод, послуживший причиной смерти 5 миллионов человек;

- в 1920 г. уничтожение и депортация донских казаков;

- в 1930-32 гг. во время коллективизации депортация двух миллионов кулаков (и причисленных к ним):

- в 1932-33 гг. гибель от голода 6 млн. украинцев;

- в 1937-38 гг. в ходе «большого террора» уничтожено 690 тысяч человек;

- в 1939-41 и затем в 1944-46 годах депортация сотен тысяч поляков, украинцев, жителей прибалтийских государств, Молдавии и Бессарабии;

- в 1941 г. депортация немцев Поволжья;

- в 1944 г. депортация крымских татар;

85

- 23- 24 февраля 1944 г. выслано 521 247 чеченцев, ингушей, балкарцев и других кавказских народностей (1051. С. 41-42). И это далеко не полный перечень преступлений большевизма. После войны, унесшей еще десятки миллионов военных и мирных жителей, вновь начались репрессии: «дело кремлевских врачей», «ленинградское дело» и другие «дела», которые были остановлены только смертью Сталина. Среди репрессированных были и философы, и историки, которые расплачивались за марксистскую теорию и методы познания и действия. Необходимость преодолеть абсолютные к марксизму симпатии или антипатии, переосмыслить это историческое наследие, оценить то, от чего следует отказаться, и что следует сохранить, чтобы двигаться дальше, осознавалась еще при Советской власти и реализовывалась, в частности, в виде альтернативных подходов.

2.2.5. Альтернативные подходы А.Л. Чижевского и Л.Н. Гумилёва

Стремление преодолеть марксистскую интерпретацию истории привело к созданию неклассических подходов, представленных в следующих разновидностях: био-ноосферный, эволюционно-энергетический, информационно-кибернетический, междисциплинарный, синергетический. и др. Био-ноосферный, идущий от В.И. Вернадского, воплотился в антропоэкологии В.П.Алексеева, археогеологии В.П. Чеха, эволюционно-энергетическом подходе Л.А. Чижевского и пассионарно-энергетической модели Л.Н. Гумилева и др. Все они достойны самостоятельного разбора, но мы остановимся подробно на подходах Л.А. Чижевского и Л.Н. Гумилева.

Чижевский Александр Леонидович (1897-1964) принадлежал к числу наиболее талантливых людей своего времени. В начале творческой деятельности, исходя из того, что социальная эволюция протекает под непосредственным воздействием многих факторов (экономических, политических, а равно и естествен-

86

ных, сравнительно недостаточно изученных), А.Л. Чижевский поставил цель — вскрыть роль естественных факторов в движении человеческих коллективов (1058. С. 5) и провел специальное исследование о влиянии мощного космического фактора (периодической пятнообразовательной деятельности солнца) на человеческую деятельность. Обнаружив зависимость между активностью солнца и военно-политической деятельностью людей, он высказал свою точку зрения на это явление в труде

«Основы историологии». Проведя исследование хода исторических явлений в связи с периодической деятельностью солнца, он сначала изложил результаты этой работы в «Исследовании соотношения между пятнообразующей деятельностью солнца и течением всемирно-исторического процесса, начиная с V века до Р. Хр. и по сие время». Затем в статье «Физические факторы исторического процесса», написанной в 1922 г. и опубликованной в виде книги в 1924 г., дал краткое изложение результатов исследования влияния космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение всемирно-исторического процесса. Во Введении он вслед за Бердяевым высказал мысль о несовпадении человеческих замыслов и итогов, целей и результатов человеческой деятельности. «Исторические события, завершаясь, всегда давали иные итоги, чем те, которые были предположены при их возникновении. Получалось как будто не то, к чему стремились или чего желали люди и целые сообщества» (1058. С. 5). Пытаясь объяснить это несовпадение, он предположил, что может быть солнце - причина всех закономерных, периодических явлений на земном шаре (1058. С. 14) и поставил следующие специальные теоретические вопросы:

- не связано ли интеллектуальное развитие человечества с жизнедеятельностью всей вселенной?

- существует ли зависимость между активностью солнца и военно-политической деятельностью?

- каково влияние солнца на всемирно-исторический процесс, под которым разумел *«одновременно протекающую социальную эволюцию во всех человеческих сообществах, зависимых или независимых одно от другого по своему пространственному положению на поверхности земного шара»* (1058. С. 9);

- «не отражаются ли на органической природе земли такие мощные колебания солнцедетельности, связанные с выбрасы-

ванием в пространство несчетных потоков электрических частиц солнечной энергии и излучением электромагнитных волн» (1058. С. 22).

Для решения этих теоретических вопросов А.Л. Чижевский в преддверии тщательного исторического исследования сформулировал основные методологические вопросы:

- каков метод изучения истории: должен он быть методом изучения отдельных исторических событий или методом отыскания законов? (1058. С. 5);

- каковы пути открытия законов, управляющих ежедневной деятельностью человека, его многовековыми судьбами? (1058. С. 7);

- можно ли отыскать в истории действие законов природы: «применимы ли законы природы к объяснению явлений о человеческих сообществах»? (1058. С. 7);

- приложимы ли к истории принципы и методы естественных наук; в какой степени психическая и социальная деятельность человека зависима от каких-либо физико-химических явлений в окружающем мире: «Поэтому не должны ли быть приложены к изучению исторического процесса и социальной эволюции методы и принципы физики и математики»? (1058. С. 8);

- каким должен быть метод изложения исторического материала: литературным, повествовательным или языком научных формул, цифр и пр. При этом он ссылаясь на французского историка и социолога Бурдо, который, признавая статистические данные о массовых движениях подлинною сущностью истории, «идеал научной истории видел в том, чтобы изображать историю в статистических цифрах, а массовые события - в формулах, считая словесное изображение событий предметом литературы» (1058. С. 8).

Отвечая на первый методологический вопрос, Чижевский изложил свое понимание предмета и метода исторической науки. Он резко осудил эмпирическую трактовку его как метода изучения исторических событий.

«Несмотря на огромный материал, собранный историками, на утонченные методы его разработки, несмотря на колоссальную работу, которую преодолели ученые, история в том виде, как она есть, значит не более нуля для социальной практики человечества» (1058. С. 7). Она представляет собой знание о мертвом, ненужном для прогрессирующей жизни. Это архив, где редко наводили и наводят справки, и знание,

где все эти «уроки истории» никого никогда и ничему не научили. Люди, близко знакомые с историей, делали те же ошибки, те же промахи, которые уже некогда были совершены. «Последнее происходило потому, что действующие в истории лица не имели никаких твердых точек опоры, никаких обоснованных вех в пространстве и времени, которые могли бы руководить их деяниями и направлять течение рожденных ими событий» (1058. С. 7). Пытаясь отыскать эти «точки опоры», «обоснованные вехи», Чижевский обратился к науке, дающей знание о законах: «Действительно, главное свойство науки - наличие определенных законов, подчиняющих себе явления во всех составляющих ее частях. Тожественные явления, протекающие по определенному закону, должны давать, при прочих равных условиях, одинаковые результаты» (1058. С. 5). Это относилось к естественным наукам, а что касается истории, то ее вплоть до сего времени чаще признавали не за науку, а за некоторое знание. Это мнение отстаивал Шопенгауэр в сочинении «Die welt als wille und Vorstellung». Скептики XVII и начала XVIII столетия были склонны считать историю «условной сказкой». В итоге «человечество за всю свою многовековую культуру, сопутствуемую постепенным развитием точных наук, не уяснило себе ни одного закона, по которому должно протекать то или иное историческое явление или событие» (1058. С. 5). Разнообразие реакций на одинаковые раздражения заставляли предполагать, что в основе исторических судеб лежит хаос, а размещение событий в пространстве и времени не подчиняется никаким законам. Это воззрение распространялось как на краткие исторические периоды и па отдельные исторические события - войны и революции, так и на целые эпохи

и цивилизации. Правда, отдельные попытки открыть законы делались, но все они терпели неудачу.

Анализируя причины этих неудачных попыток, Чижевский называл их несколько. Одни утверждали, что человеческим судьбами руководит предопределение. Пока человек верил в догмат о предопределении, полагаясь на сверхразумное вмешательство, ему никак не удавалось набрести на путь открытия законов, управляющих его деятельностью (1058. С. 7). Другие признавали случай характерным явлением в истории, лишая тем самым историю всякой закономерности. Третьи усматривали причину в свободе воли, в отсутствии видимой внешней правильности

89

в исторических деяниях человека, благодаря чему ход истории постоянно претерпевал различные колебания, не поддающиеся ни учету, ни классификации.

Отвечая на второй методологический вопрос, Чижевский указал один из путей открытия законов: «Лишь сравнительный метод, приложенный к изучению истории, сделал в недавнее время некоторые успехи в доказательстве противного. Истинная роль сравнительного метода заключается в обнаружении общности в развитии различных исторических событий и в открытии точных правил этого развития» (1058. С. 5). С помощью сравнительного метода историкам удалось показать, что и отдельные события более или менее сходного характера и даже целые исторические эпохи имеют в своем движении много тождественных черт. Благодаря этому методу был сделан вывод, что исторические события повторяются, что в исторической науке возможно обобщение и нахождение законов.

Отвечая на третий методологический вопрос, А.Л. Чижевский проанализировал попытки применения законов природы к объяснению явлений в человеческих сообществах. Одна из первых попыток была сделана английским историком Боклем в труде «История цивилизации в Англии»,

пытавшимся показать, что к истории приложимы принципы и методы естественных наук, ибо история есть взаимодействие между человеком и природой. Бокль настаивал на изучении влияния окружающих условий на человека с применением статистики. По его мнению, познать законы истории можно лишь с помощью статистических наблюдений за деятельностью масс, открывающих закономерность массовых поступков. С тех пор, как статистика человеческих деяний указала на закономерность, существующую в них, т. е. было вскрыто постоянство различных человеческих поступков, стало ясно, что история может достичь степени науки только путем познания общих законов (1058. С. 6). Почти одновременно с Боклем американский историк и химик Дрэпер *Q.W. Draper*) в своем сочинении «History of the intellectual development of Europe» (1856) высказал мысль о том, что историческая эволюция пародов управляется естественными законами и находится под влиянием физических агентов природы. Вследствие того, что физические явления протекают по строгим законам, а исторические явления не представляют из себя результат действия свободной

90

воли, они подчиняются определенной закономерности, которая должна быть рано или поздно вскрыта (1058. С. 8). По замечанию Чижевского, благие попытки Бокля и Дрэпса не привели к всестороннему изучению явлений природы и одновременно протекающих с ними массовых движений человечества. Главную причину отсутствия подобных исследований он видел в общем слепом убеждении, что психическая и социальная деятельность человека независима от каких-либо физико-химических явлений в окружающем мире.

Сам он был убежден, что современная наука стремится свести психологические явления на физиологические процессы, в которых ищет и находит физико-химическую основу, а в последней - механику элементарных частиц. Это обстоятельство позволяет глубже проникнуть в сущность психической жизни, тесно связанной с жизнью живого организма и

окружающего его внешнего мира. Поэтому он утвердительно отвечал на четвертый методологический вопрос о применении к изучению исторического процесса принципов и методов физики и математики: «Владения физики - вся вселенная, вся целиком, и потому физика должна сказать свое слово при рассмотрении любого и мире вопроса. Она должна осветить лицо истории своими законами о веществе, связать человека с человеком, человечество с природой путем установления для органических существ законов, аналогичных законам неорганического мира» (1058. С. 8). В равной мере это относится и к математике, которая в теоретическом синтезе должна выявить формы исторических явлений и вскрыть исторические пути народов человечества. Особое внимание он уделил статистическим методам объяснения исторических явлений, под которыми понимал «рассмотрение их как равнодействующей большого числа сложных и печеных явлений, управляемых законом случая» (там же). Этот метод уже довольно широко использовался в естественных науках. Биологи и социологи, благодаря трудам К. Пирсона (K. Pearson), Г. Брумса (H. Brims) и других, пытались при помощи статистики постигнуть ряд законов природы, полагая, что последние суть законы статистики (там же). Успехи биофизики в течение последних десятилетий начинают лишать человека того таинственного ореола, которым он был окружен столько тысячелетий. Это происходит вследствие слияния наук на почве физико-математического анализа. Будучи

91

применен к исследованию психических процессов, он постепенно устраняет заблуждения о сверхъестественном происхождении сознания, функции которого выражаются в физико-химических превращениях и подчиняются математическим формулам. В итоге, по утверждению Чижевского, человеческая воля становится доступной опыту, и сам человек из сферы чудес переводится в ряд закономерных физико-химических явлений природы. Таким образом, он установил, что исторические явления наступают не произвольно, не когда угодно, не безразлично по отношению

ко времени, а подчиняются физическим законам. Изучая явления общественные в связи с явлениями космическими, он попытался пролить свет на общий закон, управляющий массовыми действиями людей и дать возможность научного обоснования изучения законов человеческого общества. Его исторической заслугой является то, что он установил основную и первую измерительную единицу отсчета времени исторического процесса и наметил пути к обнаружению *физии-ческих* законов, управляющих ходом социальной эволюции (1058. С. 10).

Решение методологических вопросов в свете современного научного мировоззрения позволило Чижевскому решить сложные теоретические вопросы, касающиеся человеческой истории. Исходя из того, что «мир есть сложная система зависимых переменных, а не музей отдельных явлений, не перечень неподвижных фактов» (1058. С. 9), он судьбы человечества рассматривал в зависимости от судеб вселенной, причем сам подчеркивал, что это не только поэтическая мысль, могущая вдохновлять художника к творчеству, а истина, признание которой настоятельно требуют итоги современной науки. Согласно этой истине, в той или иной степени всякое небесное тело, перемещающееся в пространстве относительно Земли, при своем движении оказывает известное влияние на распределение силовых линий магнитного поля земли, внося этим различные изменения и пертурбации в состояние метеорологических элементов и воздействуя на ряд других явлений, развивающихся на поверхности нашей планеты. Кроме того, состояние солнца, первоисточника всякого движения и всякого дыхания на Земле, находится в известной зависимости от общего состояния электромагнитной жизни мира вообще и, в частности, от положения других небесных тел. Исхо-

дя из этого положения, Чижевский дал утвердительный ответ на вопрос о связи интеллектуального развития человечества с жизнедеятельностью целой вселенной (1058. С. 9). Включая человека и его психическую

деятельность в область обычных явлений природы, современная наука тем самым дает основание предполагать некоторую зависимость, существующую между проявлениями интеллектуальной и социальной деятельностью человека и рядом мощных природных явлений.

По его убеждению, мировой процесс, охватывающий все стороны неорганической и органической эволюции, представляет собой явление закономерное и взаимозависимое во всех своих частях и проявлениях. Изменение одних частей, центральных и управляющих, влечет за собой соответствующее изменение всех частей, периферических и подчиненных. Жизнь Земли, взятой в целом, с ее атмо-гидро- и литосферой, а также со всеми растениями, животными и человечеством, Чижевский рассматривал как жизнь одного общего организма. Став на эту органическую точку зрения, он и прежде допускал, что важнейшие события в человеческом сообществе, охватывающие при участии народных масс целые страны, протекают одновременно с какими-либо колебаниями или изменениями сил окружающей природы. Руководствуясь этими соображениями, он делал вывод о применимости в общественных науках (в том числе - в исторической) естественно-научного анализа: «Действительно, всякое массовое общественное событие есть весьма сложный комплекс. Расчленив, разбить этот комплекс на несколько частей, простых и ясных, и этим упростить понимание явлений - вот главнейшая задача естественно-исторического знания» (1058. С. 9).

Применив естественно-научные методы к историческому исследованию, А.Л. Чижевский создал теорию периодических изменений поведения организованных масс, одновременных с периодическими изменениями в деятельности солнца, а также принципы открытого им одиннадцатилетнего цикла общечеловеческой, коллективной и индивидуальной деятельности, военно-политической и творческой активности, показав это на примере 1905, 1917, 1929, 1941 гг. Сделав вывод, что состояние предрасположения к поведению организованных масс есть

функция деятельности солнца, он в то же время считал ошибочным предположение, что периодическая деятельность солнца явля-

93

стоя основной причиной тех или иных исторических событий (1058. С. 60). Он справедливо полагал, что только тогда, когда тому будет благоприятствовать вся сложная совокупность взаимодействия политико-экономических и других факторов в мире человеческом и физических факторов в мире неорганической природы, история может возвыситься до степени точных наук, открывающих законы. «Сделать историю наукой, а не «условной сказкой», освободить ее от метафизики, от произвола субъективизма, от 1зсого несоизмеримого, дать ей, а равно и сестре ее - социологии, измерительные единицы и законы - вот прямая задача ближайшего будущего» (1058. С. 62). К решению этой задачи, по его мнению, может привести только совокупное знание философских, естественных и исторических дисциплин (1058. С. 67). Такое совокупное знание, такой синтез естественно-научных и исторических методов попытался применить к истории Лев Николаевич Гумилев (1912-1992), являвшийся одним из наиболее ярких представителей онтологического подхода. Исходя из онтологических установок (предмет определяет метод, основой предмета является бытие людей), он дал качественно новое понимание предмета и метода исторического познания, которое частично изложил в специальной статье «По поводу «предмета» исторической географии*».

Надо сказать, что его представления о предмете исследований не были статичными. Предмет его исследований расширялся и углублялся в зависимости от критериев, положенных в основу его исследований:

по оси *исторического времени*: история древнего мира, средневековье, новая и новейшая история, современность;

по оси *исторического пространства*: история кочевников Восточной Азии, история степняков Срединной и Центрально!] Азии, история Евразии, история России, всемирная история;

по *сторонам общественной жизни*: политическая, хозяйственная, социальная, культурная история;

94

по *уровню исследования* общественного бытия: факты (события), этнические статистические закономерности, исторические законы, действующие в общественной жизни, универсальные законы природы и общества; наиболее актуальные (глобальные) проблемы современной жизни;

по *научным дисциплинам*: этническая история, этнология, историческая наука, историческая география, естествознание (природоведение и народоведение).

В ходе научной работы эти критерии менялись, переплетались, расширялись и углублялись. Мы выделяем пять ступеней, каждой из которых соответствовали свои представления об историческом времени, об историческом пространстве, об уровнях исследования, о научных дисциплинах. На первой ступени его творческого пути предметом его исследований был *быт кочевников, описание древних тюркских и монгольских народов, констатация событий их политической жизни*. Еще в школьные и студенческие годы у него появился интерес к истории кочевников. «И вот, признаюсь, мне безумно захотелось узнать, как в пустынных степях Монголии внезапно возникла могучая империя Чингисхана, которая через 100 лет так же быстро развалилась... Чтобы удовлетворить свое страстное любопытство, мне пришлось заниматься историей кочевников всерьез, отодвинув на задний план все другие дела» (227. С. 6,7). О

серьезности его намерений и своеобразии его предметного подхода этого периода можно судить по темам его кандидатской и докторской диссертаций: «Подробная политическая история первого тюркского каганата» и «Древние тюрки в VI-VII вв.». Политическая история отражена в названиях и содержании его первых статей: «Война 589 г. и Ге-ратская битва», «Великая распря в пеовом тюркском каганате в свете византийских источников», «Величие и падение древнего Тибета», «Три исчезнувших народа». В числе особо интересовавших его народов были тюрки, хунны, монголы, хазары. Им он посвятил целый цикл статей и книг:

о тюрках он писал с начала 60-х гг. и до конца дней своих: «Диспут о древних тюрках», «Древние тюрки» и др.;

о хунпах: «Некоторые вопросы истории хупиов», «Хунну. Срединная Азия в древние времена», «Хунны в Китае». «Дакоты и хунны» «Хунны в Азии и Европе» «Хунну. Степная трилогия» «История народа хунну. В 2-х кн.»;

95

о монголах - статьи «Древнемонгольская религия», «Монголы и меркиты в XII в.» и др.;

о хазарах: «Хазарское погребение и место, где стоял Итиль», «Хазарская Атлантида» (в соавторстве), «Хазария и Каспий», «Хазария и Терек», «Соседи хазар», «Хазарские погребения в дельте Волги», «Где она, страна Хазария», «Памятники хазарской культуры в дельте Волги». Этот цикл статей завершился монографией «Открытие Хазарии», в которой было сделано настоящее научное открытие. На основе его научных данных и данных археологической экспедиции в низовьях Волги был положен конец длительным спорам специалистов о местонахождении и причинах гибели Хазарского каганата.

Знакомство с историей этих народов позволило ему пересмотреть существовавшие тогда негативные стереотипы исторического мышления. Уже в первой статье, написанной на эту тему: «Легенда и действительность в

древней истории Тибета» он разоблачал мифы о вечной вражде кочевников и земледельцев, лесных и степных народов, миф о татаро-монгольском иге и пр.

В итоге на первой ступени творческого пути ему удалось охарактеризовать быт кочевников древнего мира, разобраться, кем являлись некоторые азиатские пароды (например, в статьях «Эф-талиты и их соседи в IУв.), «Эфталиты: горцы или степняки?»). По его собственному признанию, тогда была поставлена первая научная проблема: каково соотношение двух разных культурных целостностей. Эта проблема получила решение в «Степной трилогии» (хунны, тюрки, монголы), опубликованной много лет спустя (231 . С. 12). В то время ему удалось описать политические события (войны, набеги, победы или поражения отдельных племен), констатировать факты, но не удалось ни объяснить научно эти события, ни обобщить многочисленные факты, ни установить какие-либо закономерности.

Вторая ступень - переход от древней истории к средневековью, от описания отдельных событий к процессам, от фактов к закономерностям, от политической истории кочевых пародов к этнической истории. Если описывая быт кочевников в своих первых исследованиях, он отвечал на вопрос «как?», а не «почему?» (220. С. 247), то теперь он уже не хотел ограничиваться простым описанием. Так, прослеживая историю хуннов, он следующим образом определял задачи своего исследования: «Мы хотим

96

разобраться, каким образом немногочисленный кочевой народ создал такую форму организации и культуру, которые позволили ему сохранять самостоятельность и самобытность на протяжении многих столетий, пока он не потерпел окончательное поражение и не подвергся полному истреблению. В чем была сила этого народа и почему она иссякла? Кем были хуипы для соседей и что они оставили потомкам?» (240. Кн. 1. С. 7-8). Он пытался понять, как хунны в III в. до п. э. в числе 1,5 миллионов сражались на равных против объединенного Китая с его 59 миллионами; как могли в XIII в. н. э.

монголы, которых было всего 700 тысяч, завоевать и покорить такой большой, храбрый и культурный русский народ, насчитывавший тогда свыше 11 миллионов человек? (233. С. 26-27).

Переходя на этой ступени от древней истории к средневековью, от восточной Азии к Центральной и Срединной Азии, от описания политических событий к характеристике хозяйственного быта и социального устройства, от этнографического описания отдельных народов к анализу этнической истории в целом, он надеялся получить ответы на вопрос «почему»: «почему одни армии одерживали победы, а другие терпели поражения и отчего одни страны усиливались, а другие слабели?», «каким образом маленькое племя иногда оказывалось гегемоном полумира, затем увеличивалось в числе, а потом исчезало?» (220. С. 27, 28). Он тогда полагал, что именно этническая история является ключом к открытию объективных закономерностей исторического процесса. «Не заставляет ли это предположить, что именно в недрах многообразной этнической стихии человечества сокрыты глобальные и объективные закономерности исторических процессов?» (233. С. 185). Поставив цель - описать средневековую историю степных народов, дать их социальный анализ, он перешел от анализа отдельных тюркско-монгольских племен к исследованию истории Срединной Азии. Результатом этих исследований явилась публикация следующих работ: «Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии», «Поиски вымышленного царства». «Хунны в Китае». «Старобурятская живопись» и др. Изучая долгое время средневековую историю народов Центральной и Срединной Азии, их хозяйственный быт и культуру, он пришел к выводам о существовании определенных статистических закономерностей в развитии природных и этнических про-

цессов. Но в рамках этнической истории не удавалось установить ни одного исторического закона, ни одного закона, действующего в обществе и

природе.

Чувствуя ограниченность этнографии, фиксировавшей внимание на различиях народов, *он* заложил основания новой науки - этнологии, ставящей задачу - изучать их общие свойства. «Эта новая наука по предмету, аспекту и методике будет относиться к разряду естественных, а не гуманитарных наук», - писал он в статье «Этнос и ландшафт» (203. С. 202). По его характеристике, «этнология - это рождающаяся наука. Потребность в ней возникла лишь во второй половине XX в., когда выяснилось, что простое накопление этнографических собраний и наблюдений грозит тем, что наука, не ставящая проблем, превратится в бессмысленное коллекционерство. И тут возникли на наших глазах обществоведение и этнология - две дисциплины, интересующиеся одним, на первый взгляд, предметом - человечеством, но в совершенно разных аспектах» (220. С. 32). Обществоведению повезло больше. Оно стало преподаваться в качестве специального предмета в средней и высшей школе. В вузах оно вошло в содержание курса исторического материализма, где изучались темы «Природа и общество», «Географическая среда и ее роль в жизни общества», «Демографические проблемы» и прочие, роднящие его с этнологией. Но для нас в этой цитате важны два очень ценных для дальнейшего исследования положения. Первое - утверждение, что наука, не ставящая проблем, превращается в бессмысленное коллекционирование; второе касалось нового понимания предмета этнологии и его собственных исследований - человечества. Создание этнологии, объясняющей закономерности развития этносов, дополнило этнографию, описывающую различные этносы, и привело к созданию подлинно научной этнической истории. Эту науку ему удалось создать путем объединения этнографии, описывающей различные этносы, с этнологией, объясняющей закономерности их изменений. Вместе с научным обоснованием этнологии он также указывал на ее практическое значение: «Практическое значение этнологии также велико, как значение климатологии и сейсмографии. Мы не можем предотвратить цунами, наводнения или за-

сухи, но можем их предсказать и принять меры» (239. С. 14).

Третья ступень - переход от истории Срединной Азии к истории Евразии, от истории средневековой к новой и новейшей

98

истории, от истории социальной к истории культуры. Переходя от истории народов Срединной Азии к истории народов Евразии, Л.Н. Гумилев в отличие от классиков востоковедения ставил гигантскую (по временному и пространственному охвату) задачу - дать сводную этническую историю всей Евразии, всю ее историю от хуннов до рождения Руси, проследить и объяснить взлеты и падения народов, ритмы и «кванты истории». Стремясь решить эту задачу, он писал, что за обозримый исторический срок (1450 лет) Евразия объединялась четыре раза. В первый раз ее на короткое время объединяли гунны; во второй - тюрки, создавшие свой каганат от Желтого до Черного морей; в третий - монголы под руководством Чингис-хана; в четвертый - русские, дошедшие до берегов Тихого океана и объединившие большую часть евразийского континента, за исключением Монголии и Восточного Туркестана. Они опять сделали из Евразии сильную державу и сами стали самостоятельной державой с весьма развитой культурой. Гигантское пространство, на котором разворачивалась эта история, Л.Н. Гумилев знал и по своим этапам (от Медвежье-горска до Норильска, Караганды и Омска) и по археологическим экспедициям (Саркелы в 1949г., Ангара в 1957г. и др.) и дополнил их данными П.Савицкого об огромном «прямоугольнике степей» с наибольшей не только в Европе, но и во всем мире сплошной полосой травянистых степей и пустынь, удобных для кочевников-скотоводов: с севера - хингано-карпатский «прямоугольник степей»; с востока Захинганская островная Маньчжурия, с запада - «симметричная» ей Закарпатская венгерская степь; с юга - островные степи, особенно частые в условиях пересеченного рельефа Восточной Евразии (енисейская и ленская долины, Монголия и Забайкалье). Стремясь преодолеть предубеждение европейских историков, считавших, что азиатская

степь - обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола, Л.Н.Гумилев, занимаясь долгое время древней и средневековой историей народов Центральной и Срединной Азии, пришел к выводам о наличии развитой цивилизации у азиатских народов. В предисловии к «Хуннам в Китае» он дал целостное описание средневековой степной культуры, значение которой для всемирной истории заключается в том, что она остановила ханьскую и танскую агрессию, обеспечив тем самым оригинальное развитие всех культур Евразийского континента (217).

7*

99

С. 3). В конце этого исследования он сделал оригинальные выводы об исторической роли кочевников и хуннов: кочевники объединяли народы Великой степи, преодолевая горы, степи и пустыни; хунны послужили щитом, защитившим свободу этих народов, не позволив китайцам заселить Сибирь с юга.

На этой ступени творческого пути он пришел к третьему умозаключению о границах этнической науки, о недостаточности этнической истории (фиксирует только начала этногенеза -«вспышки» и концы - «затухание»), о невозможности решения важнейших исторических проблем на этническом уровне и о необходимости синтеза этнической истории с социальной историей. «Социальная история и этнография в историческом синтезе не подменяют друг друга, а освещают предмет в разных аспектах» - писал он в книге «История народа хунну (Кн. 2. С. 18). Этот синтез этнографии и социальной истории особенно ярко проявился в интересе к отечественной истории. Он просвечивал уже в докладе «Несторианство и Древняя Русь», статье «Древняя Русь и Кыпчакская степь в 945-1225 г.» и особенно в книгах: «Древняя Русь и Великая степь» (выдержавшая пять изданий), «От Руси до России: Очерки этнической истории», трактовавшей события нашей истории от времен Рюрика до правления Петра, имевшие место в 1-18 веках нашей эры, и «От Руси к России», посвященной истории

Руси от становления Киевского княжества до эпохи Петра Первого. Определив историю Руси как смену этносов, каждый из которых имел свой исторический срок, свою стадию зарождения, расцвета и упадка, он рассматривал ее генезис и развитие в специфических ландшафтных условиях. Исходя из того, что любой этнос имел не одного, а даже нескольких предков, Л.И. Гумилев полагал, что для русских предками были и древние русичи, и выходцы из Литвы и Орды, и местные финно-угорские племена (230. С. 12). Древнерусский этнос, по его представлению, образовался в результате смешения на берегах Днепра росомонов с антами. В XIV в. русичи раскололись на две части: северо-восточные и юго-западные. Из смешения северо-восточных русичей с мерей, муромой, вепсами и тюрками из Великой степи образовались русские; из смешения юго-западных с литовцами и половцами - белорусы и украинцы. «Великороссы включали в свой состав восточных славян из Киевской Руси, западных славян-вятичей, финнов, меря, мурома, весь, заволоц-

100

кая чудь, угров, балтов - голядь, тюрок-крещеных половцев и татар, и в небольшом количестве монголов» (220. С. 175). В вышеуказанных публикациях он не только описывал историю русского народа, объединившего более 100 этносов, но также пытался установить причины многих российских событий, источники и движущие силы нашего исторического развития, обобщить исторический материал и написать историю России как евразийской державы.

На четвертой ступени творческого пути по мере расширения предмета Л.И. Гумилев также столкнулся с определенными трудностями и пришел к четвертому умозаключению: в рамках одной исторической науки невозможно установить универсальные закономерности, характерные для всего человечества: «история только фиксирует «концы» (обрывки традиций) и «начала» (вспышки пассионарности, зачинающие новый этногенез» (229. С. 13). Поставив вопрос: откуда берутся вспышки и почему инерционные

процессы так удивительно похожи друг на друга, он полагал, что на этот вопрос должна ответить всемирно-историческая концепция, но, увы, те средства, которые имеются у исторической науки, дают возможность только описать его (220. С. 196). Надеясь, что это можно сделать в союзе истории с другими науками, он стал искать пути сближения истории с другими гуманитарными и естественными науками. Поиски привели его к евразийцам.

Как известно, отдельные евразийские положения высказывали многие русские философы (Н.А. Бердяев, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин и др.), но как «своеобразное духовное братство» со своими мировоззренческими и методологическими принципами евразийство образовалось в 20-30-е годы XX в. Формально датой рождения евразийства считается 1921 год, когда в Софии вышел сборник статей под названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства». Авторами были ученые, эмигрировавшие из России после революции 1917 г. и составившие кружок евразийцев, в который вошли историк, сын выдающегося естествоиспытателя Г.В. Вернадский (1877-1973) - автор пятитомной «Истории России», географ и геополитик П.Н. Савицкий (1895-1968), историки филолог князь Н.С. Трубецкой (1890-1938). Евразийцами их стали называть потому, что они называли Россию - Евразией, под

101

которой понимали не просто особую территорию, объединяющую европейскую и азиатскую части России, но и особую «многонародную нацию», и особую русскую идеологию.

Л.Н.Гумилев и евразийцы жили в разных странах и трудились независимо друг от друга; их творческие пути до определенного времени не пересекались. Их очному знакомству препятствовали железный занавес, нахождение Гумилева в местах, отдаленных от центра, и невозможность выехать за границу в течение многих лет, хотя с Г.В. Вернадским он переписывался заочно, а с П.Н. Савицким познакомился в 1966 г. в Праге на археологическом конгрессе (233. С. 21, 25). По утверждению его первого

биографа С.Б. Лаврова, подробно познакомиться с учением евразийцев Лев Николаевич смог лишь после освобождения из ГУЛАГА в 1956 г.: «"Выход" на кочевниковедение, на монгольскую тематику евразийцев и Л.Н. Гумилева шел параллельно и абсолютно независимо друг от друга. Евразийцы не могли до 50-х гг. даже знать о его существовании, а он не мог читать труды евразийцев, естественно, не доходившие ни до Ленинграда, ни тем более до лагерей» (233. С. 10). Сам Л.Н. Гумилев утверждал, что он многое «...усвоил самостоятельно, размышляя над вопросами, которые волновали и евразийских теоретиков» (233. С. 24). Он высоко ценил евразийство, значение которого для России он подчеркивал в своем последнем интервью: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» (233. С. 19, 23). Под влиянием евразийцев он стал уделять еще большее внимание изучению народов Евразии. Сначала он написал статью «Ритмы Евразии», затем монографию с идентичным названием «Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации», первая часть которой называется «Евразийская теория: новое утверждение»; вторая часть - «Историческая география Евразии». В этих частях Л.Н. Гумилев пытался в рамках исторической географии установить законы, действовавшие в Евразии во все исторические времена и на всем географическом пространстве. В евразийском учении ему наиболее ценным показалось изучение такой дисциплины как историческая география, в которой рассматривалась роль географической среды в жизни общества. Но, подчеркивая значение исторической географии, он в то же время писал об ее границах («область компетенции исторической гео-

102

графин ограничена» (220. С. 205) и о необходимости ее союза с другими науками (психологией, социологией, культурологией, биологией), которые должны были бы помочь в открытии законов, действующих в природе и обществе, и в поиске решения современных проблем.

Пятая ступень - переход от истории Евразии и России к всемирной

истории; от знания исторических законов к познанию универсальных законов развития человеческого общества; от истории людей к истории природы, от истории к современности. В широком смысле слова предметом исследований Л.Н. Гумилева человек и все человечество в целом ставилась всегда, но в это время особенно он ставил и пытался решить общечеловеческие проблемы, интересовавшие многих людей - «проблемы взаимодействия людей и природы», проблема соотношения человека, как носителя цивилизации, с природной средой и др. Пытаясь ответить на эти вопросы, он убедился, что при постоянном взаимодействии истории природы и истории людей неизбежно меняется и социальная и этническая психология, т. е. мотивы поведения и цели, на которые направлены усилия участников событий (233. С. 563). Из понимания взаимодействия людей, живой и неживой природы вытекало его понимание единства истории людей и истории природы. Он было осмыслено в специальной статье «О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии (ландшафт и этнос: X)» и особенно в книге «Люди и природа Великой степи». Итогом осмысления явилось следующее заключение: «Итак, взаимодействие истории природы и истории людей - интерференция двух форм развития материи, осуществляющаяся в системах этносов и их исторических судеб. Явления природы оказывают влияние на хозяйственную жизнь народов; изобилие или оскудение определяют мощь той или иной страны, а иногда стимулируют переселения в области с благодатным климатом; в результате миграций происходит этническая метисация и, как ее результат, - этногенез. Этот процесс, лежащий в сфере природы, в истории коррелируется со спонтанным развитием человечества как целого, создающего и совершенствующего техносферу, на базе которой идет прогрессивное социальное развитие» (233. С. 330-331).

Вершиной его предметного исследования явился анализ эт-носферы в таких специальных статьях, как «Этносфера как одна

из оболочек Земли», «Этносфера и космос» и фундаментальном труде «Этносфера. История людей и история природы». В фундамент этих исследований им был положен принцип, что «техно- и социосфера вообще не относятся к географической среде, хотя постоянно взаимодействуют с ней» (220. С. 1). Поэтому для ее исследования необходим союз исторической географической и естественных наук, по его выражению, «третий блок наук», освещающий взаимоотношения человека, общества и природы.

Таким образом, расширяя предмет своих исследований и по оси времени, по оси пространства, и по субъекту истории, и по научным дисциплинам, Л.Н. Гумилев добился больших результатов в уровне исследования предмета: от описания событий к их объяснению; от установления фактов - к установлению статистических этнических закономерностей: от установления этнических закономерностей к познанию исторических законов; от исторических законов - к социально-историческим законам, действующим на всех этапах развития общества; от социально-исторических законов - к открытию универсальных законов, действующих в природе и обществе; от законов, действующих на планете Земля - к законам Космоса.

Волновали его и вопросы, имеющие отношение к современности. Он прекрасно понимал, что для решения глобальных проблем современности необходимо знание законов, открытых при изучении истории, но «существует и другой больной вопрос: не является ли наше время - эра технической цивилизации - особой эпохой, к которой неприменимы закономерности, открытые при изучении истории, а не современности?» (220. С. 227). Л.Н. Гумилев сознавал, что ответить на все «острые» и «больные» вопросы и осмыслить все выше рассмотренные уровни предмета можно только с помощью нового метода. Поскольку все рассмотренные выше «классические» методы, включая марксистский, оказались не в состоянии решить многие исторические и современные проблемы, он взялся за создание нового альтернативного подхода.

Метод исследовать. Методологический подход в отличие от онтологического (предметного) подхода, рассматривающего вопрос: *что изучать*, требует ответа на вопросы «*как изучать? как исследовать? как описывать? как объяснять? как оценивать? как, обобщать?*» Отвечая на эти вопросы, Л.Н. Гумилев также нахо-104

дился в постоянных поисках, пробовал применять старые и искал новые методы исследования. Поступив в Ленинградский университет, он надеялся научиться научному методу исследования, но впоследствии вспоминал, как в то время конкретно обучали методу исследования: «студентам и аспирантам внушалась мысль, что их задача - выписать как можно больше цитат из источников, сложить их в каком-либо порядке и сделать вывод: в древности были рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы были плохие, но им было хорошо; рабы были хорошие, но им было плохо, а крестьянам жилось еще хуже. Все это, конечно, правильно, но вот беда - читать про это никто не хочет, даже сам автор» (220. С. 27). Этот метод оказался очень живучим. И сейчас еще многие школьники, студенты, аспиранты и даже диссертанты пользуются им. Новым является только то, что сегодня списывают и располагают в определенном порядке сведения не из источников, а «скачивают» их из интернета и выдают за собственные сочинения. Если отвлечься от идеологических выводов, то этот метод несостоятелен по двум причинам. Во-первых, он не дает прироста знаний, поскольку знания остаются старыми. Сколько ни переписывай, ни переставляй, новых знаний не получишь, наука будет стоять на месте. Во-вторых, таким способом можно было только получить ответ на вопрос: что сказали предыдущие авторы по данному вопросу? Это, конечно, необходимо, но недостаточно, особенно в наше время, когда почти не осталось «белых пятен» в науке, и всякое исследование начинается не с «чистого листа», а с истории вопроса (или историографии вопроса), то есть с анализа предшествующих знаний об изучаемом предмете. Критическое отношение к предшествующему знанию становится важным требованием современного

познания. Это требование относится в полной мере к этнографическому методу.

Свое понимание *этнографического метода* Л.Н. Гумилев изложил во Введении к диссертационной работе «Этногенез и биосфера Земли». Соглашаясь с тем, что всякое научное исследование начинается со сбора материалов, нахождения собранных и проверенных сведений, он под сбором первичного материала понимал опыт, наблюдение, чтение первоисточников, сбор сведений и отбор их. В идеале нужен был сбор *всех* сведений: чем подробнее и многочисленнее сведения, касающиеся того или иного предмета, тем легче составить о нем исчерпывающее представле-

105

ние. Чем шире охват, тем выше точность. Но слишком мелкие сведения, не меняющие картины в целом, создают то, что в кибернетике и системологии называют «шумами» или «помехами», хотя для других целей бывают нужны именно нюансы настроений. Короче говоря, для уяснения природы явлений следует охватывать не все сведения, имеющиеся в арсенале науки, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов. «Но что считать относящимся к вопросу»? - спрашивал он и констатировал, что в разных случаях ответ будет различным. Биография замечательного человека и история человечества - явления не равновеликие, и закономерности развития в обоих случаях будут разными, а между ними есть сколько угодно градаций, которые следует рассматривать в нескольких степенях приближения, причем сопоставление этих степеней может дать противоречивые результаты: система последовательных приближений - дело сложное при разборе даже одного локализованного эпизода» (220. С. 49).

Указывая на сложность данного подхода, Л.Н. Гумилев разъяснял суть ранее существовавших методов: схоластического, филологического, криминалистического. Прежде всего, он уточнил сущность схоластического подхода. В средние века в христианском мире единственным источником научной информации были две книги: Библия и сочинения Аристотеля.

Наука сводилась к комментированию цитат, которые надо было приводить точно, без искажений. Отсюда возникла система ссылок на текст. Этот схоластический метод с XV в. перестал удовлетворять ученых, которые попытались расширить круг источников, привлекая сочинения других авторов, тексты которых тоже нуждались в проверке. Так возникла новая гуманитарная (человеческая, а не божественная) наука - филология, отличающаяся от схоластики критическим подходом к источникам. Но тут, как и там, источник был один и тот же - чужие слова. Поэтому филологический метод тоже не устраивал историков, ибо «сведения древних источников забрызганы ложью, как зловонной грязью» (220. С. 297). После эпохи Возрождения гуманитарным способам получения информации натуралисты противопоставили естественнонаучный подход, основанный на наблюдении природы и эксперименте. Сменились не только вопросы, но и их постановка: «вместо «что сказали древние авторы по этому вопросу?», стал

106

ставиться вопрос: «что есть на самом деле?» При этом изменился не столько предмет изучения, сколько подход и, соответственно, методика» (220. С. 32-33).

С помощью этнографического, по сути эмпирического, описательного метода можно было сделать блестящие описания быта древних кочевников, описывать политические события на территории Восточной Азии, констатировать отдельные факты, но нельзя было ни объяснять эти события, ни обобщать эти факты, ни устанавливать исторических закономерностей. Поэтому Л.Н. Гумилёв не мог и не хотел ограничиваться этим методом. Все же осознание его недостатков стимулировало поиск новых форм, новых методов. В поисках он видел только «один путь развития -превращение этнографии в этнологию, где, наряду с собиранием и описанием материала, идет интерпретация его под тем углом зрения, который продиктован постановкой проблемы (220. С. 34). Кстати, интерпретацию под различными углами зрения Л.Н. Гумилев конкретизировал в «Поисках вымышленного

царства» как «панорамный метод», выражающий позицию трех взглядов на события: первого - «глобального» - «с высоты птичьего полета», второго - пониже, поближе к объекту - «с кургана», и с третьего, самого «заземленного» - «с позиции мышьи норы».

Переход от этнографического метода к *этнологическому* означал переход от описания отдельных событий к объяснению их, от констатации фактов к обобщению, от эмпирического описательного метода к теоретическому (объяснительному и обобщающему) методу. Ему казалось, что с помощью этиологического метода можно отыскать ключ к открытию исторических закономерностей и решить актуальные проблемы современности. Со временем изменился его подход к изучению этнического материала. Это изменение произошло под влиянием книги В.И. Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», в которой он нашел то, что ему было нужно: «Оказывается, для того, чтобы решить вопросы исторического развития, нужно подойти к ним не индуктивно - от мелкого факта к обобщению, а дедуктивно. Так Вернадский взял все живые организмы на Земле и объявил их биосферой. А среди прочих животных на планете существуют *Homo sapiens* - «двуногие без перьев», которые широко распространяются на территории всей Земли благодаря своим повышенным адаптивным способностям, которые делают

107

их непохожими друг на друга» (239. С. 10-11). Этот дедуктивный подход Л.Н.Гумилев взял на вооружение.

С поиском новой методики у него дело оказалось сложнее. Он сознавал, что для того, чтобы разобраться в столь сложных вопросах, нужна соответствующая методика, а она в то время была либо традиционной методикой гуманитарных наук, либо естественнонаучной. Перед ним встал вопрос: «Какую же следует выбрать для успешного преодоления трудностей, возникающих перед ученым, взявшимся за совершенно новую область науки?» (220. С. 32). Разобравшись, констатировал, что все доселе

рассмотренные дисциплины, имевшие отношение к поставленным проблемам, не могли не только дать толкового ответа, но даже наметить путь дальнейшего поиска истины, и потому не подходили. Он думал: «Значит ли это, что следует «умыть руки». Нет, не так-то все просто! Мы ведь можем найти новый путь исследования, пригодный для решения поставленных вопросов» (220. С. 206). И он искал этот путь разными способами: ставил вопросы и искал ответы на них; намечал задачи и решал их с помощью догадок и разгадок. Он продолжал поиски этого пути, исходя из требований современной науки «Современная наука ставит перед нами уже не эту загадку, а задачу: каким образом могло получиться, что немногочисленный бродячий этнос создал огромную державу, развалившуюся через 90 лет, да так основательно, что от самого этноса осталось только имя? Этнология как самостоятельная наука в сочетании с традиционной фактографией помогает в поисках решения этой задачи» (233. С. 486).

Метод, которым пользовались этнологи, Л.Н.Гумилев в отличие от «филологического» называл «криминалистическим», «методом исторической криминалистики». «Подобно тому, как хороший сыщик, использует не только рассказы свидетелей, но и состояние погоды в момент преступления, мотивы и черты характера преступника и жертвы и, главное, вспоминает примеры аналогичных поступков, стремясь уловить отклонения от закономерности, так и этнолог вправе учитывать географию, этническую и личную психологию, фазы этногенеза и моменты смещений закономерности при контактах. Расширяя горизонты темы и отслоив факты от источника, этнолог может уловить связи событий, их внутреннюю логику и добиться результатов, интересных и ему самому, и читателю» (233. С. 508).

108

Итак, продолжая поиск, он нашел способ решения задачи, на основании которого ему удалось, в конечном счете, создать совершенно оригинальную методику исследования этнических явлений. Эту методику он описывал в различных работах. Для примера приведем одно из таких

описаний: «Для начала мы исследуем наш обильный материал путем синхронистической методики, основываясь на сопоставлении сведений, достоверность которых не вызывает сомнений. Новое, что мы собираемся внести, будет сочетание фактов в предлагаемом нами аспекте. Это необходимо, потому что калейдоскоп дат в различных хронологических таблицах не дает читателю представления о том, что происходило с народами на протяжении их исторической жизни. Предлагаемая методика характерна не столько для гуманитарных, сколько для естественных наук, где установление связей между фактами на основании статистической вероятности и внутренней логики явлений считается единственным путем для построения эмпирического обобщения, которое столь же достоверно, как и наблюдаемый факт (Вернадский, V, 19)». (220. С. 48-49). Так была осознана суть этнологического метода - в обобщении собранного материала. Разумеется, Л.Н.Гумилев сознавал, что самое простейшее обобщение требует большого психического напряжения. Проникнув в тайну психологии творчества, он разработал свою методику обобщения. В этой методике им намечались три стадии научного обобщения: начальная - эмпирическое обобщение, средняя - теоретическое обобщение, и высшая - философское обобщение (220. С. 49). Пользуясь этой методикой, он обобщил 40 «индивидуальных кривых этногенеза», построенных для разных этносов. По его словам, новое, что он внес, было сочетание фактов в предлагаемом им аспекте. Это было необходимо, потому что «калейдоскоп дат» в различных хронологических таблицах не давал читателю никакого представления о том, что происходило с народами на протяжении их исторической жизни. Он сознавал, что «эмпирическое наблюдение не является ни гипотезой, ни популяризацией, хотя оно строилось не на первичном материале (опыте, наблюдении, чтении первоисточников), а на уже собранных и проверенных фактах. Сведение материала в систему и построение концепции есть средняя стадия осмысления проблемы, предшествующая философскому обобщению».

нию. Для наших целей нужна именно эта средняя ступень» (220. С. 49).

С помощью этнологического метода ему удалось наконец-то найти ответы на многочисленные вопросы «почему?», т. е. выяснить причины появления многих этносов, понять источники и движущие силы этнической истории, открыть некоторые статистические закономерности, но этого оказалось мало. Гумилев на практике убедился, что для открытия исторических закономерностей, а тем более универсальных законов развития человечества ни этнологического метода, ни этнической истории недостаточно. И он сделал следующий шаг, переходя от этнической истории к исторической науке, полагая, что «проблема этногенеза лежит на грани исторической науки» (220. С. 50). Убедившись, что констатация различий (этнография) и сходств (этнология) не дает ответа на поставленные вопросы, Л.Н. Гумилев продолжал «поиск истины», как древние эллины именовали исторические исследования (220. С. 228). Эти поиски привели к историческому методу, позволяющему устанавливать «связь времен».

Исторический метод Л.Н.Гумилев освоил на следующем этапе своего творческого пути, когда пришел к третьему умозаключению о границах этнической науки и о необходимости синтеза этнической истории со всей исторической наукой. Именно по мере расширения предмета его исторических исследований он почувствовал недостаточность для решения поставленных задач только что разработанного им этнологического метода. Он обратился за помощью к исторической науке: «Для достижения поставленной цели нам необходим обильный, проверенный и строго датированный материал всеобщей истории человечества» (220. С. 177). Историческая наука могла предоставить не только «обильный материал», но и проверенный временем исторический метод - «метод наглядного обозрения исторической действительности на протяжении тысячелетий, следовавшего за «осевым временем» (220. С. 411).

Несмотря на почтенный возраст, исторический метод к тому времени был разработан довольно слабо. Понимался он часто в духе «классического

историзма» как «путь академического разбора мелочей, в котором легко утонет любой спор» (220. С. 411). Л.Н. Гумилев решил сам разобраться в сущности исторического

ПО

метода. Знакомясь с методикой исторического исследования, он весьма критически (и иронически) описывал различные занятия историей, тесно связанные друг с другом: «1. Публикация и перевод древних источников - занятие необходимое, но дающее только сырье. 2. Историческая критика, отсеивающая сознательную, а иногда и неосознанную ложь древних авторов, - получение полуфабриката. 3. Сопоставление добытого материала с накопленным ранее - это уже продукт, но еще не предмет потребления. 4. Интерпретация данных в плане поставленной проблемы. 5. Постановка новых проблем, выходящих на стык наук» (220. С. 407). Заканчивался этот список утверждением: пройти этим путем может далеко не каждый, но другого пути нет и не будет. Этот путь - научное ремесло, которым должен владеть каждый историк: «У истории есть своя муза - Клио, которая помогает находить доказательства правильных тезисов, раскрывать ошибки в сборе первичных данных и улавливать нарушения логических построений. Это все как будто просто, но на самом деле каждое, даже самое простенькое обобщение требует такого душевного подъема и накала чувств, при котором мысль плавится и принимает новую форму, сначала поражающую, а потом убеждающую искреннего читателя. И дело не в том, каким ходом мысли или подбором аргументов доказан тезис: это кухня научного ремесла, знать которое, конечно, надо, но одного знания мало. Это таинство психологии творчества, которое древние греки приписывали музе истории - Клио» (220. С. 298, 407).

Исторический метод Л.Н. Гумилев понимал как часть диалектического принципа развития, необходимого для рассмотрения этногенеза как процесса возникновения и развития этноса. Он не сомневался в том, что к явлениям этногенеза применимы все три основных закона диалектики: «Переход

количества в качестве наблюдается при взрывах и становлении этносов (негэн-тропии); в последующей этнической истории (энтропии) он только меняет знак. Если непосредственно после толчка или взрыва энергия расширяет свой ареал, усложняет систему, создавая дополнительные звенья и блоки, - сословия, секты, торговые компании и т. п., то с определенного момента процесс идет в обратном направлении: количество подсистем уменьшается, энергетический баланс системы снижается, и система упрощается настолько, что у нее остается либо один элемент - реликт, либо

111

и он рассасывается между отдельными системами. Мозаичность этносистемы объяснима через закон единства и борьбы противоположностей, а неизбежная смена одних этносов другими - через закон отрицания отрицания» (231. С. 28). Применение диалектического подхода к проблемам этногенеза связано у него было с решением проблемы историзма, так как все наблюдаемые факты укладывались в динамическую систему исторического развития и ему оставалось только анализировать ту часть всемирной истории, которая была непосредственно связана с его тематикой. Сам Лев Николаевич так описывал свой метод: «Итак, методическая цепь четырехчленна: 1) как (написано)? 2) что (было на самом деле)? 3) почему (произошло именно так)? 4) что к чему? - законченный продукт производства» (227. С. 12). С помощью такого исторического подхода ему удавалось не только выяснить причины исторических событий, источники и движущие силы исторического развития, но и понять главное, мало кому доступное из историков, - уяснить смысл происходящего («что к чему»). При этом он не считал свой способ исследования истории единственным возможным, полагая, что многообразие методов способствует более полному и более глубокому анализу исторического процесса.

Новую методику Л.Н. Гумилев применил к отечественной истории в книгах «От Руси до России», «От Руси к России». В книге «Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации» он доказывал, что «история древних русов началась

задолго до Рюрика. Ранняя ее фаза имела место в VI в., когда русы и анты (славяне) победили готов и поддержали гуннов. Акматическая фаза началась во время Кия и закончилась надломом, выразившимся в гибели Аскольда в 882г. При Святославе надлом был преодолен, и русский этнос вступил в фазу постепенного угасания страстей, забвения идеалов и торжества себялюбия как социального императива поведения. Творческая энергия отдельных людей находила выход в составлении литературных произведений, сооружении храмов с дивными фресками, в выполнении шедевров ремесла, доходивших до степени искусства, и т. д. Но большая часть населения стала руководствоваться эгоистическими интересами, а не идеалами. Через несколько поколений наступила дезинтеграция этноса и кризис XIII-XIV вв. Однако новый взлет в конце XIV в. преодолел этот губительный процесс: с Куликовской битвы 1380 г. начался новый подъем России (233. С. 564).

112

В дальнейшем у него появилось желание применить исторический метод к другим странам, в частности, к истории Казахстана и другим среднеазиатским республикам, а затем и к всемирной истории, но, как ни велики была его привязанность к историческому методу, постепенно он пришел к следующему выводу: в рамках одной исторической пауки с помощью одного исторического метода невозможно открытие универсальных законов, характерных для всего человечества, и решение актуальных проблем современности. Выясняя в книге «Этногенез и биосфера Земли» механизм, объясняющий бесспорные наблюдения и обобщения культурно-исторической школы, он показал его ущербность. В прошлом вся история изучалась двояко: в гимназиях совместно с географией, в университетах - с филологией. В наше время филологический способ восприятия предмета возобладал, и во главу угла теперь ставится критика источников. Нужный материал получался двумя путями: либо непосредственно из источников, либо из сводной исторической литературы XIX-XX вв. Другое дело - гимназическая методика, берущая из источников

то, что бесспорно, - голые, немые факты и накладывающая их на канву времени и пространства. Так поступают все естественники, добывающие материал из непосредственных наблюдений природы. И тогда оказывается, что факты, отслоенные от текстов, имеют свою внутреннюю логику, подчиняются статистическим закономерностям, группируются по степени сходства и различия, благодаря чему становится возможным их изучение путем сравнительного метода (220. С. 195) Этот подход казался ему целесообразным потому, что позволял осмыслить уже нащупанный эталон исторического бытия - историческую целостность, обнаруживающуюся в цепи исторических событий и явлений, где связь между явлениями осуществляется через каузальность. Эти цепочки имеют начала и концы, т. е. здесь имеет место вспышка с инерцией, затухающей от сопротивления среды. Вот механизм, объясняющий все наблюдения и обобщения. Однако, откуда берутся вспышки и почему инерционные процессы так удивительно похожи друг на друга? На этот вопрос должна ответить всемирно-историческая концепция, но средства, которые имеются у исторической науки, дают возможность только описать его. Для гуманитарной науки описание - предел, а истолкование путем спекулятивной философии в наше время не

8 Зак. 253

13

удовлетворит никого. Остается перейти на базу естественных наук (220. С 194-196). Позднее в книге «От Руси до России» он подтвердил вывод о границах исторической науки: если этническая история состоит из «начал» и «концов», то история только фиксирует «концы» (обрывки традиций) и «начала» (вспышки пассионарности), зачинавшие новый этногенез (230. С. 12). С помощью исторического метода можно было установить время рождения этноса, указать его возраст и фазы развития, т. е. ответить на вопрос «когда», но нельзя было ответить на вопрос «где?», в каких природных условиях происходит развитие этноса? С помощью этого метода можно было открыть исторические закономерности, но нельзя было установить законы,

действующие на всем географическом пространстве. Но, если даже и открывались исторической наукой какие-либо закономерности, то оставалось неясным, всегда ли они были приложимы к современности? (220. С. 227). Именно отсюда у него последовал вывод: в рамках одной исторической науки невозможно ни открытие всеобщих универсальных закономерностей, ни решение актуальных проблем современности, это можно сделать только в союзе с другими науками. И он стал искать пути сближения с методами других гуманитарных и естественных наук.

Поиски привели его к методологическим принципам евразийцев, которые были сформулированы историком Г.В. Вернадским (сыном знаменитого естествоиспытателя), географом и геополитиком П.Н. Савицким и историком и филологом князем Н.С. Трубецким. Они сформулировали следующие методологические принципы:

- евразийский подход: по определению Савицкого, цель евразийства - «создать новую русскую идеологию, способную осмыслить происшедшие в России события и указать молодому поколению цели и методы действия» (цит. по: «День».1992.№ 31));

- полицентризм, означавший опровержение европоцентризма (Европа - единственный центр мира) и утверждение, что таких центров много: «Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа - центр мира, но и Палестина - центр мира. Иберия и Китай - то же самое и т. д. Центров много, число их можно подсчитать по сходству ландшафтов» (233. С. 25);

- методологический принцип, связанный с климатом, найденный Савицким, утверждавшим, что атмосферная граница Рос-

314

сии, отделяющая ее от Западной Европы, проходит по нулевой изотерме января: на запад - положительная, имеющая следствием оттепели (Гольфстрим смягчает климат Европы и делает его непохожим на резко континентальный российский климат), а на восток - отрицательная, имеющая

следствием сильные и продолжительные морозы (233. С. 24);

- принцип самопознания, сформулированный Н.С. Трубецким и выраженный двумя афоризмами: «познай самого себя» и «будь самим собой» (233. С. 19). Его дополнял «евразийский тезис: надо искать не столько врагов - их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искренних» (233. С. 29);

- историко-географический метод, основанный на связи истории с географией и геополитикой: «Благодаря евразийству и той солидной исторической подготовке, которой обладали евразийские теоретики, ныне можно объединить такие науки, как история, география и природоведение» (233. С. 28).

Сопоставляя методологические принципы Л.Г. Гумилева и евразийцев, раскрывая их общие и особенные черты, нельзя не признать их несовпадение по временным и пространственным координатам. Несомненно, что методологические подходы к изучению истории сформировались у него самостоятельно, хотя он высоко ценил евразийские идеи и методологические принципы. Он открыто признавался в своих симпатиях к евразийцам и не возражал, когда его самого называли «последним евразийцем». «Когда меня называют евразийцем, я не отказываюсь от этого имени по нескольким причинам. Во-первых, это была мощная историческая школа, и если меня причисляют к ней, то это делает мне честь. Во-вторых, я внимательно изучал труды этих людей. В-третьих, я действительно согласен с основными истори-ко-методологическими выводами евразийцев» (233. С. 24) Он, несомненно, соглашался с указанными методологическими принципами (евразийский подход к истории России, полицентризм, историко-географический метод, самопознание и др.), но не только соглашался, но и дополнял, и развивал их. Рассмотрим подробнее общее и особенное в их подходах.

Во-первых, он соглашался с евразийским подходом в понимании истории России. Развивая понятие «Евразия» в таких трудах, как «Из

истории Евразии», «Ритмы Евразии: эпохи и цивили-

8*

115

лизации» и др., он не сводил Евразию к сумме европейской и азиатской территории, а понимал ее как систему всех народов, населяющих этот материк. Более того, евразийский взгляд он распространял не только на Россию, но и на Европу, и на Азию, и на все человечество. Руководствуясь данными современной научной географии, включающей биосферу и даже антропосферу, он считал неверными даже сами понятия «Запад» и «Восток», пользуясь которыми со времен Гомера к первому относилась только германская суперэтническая общность, а ко второму - вся остальная Ойкумена, включая такие суперэтнические регионы, как Дальний Восток, Китай, Индия, Австралия, Африка, Америка (233. С. 33-34). В последних интервью Гумилева звучало новое, более широкое противопоставление: «Запад - не-Запад», более подходящее для современной науки. Его взгляд не совпадал ни с европейским, ни с азиатским видением истории человечества в целом и истории России в частности. Для него Россия - уникальная цивилизация, отличающаяся и от европейской, и от азиатской, хотя и имеющая с ними нечто общее, но обладающая своей уникальной культурой, особым менталитетом народов, населяющих евразийскую территорию. Подчеркивая ведущую роль русского народа в создании Российской империи, Гумилев выступал одновременно и против монголофобии («ненависть к монголам»), и против русофобии («ненависть к русским») (233. С. 10,29). Всю жизнь он боролся против узкого национализма, шовинизма, космополитизма, фашизма и прочих проявлений «эгоцентристской психологии». В книге «Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи», статьях «Легенда и действительность в древней истории Тибета», «Страна Шамбала в легенде и истории», «Правда против мифа: из бесед и выступлений» и др. он опровергал самые разные легенды и мифы и боролся за восстановление чести и достоинства и русского, и тюркских, и монгольских народов, ратуя за

естественное и необходимое братство всех народов (233. С. 28 и др.).

Во-вторых, соглашаясь с принципом полицентризма, он не просто опровергал европоцентризм и ратовал за полицентризм. Доказывая, что число центров определяется числом ландшафтов, он посвятил исследованию ландшафтов несколько статей: «Этнос и ландшафт», «Об антропогенном характере ландшафтооб-разования (ландшафт и этнос: У11)», «Этно-ландшафтные реги-

116

оны Евразии за исторический период», «Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижения народов за исторический период», «История колебания уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XV в. н.э.)» и книгу «Тысячелетие вокруг Каспия». Согласно его концепции, ландшафт - не просто внешний географический фактор, оказывающий влияние на жизнь общества, а жизненное пространство, по выражению П. Савицкого, «месторазвитие» (220. С. 219, 223; 233. С. 197 и др.). Сочетание ландшафтов, где этнос впервые складывался в новую этническую систему, Л.Н. Гумилев обозначал понятием Родина, которая есть и у отдельных людей, и у этносов. По отношению к России это звучало так: «И с этой точки зрения березовые рощи, ополья, тихие реки Волго-Окского междуречья были такими же элементами складывающегося в XIII-XIV вв. великорусского этноса, как и у гро-славя некая и татаро-славянская метисация, принесенная из Византии архитектура храмов, былинный эпос и сказки о волшебных волках и лисицах. И куда бы ни забрасывала судьба русского человека, он знал, что у него есть «свое место» - Родина» (220. С. 218). Так мог писать только истинный патриот своего Отечества!

Уделяя большое внимание ландшафту России и других регионов земного шара, Л.Н. Гумилев исходил из того, что далеко не всякая территория может оказаться месторазвитием, например, чистая, сплошная степь не дает возможности полноценного развития. «Подлинными месторазвитиями являются территории сочетания двух и более ландшафтов,

Это положение верно и для Евразии, и для всего земного шара. Основные процессы этногенеза в Евразии возникали: а) в восточной части - при сочетании горного и степного ландшафтов; в) в западной - лесного и лугового (поляны в Волго-Окском междуречье[^]; с) в южной - степного и оазисного (Крым, Средняя Азия); d) на севере - лесотундра и тундра» (220. С. 220).

В-третьих, подчеркивая вместе с Савицким влияние климата на развитие этносов, он стремился уже в ранних работах установить непосредственную связь исторических событий с изменением климата. Взаимодействие этноса и климата он рассматривал в статьях «Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии», «Изменение климата в миграции кочевников», «Гетерогенность увлажнения Евразии в древ-

117

ности (Ландшафт и этнос; IV)», «Гетерогенность увлажнения Евразии в средние века (Ландшафт и этнос: VI)» и др. Выяснение динамики климатических процессов ландшафтообразования было также сделано им в книге «Открытие Хазарии». Следствием его научных изысканий явился вывод, что путем объединения данных истории, археологии и географии можно при определении дат изменения климата перейти к относительной хронологии на абсолютную, а также установить степень влияния географической среды на течение исторических событий (233. С. 307). Свои научные выводы он подтверждал данными, полученными во время археологических раскопок в дельте Волги и в других регионах. По существу, он создал теорию изменения климата в Евразии вследствие сдвига влагонесущих воздушных масс, которая помогает и сегодня понять происходящие в последние годы климатические катастрофы в масштабе всей планеты (например, цунами 2004-2005 гг. в Юго-Восточной Азии, торнадо 2007 г. в Северной Америке и др.).

В-четвертых, соглашаясь с евразийцами в необходимости применения

историка-географического метода. Л.Н. Гумилев внес в его понимание весьма существенные дополнения. Уделяя большое внимание роли географической среды в жизни общества, Л.Н. Гумилев указывал на связь этногенеза с географией в статьях: «Этногенез в аспекте географии (Ландшафт и этнос: IX)», «Этнология и историческая география» и в таком фундаментальном труде, как «Географический этнос в исторический период». Сталкиваясь с тем, что «применение географии к решению отдельных исторических проблем встречало то полное сочувствие, то злобные нарекания» (220. С. 202), он обосновывал необходимость союза истории с географией в статьях: «О странном неприятии географии», «Нужна ли география гуманитариям?», «Место исторической географии в востоковедных исследованиях», «Гуманитарные и естественно-научные аспекты исторической географии» и др. Отмечая союз истории с географией, он довольно четко определял время и место применения географических методов в исторической науке, и время и место применения исторических методов в географии. «Изучая этногенез (возникновение и исчезновение этносов) как природный процесс, протекающий в биосфере (одной из оболочек планеты Земля), исследователь применяет методы географии, а, составляя этни-

118

ческую историю региона, он пользуется традиционными методами исторической науки, лишь добавляя к ним данные географии, разумеется, не школьной, а современной, научной, где ставятся вопросы о локальных особенностях антропогенных биоценозов, микромутациях, изменяющих только поведенческие признаки человека, и сукцессиях, связанных с миграционными процессами» (220. С. 207-208). Эту связь он также подчеркивал при характеристике «взрывов этногенеза». «Этногенетические взрывы или толчки - явление, неотделимое от физической географии. История только фиксирует их, подобно тому, как климатолог фиксирует перемещение циклонов и муссонов, а историко-географ - миграции

кочевников Евразии» (220. С. 259).

Связь истории и географии, исторического и географического методов он разъяснял в книге «Конец и вновь начало»: «история - способ изучения свойств и событий времени, география - пространства; историческая география - совмещения времени с пространством». Уточняя название этой книги, он пояснял: если считать, что история не имеет ни начал, ни концов, то изучение ее было бы невозможно, потому что изучение есть сравнение соразмерных явлений и выявление их взаимосвязей. Если явление одно, то оно несравнимо. Поэтому фраза «Конец и начало» - констатация дискретного исторического времени.

Из этих разъяснений следует вывод: исторический метод есть способ изучения свойств и событий во времени; географический метод есть способ изучения свойств и событий в пространстве; историко-географический способ совмещает изучение истории в пространстве и времени. Конкретизируя этот способ и исходя из того, что суперэтнос - понятие географическое, а не только духовная или политическая общность, Л.Н. Гумилев разработал специальный «метод суперэтнической диагностики» (233. С. 179). Описывая этот метод, он постоянно указывал на взаимосвязь истории и географии: «Не только история без географии «встречает» постоянные «претквания», но и физическая география без истории выглядит крайне однобоко. То, что для историка - завершение работы, для географа - отправная точка» (233. С. 253). Они взаимно дополняют друг друга. Когда данный этнос исчезает вследствие трансформации, миграции или истребления соседями, по его следам остается археологическая культура, свидетельствующая о характере хозяйства данного народа, а, следо-

119

вательно, и о природных условиях эпохи, изучаемых географами. Указывая на значение исследования археологии культуры, Гумилев подчеркивал два обстоятельства. «Во-первых, очевидно, что точные абсолютные датировки могут быть внесены в географию только путем

привлечения исторических сведений и археологических находок. Во-вторых, раскрытие исторических и физико-географических законов, производимое не раздельно, а в их взаимосвязи, позволяет установить степень влияния на эти события географической среды. Применяя метод сочетания исторических исследований с пространственным анализом природных условий в масштабах целого материка, мы в состоянии рассмотреть развитие народов Евразии без отрыва от их естественной природной обстановки. Тем самым мы оказываемся в состоянии расчлнить исторические события политического характера и события, обусловленные преимущественно изменениями физико-географических условий. Применение предложенного метода на еще более широком историческом материале показывает роль географической среды для человечества в целом, а не только для отдельных территорий. Вид *Homo sapiens*, распространившись по всей суше и значительной части морской поверхности планеты, внес в ее конфигурацию столь значительные изменения, что их можно приравнять, как заметил В.И. Вернадский, к геологическим переворотам малого масштаба. Но из этого вытекает, что нами выделяется особая категория закономерностей - историко-географическая, требующая для рассмотрения и изучения особой методики, совмещающей исторические и географические приемы исследования» (220. С. 44). Совмещение этих приемов одинаково полезно для обеих наук: если к достижениям географии добавлены исторические аспекты - это прогресс науки, а изучение народов в фазах их развития и в противопоставлении себя соседям немисливо без учета географической сферы (220. С. 73). Одно без другого не должно существовать, они взаи-модополняют и обогащают друг друга.

В качестве примера Л.Н. Гумилев приводил приемы кибернетики при изучении «каменных баб», подтвердившие результаты, полученные при визуальном подсчете. Наиболее целесообразным путем ему представлялась дедукция, основанная на кодификации элементарных сведений и расположении их, согласно поставленной задаче, в условном масштабе, на

простран-120

ственно-временной основе. Поясняя эти термины, он называл элементарными сведениями первичные единицы информации, наполняющие учебники истории и географии; под расположением элементарных сведений понимал композицию работы, под условным масштабом - заданную степень приближения. Намечая пять степеней приближения (антропосфера, этносфера, история одного народа (этнуса), его культура; отдельная эпоха в истории культуры; один человек), он уточнял, что при последнем приближении история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой. Понятно, что использование предлагаемой методики было связано с определенными трудностями, отсутствующими при обычном историко-филологическом подходе. Прямое цитирование источника, пусть аутентичного, он не признавал заслуживающим полного доверия. Критическая обработка текста тоже давала лишь полуфабрикат. Оценивая филологический перевод, как «сырье, требующее обработки», он провозглашал две ступени исследования: первая - анализ, проводимый путем синхронистического подбора фактов, вторая - исторический синтез (238. С. 18). Только сводка достаточно большого числа фактов позволяет начать поиск логики событий, т. е. их внутренней связи. И, наконец, обнаружение связей дает возможность проникнуть в глубину закономерностей, позволяющих установить связь времен и пространств. Эта многоступенчатость познания, несомненно, затрудняет ход исследования. Но только этим сложным путем можно ответить на вопросы: как и почему появляются и исчезают народы? Чем, кроме внешних признаков, вроде языка и традиций, они отличаются между собой? Где в человеке проходит граница между общественной и биологической формами движения материи? И каковы истинные взаимосвязи человеческих коллективов с природой? Он понимал, что для ответа на эти вопросы нужны другие подходы, другие масштабы исследования.

Описав методику историко-географических исследований, Л.Н.

Гумилев подводил итоги. История человечества проходит на фоне постоянно меняющейся географической среды. Спонтанное общественное развитие через историю и этногенез непрерывно взаимодействуют с природным окружением. Географические науки предоставляют историку информацию о состоянии природной среды и направлении ее изменений. Эта информация,

121

с одной стороны, дополняет наши знания об исторических процессах, а с другой - корректирует данные письменных источников в плане их достоверности и полноты. Как всякая другая группа источников, географическая информация освещает не всю проблему. Но она действительна для всех эпох и территорий, населенных людьми. Для исторического синтеза необходимо сочетание всех имеющихся источников, как-то: письменных, нарративных, актовых, эпиграфических, а также археологических и этнографических. Степень их использования зависит от предложенной шкалы приближений, которая позволяет уподобить способ исследования судеб народов приемам, принятым в естественных науках о Земле. Уточняя, какая наука разрабатывает эти приемы, он писал: «чтобы не вносить терминологической путаницы, будем называть новую научную дисциплину не историей, а либо «этнологией», если при помощи знаний явлений природы мы изучаем историю народов, либо исторической географией, если при помощи истории мы изучаем явления природы. При такой постановке вопроса только эта научная дисциплина может нам помочь» (233.264). Однако в ходе научных исследований у Гумилева появилось новое умозаключение, что проблема взаимодействия людей с природой не может решиться только в рамках исторической науки или исторической географии. «Но на поставленный нами вопрос: почему и как человек преобразил лик Земли? - констатация сходств и различий ответа не даст. Поэтому продолжим далее «поиск истины», как древние эллины именовали исторические исследования» (220. С. 228). И он продолжал методологические поиски, желая найти метод, с помощью которого можно

было бы установить законы, действующие одновременно в природе и обществе, и не только в истории, но и в современной жизни.

Таким образом, Л.Н. Гумилев понимал необходимость и значение историко-географического метода: с его помощью можно установить законы, действующие в обществе во все исторические времена и на всем географическом пространстве. В то же время, указывая на необходимость и значение историко-географического метода, он указывал на его ограниченные возможности: с его помощью не удастся установить универсальные законы, действующие в природе и обществе, и невозможно решить актуальные проблемы современности, Осознав его недостатки, Л.Н. Гу-

122

милев указал на необходимость совмещения историко-географического метода с естественнонаучным подходом.

Необходимость применения в исторической науке естественнонаучного подхода вытекала, во-первых, из понимания связи истории и природы. Он признавал, что анализ истории без изучения природы неполон. Нельзя вырвать человечество из природной среды, и историк должен принимать во внимание природные явления. Островное положение некоторых стран, северные или южные широты, в которых обитают те или иные народы, наличие морских или речных торговых путей, количество и многообразие природных ресурсов, численность и плотность народонаселения, массовые эпидемии, стихийные бедствия - все это факты природного характера, которые не имеет права игнорировать историк. В этой связи, высоко оценивая методологические заслуги евразийцев, Л.Н.Гумилев в то же время понимал ограниченность их подхода и заявлял, что им не хватает пассионарности и связи с естествознанием. «В теории этногенеза у них отсутствует понятие «пассионарность». Вообще им очень не хватало естествознания. При том, что евразийская теория замышлялась как синтез гуманитарной науки и естествознания, синтез истории и географии» (233. С.

24). Его удивляло то, что эту связь не мог осуществить сын В. И. Вернадского. «Георгию Владимировичу Вернадскому как историку очень не хватало усвоения идей своего отца - Владимира Ивановича» (233. С. 8). Осуществляя эту связь, Л.Н. Гумилев пришел к важному умозаключению: для правильного понимания истории человечества и для решения глобальных проблем современного мира недостаточно союза истории с географией, ей необходим также союз с естествознанием. Такой междисциплинарный подход должен был, по его убеждению, соединить исторический, географический и естественнонаучный подходы к изучению истории (233. С. 26). Сам Лев Николаевич был убежден, что только с применением методов естествознания к истории можно создать метод, способный охватить мыслью всю историю человечества во времени и всю планету Земля в обозримом пространстве (233. С. 185). Из его разъяснений следует: если с помощью этнографического метода возможно познание фактов; этнологического метода - статистических этнических закономерностей; исторического метода - исторических закономерностей, действовавших на определенных фазах исторического развития; историко-географи-

123

ческого метода - законов, действующих в историческом времени и пространстве, то с помощью естественнонаучного подхода возможно установление универсальных законов, действующих в природе и обществе, и глобальных законов, действующих на Земле и в Космосе.

Что нового было в гумилевском подходе? Все основатели географического детерминизма стремились раскрыть закономерности, присущие человеческому обществу, путем установления зависимости народного характера от географической среды. Исходным моментом в подобных построениях была античная идея о влиянии природы на психику человека, на народный характер и через это на судьбы народов. Предлагаемый Гумилевым подход диаметрально противоположен и географическому детерминизму Ш.Л. Монтескье, и географическому нигилизму А. Тойнби. Он устанавливал

обусловленность хозяйственной деятельности человека природными условиями географического региона, т. е. способностью к адаптации, определяющей возникновение конвергентных форм. Отмечая, что характер институтов управления связан с особенностями хозяйственной деятельности и способом производства, он никоим образом не распространял эту закономерность на все проявления человеческой деятельности и тем более человечества (233. С. 277). О результатах своих исследований он писал: «Исследуя таким методом историю какого-либо одного суперэтноса, мы установим причинно-следственные связи, определяющие ход процесса. Если же прибавить к этому историю этнических контактов между разными суперэтнотами за длительный период времени, то получим динамику развития суперэтносов» (220. С. 562-563, 565). Эта динамика характеризовалась следующими признаками: а) повышенной демографической и эмиграционной активностью, стремлению к расширению территории; б) изменчивостью стереотипа поведения (каждое последующее поколение в той или иной степени не походит на предыдущее, так называемый «конфликт отцов и детей»); в) сменой общественных императивов поведения; г) созданием политических институтов; д) активным усвоением чужих идей и пропагандой своих; е) наличием линейного отсчета времени от какого-либо реального или мифического события; ж) преобразованием ландшафтной среды, приспособлением ее к своим нуждам. Установление связи с ландшафтными изменениями Гумилев считал главной задачей, кото-

124

рая решается этнологией. Прямое же изучение динамики этнических систем он считал возможным лишь при обработке исторического материала методами естественных наук.

Он прекрасно понимал, что для решения поставленных им проблем крайне важен выбор методики, так как гуманитары и естественники подходят к решению одной и той же задачи совершенно различно. Принято было думать, что гуманитарные науки - это те, которые изучают человека и его

деяния, а естественные науки - те, которые изучают природу: живую, мертвую и косную, т. е. ту, которая никогда не была живой. Подобное деление Гумилев считал банальным, неконструктивным и полным противоречий, делающих его бессмысленным. Медицина, физиология и антропология изучают человека, но не являются гуманитарными науками. Древние каналы и развалины городов изучаются естественными науками. География до XVI в. считалась наукой гуманитарной (220. С. 403). Он сопоставлял методики этих наук. Если для историка-источниковеда нужно, прежде всего, установить аутентичность источника, а затем проверить его данные путем внутренней и компаративной критики, то для географа такая методика непригодна, так как авторы древних и средневековых источников никогда не интересовались поставленной проблемой и ничего по этому поводу не писали. Из их сочинений можно извлечь только некоторое количество фактов в хронологической последовательности и при тщательном анализе обнаружить некоторые причинные связи между событиями. Исторические науки останавливались на установлении последовательности событий, и в лучшем случае - на классификации их по географическим регионам. Этот подход позволял строить синхронистические таблицы, но не больше. Однако ученые-естественники тоже никогда не получили больше, а тем не менее умели создавать «эмпирические обобщения», по степени достоверности не отличающиеся «от научно установленного факта». Только этим путем развиваются естественные науки в XX в. Поэтому нет причины отказываться от применения этой методики к большому, уже собранному материалу, остро нуждающемуся в научном синтезе. В самом деле, полная хронологическая таблица и серия подробных исторических карт дают исследователю материал, принципиально не отличающийся от геологической или зоологической коллекции или от тщательного географичес-

кого описания местности. И там, и тут собранные материалы молчат, но, будучи сведенными в систему, позволяют установить последовательность

либо отложения слоев земной коры, либо соотношения ландшафтных зон, а также характер взаимодействия между человеком и природой. Однако при таком подходе мы в отношении исторического материала являемся естественниками» (233. С. 263). Итогом этих рассуждений явился гумилевский вывод: история, как двуликий Янус: пользуется гуманитарными методами там, где предметом изучения являются творения рук и умов человеческих; и естественными - там, где изучается взаимосвязь человека с природой (220. С. 402). Пользуясь теми и другими методами, Л.Н. Гумилев составлял геохронологические таблицы, в которых сопоставлялись цивилизации Китая и Европы: I и II века - Империя Хань и Рим; VI в. - Империя Суй и франки в Европе; XI в. - Суй и феодализм в Европе; XV в. - Империя Мин в «Срединном царстве» и Возрождение в Европе; XVIII в. - Россия, подчинившая Сибирь, маньчжуры и Цинь в Китае, колонизация мира на Западе.

Естественнонаучный подход к истории понимался Гумилевым в трех смыслах: а) как «третий блок наук», объединяющий разные науки (историю, географию, биологию, психологию, социологию, физику и др.), необходимый для освещения предмета с разных сторон и в разных аспектах;

б) как междисциплинарный подход, объединяющий исторический, географический и естественнонаучные методы исследования;

в) как системный метод.

Системному методу он придавал особо важное значение, хотя понимал его по-разному в разное время. Вначале он ставил вопрос о простом применении системного подхода, хорошо известного и давно принятого в современной науке, кроме истории, так как для последней нужен особый параметр - координата времени (233. С. 35). Специфика здесь заключалась в том, что историки занимались изучением процессов, протекающих во времени, но что такое время, не знали, хотя и понимали, что история имеет дело только с процессами умирания, при которых сущее становится прошлым (220. С. 406). Потом, исходя из того, что задача науки не только в

том, чтобы констатировать известные факты, но еще и в том, чтобы путем анализа и синтеза устанавливать

126

факты не известные и в источниках не упомянутые, он утверждал, что применение системного подхода является одним из наиболее эффективных способов исторического синтеза. И, наконец, необходимость применения системного метода в современной науке Л.П. Гумилев объяснял потребностью в систематизации накопленного материала. Когда наука накапливает большое количество сведений, нежели способна вместить обычная память, она вынуждена искать приемы и способы систематизации материала; в противном случае она захлебнется в неорганизованной информации. Дробление науки на все умножающееся число отдельных отраслей - не выход, так как координация их практически невозможна. Следовательно, надо искать способы интеграции знаний, т. е. принципы обобщения разрозненных сведений в системе. На этот путь уже встали естественные науки. В XX в. появились две новые науки: кибернетика - наука об управляющих и управляемых системах и системология - наука о системах неуправляемых. Начало ее положил в 1937г. в Чикаго биолог Л. фон Берталанфи, определив вид как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии». Им была предложена «теория открытых систем и состояний подвижного равновесия», где «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии», где первичным элементом информации является не отдельный факт, а совокупность фактов, обретающая особые свойства в силу наличия характерных связей между ними. Сама «большая система» не монолитна, а является «системой систем», которая обобщает в себе системы 2-го, 3-го и т. д. порядков. Это было первое обоснование системного метода, но первооткрывателя тогда не поняли. Он свернул свои исследования и ушел на войну, а когда вернулся, то попал в совершенно другой интеллектуальный климат, характеризующий-:;! интересом к моделированию и кибернетике. Советским ученым системный подход стал известен

в 1969 г. благодаря философам Э.Г. Юдину и В.Н. Садовскому и биологу А.А. Малиновскому, после которых он стал применяться во всех науках.

Стремясь усвоить этот метод, Л.Н. Гумилев наглядно пояснял его суть на примере семьи, живущей в одном доме: муж, жена, теща и тесть, сын, дочь, сарай, колодец, кошка и пр. Пока люди любят друг друга, семья устойчива как система. Если люди стали ненавидеть друг друга, по не порывают связей друг с другом, си-

127

стема еще держится. Если они даже разъедутся, но будут писать друг другу и навещать при случае, то система сохранится, несмотря на перестройку. Если связи порвутся, система рухнет. Это значит, что реально существующим фактором системы являются не предметы, а *связи* между ними, хотя они не имеют ни массы, ни веса, ни температуры. Это простой случай. При усложнении этнической системы связи расширяются и образуются субэтноты, то есть группы людей, связанные положительной комплиментарностью внутри себя и отрицательной относительно соседей. Если группа объединенных субэтнот образует этнос, то интеграция этносов образует суперэтнос, т. е. группу этносов, возникших в одном регионе и противопоставляющих себя другим суперэтнотам. Важны здесь гумилевские выводы: более сложные системы построены по принципу иерархии: подсистемы образуют системную целостность - суперсистему, суперсистемы - гиперсистему и т. д. Чем сложнее организм, тем больше факторов определяет усложнение его системных целостностей и тем многообразнее их проявление в видимой истории (220. С. 123; 231. С. 26).

Показывая правомерность системного подхода при обобщении процессов глобальной истории, Л.Н. Гумилев приводил множество примеров, как-то: древних греков (афинян и спартанцев), которые переставали драться между собой и объединялись, воюя с персами; мусульман, враждующих между собой, но объединявшихся вмиг при столкновении с внешним врагом. Что же объединяло их в борьбе с врагами? Только принадлежность к одной

этнической системе, которая есть объективная реальность, существующая вне нас и помимо нас (231. С. 23). По мнению Гумилева, системный подход не нужен историкам, ищущим одного предка изучаемого этноса, забывающим при этом, что этносы образуются при контактах с соседями, меняя культуры и языки -при сочетании древних этнических субстратов. Системный подход, по его мнению, нужен историкам, прежде всего, как способ систематизации огромного и своеобразного исторического материала. Без системного подхода учение об этносе заходило в тупик: попытки определить этнос через ряд признаков (язык, культура, территориальное единство, общность экономической жизни, самоназвание и пр.) постоянно терпели неудачу, так как не удавалось выявить основной признак, к которому бы сводилась сущность этноса. Это оказалось невозможным, потому что

128

совокупность признаков не определяет ничего, кроме рассматриваемого в данный момент объекта. Гумилев посчитал самой существенной связью - признание человеческим коллективом своего единства: «мы такие-то», а все прочие - «не мы» (другие). Такое понимание является отражением в сознании людей этноса как объективно существующей целостности и является разновидностью системной связи между людьми, а не их признаком или свойством.

Применение системного подхода таким образом наложило отпечаток на его понимание этноса и суперэтноса. Так, в книге «Этногенез и биосфера Земли» он давал более четкое определение этноса: «если найдется привередливый рецензент, который потребует дать четкое определение понятия «этнос», то можно сказать так: этнос - феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической хронологией исторических событий» (220. С. 28-29). Он понимал, что для серьезного анализа даже одного этого понятия необходимо знание принципов второго начала

термодинамики. Благодаря соединению геобиохимии и системологии с исторической географией стала понятной причинная связь между биохимической энергией живого вещества биосферы и отдельными системами - от микроорганизма до суперэтноса. «Во всех живых организмах находится биохимическая энергия живого вещества биосферы, совсем не мистическая энергия, а обыкновенная, аналогичная электромагнитной, тепловой, гравитационной и механической, в последней форме она и проявилась» (231. С. 25). Системы работают на этой биохимической энергии, поглощая ее из окружающей среды и выдавая излишек в виде работы (в физическом смысле). Оптимальное состояние или гармоничность системы, будь то один человек или многолюдный этнос, - это когда количество энергии, идущей на нужды самого организма и на пассионарность, равны. Когда они уравниваются друг друга, то система крепка. Если мутант поглощает больше энергии, он должен ее истратить, а путь к этому только один - работа. Тогда испанские идальго едут в Америку или на Филиппины, завоевывают целые страны, обретают богатства, на 80% гибнут, а уцелевшие возвращаются измотанными до предела или больными. Но ведь едут

только Дон Кихоты, а Санчо Пансы сидят с женой дома и не рискуют жизнью. Это обеспечивает устойчивость системы. Этнические системы существуют долго, потому что пассионарность -наследственный признак, видимо, рецессивный, так как он передается, минуя детей и внуков, к правнукам и праправнукам. Гумилев доказывал правильность своего подхода на примере Испании. Его студенты проверили его верность на материале Японии и Эфиопии. Получалось то же самое: взлет (мутация), подъем (усложнение), спад, связанный с развитием культуры, инерция (установление цивилизации), упадок, смешение с соседями и очередной взлет. Что это закон природы, у него сомнений не было. Но обязателен ли упадок? В этом он не сомневался, потому что наряду с пассионариями при мутации появляются

субпассионарии - особи, поглощающие энергии меньше, чем требуется для уравновешения потребностей инстинкта. Ради сегодняшней выгоды они уничтожают кормящие ландшафты, обрекая на голод своих потомков. Будущее их не пугает, потому что они просто не в состоянии его вообразить. На примере истории Римской империи III-IV веков Гумилев показал, что не рабы, не варвары и не христиане погубили Рим, а любители цирковых зрелищ, бездельники, которых кормили даром (231. С. 32, 33).

Заявление, что этносы имеют системную природу означало, что в основе этноса лежит не похожесть особей, его составляющих, а связи, цементирующие коллектив и простирающиеся на природные особенности населенного данным коллективом ландшафта. Этнос - система, состоящая не только из особей, разнообразных как генетически, так и функционально, но и из продуктов их деятельности в течение многих поколений: техники, антропогенного ландшафта и культурной традиции. Этнос - не зоологическая популяция, а системное явление, свойственное человеку и проявляющее себя через социальные формы, в каждом случае оригинальные, ибо хозяйство его народа всегда связано с кормящим ландшафтом. Наряду с пространственными связями этнос формируется связями временными, т. е. традицией. Как всякая системная целостность, этнос бесконечно делим на субэтнические единицы: подсистемы (субэтносы), звенья (кон-сорции), блоки (конвиксии) элементы (люди). Все это части целого, не могущие существовать вне целого. Группы этносов, возникающие одновременно после пассионарного толчка и проти-

130

вопоставляющие себя всем прочим, - суперэтносы суть целостности, стоящие на порядок выше этносов, наблюдаемых непосредственно.

Системный подход позволил ему дать строгое определение не только понятиям «этнос» и «суперэтнос», но и понятию «этногенез». Уточняя значение термина «этногенез» вопреки существующему мнению, о том, что этносфера создавалась при появлении человека, причем именно этот момент

именуется этногенезом, а потом этносы лишь меняются местами, как карты в пасьянсе, Л.Н. Гумилев понимал этногенез как постоянно идущий природный процесс возникновения и уничтожения этносов, а видимые и известные в истории этносы посчитал фазами этногенеза. Поскольку этносы возникают и исчезают не синхронно, то он этническую историю считал серией дискретных этногенезов, постоянно взаимодействующих друг с другом (233. С. 542).

Именно этот уровень исследований дал возможность ему разобраться в поставленной задаче, подобно тому, как для обозрения готического собора надо отойти на определенное расстояние и рассмотреть его с разных сторон. «Предлагаемый подход принципиально исключает качественные оценки явлений, но зато позволяет установить механизм процессов этногенеза, что и является нашей задачей» (233. С. 543). Решив эту задачу, т. е. установив механизм процессов этногенеза, Л.Н. Гумилев указывал на значение системного подхода: «Итак, системный подход, давая возможность широких обобщений, отнюдь не мешает точности установления деталей. Установив это, мы можем вернуться к соперничеству суперэтнических систем, наложивших отпечаток на политическую, экономическую, социальную и религиозную историю XI-XII вв., когда Ойкумена Евразийского континента вмещала пять суперэтнических систем» (233 С. 543). И он вернулся к этой истории.

Его статья «Древняя Русь и Кыпчакская степь в 945-1225 гг.» явилась яркой иллюстрацией применения системного подхода. Он начал с анализа древнерусской литературы, в которой сохранилось много религиозных произведений, поучений, житий, молитвенников и т.п. Значит ли это, что с 988 г. на Руси не было язычников? Скорее наоборот. Их было много. И потому проповедь православия была для авторов-монахов необходима. С этим, пожалуй, никто спорить не станет, но другая тема - необходи-

9*

мость борьбы с половцами и монголами - принимается большинством историков как трюизм. А ведь обилие летописных и поэтических призывов к этой борьбе должно указывать на то, что необходимость ее осознавалась далеко не всеми читателями. По-видимому, среди русичей XII-XIII вв. было немало таких, которые не разделяли взглядов автора «Слово о полку Игореве». И он стал пробовать отыскать их окольным путем - через историю. Экономико-географическое единство региона, в котором сочетаются зональные и азональные (речные долины) ландшафты, определяло необходимость создания целостной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую. Разумеется, это не исключало столкновений, подчас кровавых, и это-то бросалось в глаза современникам событий (231. С. 551). Пользуясь цитатами, они не могли объяснить эти события, но, по утверждению Гумилева, все объяснимо, если вместо цитат за единицу исследования принять системы взаимосвязанных фактов и учитывать их естественную логику, что ныне называется *моделированием исторической ситуации* (курсив наш - Н.Д.). При этом получается, что Русская земля, в широком смысле слова, была комплексом многих этносов, населявших монолитную территорию Восточной Европы. Славяне, среди прочих, были ведущим этносом, наиболее инициативным и восприимчивым к византийской культуре, позволявшей им противостоять другим суперэтническим целостностям, весьма агрессивным и потому опасным. Границы древнерусского суперэтноса были очерчены в XII в. четко» (233. С. 556). Подводя итог феодальным междуусобицам в XIII в., он делал вывод: здесь не только феодальная война, а и соперничество двух субэтносов: киево-вольшского и чернигово-северского, причем в основе тех и других лежат разные этнические субстраты (231. С. 558). Древняя традиция межплеменной вражды полян и северян, возродившаяся как соперничество Киева и Чернигова, оказалась еще в XIII в. настолько живучей, что по сравнению с ней померкли пограничные стычки между русичами и половцами (233. С. 560).

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что системный подход просвечивает у Гумилева в понимании и этнической истории (не как суммы этносов, а как их системы), и истории России, и истории человечества. По его утверждению, системный подход имеет не только теоретическое, но и практическое

132

значение, ибо благодаря ему можно избегать ошибок как в личной жизни, так и в межэтнических отношениях (231. С. 25). Касаясь его лично, можно утверждать, что только применив к историческому материалу системный подход и методы других гуманитарных и естественных наук, Гумилев на вершине своего творчества смог создать новый метод изучения истории.

Сравнительный анализ показывает, что его метод изучения истории не совпадал ни с одним из классических методов познания истории (объективистским и субъективистским, неокантианским и позитивистским, идеалистическим и материалистическим; чисто европейским или чисто азиатским взглядом на историю) и в то же время он был в чем-то близок каждому из них, точнее, он вобрал в себя лучшее, что было в каждом из них, умудрившись избежать их недостатков. Л.Н. Гумилев не был классическим объективистом, хотя всю жизнь проводил объективный анализ, строго следуя фактам и логике. Его метод, включавший индуктивный и дедуктивный подходы, синхронный и диахронный анализы истории, отличался высокой степенью объективности: «В науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычны они ни были» (233. С. 41). Его скорее обвиняли в субъективизме и идеализме из-за его пассионарности, но он никогда не пользовался ни идеалистическим, ни субъективными методами. Он также не был ни неокантианцем, ни позитивистом, но он ценил разработанный ими конкретно-исторический анализ культуры и сравнительно-исторический метод. Более того, он

следовал за стремившимися объединить эти методы Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым, которые разработали культурологический подход, в рамках которого история рассматривалась как смена культурно-исторических типов. Он не принимал формационный подход, но с материалистическим монизмом его сближало понимание единства истории общества и истории природы, анализ роли географической среды в жизни общества. Он не был сторонником ни европейского, ни «азиатского способа производства», но стал «последним представителем» евразийского направления российской философской мысли. С. Соловьевым и Бердяевым его сближало стремление создать синтез знаний, с помощью которого можно было бы познать историю всего человечества во всех ее

133

временных и пространственных координатах. Не отождествляясь с классическими подходами к изучению истории, он сумел взять все лучшее от предшествующих «классических» методов изучения истории и создать свой неклассический метод изучения исторического материала, который с полным правом называл «альтернативным подходом к изучению материала» (233. С. 185), поскольку он противостоял известным классическим подходам как серьезная альтернатива:

- альтернатива философско-религиозному подходу, например, в отличие от образно-символического, иррационального способа видения истории В.С. Соловьевым метод Гумилева представляет собой рациональный естественнонаучный взгляд на историю;

- альтернатива классическому историзму («чистому», «абсолютному»), в отличие от которого гумилевский подход представляет собой синтез исторического метода с методами географии и естествознания;

- альтернатива позитивистскому и неокантианскому («идиографическому», индивидуализирующему) методам, в отличие от которых гумилевский подход есть анализ позитивный (без апологетики существующего строя), и критический (отрицание с удержанием

положительного);

- альтернатива объективистскому и субъективистскому методам, в отличие от которых метод Гумилева был «строго объективным анализом», учитывающим субъективные стороны человеческой деятельности (активность, страсть, возбуждение, стремление к идеалу, на значение которых в свое время указывали Ч. Дарвин, Ф. Энгельс, П. Лавров, Н. Михайловский и др. (233. С. 159);

- альтернатива ленинскому «объективизму классовой борьбы», ибо Гумилёву был чужд в какой бы то ни было степени классовый анализ и партийные оценки;

- альтернатива историческому материализму, в отличие от которого причина смены этносов виделась им в смене стереотипов поведения; а не в смене общественно-экономических формаций;

- альтернатива К. Марксу, который нацеливал историков на изучение способа производства (*что и как производят люди*); Гумилев ставил задачу — изучать способ или стереотип поведе-

134

ния (*как вели себя люди* в тот или иной исторический период, в той или иной исторической ситуации и затем рекомендовать современникам, *как следует себя вести* в настоящее время, чтобы не повторять ошибок своих предшественников;

- альтернатива предвзятому подходу к этническим проблемам, характерному для многих советских историков (Ю. Бром-лей и др.), сознательно закрывающих глаза на отрицательные стороны советской национальной политики;

- альтернатива «научнообразному» стилю изложения исторического материала, наполненному специальными терминами и ссылками;

- альтернатива трем типам научных сотрудников («мотыльковому», «кропотливому» или «седалищному», «обобщающему»), отличающихся от «настоящих ученых» («огненная река»).

Последние две альтернативы требуют особого пояснения. Во-первых, уделяя большое внимание методу изложения исторического материала («как написано»), он на вопрос одного из редакторов его монографии: как он объяснит не совсем привычный для научного академического издания способ изложения исторического материала - большие диалоги при ограниченном числе ссылок на источники, эмоциональность, не свойственную текстам научных трудов? - разъяснял: «Есть два способа изложения новой мысли. Один считается академическим. Это значит, что нужно насытить текст специальными терминами и ссылками настолько, что не всякий специалист сможет его понять без словаря. Не буду осуждать этот способ, хотя он представляется мне не столько «научным», сколько «научообразным», удобным при написании диссертаций. Второй способ это «забавный русский слог», т. е. простой разговорный язык. Нет научной идеи, которую нельзя бы изложить ясно и кратко человеку со средним образованием, но, разумеется, тут необходимо применять литературные приемы: метафоры, гиперболы, эпитеты и даже вымышленные диалоги. Впрочем, к последнему приему прибегал еще Геродот, зато его любили читать и переписывали, так что его «История» дожила до нашего времени». Он совершенно справедливо полагал, что язык должен зависеть от того, к кому обращено исследование: если к ученым коллегам, то научные статьи пишутся языком фактов и аргументов, если - к широкому читателю, то книги должны писаться языком образным, подчас эмоциональным (227.

135

С. 18). Характеризуя свой собственный стиль, он предлагал считать его экспериментальным: «Условимся считать мой стиль экспериментальным. Какое значение имеет стиль, и язык, если содержание передано адекватно? Я старался также не перегружать книгу отсылочными сносками, поскольку монография - не статья. Тезисы любой монографии должны опираться уже не на первичный материал непроверенных источников, а на верифицированные выводы своих и чужих работ». При этом он подчеркивал, что не

абсолютизирует свой способ «писать историю», так как именно многообразие методов способствует объективному анализу исторического процесса. Не только на словах, но и на практике он показал себя опытным популяризатором науки, мастером своего дела.

Во-вторых, решая ряд науковедческих вопросов и не споря с традиционным эвристическим представлениям о том, что творческое озарение ученого наступает после длительных раздумий, больших трудов, проверки научных данных и самопроверки, т. е. является результатом длительного научного поиска, Гумилев, характеризовал четыре подхода к научной деятельности и ее результатам: мотыльковый, кропотливый, обобщающий, «огненная река».

Подход мотыльковый - легкая, изящная популяризация малоизвестных или спорных сюжетов, споры в защиту парадоксальных теорий, без претензий на точную аргументацию, более или менее остроумные рецензии, реклама чужих работ. Опасен только переход доброкачественной занимательности в воинствующий дилетантизм.

Подход кропотливый (или «седалищный») - составление необходимых пособий, библиографических справочников, подготовка к печати рукописей, переводы и комментарии к текстам. Эти труды нужны и почтенны. Они - фундамент науки, специалисты их ценят как полуфабрикаты.

Обобщающий подход предполагает обобщение накопленных знаний в системе различных аспектов, позволяющих обозреть предмет исследования целиком, а затем довести его до читателя. Это сокровищница науки: монографии, трактаты по «всеобщей истории», глобальные географические описания и т.п., написанные «своей кровью», переливающейся в труды.

«Огненная река» - творческая вспышка, в которой ассоциации сливаются в нечто целое, новое, доселе никому не известное.

Научная мысль, необходимый труд, самопроверка и проверка первичных данных не предшествуют огненной вспышке озарения, а следуют

за ней, обрекая автора на служение научной идее. Их можно понять, как внезапные импульсы влечения (аттрак-тивности), вырастающие внезапно и подчиняющие себе рассудок и волю человека на весь остальной период земного существования. Именно они отличают настоящего «ученого» от «научного сотрудника» (220. С. 355-356). Эти люди пренебрегают выгодами и земными радостями, покоем и страхом. Так воскликнул Мартин Лютер: «Я здесь стою и не могу иначе!», Галилей пробормотал: «А все-таки она вертится», Мансур ал-Халадж заорал: «Я - истина», и, наконец, В.И. Вернадский написал в своей тетради слова: «химическая энергия живого вещества биосферы» (239. С. 355-356). Добавим, что таков же был сам Лев Николаевич Гумилев, который, конечно же, был «огненной рекой», но «река» эта, как было показано выше, явилась следствием громадных многолетних исследовательских усилий и методологических поисков. Таков в кратком изложении гумилевский метод изучения истории. К созданию его он шел несколько десятилетий, проходя следующие ступени:

- этнографический метод описания этносов;
- этнологический метод, созданный на основе теории этногенеза;
- исторический метод, примененный к этнической истории;
- историко-географический метод, основанный на союзе истории с географией;
- естественнонаучный подход, благодаря которому Л.Н. Гумилеву в конце творческого пути удалось достичь искомого синтеза знаний, позволяющего охватить мысленным взором всю нашу планету во времени и пространстве. О подобном синтезе в свое время мечтали В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и другие мыслители России. Именно такой подход позволяет открыть универсальные закономерности человеческого бытия и помогает решить многие глобальные проблемы современности: экологические, демографические, экономические, политические, идеологические и пр. Разумеется, применение этого метода связано с преодолением определенных трудностей, на что указывал сам автор метода (220. С. 560), но, известно, что

без преодоления трудностей не бывает научных результатов.

137

Л.Н. Гумилев понимал, что преодолеть эти трудности можно только с помощью новой теории, так как ни одна из известных марксистских теорий: теория общественно-экономических формаций, теория классовой борьбы, теория общественного прогресса и в целом теория исторического материализма были не состояниии справиться с ними. Убедившись, что для полноценных научных исследований истории недостаточно только эмпирического знания, он поставил перед собой задачу - создать новую теорию, которая помогла бы интерпретировать историю во всей её полноте и глубине.

Пассионарная теория этногенеза. Сознвая необходимость создания новой теории, Л.Н. Гумилев не мог создать ее сразу. Он шел к ней 20 лет, постепенно, шаг за шагом, приближаясь к истине. В своих работах он стремился не просто дать формулировку новой теории, но и показать весь путь, которым она была достигнута, выяснить основания, убеждающие в том, что на современном уровне науки она отвечает всем требованиям, предъявляемым к научным гипотезам, и уже затем перейти к системе доказательств (220. С. 38). Но, думая: с чего начать? Л.Н. Гумилев решил начать *ab ovo* (латинский термин, в переводе на русский означающий: «с яйца») и предложил в качестве такового понятие «этнос». «И начало этому уже положено: в проблему соотношения человека как носителя цивилизации с природной средой введено понятие «этнос» как устойчивый коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам, имеющий внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную, и динамический стереотип поведения» (220. С. 206). Опираясь на диалектический путь науки, он считал необходимым сначала уточнить значение термина «этнос», а затем путем анализа раскрыть его содержание, не отрицая значения таких признаков, как язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология и пр. (231. С. 40-41). Объясняя выбор

термина «этнос», он подчеркивал его преимущество по сравнению с близкими ему по значению терминами «народ» и «нация»: «Народ» -термин неудобный, он слишком полисемантичен. Термин «нация» принято применять только к условиям капиталистической и социалистической формаций, а до этого, считается, что наций не было... Термин «этнос» очень пригоден для того, чтобы им обозначать сообщества, на которые распадается все человечество»

138

(239. С. 20). Учитывая тот факт, что все пишущие на эту тему авторы, в том числе и этнографы, подменяли подлинные этнологические характеристики профессиональными, сословными и пр., что, по существу, было равнозначно отрицанию этноса как реальности, Л.Н. Гумилев придал этому термину новое содержание. Новым здесь явилось даже не столько введение в научный оборот понятия этнос» (оно было известно задолго до Гумилева, например, о нем упоминалось в «Илиаде» Гомера)), сколько новая постановка вопроса. В отличие от марксистов, которые главным вопросом считали «что и как люди производят?», и от идеалистов, ставивших вопросы «что люди думают по тому или иному поводу», Л.Н. Гумилев поставил вопрос по-новому: «как вели себя люди в разных условиях жизни» и в итоге увидел отличие одного этноса от другого не в «способе производства» (как объясняли материалисты), и не в культуре, уровне сознания или «уровне образования» (как полагали идеалисты), а в *способе поведения* или *стереотипе поведения* их членов (233. С. 34). Эти стереотипы человек усваивает в первые годы жизни от родителей и сверстников, а затем использует их всю жизнь, чаще всего не осознавая их стереотипности. В этносе, в отличие от общества, работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексy. Эти соображения он изложил в цикле статей, посвященных этносу: «О термине этнос», «Этнос как явление», «Этнос и ландшафт», «Этнос и категория времени», «Этнос - процесс или состояние?», «Этносы и антиэтносы», «Искусство и этнос» и др. Это пока

еще не было теорией, но это был уже первый шаг на пути ее становления.

Сущность этой теории изложена им в специальных статьях «Этногенез в аспекте географии», «Этногенез и историческая география», «Этногенез и этносфера», «Этногенез - природный процесс», «Внутренняя закономерность этногенеза», «Культуро-генез и этногенез кочевых и оседлых цивилизаций в средние века» и др. В них дается, прежде всего, дефиниция понятия «этногенез»: «Этногенез - инерционный процесс, где первоначальный заряд энергии (биохимической, описанной В.И. Вернадским) расходуется вследствие сопротивления среды, что ведет к гомеостазу - равновесию этноса с ландшафтом и человеческим окружением, то есть к превращению его в реликт, когда он находится в пережиточном (персистентном) состоянии, лишенном творчес-

139

ких сил...Импульс пассионарности как биохимической энергии живого вещества, преломляясь в психике человека, создают и сохраняют этносы, исчезающие, как только слабеет пассионарное напряжение» (233. С. 388).

Основные понятия теории этногенеза были вынесены на защиту диссертации на степень доктора географических наук, а затем изложены в книге «Этногенез и биосфера Земли». В ней сформулированы и подробно развиты основные положения теории этногенеза: учение о биосфере, антропосфере, этносфере, этносе, о стадиях развития этноса, об этнических контактах, этнической иерархии и др. Попросив извинения у читателя, мы приводим здесь определения основных понятий, в последовательности, данной самим Л.Н.Гумилевым.

Биосфера - оболочка земли, структура и энергетика которой обусловлены прошлой или современной деятельностью живых существ, а также продуктов их жизнедеятельности: почв, осадочных пород, свободного кислорода воздуха.

Антропосфера - биомасса всех человеческих организмов. Этносфера - мозаичная антропосфера, то есть сочетание всех этноландшафтных

целостностей, всегда динамических.

Суперэтнос - группа этносов, возникших одновременно в одном регионе, проявляющая себя в истории как мозаичная целостность.

Этнос - устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени. Субэтнос - элемент структуры этноса, взаимодействующий с прочими. При упрощении этносистемы в финальной фазе число субэтносов сокращается до одного, который становится реликтом. Консорция - группа людей, объединенных одной исторической судьбой; либо распадается, либо переходит в конвизию.

Конвизия- группа людей, объединенных однохарактерным бытом и семейными связями. Иногда переходит в субэтнос (220. С. 161).

Многokrатно уточняя и дополняя эти термины, Л.Н. Гумилев главными, определяющими считал понятия «этнос», «субэтнос» и «суперэтнос». *Этнос*, по его определению, обладает определенной этнической доминантой, включающей стереотип

140

поведения, способ адаптации к природным условиям, навыки быта, степень пассионарного напряжения. Исходя из такого определения, он к этносам относил коллективы, противопоставляющие себя другим, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности - подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего деление на «своих» и «чужих» (230. С. 9). Этносы, не всегда похожи друг на друга, но всегда ближе друг к другу, чем к этносам других суперэтносов, как по ментальности, так и по поведению. Таковы этносы романо-германского типа: немцы, французы, англичане, итальянцы, поляки, чехи, шведы и испанцы. Они представляют этническую целостность и отличаются от представителей мусульманского мира: арабов, персов, тюрок, берберов, туарегов, а также от этносов Евразии: русских, татар, якутов и др.

(233. С. 34-35). Появление этносов, по Гумелеву, всегда связано с ландшафтом. Взаимосвязь этноса и ландшафта проанализирована в гумилевских статьях: «Этнос и ландшафт», «Об антропогенном характере ландшафтообразования (ландшафт и этнос: У11*, «Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период», «Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижения народов за исторический период», «История колебания уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до п. э. по XV в. н. а)» и в книге «Тысячелетие вокруг Каспия». По структуре каждый этнос в той или иной степени неоднороден; внутри его выделяются консорции, конвексии, субэтноты, которые могут возникать и распадаться, причем ощущение единства этноса как целого у их членов не теряется.

Субэтнос - понятие, стоящее рангом ниже, чем этнос. Под этим понятием Гумилевым понималась подсистема этноса, выделявшаяся *внутри него* своим стереотипом поведения: «субэтноты - мелкие группы, отличающиеся друг от друга иногда языком, иногда религией, иногда родом занятий, но всегда стереотипом поведения» (233. С. 34). Уточняя это понятие, Л.Н. Гумилев характеризовал субэтнос как элемент целостной этнической системы, выделявшийся внутри этноса своим стереотипом поведения и противопоставляющий себя другим путем комплиментарности. Последняя определялась им как неосознанная и неопределенная какими-либо видимыми причинами симпатия или антипатия различных этносов и даже отдельных персон к другим этносам. Возникая как безотчетное чувство приязни или

141

неприязни, она может быть положительной или отрицательной (239. С. 14). Наличие разнообразных субэтноты - важный признак устойчивости этноса; даже соперничая друг с другом, они не нарушают его единства, а делают внутреннюю структуру этноса более гибкой. В процессе этногенеза субэтноты возникают и рассасываются более или менее безболезненно, сменяясь другими. Так, в России выделялись субэтноты казаков, поморов, си-

биряков («челдонов»), старообрядцев и др. В этносе может выделяться субэтнос, играющий ведущую роль, например, в России сословие дворян лидировало до начала XX в. Таким образом, субэтноты могли выступать в самой различной форме - как этнографические группы, живущие на определенной территории, как сословия, религиозные общины и др., но критерием их поведения всегда служили поведенческие особенности и противопоставление окружению при сохранении принадлежности к тому или иному этносу. «Субэтноты - подразделения, существующие лишь благодаря тому, что они входят в единство этноса. Без этноса они рассыпаются и гибнут (220. С. 126). На высших стадиях своего развития этнос начинал как бы расширяться и усложняться, порождая семью родственных этносов, составляющих группу близких между собой этносов в единый суперэтнос.

Суперэтнос - понятие высшего ранга в этнической иерархии, представляющее собой этническую систему, состоящую из нескольких этносов. Введение в научный оборот понятия «суперэтнос», сделавшегося важнейшей частью теории этногенеза, имело большое значение. Необходимость в понятии такого рода созрела задолго до Гумилева. Известно было, что в историческом мире существуют помимо народов и государств еще более крупные объединения. Их описывали и давали разные названия: «культурно-исторические типы» (по Н.Я. Данилевскому), «культуры» (по О. Шпенглеру), «цивилизации» (по А. Тойнби), «миры» (например, «исламский мир»). Такие построения сыграли важную роль в понимании истории, Л.Н. Гумилев тоже стал работать в этом направлении, предложив понятие «суперэтнос» как этнокультурную систему, главное отличие которой от аналогичных конструкций в том, что его суперэтнос - саморазвивающееся динамичное целое, находящееся в постоянном взаимодействии с живой природой (биосферой) и наполненное человеческим, духовным, культурным содержанием. Единство суперэтноса обеспечивается наличием общей ментальности, консолидирующей

самые разнообразные этносы в единое целое. Поэтому суперэтносы предстают не только как религиозные или культурные целостности; суть их лежит гораздо глубже. Народы внутри этой целостности не обязательно объединены политически и довольно часто вступают в конфликты, но конфликты эти не являются войнами на полное истребление противника, а носят характер борьбы за преобладание. Эти конфликты не исключают экономического, политического и идеологического общения друг с другом, например, усобицы древнерусских князей, войны гвельфов и гибеллинов в средневековой Европе. Вместе с тем столкновения между разными суперэтнoсами часто приобретают черты геноцида и порабощения (войны Древнего Китая со степными народами; истребление аборигенов Северной Америки европейцами и т. п.). Ядром суперэтнoса всегда является группа этносов, объединенная вокруг этнической доминанты (так, в Византии роль объединяющего начала играло православное христианство; арабский суперэтнoс образовался в VII в. на основе ислама). В дальнейшем в орбиту уже сложившегося суперэтнoса могут быть включены народы иного генезиса (например, в состав Российского суперэтнoса вошли многие сибирские и степные этносы, возникшие независимо от него).

Таким образом, стоящий на порядок выше этноса суперэтнoс - не условная конструкция, а системная целостность, не менее реальная, чем этнос. Являясь крупнейшей единицей, по сравнению с этносами и субэтнoсами, суперэтнoс представляет собой этническую систему, включающую в себя группу этносов, возникшую и проживавшую в одном регионе: «Суперэтнoс - группа этносов, возникших вследствие пассионарного толчка в определенном географическом регионе» (233. С. 543). Так, Византия - суперэтнoс, возникший в результате шчка в I веке н. э., состоявший из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян и просуществовавший до XV в. (229. С. 17). Характеризуя русский суперэтнoс, он писал: «Русские дали название и всему суперэтнoсу, в который помимо них вошли, начиная с XIII в., финно-угорские народы Восточной Европы: карелы,

вепсы, зыряне (коми), мордва, удмурты, а также православные украинцы, чувашаи и множество сибирских народов, включая алеутов» (233. С. 177).

Объясняя внутреннее единство и устойчивость такого грандиозного образования, как суперэтнос, Л.Н. Гумилев показал, что

143

попытки свести объяснение к языковым, расовым, экономическим или политическим факторам не имели успеха. Сам он видел разгадку в концепции пассионарного толчка, формирующего в определенном ландшафтном регионе активно усложняющуюся и растущую целостность с новым стереотипом поведения и ментальностью. Все существовавшие суперэтнысы восходят к такому толчку, сохраняя заданные им основные черты.

Выявленные Гумилевым закономерности позволяют говорить о пространственных и временных признаках суперэтносов. «Суперэтнысы - долго, но не вечно живущие этнические системы. Их границы подвижны не только в пространстве, что связано с крупными вековыми вариациями климата, но и во времени» (233. С. 177-178). Возраст суперэтноса Л.Н. Гумилев связывал с моментом пассионарного толчка, от которого возник суперэтнос. Этот возраст характеризует энергетический заряд суперэтноса, развитие которого в основных чертах детерминируется внутренней энергетической закономерностью и характером контактов с другими суперэтнысами. Во время контактов также проявляется чувство отрицательной или положительной комплиментарности. Так, положительная комплиментарность двух основных суперэтносов нашей страны - Российского и Степного - явилась залогом Московского государства, а вслед за ним и территориального расширения Российской империи, и нерушимости СССР в годы второй мировой войны (233. С. 178).

Близко стоящими к суперэтносу понятиями «гиперэтнос» и «метаэтнос» Л.Н. Гумилев обозначал гипотетическую совокупность суперэтносов, отождествляемую с человечеством, антро-посферой и

этносферой (220. С. 126,143; 233. С. 176,189), но считал маловероятным слияние в будущем всего человечества в один единственный гиперэтнос, но об этом будет сказано ниже. Помимо названных Л.Н. Гумилев вводил еще более новые понятия: «этнос - персистент», «этнос - изолят». Персистенты (статические этносы, реликты) - этнические системы, прошедшие все фазы этногенеза и успешно находящиеся в состоянии этнического гомеостаза. Такая система, прочно связанная с вмещающим ландшафтом (этноценозом) может существовать очень долго, практически не изменяясь, и легко погибнуть от внешнего воздействия или от старости. Эта система лишена гибкости, способности приспособления к новым условиям. Примеры персистентов: со-

144

временные племена индейцев, исландцы, коренные народы Крайнего Севера, отдельные этносы в горах Кавказа и др. Этносы-пер-систенты тесно связаны с этносами - изолятами. «Изолят - небольшой этнос-персистент, отграниченный в силу ландшафтных условий от других этносов и не вступающий с ними в этнические контакты в течение значительного периода времени. Этно-сы-изоляты существуют на Памире, в Южной Америке, Африке, на Тибете и т. д.» (231. С. 524). Таким образом, уточнив значение всех упомянутых понятий, Л.Н. Гумилеву удалось создать понятийный аппарат этнической науки и, в конечном итоге, создать действительно научную теорию этногенеза.

Второй шаг в создании теории этногенеза был связан с постановкой и решением вопроса: «почему этносы вели себя по-разному в разных исторических условиях и в разные исторические периоды?». Постановка этого вопроса не была случайной. Еще в студенческие годы он задумывался над вопросами: «почему возникали могучие этносы и куда они пропадали, хотя полного вымирания их членов заведомо не было?»; «почему возникают этносы и почему конец их неизбежен?» (220. С. 27, 299). Желание ответить на эти «главные» вопросы определяло направление его исследовательских

интересов. Например, касаясь истории монголов, он ставил аналогичные вопросы и определял направления своих исследований: «Поиски могут идти по двум направлениям: 1) почему монголы стремились к победам? и 2) почему их соседи позволяли себя завоевывать?» (233. С. 42). Эти поиски продолжались во все последующие годы, даже тогда, когда он находился в тюрьмах и лагерях. О том, как там ему в голову приходили ответы на поставленные вопросы, он вспоминал во многих книгах. Так, в книге «Ритмы Евразии» он вспоминал: будучи арестован в третий раз в 1937 г, и лежа в душной тесноте под нарами в тюремной камере в ленинградских «Крестах», он наблюдал, как луч света падает из окна на асфальтовый пол, и внезапно пришла ему в голову замечательная идея (233. С. 23). Эту возникшую, «как удар молнии» идею он назвал пассионар-лостью и попробовал применить к истории. И оказалось, что она характерна для всех исторических процессов. «А она присутствует абсолютно во всех исторических процессах. Если ее нет, то процессы не идут. Тогда люди спокойно и тихо живут, никого не трогают, а если на них нападают, они защищаются в меру своих

145

сил» (239. С. 8). Убедившись в эффективности идеи пассионарности, Л.Н. Гумилев решил использовать ее в научном анализе. «Поэтому для целей научного анализа мы предложили новый термин «пассионарность» (от лат. *passio* - страсть), исключив из его содержания животные инстинкты, стимулирующие эгоистическую этику и капризы, являющиеся симптомами разболтанной психики, а равно и душевные болезни, потому что хотя пассионарность, конечно, отклонение от видовой нормы, но отнюдь не патологическое» (220. С. 303).

Следует отметить, что, работая над идеей пассионарности около 60 лет, Л.Н. Гумилев в разное время понимал её по-разному. Вначале он определял её просто как активность людей, проявляющуюся в стремлении индивида к цели; потом - как источник и движущую силу этнической истории и,

наконец, как особую энергию, влияющую на жизнь человека и человечества в целом. В дальнейшем он несколько раз уточнял содержание этого понятия. В итоге творческих раздумий понятие «пассионарность» приобрело пять значений: причинность, целенаправленность, характеристика поведения и психики человека, источник и движущая сила истории, особая жизненная энергия, тот «фактор Икс», который определял появление и развитие этногенеза.

Появление первого значения: пассионарности, как причины человеческих действий, описано Л.Н. Гумилевым в книге «Конец и вновь начало»: «Я лежал под лавкой и думал: а почему же Александр Македонский пошел сначала на Персию, а потом на Индию и Среднюю Азию? Что ему там было нужно? - Ничего! И вдруг у меня как вспыхнуло в голове, что все эти большие войны совершаются не потому, что они кому-то нужны (и меньше всего их участникам), а потому, что существует такая вещь, которую я назвал *пассионарностью* (239. С. 8). Убедившись в правильности своей догадки, он определил пассионарность - как «стремление действовать без всякой видимой цели или с целью иллюзорной. Иногда же иллюзорная цель оказывается полезной, но чаще бесполезной, но пассионарий не может не действовать. Это касается не только одного человека, но группы людей. Это был первый этап моей работы» (239. С. 8).

Характеризуя пассионарность как свойство поведения и психики человека, он отмечал такие черты, как способность к сверхнапряжению и жертвенность ради достижения этой цели. Эту

146

жертвенность он понимал широко - как отказ от удовлетворения жизненно важных биологических потребностей ради доминирующей социальной или идеальной потребности, осознаваемой как цель, достойная того, чтобы отдать за неё жизнь. «Эти люди могут быть добрыми и злыми, умными и глупыми, нежными или грубыми. Это не важно; главное, что они готовы жертвовать собой и другими людьми ради своих целей, которые часто

бывают иллюзорны. Это качество, по сути, - антиинстинкт, я назвал новым термином - пассионарность» (231. С. 30).

Пользуясь историко-биографическим методом, Л.Н. Гумилев стремился описать «пассионариев всех времен и народов» (234. С. 61). При этом он определял пассионарность как устойчивый, инвариантный для разных эпох и этносов комплекс поведенческих и психических черт. Он проверял правильность обнаруженных свойств на примере таких исторических личностей, как Александр Македонский, его соратники (Пердикк, Клит, Селевк, Птолемей), Люций Корнелий Сулла, Наполеон Бонапарт и др., и в итоге пришел к выводу, что дело не в личном героизме «героев, ведущих толпу», подобно «магниту, притягивающему железные опилки», а в создании этнической доминанты, которая организует пассионарные системы и направляет ее к конечной цели (220. С. 311,323). В итоге пассионарность стала рассматриваться им не только как синоним целенаправленности, но как потребность изменять окружающую общественную и природную среду.

Четвертое значение пассионарности как источника и движущей силы истории также описано им во многих книгах. Вообще вопрос об источниках и движущих силах исторического развития был основной проблемой всей его научной жизни. Он, конечно, понимал, что в основе всякого деяния, оставляющего след в истории, лежат людские замыслы. Но, признавая влияние людских замыслов и дел рук человеческих на историю, он считал эту «меру влияния не такой великой, как принято думать, ибо на популяционном уровне история регулируется не социальными импульсами сознания, а биосферными импульсами пассионарности» (233. С. 190-191). В импульсах пассионарности, он видел материальную основу всякого творчества: «Импульсы, возникающие в биосфере из-за этих толчков, и есть та материальная основа творчества, проявляющаяся в стремлении то к красоте - искусство, то к истине - наука, то к справедливости - мораль, то

к власти - благодаря этому импульсу создаются государства, то к победе - будь то завоевание чужой страны или мимолетный успех тенора и т. д. Эти импульсы могут быть позитивными (жизнеутверждающими) и негативными (разрушающими)» (233. С. 414). Показывая возбуждающее действие этих импульсов, он приводил образное сравнение: «как будто кто-то хлещет плетью шар земной, и к рубцу приливает кровь, и он воспламеняется» (220. С. 250). Убеждение, что именно пассионарность двигала большими массами людей, определяла ритмы континентов, нашла отражение в его статьях «Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (опыт историко-географического синтеза)», «Ритмы Евразии» и особенно в книге «Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации».

Итак, отвечая на вопрос «почему возникали и развивались этносы?» Л.Н. Гумилев вводил понятия «пассионарность», «пассионарный признак», «пассионарный импульс», «пассионарный толчок» Все эти понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены. «Пассионарность - это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию. Мы назовем таких людей пассионариями» (230. С. 13). Появление пассионариев непременно связано с пассионарным толчком: «Пассионарный толчок - это появление в определенном регионе какого-то количества пассионариев, т. е. людей, стремящихся сделать больше, чем нужно для поддержания жизни своей и своего потомства. Причем им безразлично, принесет это пользу или вред. Они хотят действовать, у них - избыток энергии» (239. С. 12-13). Определив пассионарность как «избыток энергии живого вещества биосферы», которая движет всеми живыми существами, он увидел в ней источник и движущую силу этнической истории.

Пятое значение пассионарности связано с вопросами: «какая энергия движет этногенезом?», «откуда взялся первоначальный толчок и какова

природа той энергии, которая инициирует деяния людей, побуждает их идти на гибель или добиваться победы, воспользоваться плодами которой они не успевают?»). О том, как пришла ему в Лефортовской тюрьме в голову идея отождествить пассионарность с энергией, он писал в книге «Конец и вновь начало». Сидя в камере, «я увидел, как луч света падает из окна на це-

148

ментный пол. И тогда я сообразил, что пассионарность - это энергия, такая же, как та, которую впитывают растения. Здесь сработала далекая ассоциация. Так я сделал следующий шаг в развитии своей теории» (239. С. 10). Обосновывая эту идею, Л.Н. Гумилев аргументировал ее следующим образом. Поведение каждого человека и каждого этноса - просто способ адаптации к своей географической и этнической среде. Но чтобы адекватно приспособиться к этой среде, нужна какая-то потенциальная энергия. Этот вывод следовал из закона сохранения энергии, согласно которому энергия, необходимая для совершения той или иной работы, не может взяться ниоткуда. При этом закономерно встал вопрос о форме рассматриваемой энергии, механизме ее абсорбации. Ответ на этот вопрос был найден Гумилевым в трудах В.И. Вернадского, который открыл и описал этот вид энергии. Гумилев воспроизвел ход его рассуждений, когда он сопоставил скопища саранчи с массой руды в месторождениях. Саранчи было больше, чем руды, и летела она навстречу смерти. Так что же ее толкало? В поисках ответа Вернадским было создано учение о биосфере, как оболочке Земли, обладающей антиэнтропийными свойствами. Но ведь люди - тоже часть биосферы. Следовательно, энергия живого вещества пронизывает тела наши, наших предков и будет пронизывать тела наших потомков, стимулируя разнообразные этногенезы. За счет этой энергии живые организмы растут, размножаются и совершают работу всех типов. Распределена эта энергия в биосфере неравномерно, что порождает в животном и растительном мире так называемые «волны жизни», приводящие к массовой миграции животных, вроде отмечавшихся В.И. Вернадским перемещений гигантских масс саран-

чи, птиц, грызунов-леммингов. В человеческих коллективах (этносох) избыток энергии порождает всплески целенаправленной активности, выражающейся в способности этнических коллективов совершать работу, активную деятельность миграционного, экономического, военного характера. Эта активность определяется количеством энергии в системе, т. е. пассионарным напряжением. Вследствие пассионарного напряжения происходят как бы вспышки, за которыми следует снижение активности и, наконец, исчезновение (239. С. 11). Таким образом, на поставленный вопрос: на какой энергии работает этногенез, Л.Н. Гумилев давал вполне определенный ответ: «На энергии живого ве-

149

щества биосферы, которую открыл наш великий естествоиспытатель В.И.Вернадский, и которая движет всеми живыми существами: муравьи, лемминги, люди. Это та самая энергия, которая дает видимый нами эффект - пассионарность» (239. С. 11). Он утверждал, что пассионарность имеет энергетическую природу: способность индивида совершать целенаправленную работу по изменению окружающего мира, что требует длительного эмоционального, интеллектуального и физического напряжения и объясняется повышенным количеством энергии, которую человек захватывает (абсорбирует) из окружающей среды. Эта энергия воплощается в способностях людей, в деятельности пассионариев.

Относя к пассионариям людей, обладающих определенной активностью, врожденной способностью абсорбировать энергию из внешней среды и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по изменению окружающей среды, Л.Н. Гумилев описывал пассионарность и на индивидуальном уровне (в качестве отдельного поведенческого импульса, несводимого ни к каким известным биологическим инстинктам или психическим свойствам человека) и на популяционном (как активность этнических коллективов). Он исходил из того, что этносы, как и люди, по-разному наделены пассионарностью. У одних ее слишком мало (они ленятся

и ведут малоподвижный, паразитический образ жизни); у других ее хватает только на удовлетворение своих физических потребностей (это обыватели, спокойные, равнодушные, думающие только об удовлетворении материальных (физических) потребностей; у третьих - этой энергии бывает слишком много, то есть они обладают избытком энергии. В соответствии с затраченной энергией, он делил их на три группы: гармоничные люди, субпассионарии и суперпассионарии.

Гармоничные люди или пассионарии энергоуравновешенного типа производят столько работы, сколько нужно для поддержания своей жизни и своего потомства, для личного и видового самосохранения. Характеризуются они повышенной адаптацией к окружающей среде, обеспечивающей связь уже сложившегося этноса и ландшафта. В структуре этноса они играют важную роль стабилизирующего фактора, поддерживающего этническую традицию. Они являются залогом внутренней устойчивости этноса.

К *субпассионариям* он относил людей энергодефицитного типа, которые в силу неспособности абсорбировать из окружаю-

150

щей среды достаточное количество энергии, не могут полноценно адаптироваться в среде. Недостаток энергии проявляется в их неспособности сдерживать инстинкты, асоциальном поведении, паразитизме, недостаточной заботе о своем потомстве. Их называют бродягами, бомжами, босяками, люмпен-пролетариями, чернью, отбросами общества и т. п. Обычно они скапливаются в крупных городах, где есть возможность жить не работая, развлекаясь, ведя паразитический образ жизни. Они по-своему активны, но их сосредоточение в городах приводит к громадному росту алкоголизма, преступности, наркомании, проституции и прочим негативным явлениям. В книге «Этносфера: история людей и история природы» Л.Н. Гумилев давал обобщенную характеристику субпассионариев, которые поглощают энергии меньше, чем остальные. «Им все трудно, а желания их примитивны: поесть, выпить, поразвлечься с такой же женщиной. Таковы неаполитанские

лаццарони, бродяги, описанные Максимом Горьким, подонки капиталистических городов, вымирающие племена Андаманских островов, которым лень наловить рыбы, нарвать в лесу плодов для любимых детей. Они лежат на берегу океана в ожидании парохода, а потом просят у приезжих туристов табаку, курят...и счастливы. Субпассионарии существуют повсеместно. Они очень различны. Близкие к оптимуму составляют кадры преступников и проституток. Те, кто слабее, становятся алкоголиками и наркоманами, а еще ниже стоят дебилы и кретины, у которых не хватает энергии даже па то, чтобы мечтать. Эти особи за пределами нормы. Субпассионарии отнюдь не так безобидны, как может показаться; для них характерна безответственность и импульсивность, склонность к агрессии. И.:. нельзя ничего доверять, ибо ради минутного наслаждения они способны погубить любое дело, даже государственное или общественно^ (231. С. 33).

К *суперпассионариям* Л.Н. Гумилев относил людей энергоизбыточного типа, обладающих врожденной способностью абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем требуется для личного и видового самосохранения. Проанализировав биографии таких деятелей, как Александр Македонский, Сулла, Ганнибал, Чингис-хан, Наполеон, Жанна де Арк, Ян Гус, из русских: Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Иван Сусанин, Сергей Радонежский, протопоп Аввакум, Петр Первый, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Иосиф Сталин и др., он

151

обнаружил, что всех их объединяет внутреннее стремление к активной деятельности. Это стремление диктовалось не материальными благами и не условиями среды, наоборот, их деятельность часто вызывала осуждение со стороны окружающих и довольно часто приводила их к лишениям и гибели. Более того, в истории известны многие случаи, когда люди жертвовали жизнью ради идеи или общего дела, причем не под влиянием минуты, а вполне обдуманно. Именно эти люди обладают способностью активно влиять на поведение и психическое состояние окружающих лиц и оказывать влияние на

ход истории. Именно их энергия движет людьми.

Итак, поставив вопросы: какая энергия движет людьми и на какой энергии работает этногенез, Л.Н.Гумилев прямо ответил -на пассионарной энергии. Это отразилось также на его понимании всей этнической науки. Исходя из того, что этническая история изучает различные народы (этноты), как естественно сложившиеся коллективы людей, он увидел отличие этнической истории от других исторических наук в дискретности, прерывистости, происходящей потому, что сам процесс этногенеза конечен и связан с определенной формой энергии - энергии живого вещества биосферы.

Введение в научный оборот понятия «пассионарность» имело большое значение для создания теории этногенеза и этнической науки. Создав пассионарную часть теории этногенеза. Л.Н. Гумилев не остановился на этом и снова продолжал поиск. «И теперь наша задача состоит в том, чтобы показать, может ли открытый и описанный нами феномен решить поставленные нами вопросы этногенеза и этнической истории» (220. С. 315). И он приступил к решению поставленной задачи.

Третьим шагом в создании теории этногенеза было решение вопросов о генетической природе этноса и о «пусковом моменте», означавшем появление нового этноса на арене истории («взрыве пассионарного™»). Он утверждал, что любой этнос возникает в результате определенного взрыва пассионарности, затем, постепенно теряя ее, переходит в инерционный период; инерция кончается, и этнос распадается на свои составные части (233. С. 23-24).

По вопросу о природе этноса большинство советских этнографов высказывало три мнения. Первое состояло в том, что эт-

152

нос - явление социальное, подчиненное законам развития общества и потому не имеющее собственных закономерностей. Второе заключалось в том, что этнос - духовное явление: «система, под которой понималась некая однородность, идентичность всех элементов этноса, которая может быть

обнаружена реально только в самосознании, этом «неотъемлемом», по Бромлею, признаком этноса. Третье утверждало, что этнос - явление биологическое. Гумилев считал все эти мнения ошибочными. По его мнению, спор о том, что является первичным при возникновении нового этноса: биологическое или социальное, подобен спору о том, что первично в яйце: белок или скорлупа. Ясно, что одно невозможно без другого, и поэтому диспут на эту тему беспредметен (220. С. 265). Опровергая разные подходы к этносу, характерные для советских этнографов, Л.Н. Гумилев, в конечном счете, видел в этносе одновременно и природное, и социальное начало в их органическом единстве: «Понятие «этнос» - элементарное понятие, не сводимое ни к социальным, ни к биологическим категориям. Этот вывод - эмпирическое обобщение историко-географических фактов. Этносы - явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли» (220. С. 38, 389).

Рассматривая этнос как природную общность, не сводимую ни к каким другим типам объединения людей, он решительно порвал с социологизаторской школой, рассматривавшей этнос как социальное явление, подчиняющееся законам общественного развития. Одновременно он считал неверным отождествление этноса с биологической популяцией, утверждая, что феномен этноса лежит в поведенческой сфере, хотя с каждым этносом связана популяция, изолированность которой обеспечивается эндогамией. Утверждая, что этнос по природе -- явление биофизическое, он для объяснения привлекал генетику, определяя пассионарный признак как рецессивный генетический признак, передаваемый по наследству и лежащий в основе пассионарности как конституционной черты человека. Привлечение генетики для выяснения причин этнических процессов было сделано в результате двух эмпирических обобщений. Во-первых, им было установлено, что целенаправленная поведенческая активность порождается не воздействием социальной среды, а определенной конституционной чертой человека, которая контролируется ге-

нетически. Во-вторых, массовое появление на некоторой территории сверхактивных людей, начинающих ломать существующие традиции и создавать новую этническую систему, не находило других объяснений, кроме мутации. Все предшествующие теории объясняли лишь отдельные стороны подобных явлений и не способны были объяснить их общую первопричину. Но, будучи уверен, что генетика отражает одну, и не всегда главную сторону изучаемого процесса этногенеза, Л.Н.Гумилев определял этнос как биологическое явление. С биологической точки зрения этнос не является аналогом муравейника или стада. Биологическое время - это смена поколений. Жизнь этноса - это наложение биологического времени на историческое, смены поколений - на цепочки событий в причинной последовательности. То, что человек - животное, нисколько не унижает его человеческое достоинство. И потому он живет в коллективах - этносах, специфических сообществах (220. С. 271-272). Когда интересы коллектива превалируют над жаждой жизни и заботой о собственном потомстве, то особи, обладающие повышенными способностями, при благоприятных для себя условиях совершают поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и инициируют новые этносы. В этой связи пассионарные толчки - тоже явления природы - создают импульсы творческие, порождающие адаптационные синдромы, при которых этнос всегда сопрягается с привычным для него ландшафтом (220. С. 532). Эта установка сыграла большую роль в методологических поисках нашего автора: «Установив, что этнос - феномен биофизический, что пассионарность - эффект энергии живого вещества биосферы и что сознание, а равно и связанная с ним история культуры играют роль руля, а не двигателя, мы не решили поставленной задачи, а только наметили способ ее решения» (220. С. 409). Но и установление способа решения задачи было серьезным достижением в создании теории этногенеза.

Условившись понимать под этногенезом два момента: 1) пусковой

момент («взрыв пассионарности»), означавший появление этноса на арене истории; и 2) весь процесс развития этноса от его появления до превращения этноса в реликт и исчезновения, Л.Н. Гумилев постарался решить основной, на его взгляд, вопрос: почему возникают процессы этногенеза, порождающие изучаемые этнографией этносы? Отвечая на этот вопрос, этногра-

154

фы придерживались двух точек зрения. Согласно первой, широко распространенной среди советских ученых точке зрения, новые этносы возникают при тесном сожительстве вследствие взаимной ассимиляции перенесенных этнических субстраций (Итс **РФ**. Введение в этнографию. Л., 1974. С. 43-46). Л.Н. Гумилев соглашался с тем, что взаимные ассимиляции при образовании этносов нужны, но в то же время подчеркивал, что для создания чего-то нового, например, нового ребенка, обязательно нужны двое, по крайней мере, мужчина и женщина, т. е. необходима какая-то смесь. Это относится и к этногенезу, и к вопросам духовной культуры (233. С. 161).

Представители второй точки зрения, характерной для американских этнографов, описывали другой способ возникновения этносов, когда вследствие исторических перепитий от этноса отпочковывается группа людей и меняет место жительства. С течением времени эти люди вырабатывают новый стереотип поведения и теряют связи с метрополией. Иногда эти группы гибнут, но нередко, смешавшись с аборигенами или другими переселенцами (пилигримами), они образуют самостоятельные этносы.

По Гумилеву, оба варианта различны и по генезису, и по характеру изменчивости. Однако он посчитал первый вариант подлинным этногенезом, означающим рождение новых суперэтносов, тогда как во втором происходит только увеличение суперэтнического многообразия. Поэтому в дальнейшем он говорил только о первом варианте, поскольку история - наука о событиях, а события происходят в основном при столкновениях во время контактов (220. С. 162-163). Под этническим контактом Гумилев понимал процесс

взаимодействия двух и более этнических систем, при котором ни одна из этих систем не является подсистемой другой взаимодействующей системы. Он выделял четыре принципиально различные варианты этнических контактов: 1) негативный (химера - в древнегреческой мифологии чудовище с огнедышащей львиной пастью, хвостом дракона и козьим туловищем), 2) нейтральный (ксения - в переводе с греческого - чужая, группа иноземцев, замкнуто живущих и вызывающих отчуждение), 3) взаимопользительный (симбиоз - в переводе с греческого - сожительство организмов разных видов) и 4) слияние в результате пассионарного толчка различных представителей этнического субстрата в новую общность: новые эт-

155

носы возникают не путем дробления старых, а путем синтеза уже существующих этнических субстратов (220. С. 249). Создавая теорию этнических контактов, он пытался определить роль и значение этнических контактов и ответить на вопрос: конструктивны они или деструктивны? Не скрывая того, что многие этнические контакты приводили к разрушительным последствиям и гибели этноса, он все-таки оценивал их действие позитивно, как необходимое условие для возникновения нового этноса.

Начало этногенеза Л.Н. Гумилев гипотетически связывал с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический «толчок», ведущий затем к образованию новых этносов (229. С. 16). Неоднократно прослеживая «пусковой механизм» или «пусковой момент» рождения этносов, он соотносил их с инкубационным периодом фазы подъема. Из его рассуждений следует, что вначале протекает инкубационный период формирования нового этноса. Это период - от момента пассионарного толчка до появления этноса и связанных с ним социально-политических институтов - характеризовался выделением из этнического субстрата пассионарных людей, которые порывают с традиционным бытом, неудовлетворяющим их жажду деятельности, становятся изгоями общества и тянутся к себе подобным. Инкубационный период подразделяется на скрытую и явную части. В

скрытой части появление первых пассионариев в силу их разрозненности еще не приводит к событиям, фиксируемым современниками. Но постепенно пассионариев становится больше, они уже способны преодолеть инерцию и начинают активно действовать. Хотя этот «пусковой механизм» не всегда приводит к возникновению нового этноса, потому что возможен внезапный обрыв процесса какой-либо посторонней силой, но так или иначе в какой-то момент на исторической сцене появляется исторически установившаяся группа людей, по терминологии Гумилева, консорция, быстро развивающаяся и формирующая свое этническое лицо и самосознание («Мы и не мы» или «Мы и другие»). Постепенно она облекается в соответствующую времени социальную форму и выходит на широкую историческую арену, часто начиная территориальную экспансию. Впоследствии эти люди создают общую этническую доминанту и приступают к созданию своей этнической системы. Оформление новой этносоциальной системы означает конец инкубационного периода.

156

Сформировавшийся этнос может либо погибнуть вследствие трансформации, миграции, истребления соседями, либо пережить, подобно, например, римскому или византийскому этносам, относительно долгий период исторического существования. Этот период, как и в случае с ландшафтами, включает в себя явный пассионарный подъем, акматическую фазу, фазу надлома, инерции и обскурации, т. е. проходит все фазы этногенеза (220. С. 246). По его мнению, сложнее всего исследовать начальные и конечные фазы этногенеза из-за специфики работы летописцев и этнографов. Летописцы интересовались тем, *как* исчез тот или иной могучий народ, предлагали свои объяснения, пусть даже несовершенные, а первичные проявления этногенеза, они, как правило, игнорировали их, считая пустяками, не заслуживающими внимания (220. С. 248). Этнографы интересовались вопросом, *как* влияла на образование новых этносов динамика природных условий (ландшафт, климатические изменения и пр.).

При этом оставалось неясным, почему одни этносы развивались, а другие гибли в аналогичных условиях, «почему же тогда гибнут могучие этносы со своими хозяйственными системами, которые мы именуем цивилизациями?» (220. С. 249).

Рассматривая возможные причины возникновения и гибели этносов, Л.Н. Гумилев принимал во внимание еще одну гипотезу - космическое излучение, оговариваясь, что при сегодняшнем уровне знаний эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато не встречает фактов, противоречащих ей. Этнология даст возможность получить данные о состояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией. По его словам, допуск в плюс-минус 50 лет - величина ошибки для определения длины инкубационного периода - невелик, а практическая ценность данных об энергетических вариациях в ближнем космосе за 4-5 тысячелетий несомненна. Утверждение, что космос может быть причиной вспышек этногенеза, построено Л.Н. Гумилевым на фактах. По его заключению, полосы толчков, на которых рождаются этносы-сверстники, есть эмпирически зафиксированный факт. Влияние ближнего космоса на наземные явления не парадокс, а скорее трюизм. Луна вызывает приливы в океанах, солнечная активность - причина смещения путей циклонов через воздействие на «затропический барический максимум», она же вызы-

157

вает мутации вирусов и связанные с ними эпидемии. Все это не мистика, а география. И представители других наук вряд ли смогут опровергнуть эту гипотезу, если даже приведут новые факты. Он даже допускал, что ученые могут внести нечто новое в разных науках: биологи могут обнаружить другую причину мутаций и особенно микромутаций, изменяющих не анатомию, а только физиологию организмов высших родов позвоночных; психологи могут открыть физиологический механизм пассионарности и связать его не с вегетативной системой организма, а с

гормонами или влиянием микроорганизмов, живущих в симбиозе с их носителем, или объяснят повышенную активность пассионариев не как выброс излишней биохимической энергии живого вещества, а как способность выдавать эту энергию целенаправленно; генетики могут уточнить способ передачи пассионарности как признака. Если даже все это произойдет, то изменится что-либо в описании феномена этногенеза? - спрашивал Л.Н. Гумилев и отвечал: «Нет, ничего не изменится, потому что этногенез - явление, наблюдаемое не на молекулярном и даже не на организменном уровне, а на популяционном, имеющем собственные черты, присущие только этому уровню. Космические и планетарные вариации стоят на несколько порядков выше этно-генезов, влияют на всю биосферу, в которой этносы - капля в океане биосферы» (220. С. 564-565). Обнадеживает конечный вывод Гумилева: Мы не одиноки в мире! Близкий Космос принимает участие в охране природы, а наше дело - не портить ее (220. С. 559).

Надеясь приблизиться к разгадке возникновения этносов и выяснить, что же все-таки является причиной их образования, Л.Н.Гумилев предложил заменить вопрос «что и как создается?» на вопрос «кем создается?». И прежде чем объяснять этническую перестройку - сложение новых этносов из субстратов (то есть из старых этносов), он решил дать описание «взрывов этногенеза» на примере многочисленных народов. В I в. н. э. взрывы пассионарности произошли в Римской и Парфянской империях, у германских и сарматских племен; во II в. - у даков, иллирийцев, готов, вандалов, антов; в II - V вв. - у персов, гуннов, болгар и хазар. Важнейшим событием тех веков явилось образование нового этноса из людей, называвших себя христианами (220. С. 252-260).

158

Проследивая «взрывы этногенеза» в XI - XIII вв., он особое внимание уделил почти одновременно сложившимся в XII в. двум могучим этносам: татарам и монголам. Этническая доминанта татар стала консолидацией их племени и привела к созданию империи, названной Золотой Ордой.

Кочевники «длинной воли» избрали вождем Чингис-хана и создали Монгольский улус. Далее прослеживая процессы филогенеза, онтогенеза и этногенеза в XVIII, XIX и XX вв., Л.Н. Гумилев пришел к выводу, что для образования новых этносов и суперэтносов необходимо наличие двух качеств: целенаправленности и способности к сверхнапряжению, приводящих к пассионарным толчкам. Именно пассионарные толчки являются «пусковым механизмом» этногенеза. Пассионарный толчок представляет собой микромутацию, вызывающую появление пассионарного признака и приводящую к возникновению новых этнических систем в затронутых ею регионах. Он затрагивает, как правило, не одну страну, и не один этнос. Как глобальное планетарное явление, взрыв этногенеза охватывает протяженные узкие полосы на земной поверхности, проходящие через разные регионы, населенные разными народами. По Гумилеву, наблюдается он на поверхности Земли в виде полос шириной порядка 200-400 км и длиной примерно 0,5 окружности планеты, пролегающих под различными углами к меридиану и широте. Исходя из того, что на таких гигантских по размаху и геодезически правильных полосах не могло происходить мгновенное распространение генетического признака из одной точки (наличие, например, такого препятствия, как Тибет, исключало в VI в. всякое быстрое взаимодействие между людьми), Л.Н. Гумилев утверждал, что пассионарные толчки располагаются на Земле не беспорядочно, не точками и не пятнами, а длинными цепочками, линиями, которые между собой совершенно не связаны (239. С. 12). Он обращал внимание на то, что пусковые моменты этногенеза там, где можно проследить на строгом фактическом материале, совпадают по времени и располагаются в регионах, вытянутых либо по меридианам, либо по параллелям, либо под углом к ним, но всегда как сплошная полоса. На такой полосе в определенную эпоху внезапно начинается происходить этническая перестройка - сложение новых этносов из старых этносов, т. е. субстратов.(220. С. 250).

Заслуженной Л.Н. Гумилева является выявление определенной исторической закономерности, согласно которой новые суперэтносы возникают одновременно и по одной линии на многие тысячи километров через любые ландшафтные препятствия (например, толчок I в. н. э.: готы - славяне - даки - иудеи - христиане - абиссинцы (аксумиты), или толчок VI в. н. э.: арабы (мусульмане) - раджпуты - боты (Южный Тибет - табгачи - средневековые китайцы - корейцы (Силла) - японцы (Ямато)). Ему удалось также установить некоторые общие моменты, характерные для этнической перестройки, например, в период непосредственно после пассионарного толчка во всех затронутых им регионах происходил быстрый рост активности и численности новых этнических образований; изменялись стереотипы поведения, возникали новые религиозные и идеологические течения. Однако он замечал, что зарождение новых этносов происходило не в каждой точке на линии пассионарного толчка; подвергшиеся мутации люди активно передвигались и начинали образовывать этнические системы только в особо благоприятных условиях. Обычно это бывали места стыка различных ландшафтов, где собирались выделившиеся из окружающих этносов пассионарии. Первые поколения после пассионарного толчка либо гибли, либо бежали на край ареала этноса, где образовывались новые этнические системы. По его мнению, новое развитие мог вызывать лишь очередной пассионарный толчок, при котором возникла новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструировала старый этнос, а создавала новый, давая начало очередному витку этногенеза - творческого процесса, благодаря которому человечество не исчезло с лица Земли. Рассмотрев образование нового этноса, сопровождавшееся сознательным или бессознательным созданием нового стереотипа поведения, Л.Н. Гумилев не мог не поставить вопроса: всякое ли новое бывает лучше старого? (220. С. 174). Ответ на этот вопрос он смог дать, только сделав четвертый шаг, перейдя к анализу всего процесса этногенеза, его непосредственного развития от появления этноса до его исчезновения.

Условившись под этногенезом рассматривать не только процесс образования этноса (начальный «пусковой механизм»), но и процесс дальнейшего развития этноса, то есть процесс развития этноса от момента его возникновения до исчезновения, Л.Н.Гумилев, выяснял не только, *как* идет процесс, но стремил-

160

ся, прежде всего, ответить на вопрос: *что* именно подвергается изменению на каждой ступени развития. В отличие от О. Шпен-глера и А. Тойнби, он исходил из накопленного исторической наукой разнообразного материала и этнической доминанты. Поэтому предметом исследования у него стала не «душа культуры» О. Шпенглера и не «умопостигаемое поле исследования» А. Тойнби, а *система фаз* этногенеза на том или ином уровне и в ту или иную историческую эпоху. Под «фазой этногенеза» он имел в виду временные рамки стадии развития этногенеза, определяемые направлением, скоростью и пределами изменения уровня пассионарного напряжения в этнической системе. Придерживаясь мнения, что все фазы этногенеза имеют общую этническую доминанту, а не только особые, присущие только им отличительные признаки, Л.Н. Гумилев констатировал появление и развитие этнической доминанты вместе с фазой развития.

Обобщая свои наблюдения, он несколько раз представлял периодизацию «фаз развития», положив каждый раз иную систему отсчета: либо зависимость от ландшафтных (природных) условий, либо от времени (возраста этноса), либо от степени пассионарной напряженности, либо от императива поведения, свойственного каждой фазе. Первая точка отсчета была предпринята им в книге «Этногенез и биосфера Земли», где он рассмотрел «фазы развития» в связи с ландшафтом. Описывая механизм возникновения антропогенных ландшафтов, Л.Н. Гумилев указал на связь ландшафта с фазами этногенеза. Исходя из этой системы отсчета, он первоначально представил периодизацию из шести «фаз развития». «Историческая, описанная в источниках, эпоха включает при отсутствии

внешнего смещения следующие фазы этногенеза: 1) явный период фазы подъема; 2) акматиче-скую фазу, когда этнос предельно активен, ? давление на ландшафт уменьшено; 3) фазу надлома, когда антропогенное давление максимально и деструктивно; 4) инерционную фазу, в которой идет накопление технических средств и идеологических ценностей; ландшафт в это время поддерживается в том состоянии, в которое он был приведен ранее; 5) фазу обскурации, во время которой нет забот ни о культуре, ни о ландшафте. После этого наступает 6-я фаза гомеостаза, когда идет взаимодействие остатков полуистребленного этноса с обедненным ландшафтом, возникшим на обломках погибшего культурного ландшафта, там,

И

За

к.

253

161

где на месте дубов выросли лопухи, среди которых играют в прятки правнуки завоевателей и дети разбойников. В эту эпоху отношение этноса-персистента к природе становится одновременно потребительским и охранительным. Но, увы, как то, так и другое диктуется традицией, а не волевым сознательным решением. И так до тех пор, пока новый этнос вновь не преобразует ландшафт (220. С. 246-247). Но если оторваться от составления этносов с ландшафтами и рассматривать их как исторические целостности, то можно обнаружить ту же самую смену фаз, только в другой системе отсчета.

Вторая точка отсчета лежит в основе сюжета книги «Конец и вновь начало» - возрасты этноса, описание особенностей, характера фаз этногенеза, закономерности взлетов и падений, цикличности. В этой книге периодизация, а следовательно, и логика развития этноса представлена несколько иначе, а именно: периодизация здесь связана с временем, которое понимается не абстрактно, а конкретно, как возраст человека и этноса. В отличие от историков, которые «не ставили задачи показать уникальное соотношение возрастов этноса, т. е. поставить проблему как соотношение старца, юноши, мужа в

расцвете сил и пожилого многоопытного мужчины» (233. С. 517), Л.Н. Гумилев исходил из того, что этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. Вслед за Шекспиром, определившим семь возрастов и семь ролей человека (младенец, сосущий грудь у мамки, ленивый школьник, влюбленный юноша, бравый солдат, отец семейства, пожилой человек и дряхлый старик), Л.Н. Гумилев определил фазы развития этноса, отождествив их с детством, отрочеством, юностью, зрелостью и старостью человека и этноса: подъем, акмэ (греч. -вершина), надлом, инерция, обскурация, мемория, гомеостаз. При такой периодизации границы фаз в этногенезе не являются «линейными» и абсолютно точными, они в той или иной степени размыты, но некоторая неопределенность границ не означает при дальнейшем изучении конкретных этногенезов характеризовать начала и концы фаз определенными историческими вехами, памятуя, однако, что даты этих вех условны и характеризуют лишь типичные переломные моменты. Несмотря на условность, средняя продолжительность каждой фазы развития определялась Гумилевым примерно в 200 лет, а продолжительность существо-

162

вания каждого этноса - 1200-1500 лет от его возникновения до полного разрушения. Он проиллюстрировал это на примере Византии, которая за 1500 лет прошла все фазы исторического периода, после чего одни византийцы превратились в персистент-ный этнос, а другие были ассимилированы турками и славянами (220. С. 252).

В книге «Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации» Л.Н. Гумилев периодизацию фаз развития рассматривал по третьей точке отсчета - по уровню пассионарного напряжения. Логика развития этногенеза здесь включает семь фаз развития и выглядит следующим образом:

Фаза первая - пассионарный импульс или толчок

Фаза подъема - стабильного роста после пассионарного толчка;

Фаза акматическая - максимального пассионарного напряжения после

толчка;

Фаза надлома - раскола этнического поля;

Фаза инерции - плавного уменьшений пассионарности;

Фаза обскурации - снижения пассионарного напряжения;

Фаза мемориальная, знаменующая переход к этническому гомеостазу, во время которого пассионарность затухает.

Из этой периодизации следует, что каждой фазе соответствует свой уровень пассионарного напряжения. Суть пассионарного напряжения выражает закон, сформулированный Л.Н. Гумилевым: «Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения». В течение всего этногенеза пассионарное наполнение не остается стабильным, оно постоянно меняется. На фазе пассионарного подъема, когда структура этнической системы постоянно усложняется, из разрозненных субэтносов возникает новый этнос, пассионарность устойчиво растет. На акматической фазе пассионарность достигает максимального уровня. Именно здесь создается суперэтнос - единый этнический мир, состоящий из отдельных, близких друг другу по поведению и культуре этносов. Вся последующая этническая история связана с обратным процессом - разрушением созданного и спадом пассионарности. Фаза надлома наступает вслед за «перегревом» акматической фазы. В инерционной фазе пассионарность убывает медленно и плавно, а люди живут спокойно, наслаждаясь материальными и культурными

И*

163

благами цивилизации. Однако, когда пассионарность падает еще ниже - при деструктивной фазе обскурации, обманчивое благополучие и спокойствие гибнет от рук собственных субпассионариев. Тогда этнос исчезает, а оставшиеся от него люди либо «инкорпируются» в новые этносы, либо остаются в виде этнических реликтов - осколков когда-то бушующих страстей. При этом важным является гумилевское замечание, что не

отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который можно назвать пассионарной напряженностью. И Александр Македонский, и Сулла, и Ян Гус, и Аввакум должны рассматриваться как участники разных этногенезов в разных фазах и регионах (220. С. 314-315). Кроме того, правители зависят от масс не меньше, чем те от них. Так, в фазе пассионарного подъема массы не могут и не хотят жить в состоянии покоя. Знак этнической доминанты фазы подъема в фазе спада меняется на обратный. При спаде пассионарности складывается ситуация, когда люди хотят сидеть дома, а начальники гонят их в бой. При подъеме пассионарности, напротив, - люди гонят в бой королей. Впрочем, субпассионарии могут делать то же самое, только без цели и без смысла (233. С. 522).

По гумилевской логике, каждой фазе соответствует разное количество пассионариев. По мере увеличения пассионарного напряжения, количество суперпассионариев увеличивается, а количество субпассионариев уменьшается. И наоборот, по мере снижения уровня пассионарного напряжения, количество субпассионариев увеличивается, а количество суперпассионариев уменьшается. Социальные системы, созданные людьми, не успевают за этими перемещениями. Они всегда более инерционны и менее пластичны, чем природная среда. И если предки создали государство и экономику, рассчитанные на множество пассионариев акматической фазы, то в фазе надлома потомкам приходится все перестраивать, приспособившись к ухудшающимся условиям.

Согласно четвертой точке отсчета, рассмотренной в книге «Этносфера: история людей и история природы», периодизация производится по императиву поведения людей, под которым понимался «идеальный принцип поведения индивида в этническом коллективе, который диктует ему этот коллектив» (231. С. 524-525). По наблюдениям Гумилева, каждая из «фаз развития» облгдает своим императивом поведения:

164

Пусковому моменту этногенеза соответствует императив: «Надо

исправить мир, ибо он плох!»

Пассионарному подъему - «Мы хотим быть великими!».

Акматической фазе - «Мы устали от великих!», «Будь самим собой!».

Надлому - «Дайте жить!». «Мы знаем, все будет иначе!».

Инерции - «С нас хватит!», «Будь таким, как я!».

Обскурации - «Будь таким, как мы!», «День, да мой!».

Мемории - «Помни, как было прекрасно» и «Будь доволен самим собой!». В переходе к гомеостазу - «Будь сам собой доволен, тролль!». Гомеостазу свойственна утрата императивов поведения и полное забвение.

В статье «Страсти, классы и идеалы» он прокомментировал смену императивов следующим образом. На первой фазе - подъема, когда количество пассионариев, готовых отдать жизнь ради общего дела, увеличивается, создается императив, гласящий: будь тем, кем ты должен быть! Если ты родился или оказался волею судеб в семье короля - управляй страной, если крестьянина - паши землю. Каждый занимайся своим делом. Если же человек не соответствует своему предназначению, то короля убивают, крестьянина лишают земли или заставляют работать и кормить тех, кто не работает. На второй фазе количество внутренней энергии увеличивается и возникают новые императивы: «Мы хотим быть великими!» и «Будь самим собой!». Это значило: реализуй свои способности, постарайся сам стать великим: будь не только схоластом, но Абеяром, старайся быть не только художником, но Джотто или Микеланджело. Одни из таких людей хотят благодарности, почестей, славы; другие ничего для себя не требуют, а полностью отдают себя своему делу. Таковы Жанна де Арк, Ян Гус, Исаак Ньютон. В последующих фазах: приходят императивы активной массы: «Мы устали от великих!»™ «Будь таким, как мы» Не старайся быть выше других, не высывайся. И если на свою беду ты оказался талантливым, скрывай свой талант. В результате - депопуляция, сокращение населения, уменьшение резистентности системы. Внутри нее воцаряется полный беспорядок. Ищут врагов во вне, объявляют врагами богатых, конфисковывают их имущество,

днем его пропивают, а ночью снова берутся за следующих. Эти фазы, по мнению Гумилева, так же необходимы, как фаза старости у человека. Конечно, и они не

165

долговечны, и они не могут долго существовать и распадаются на составные части, причем выживают только те, кто не принимал участия в историческом процессе, кто жил в гомеостазе в равновесии с природой. И если в это время начинается новый пассионарный толчок, то все начинается сначала. И таких толчков в ближайшем историческом времени известно 17» (233. С. 148-149).

К числу рассмотренных Гумилевых «больных вопросов» относится также вопрос о соотношении различных фаз этногенеза и искусства. «Первая фаза этногенеза, как правило, не создает оригинального искусства. Перед молодым этносом стоит так много неотложных задач, что силы его находят применение в войне, организации социального строя и развитии хозяйства. Искусство же обычно заимствуется у соседей или у предков, носителей былой культуры распавшегося этноса. И вот что тут важно. Искренняя симпатия к чужому (ибо своего еще нет) лежит в глубинах народной души, в этнопсихологическом складе, определяющем комплиментарность, положительную или отрицательную» (233. С. 487). В последующие «фазы развития» создается искусство (и культура в целом) наиболее выдающимися представителями каждого этноса. «Мы чтим имена Колумба и Магеллана, Пржевальского и Ливингстона, Эвариста Галуа и Анри Пуанкаре, Огюстена Тьерри и Дмитрия Ивановича Менделеева, сгоревших в работе. А художники Рембрандт и Ван Гог, Андрей Рублев и Михаил Врубель! И поэты, и композиторы, а уж героев, сражавшихся за отечество, можно даже не перечислять, так как такие примеры известны каждому. Многие из них не оставили следа в генофонде, но этой жертвой воздвигли здания в культуре, поныне восхищающие потомков» (220. С. 285). Вопрос о развитии искусства на последующих фазах этногенеза очень интересен, он он требует

специального исследования.

Перечисленные фазы этногенеза проходит любой этнос, хотя и по-разному. По замечанию Гумилева, наряду с этносами, проходящими фазы этногенеза, возникают и исчезают химерные антисистемы, лишенные развития и не имеющие возрастов. Несмотря на кратковременность своего существования, они играли заметную роль в этнической истории (220. С. 568). Нельзя также не учитывать того, что любой процесс этногенеза мог быть насильственно оборван извне по разным причинам: от природных катаклизмов до массовой гибели людей в войнах и эпидемиях

166

вроде чумы или СПИДа (233. С. 188-189). Но самые тяжелые моменты в жизни этноса (а значит и в жизни людей, его составляющих) - это смены фаз этногенеза, так называемые фазовые переходы. Фазовый переход всегда является глубоким кризисом, вызванным не только изменениями уровня пассионарности, но и необходимости психологической ломки стереотипов и императивов поведения людей ради приспособления к новой фазе развития. Само собой разумеется, что самым тяжелым моментом этногенеза является смерть этноса, которая тоже имеет различные следствия: «Смерть этноса - это распад системной целостности, а не поголовное истребление всех особей, в нее входящих. Хотя история сохранила позорные страницы истребления отдельных индейских племен американцами и небольших этносов хуннов китайцами, но гораздо чаще члены погибшего этноса входят в состав новых соседних этносов. Поэтому этническая экстерминация ~ явление скорее социальное, чем биологическое» (220. С. 146).

Таким образом, рассмотрев фазы развития этногенеза с разных точек зрения, Л.Н. Гумилеву удалось наиболее полно охарактеризовать этническую доминанту этносов и суперэтносов: способ взаимодействия с природой, навыки быта, возрастные особенности, пассионарную наполненность, стереотипы и императивы их поведения, и в итоге создать концептуальное представление об этногенезе и об истории. Это был пятый шаг в создании

теории этногенеза, который оказал большое влияние на развитие этнической истории.

Для понимания гумилевской исторической концепции важно ответить на два вопроса: 1. какое значение имела история для создания теории этногенеза? и 2. какое значение имела созданная теория этногенеза для человеческой истории? Отвечая на первый вопрос, Л.Н. Гумилев признавался, что представленная їа суд читателей его книга «Этногенез и биосфера Земли» имела целью не столько уяснение истории как таковой, сколько понимание истории как пособия для решения проблем естествознания, в частности, изучения биосферы (220. С. 562). Именно путем учета всех известных в историческое время этносов (принцип полноты) и руководствуясь принципом актуализма, согласно которому законы природы, наблюдаемые сейчас, так же действовали в прошлом, ему удалось обнаружить закономерности этногенеза, свидетельствующие о рождении и умирании этносов на

167

фоне географической среды (220. С. 405). Более того, он весь процесс этногенеза отождествлял с законом развития: «Есть закон развития, относящийся к этносам, как к любым явлениям природы. Проявление его в многообразных процессах возникновения и исчезновения народов мы называем этногенезом» (220. С. 42). Этот путь был связан с поисками ответа на вопросы: «каковы внутренние закономерности этногенеза»; «каковы закономерности взлетов и падений, цикличности» (239. С. 18-19). Из логики его суждений следует, что есть законы, которые действовали и действуют на всем протяжении этногенеза (от начала и до конца), и есть внутренние законы, действующие в каждой фазе его развития, а именно: одни законы действуют во время подъема, вторые - во время акме, третьи - во время надлома, четвертые - во время инерции, пятые - во время обскурации, шестые - во время мемориальной фазы, седьмые - во время гомостаза. Будучи убежден, что установление этих законов является важнейшей задачей

всех исследователей, он сожалел о том, что пассионарная теория этногенеза, весьма благожелательно встреченная географами, геологами, зоологами, ботаниками и философами, не вызвала интереса у историков - источниковедов, филологов и востоковедов, у которых она тоже могла бы найти свое применение (231. С. 35).

Отвечая на второй вопрос, Л.Н. Гумилев доказывал, что ход исторических событий во многом определяется изменениями пассионарности в ходе этногенеза, и пришел к заключению, что этническая история идет не абстрактно, а в конкретных этносах и суперэтносах, каждый из которых обладает своим стереотипом и императивом поведения, своим запасом пассионарностиTM, своими навыками быта, собственной системой ценностей, которые составляют этническую доминанту.

Заслугой Л.Н. Гумилева является обоснование двух методологических принципов: принципа анализа этногенеза и принципа анализа этнической истории. Согласно первому методологическому принципу анализа этногенеза иерархия категорий | у Гумилева шла в такой последовательности: биосфера - антропосфера - этносфера - суперэтнос - этнос - субэтнос - | консорция - конвиксия. В основе его теоретического анализа лежал метод восхождения от абстрактного к конкретному. История любого этноса укладывалась в описанную выше схему:

168

толчок - подъем - перегрев - упадок - затухание. Согласно второму методологическому принципу анализ истории идет в обратной последовательности: конвиксия - консорция - этнос - субэтнос - суперэтнос - гиперэтнос, то есть иерархия идет по линии зарождения и размножения этноса, по линии усложнения этнической системы. Поэтому в каждом отдельном случае он считал необходимым отвечать на вопросы: кем создан данный этнос или суперэтнос; где и когда он родился и жил, что делает необходимым при написании истории этноса указывать его место рождения, место развития и место жительства, объединяемые понятием «Родина»;

время рождения, время развития, время распада; какие стадии в своем развитии проходил (фазы развития и фазовые переходы); выяснять важнейшие события в его экономической, политической и культурной жизни; констатировать высшие достижения в области культуры, науки, искусства, нравственности и т. д.

Подобно тому, как для написания биографии человека требуются такие сведения, как инициалы, время и место рождения и другие анкетные данные, так и при написании истории любого этноса и суперэтноса с позиций теории этногенеза требуется указывать соответствующие данные. На вопрос: как быть с этносами? Л.Н. Гумилев отвечал: «Очень просто: надо различать их по названиям; узнать же эти названия следует у них самих, как в паспортном столе милиции. Это не шутка, а научная установка» (231. С. 24). Название этноса включает не только его «инициалы», но, главным образом его этническую доминанту: стереотип и императив поведения, пассионарную наполненность, бытовые навыки, способы взаимодействия с природой и др. Помимо этого, «биография» этноса обязательно должна включать следующие моменты:

1. Зарождение этносов вследствие пассионарной энергии и этнических контактов;
2. Развитие этноса от рождения до старости;
3. Смена фаз развития этноса в течение 1200-1500 лет;
4. Развитие внутри фаз от подъема до гомеостаза;
5. Межфазовые переходы;
6. Смена стереотипов поведения;
7. Смена императивов поведения;
8. Развитие культуры и искусства от самых примитивных копий реальности до самых сложных абстрактных форм;

169

9. Количественные и качественные изменения суперпассионариев, пассионариев и субпассионариев на разных фазах развития этноса;

10. «Размножение» этносов: появление субэтносов (детей, внуков, правнуков и других родственников этноса), а также «эт-носов-персистентов», «этносов-изолятов» и пр.

Разумеется, этот перечень можно продолжить, включая борьбу этносов, их реликтовое существование, переходы в другие суперэтносы и пр., что только подтверждает правильность усвоения и применения им принципов этногенеза к этнической истории.

Такое понимание этноса позволило по-новому взглянуть на этническую историю. Вопреки «дилетантам, которым кажется, что этническая история - это «жизнь без начала и конца», «калейдоскоп случайностей», который ни в какую схему не укладывается», Л.Н. Гумилёв, освоив методологический принцип анализа этногенеза, утверждал, что этническая история человечества имеет свои «начала» (вспышки этногенеза) и «концы» (распады этнических систем») (220. С. 402; 231. С. 26). На основе этого принципа у него сложилось свое представление об этнической истории. В его понимании этническая история представляем собой не просто смену этносов и суперэтносов, а па деле нечто более сложное, а именно:

- история развития этнических сообществ в следующей последовательности: коивиксия - консорция - этнос - субэтнос - суперэтнос;

- история развития этноса от начала до конца, от возникновения до распада, укладывающаяся в следующую схему: толчок - подъем - перегрев - упадок - затухание;

- история перехода от одной фазы развития к другой, включая фазовые переходы в такой последовательности: подъем-акмэ - надлом - инерция - обскурация - мемория - гомеостаз;

- история изменения ландшафтных признаков этноса;

- история изменения пассионарного напряжения этноса, изменения соотношения в нем пассионариев, субпассионариев и суперпассионариев;

- история изменения этнической доминанты этноса, включая стереотипы и императивы поведения;

- история ритмичная, цикличная, дискретная.

170

В понятии «дискретность этнической истории» отразилась коренная идея Гумилева о независимости энергетических процессов, детерминирующих возникновение и развитие различных суперэтносов. До него эта идея прослеживалась в работах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, А. Тойнби, говоривших о закономерностях развития отдельных культур и цивилизаций. Л.Н. Гумилев в книге «Этногенез и биосфера Земли» поставил эту идею на естественнонаучную основу. Согласно его убеждению, человечество как вид - едино и в данном аспекте представляет собой *антропосферу* нашей планеты. Однако внутривидовое этническое разнообразие позволило ему рассмотреть *мозаичную антропосферу* как *этносферу*. Этническое разнообразие он объяснял адаптацией групп людей в разных ландшафтах. В разных климатических условиях образуются разные этносы и разные культурные традиции. Поэтому в разных географических условиях проявляется этническое многообразие. Исходя из этого положения, он сделал первый вывод: антропосфера мозаична, мозаика состоит из этносов. Совокупность этносов, обитающих на планете, составляет одну из ее оболочек, именуемых антро-посферой, которая не является чем-то однородным, а представляет собой мозаику разнообразных этносов. Мозаичная антропосфера является, по своей сути, этносферой, которая, в свою очередь является частью биосферы. Из этого следовал второй вывод: «Видимо, этногенез - не единое глобальное явление, а множество самостоятельных этногенезов в тех или иных районах» (220. С. 247) Следовательно, человечество - не единое глобальное явление, а представляет собой множество самостоятельных этносов и суперэтносов, проживающих в разных регионах. «Этническая пестрота - это оптимальная форма существования человечества, хотя политическое объединение различных этносов обладает определенной устойчивостью во времени» (233. С. 40). Поскольку история осуществлялась в конкретных этносах и

суперэтносах, каждый из которых обладал своим законом пассионарности и своей этнической доминантой (своим стереотипом поведения, собственной системой ценностей и пр.), то можно согласиться с гумилевской трактовкой этнической истории.

Л.Н. Гумилев блестяще подтвердил методологические принципы анализа этнической истории на практике. Примером мо-

171

жет служить этническая история Руси, история русского народа. По его подсчетам, этническая история России насчитывает более ста этносов, свыше двадцати суперэтносов, не исчезнувших в историческое время и заменившихся ныне существующими, а на территории СССР - минимум семь различных суперэтносов (220. С. 143; 233. С. 176). Этой истории он касался во многих работах. Так, в книге «Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации» изложена им история Рюриковичей. Возникнув в X в благодаря грандиозной победе Святослава над Хазарией и последующим военным успехам Владимира и Ярослава, Русь была в начале XI в. наиболее сильной и процветающей державой не только Европы, но и Внутренней Азии. Хозяйство страны было на подъеме, так как подсечное земледелие при неполной оседлости населения давало баснословные урожаи. Уцелевшие памятники архитектуры указывают на расцвет градостроительства и ремесла. Торговля с соседними странами протекала беспрепятственно. Культура и письменность распространялись успешно, а искусство находилось на уровне, который рассматривается ныне как серия шедевров. В «Слове о законе и благодати» митрополит Илларион рассматривал русичей как молодой народ, которому по праву принадлежит будущее.

Прошло 200 лет, за которые Русь ни разу не подвергалась иноземному нашествию, ...и серия поражений потрясла страну. В 1221 г. русская рать была разбита сельджукским десантом в Крыму. В 1223 г. монголы в арьергардном бою разгромили русско-половецкое войско на Калке. В 1224 г. ливонские немцы взяли Юрьев, где не пощадили ни одного русского: с тех

пор на месте русского города возник немецкий Дерпт. Литовцы вышли из своих лесов и опустошили русские земли до стен Москвы, а за-волочская чужь стала уничтожать отряды новгородцев, двигавшихся к отрогам Урала. Трагичность положения страны была столь ясна современникам, что отразилась в огненных строках «Слова о полку Игореве» и в «Слове о погибели русской земли». И Гумилев раздумывал над тем, как могла произойти такая страшная перемена, которая в XIV в. привела к фактическому разделу Руси.

Плохо стало на Руси, но не надолго. В конце XIV в. обнаружился новый, еще более грандиозный подъем: от Куликова поля русские дошли до стен берлинского рейхстага. И тут можно по-

172

ставить вопрос: как все это произошло? Почему подъем Киевской Руси сменился жутким упадком, а из упадка возник новый подъем? То, что это диалектический путь этнической истории, - ясно, но ведь надо понять и механизм смены явлений» (233. С. 539-540). Уясняя этот механизм, Л.Н. Гумилев считал источником и движущей силой развития русского народа микромутацию, т. е. высокий накал биохимической энергии живого вещества, описанный В.И. Вернадским.

Намереваясь воссоздать дальнейшую историю русского народа в свете теории этногенеза, Л.Н. Гумилев был уверен, что, *усвоив принцип анализа этногенеза*, читатель разберется не только в сложных коллизиях Киевской и Московской Руси, но и в последующей истории России. Касаясь современной фазы ее развития, он характеризовал ее следующим образом. Исходя из того, что образование современной России - явление новое, он сделал следующий подсчет. Пассионарный толчок нашего суперэтноса, который раньше назывался Российской империей, затем Советским Союзом, произошел на рубеже XIII в. Следовательно, сейчас наш возраст - около 800 лет. Общая модель этногенеза свидетельствует, что на этот возраст падает один из самых тяжелых моментов в жизни суперэтноса - фазовый переход от надлома к

инерции. Так что переживаемый нами кризис вполне закономерен и происходящие события в целом не противоречат такой интерпретации. Надлом в российском суперэтнотипе впервые обозначился после Отечественной войны 1812 года. Поскольку общая продолжительность фазы надлома около 200 лет, становится понятным, что так называемый советский период нашей истории является наиболее тяжелой, финальной частью фазы надлома, в которой бывшее единство суперэтнотипа исчезает и сменяется кровавыми эксцессами гражданской войны. Следовательно, горбачевская перестройка в действительности представляет собой попытку перехода к новой фазе - инерционной. Перестройку часто называют последним шансом, но в этническом контексте ее правильнее было бы назвать единственным шансом на дальнейшую жизнь, ибо исторический опыт свидетельствует, что суперэтнотипы, не пережившие этот фазовый переход, просто прекращали свое существование как системы, элементы которых распадались и входили в состав других суперэтнических систем» (233. С. 191-192). В своих последних работах он говорил о необходимости

173

сохранить все постсоветское пространство, поскольку здесь «народы связаны друг с другом достаточным числом черт внутреннего духовного родства, существенным психологическим сходством и часто возникающей взаимной симпатией (компли-ментарностью)» (226. С. 20). Эти слова можно воспринимать как завещание гениального мыслителя, составляющее часть его великого наследия.

Философско-историческая концепция. Применение теории этногенеза и альтернативного подхода к истории позволило Л.Н.Гумилеву создать концептуальную картину истории, которой он придавал большое значение, полагая, что именно создание концепции лежит в основе исторической интерпретации и отличает историю («поиск истины») от хроник или простого перечисления событий. В книгах «От Руси к России» и «От Руси до России» он главными параметрами человеческой истории называл пространство,

время, этнос и пассионарность (229. С. 10-11; 230. С. 9).

Первым параметром этнической истории, по Гумилеву, является пространство, но пространство не абстрактное, а конкретное, географическое, которое он обозначал тремя понятиями: «кормящий и вмещающий ландшафт», «месторазвитие» и Родина (220. С. 218,219,220 и др.). В зависимости от «кормящего ландшафта», определявшего пищу и род занятий людей, он делил их на несколько категорий: одни (хищники) питались мясом (наиболее экстремальные из них - каннибалы не брезговали даже человеческим мясом) и занимались либо охотой, либо скотоводством; другие (ихтиофаги) питались рыбой и занимались рыболовством; третьи питались растениями и занимались либо собирательством, либо земледелием; четвертые из-под земли стали добывать полезные ископаемые и развивать промышленность и т. д. Все народы Земли живут в ландшафтах за счет природы, но коль скоро ландшафты разнообразны, то столь же разнообразны и народы, ибо, как бы сильно они ни видоизменяли ландшафт, путем ли создания антропогенного рельефа или путем реконструкции флоры и фауны, людям приходится кормиться тем, что может дать природа на той территории, которую народ либо заселяет, либо контролирует. Они имеют свою логику и историю развития, и когда ландшафт изменяется до неузнаваемости, люди тоже должны измениться: либо приспособиться к новым усло-

174

виям, либо вымереть, либо уехать в другую страну (220. С. 204; 231. С. 16). Ландшафт, как слово немецкое, Л.Н.Гумилев заменил русским словом *место* и, вслед за П. Савицким, употреблял образованное от него слово *месторазвитие* по аналогии со словами место рождения, местожительство. Соответственно, понятие «Родина» у него соотносится не столько с понятиями: место рождения и место жительства, а, главным образом, с местом развития (физического и духовного). Родина, по логике Гумилева, осуществляет связь человеческих коллективов с «кормящим ландшафтом».

Второй параметр, существующий в истории наряду с пространством, - время или «временная координата» (229. С. 10; 230. С. 8). Время понималось Гумилевым также не абстрактно, а конкретно и относительно. Он различал время природное (смена времен года), биологическое (смена поколений), этническое (возраст этноса или фазы его развития), историческое (возраст человечества, соотносимый с историческим периодом), календарное, употребляемое ныне для линейной и циклической системы отсчета. Календарное время не зависит от природных явлений и тем более от человека, но время, в котором мы живем, измеряется числом событий. Это время историческое, по определению Гумилева - энтропийный исторический процесс устремления этнических систем к состоянию этнического гомеостаза за счет растраты пассионарной энергии, нарушаемый пассионарными толчками, привлекающими к активной исторической жизни новые этносы. Так определив историческое время, Л.Н. Гумилев пришел к выводу, что «осевое время» - не единственное в истории, а повторяющаяся «возрастная болезнь» всех крупных процессов этногенеза. «Историческое время от вспышки до затухания совпадало с фазами этногенеза и отвечало им полностью. Это были как бы «возрасты этноса», определяемые процентом пассионариев в этнической популяции. Растет их число до определенного предела - система усиливается; выше этого предела -пассионарность уничтожает сама себя и снижается, так как пассионарии истребляют друг друга; ниже идет спад пассионарности с выбросом свободной энергии, порождающей искусство, роскошь, интриги и социальные идеи» (220. С. 527; 231. С. 31). По Гумилеву, историческое время, в отличие от физического (протяженного), биологического и относительного (континуума),

175

I

обнаруживает себя через насыщенность историческими действиями и событиями, являющимися проявлением пассионарности этнических коллективов и отдельных исторических деятелей (220. С. 414). Историческое

время неоднородно: в нем есть эпохи, богатые событиями и эпохи «безвременья». Оно носит дискретный характер, поскольку состоит из автономных процессов этногенеза, не вытекающих друг из друга и имеющих независимые причины в виде различных пассионарных толчков. «Такое ощущение дискретности (прерывности) времени поможет фиксировать и понимать ход исторических событий, их взаимосвязь и последовательность. Но, говоря о прерывистом времени, надо помнить, что речь идет лишь о созданных человеком системах отсчета. Единое абсолютное время, исчисляемое нами, остается реальностью, не превращаясь в математическую абстракцию и отражает историческую (природную) действительность» (229. С. 13; 230. С. И).

Л.Н. Гумилев придавал также большое значение ощущению времени, под которым понимал восприятие человеком текущего времени (прошлого, настоящего и будущего), порождающее определенные ценностные ориентации и влияющие на его поведение. На основе исторического материала он установил, что в любом этносе всегда преобладает одно из четырех выделенных им ощущений времени: статика, пассеизм, актуализм и футуризм.

Статическое (или циклическое) ощущение времени характерно для статических этносов (персистентов), когда время фактически игнорируется и воспринимается лишь в связи с простейшими природными циклами. Оно характерно для этнического гомеостаза, где отсутствует направленное развитие системы и линейное летоисчисление.

Пассеизм характерен для молодых этнических систем, находящихся в стадии становления и роста. Здесь подлинной реальностью ощущается *прошлое*, которое продвигается вперед, Люди с таким ощущением времени чувствуют себя продолжателями великой традиции и способны на бескорыстную деятельность ради нее. Каждая прожитая минута воспринимается ими как приращение к существующему прошлому, к делам его предков и предшественников. Преобладает этот тип в фазе подъема и

встречается в последующих фазах, выполняя конструктивную работу. Типичными примерами являются спартанец Леонид в Фермо-176

пилах, Роланд в Ронсельванском ущелье, русские воины на Куликовом поле. Это время особенно привлекательно для историков, предметом исследования которых является минувшее.

При *актуализме* за реальность признается только *настоящее*, а главной жизненной ценностью - собственное эгоистическое (хотя и позитивное) состояние (удовольствие, слава, успех и т. д.). К людям такого типа, начинающим появляться в акмати-ческой фазе и господствующим - в обскуративной, он относил Гая Мария и Суллу в Риме, Людовика XIV во Франции, Ивана Грозного в России.

При *футуризме* человек считает единственно реальным *будущее*, прошлое - ушедшим в небытие, а настоящее расценивает как преддверие будущего. Футуризм - часть негативного мироощущения, господствующего в антисистемах. В них он отражается на содержании идеологии, которая в существующем мире видит только зло, называя прошлое «проклятием»; настоящее - иллюзией, от которой следует избавляться; к будущему всегда относит реализацию целей. Все эти типы ощущений времени редко встречаются в чистом виде как на этническом, так и на индивидуальном уровне; они скорее носят преобладающий характер, сочетаясь с другими. В ходе дальнейшего анализа Л.Н. Гумилев сделал вывод: «сочетание этих трех координат (пространство, время, люди) образуют «этнос», характеризующийся стереотипом поведения и неповторимой внутренней структурой» (231. С. 17).

Этнос - третий параметр, составляющий сущность гумилев-ского понимания этнической истории. «В истории есть еще один, не менее важный параметр. С географической точки зрения все человечество следует рассматривать как антропосферу - одну из оболочек Земли, связанную с бытием вида *Homo sapiens*. Человечество, оставаясь в пределах этого вида, обладает замечательным свойством - оно мозаично, т. е. состоит из

представителей разных народов, говоря по-современному, этносов. Именно в рамках этносов, контактирующих друг с другом, творится история, ибо каждый исторический факт есть достояние жизни конкретного народа. Присутствие в биосфере Земли этих определенных целостностей - этносов - составляет третий параметр, характеризующий исторический процесс. Этносы, существующие в пространстве и времени, и есть действующие лица в театре истории» (230. С. 9; 229. С. 16). Считая этнос главным субъектом истори-

12

Зак.

253

177

ческого процесса, Л.Н. Гумилев определял его как элементарное явление, не сводимое ни к биологическому, ни к социологическому, ни к географическому явлениям. В отличие от своих предшественников, употребляющих понятие «этнос», Л.Н. Гумилев разработал целую систему понятий, связанных с ним: «субэтнос», «суперэтнос», «этнос-персистент», «этнос-изолят, гиперэтнос (метаэтнос) и др. Совокупность этносов, субэтносов и суперэтносов, обитающих на планете, составляет одну из ее оболочек, именуемых антропосферой, которая не является чем-то однородным, а представляет собой мозаичную этносферу: «Этносфера -это мозаика этносов во времени и пространстве» (220. С. 388). Такое понимание этносферы привело его к полицентристскому пониманию истории. «Считаю, что самое ценное - это то, что мы наконец-то можем разобраться в истории человечества, рассматривая последнее не как единое целое с единственным центром в Европе, а как мозаичную целостность, вид, разбитый на разные ландшафты» (233. С. 25-26).

Четвертый параметр этнической истории Л.Н.Гумилева - *пассионарность*. В созданной им теории пассионарности он не просто добавил пассионарность к евразийскому учению, а углубил ее понимание, вводя целую систему понятий: «пассионарный признак», «пассионарный импульс», «пассионарный толчок», «пассионарии», субпассионарии,

суперпассионарии и др. Пассионарность всегда воплощается в пассионариях - людях, наделенных особой способностью преобразовывать энергию, воздействовать на себе подобных, совершать экстраординарные поступки, требующие сверхнапряжения сил (220. С. 18). Как уже говорилось, всех пассионариев он делил на три группы: гармоничных людей, обладающих ровно таким количеством энергии, которое необходимо для удовлетворения физических потребностей и не больше; суперпассионариев, обладающих избытком этой энергии, и субпассионариев, лишенных такой энергии и предпочитающих жи'ть за счет других, людей «без веры, без чести, без совести» (220. С. 475). Взяв в качестве критерия величину, которую удобно принять за единицу, Л.Н. Гумилев приводил типичные примеры из русской художественной литературы: «Величина пассионарного импульса может быть меньше импульса инстинкта, равна ему и больше него. Примеры: $P = 1$ - князь Андрей Болконский из сочинений графа Л.Н. Толстого; $P < 1$ - чеховский интеллигент;

178

еще меньше - просто обыватель; за ним следует босяк - субпассионарий из ранних рассказов А.М. Горького; еще ниже - кретины и дегенераты» (220. С. 383). Касаясь чеховских персонажей, он отмечал, что при всех их положительных качествах им почти всегда не хватает энергии: «У них как будто все хорошо, а чего-то все-таки не хватает: порядочный и образованный человек, учитель, но... «в футляре»; хороший врач, много работает, но... «Ионыч» (222. С. 36-41). Все это люди энергодефицитного типа.

Как и отдельные люди, этносы обладают разным пассионарным импульсом, имеющим направленность, противоположную инстинкту личного и видового сохранения. Пассионарный толчок вызывает в популяции повышенную абсорбцию (поглощение) биохимической энергии из окружающей среды и приводит к появлению новых этнических систем. «Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным

толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создает новый, давая начало очередному витку этногенеза - процесса, благодаря которому Человечество не исчезает с лица Земли» (220. С. 20; 230. С. 16). В человечестве он видел множество этногенезов, понимаемых как природные процессы, развивающиеся по схеме: 1. Вспышка творческой активности и создание этносоциальной системы; 2. Акматическая фаза, кончающаяся кризисом, иногда фатальным для этноса; 3. Инерционная фаза, называемая «цивилизацией»; и 4. Персистирование (переживание), т. е. переход динамического процесса в гомеостаз. Вариабельность этой схемы определяется экзогенными воздействиями, которые сообщают каждому отдельному процессу неповторимый облик. Последующие процессы связаны с прежними культурными традициями, но то и другое проходит на фояе гоциального развития, не ограниченными узкими рамками этнической истории» (233. С. 563-564). Не ограничиваясь узкими рамками этнической истории, Л.Н. Гумилев проводил исследование истории социального развития человечества

В поисках ответа на вопрос: как соотносятся этногенез и человеческая истории, Л.Н. Гумилев исходил из того, что ход исторических событий определяется изменениями пассионарности в ходе этногенеза, и утверждал, что история идет не вообще, а в конкретных этносах и суперэтносах, каждый из которых об-

12*

179

ладает своим запасом пассионарности, своим стереотипом поведения, собственной системой ценностей, которые составляют этническую доминанту. Поэтому история не есть нечто абстрактное, всеобщее, отраженное в терминах «всеобщая история», «всемирная история», а история конкретная, этническая. Определив историю как смену конкретных этносов и суперэтносов, каждый из которых имел свою этническую доминанту, Л.Н. Гумилёв сделал четыре необычных вывода: нет смысла говорить о

всемирной истории, нет смысла говорить о всеобщей истории, нет смысла говорить об общечеловеческой культуре и общечеловеческих ценностях. «Так называемая всеобщая история есть лишь механическая совокупность знаний об истории различных суперэтносов»; «Общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна» (233. С. 40, 189). Такие выводы вызвали целый ряд обвинений в его адрес: в проповеди расовой неполноценности русского народа, в преувеличении роли азиатов в его истории, в преклонении перед сионистами (хазарами), в угодничестве перед Западом, в антимарксизме, в создании «идеологии русского фашизма» и пр. (207. С. 51; 233. С. 11). Эти обвинения шли от нежелания понять, почему он делал такие, на первый взгляд, парадоксальные выводы. Попробуем разобраться.

Доказывая невозможность создания одинаковой общечеловеческой культуры, он приводил следующие аргументы. Во-первых, все этносы имеют разный «вмещающий и кормящий ландшафт». Во-вторых, все этносы имеют различное прошлое, формирующее настоящее как во времени, так и в пространстве. В-третьих, культура каждого этноса мозаична и своеобразна и именно эта мозаичность человечества как вида придает ему пластичность, благодаря которой вид *Homo sapiens* выжил на планете Земля. Отсюда вывод, что с этнической точки зрения никакой феноменологической общности историческое человечество не представляет, и потому разговоры о «приоритете общечеловеческих ценностей» наивны, но не безобидны. Реально для торжества общечеловеческих ценностей необходимо было бы слияние всего человечества в один единственный гиперэтнос. Но на современном уровне это невозможно по следующим причинам. До тех пор, пока существуют разные ландшафты на Земле, требующие специфического приспособления в каждом отдельном случае, и пока сохраняются разные уровни пассионарного напря-

единого гиперэтнуса маловероятно, и торжество общечеловеческих ценностей будет лишь очередной утопией. Но даже, если представить себе гипотетическое слияние человечества в один гиперэтнос, как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют не общечеловеческие ценности, а этническая доминанта какого-либо конкретного суперэтнуса. Л.Н. Гумилев объяснил это той простой причиной, что суперэтнические системы ценностей, как правило, взаимоисключающи и плохо совместимы между собой. Такая несовместимость вполне оправдана и отвечает функциональной роли суперэтнических доминант. Ведь именно они служат индикаторами принадлежности отдельного человека и этноса к своему суперэтносу. Доминанты как бы блокируют слияние суперэтносов между собой. По его мнению, историческая практика свидетельствует, что все предпринимающиеся ранее попытки искусственно соединить на основе общего, имеющегося в религиях, христиан, мусульман, буддистов и создать не то что общечеловеческую, а просто между пер этническую систему ценностей, заканчивались крахом и приводила к дополнительному кровополитию (231. С. 188-190). Именно по этим причинам, он считал, что нет смысла говорить ни о всеобщей истории, ни об единой культуре человечества, ни об общечеловеческих ценностях.

Как бы ни казались эти доводы убедительными, нам представляется, что, достигнув большого уровня в понимании диалектики «фаз развития», Л.Н. Гумилев не в такой степени продумал диалектику общего, особенного и единичного. У каждого отдельного народа (этнуса или суперэтнуса), безусловно, есть нечто особенное в стереотипе поведения, в культуре, в ведении хозяйства, в бытовой сфере и пр., но есть и общее, что присуще всем народам, например, в тех же нравственных нормах, которые запечатлены и в иудаизме (законы Моисея, высеченные на скрижалях), и в христианских заповедях, и в буддизме, и в мусульманском Коране, и даже в Кодексе строителей коммунизма: почитай родителей, не убий, не укради и др. Это общее принадлежит к общечеловеческим нравственным и правовым

ценностям. Кроме этого в современном мире под влиянием глобализации наблюдается много общего в культуре, искусстве, спорте. Высшие достижения в мире музыки, живописи, кино, телевидения, в ос-

181

БОСНИИ космоса, где наряду с национальными рекордами высоко ценятся мировые рекорды, которые считаются достоянием всего человечества и входят в сокровищницу мировой культуры. Вряд ли он сам сегодня стал бы утверждать, что «Ода радости», звучащая в «Девятой симфонии Бетховена, является только немецкой ценностью, а «Лебединое озеро» Чайковского или «Седьмая симфония» Шостаковича - только русской. Повторяем, блестяще применив диалектику при анализе фаз развития этноса, Л.Г. Гумилев не до конца продумал и применил диалектику общего и особенного, с позиций которой в истории каждого народа наряду с особенными чертами наличествует много общих черт, позволяющих говорить о наличии общего в человеческой истории.

Что касается термина «всемирная история», то нам представляется, что, отрицая этот термин на словах, на деле, в своих исследованиях он не только многократно употреблял термины «всемирная история», «всемирно-историческая концепция», «история человечества», «история людей», но и ставил цель - понять по-своему всемирную историю. Не случайно он сформулировал цель своей докторской диссертации: «Наша цель - понять всемирную историю как становление одной из оболочек Земли - этносферы» (220. С. 179). Создавая свою «всемирно-историческую концепцию», он учитывал, что в теории исторической мысли издавна сложились две концепции, бытующие еще и в наше время: культурно-историческая и всемирно-историческая. Культурно-историческая концепция впервые была декларирована Геродотом, противопоставившим Европу Азии. Под Европой он понимал систему эллинских полисов, а под Азией - персидскую монархию. В XIX в. крупнейшими представителями культурно-исторической школы были Ф. Ратцель, Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, в XX в. - О.

Шпенглер и А. Тойнби» (220. С. 179-180). Всемирно-историческая концепция трактовала историю народов как единый процесс прогрессивного развития, более или менее захвативший все области, населенные людьми. Впервые она была сформулирована в средние века как концепция «четырех империй» прошлого: ассирийской, персидской, македонской, Римской и пятой - «Священной Римской империи германской нации», возглавившей вместе с папским престолом католическое единство, возникшее в Западной Европе на рубеже VIII-IX вв. «Прогрессом» при такой системе интерпре-

182

тации событий считалось последовательное расширение территорий. В XIV-XVI вв. всемирно-историческая концепция устояла и была только несколько иначе сформулирована. Теперь прогрессивной была признана «цивилизация», под которой понималась культура опять-таки западной, романо-германской Европы, причем бывшие «язычники» и «схизматики» были просто переименованы в «дикие» и «отсталые» народы. И тех, и других Гегель, например, называл «неисторическими». Эта система именовалась «европоцентризм». Не соглашаясь с обеими концепциями, признавая, что оба подхода имеют некоторые достоинства и крупные недостатки (220. С. 183), Л.Н. Гумилев противопоставил им свою всемирно-историческую концепцию, увидев в истории не бесконечное повторение с определенным ритмом одних и тех же циклов (ритмичность) и не восхождение от низших форм к высшим (прогресс), а появление в результате внешних толчков, развитие и последующий распад неравновесных структур - этнических систем. Усвоив методологический принцип анализа этногенеза, он создал альтернативы классическим вариантам понимания истории, которые могут быть представлены следующим образом.

1. Не сверхъестественная история, а «естественная наука о происхождении и сменах этнических целостностей, комбинациях элементов в разнообразном пространстве и необратимом времени» (231. С. 21);

2. Не божественная или священная история, а человеческая,

гуманитарная наука об истории людей, являющейся частью истории природы;

3. Не европоцентристская, а полицентристская история, изучающая все «центры», все народы, проживающие на различных ландшафтах планеты Земля;

4. Не механическая совокупность зияний об истории различных народов, называемая «всеобщей историей», а действительная история, учитывающая на основе синтеза наиболее общие и особенные свойства этносов и суперэтносов;

5. Не линейная смена общественно-экономических формаций, идущая только в прогрессивном направлении от низших стадий к высшим, а многомерная реальная история, не исключая прогресса и регресса;

6. Не идиография, фиксирующая внимание на отдельных, индивидуальных событиях, а альтернативная история, изучающая

183

законы разных уровней, начиная от статистических этнических закономерностей и кончая универсальными законами, действующими в природе и обществе;

7. «Морфологии культуры» О. Шпенглера и «теории круговорота локальных цивилизаций» А. Тойнби противопоставлена «серия дискретных этногенезов, постоянно взаимодействующих между собой» (233. С. 542);

8. Поэлементной истории противопоставлена альтернативная полиструктурная целостная история, учитывающая законы связи всех элементов: экономической, политической, социальной и духовной жизни людей;

9. Истории, бывшей «калейдоскопом дат», «калейдоскопом случайностей», «калейдоскопом занятых новелл», противопоставлена история человечества как «калейдоскоп мозаик», включающий знания о различных этносах и суперэтносах.

10. Прерывной истории противостоит непрерывная история смены

системных связей, история возникновения, развития и распада этнических систем разных иерархических уровней в их взаимодействии и взаимовлиянии.

Учитывая все эти альтернативные истории, можно считать вполне справедливыми утверждения, что Л.Н. Гумилев создал новую модель всемирной истории или историческую модель Вселенной. Если не придавать особого значения таким моментам, как разночтения в указании места и времени появления в его голове идеи иассионарности (в ленинградских «Крестах» в 1938 г. (233. С. 23) или в Лефортовской тюрьме в марте 1939 г. (231. С. 30-31)); отрицание татаро-монгольского ига на Руси (233. С. 149-151), отрицание терминов «всемирная история», «всеобщая история», общечеловеческих ценностей (233. С. 189), то можно сделать общий вывод, что введение в научный оборот новых фактов, новой теории, новой философии истории, нового понимания предмета и метода изучения истории позволило благодаря Л.Н. Гумилеву учредить новый взгляд не только на историю России и других евразийских государств, но и на историю человечества в целом.

Создав альтернативную модель всемирной истории, Л.Н. Гумилев был в то же время провозвестником новых подходов, в частности, он вплотную подошел к исторической синергетике (греч. *synergeia* - содружественное или совместное действие двух

органов в одном и том же направлении). Хотя он не употреблял указанного термина, но его междисциплинарный подход, объединявший исторический, географический и естественнонаучный методы и его многодисциплинарный подход, за которым крылось стремление «объединить такие науки как история, география и природоведение и, создав «третий блок наук»», применить системный метод, осуществить моделирование исторической ситуации (233. С. 556) позволяют говорить о нем как о предтече отечественной исторической синергетики.

Как известно, синергетический подход, вошедший в моду в конце 90-х

годов XX в. и в начале XXI в., был призван преодолеть ограниченность марксистского формационного подхода. «Классиками синергетики» считаются представители естественных наук: Ю.А. Данилов, Б.Б. Кадомцев, Ю.Л. Климентович, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, И.Р. Пригожин, Ю. Романовский, А.П. Руденко, Е. Седов, С. Шноль, А. Эддингтон, М. Эйген и др. Применение их исследований к истории привело к созданию исторической синергетики. Синергетический подход означал несколько новых подходов, из которых главными, на наш взгляд, представляются следующие:

1. Более сложное понимание предмета исторических исследований как процессов развития сложных систем (онтология синергетики) и более сложное (по сравнению с системным подходом) понимание метода исторических исследований, который стал обозначаться не просто как системный метод, а как системно-вероятностный, системно-коммуникативный, системно-структурный подход.

2. Качественно новое понимание исторических закономерностей на основе объединения эволюционного подхода с бифуркационным (лат. bifurcation -раздвоение, расчленение) и флуктуационным (ΔT .fluctation - колебание),

3. Междисциплинарный подход, допускающий применение в истории методов разных наук: истории, социологии, биологии, психологии, физики, астрономии и др.

4. Вместо употреблявшихся ранее марксистских понятий («способ производства», «производительные силы», «производственные отношения», «базис», «надстройка», «общественно-экономическая формация», «классы» и пр.) употребление понятий: «катастрофа», «взрыв», «бифуркация», «флуктуация», «социаль-

185

ное неравновесие», «социальная самоорганизация», «саморазвивающаяся система» и др.

5. Моделирование исторических ситуаций и создание целого ряда

моделей исторического процесса. Наиболее известными стали модели И.В. Бестужева-Лады, В.П. Бранского С.Г. Гомагонова, Ю.М. Лотмана, А.П. Назаретяна, А.И. Ракитова, С. Янковского. Рассмотрим их по времени появления публикаций.

Началом послужило опубликование в 1990 г. книги В.И. Арнольди «Теория кагас, роф», после чего понятие «катастрофа» вошло почти во все последующие синергетические модели. В 1992 г. Ю. М. Лотман в книге «Культура и взрыв», опираясь на циклическую модель развития Вселенной, занялся проблемами хаоса и порядка, сменой эпох в культуре, приводящих к взрывам. Вначале эта модель была применена им к культуре, где всякий новый образец рассматривался как «взрыв», прерывающий поступательное развитие культуры, а потом, осознав универсальность этого подхода, он применил его ко всей человеческой истории, рассмотрев ее как смену эпох, разделенных катастрофами и взрывами. На этой же основе он попытался дать синергетическое понимание исторической закономерности, проистекающее из признания множественности путей развития различных социумов, прокладывающих свои «исторические маршруты» через бифуркации и флуктации (567).

С.Г. Гомаюнов в 1994 г. в статье «От истории синергетики к синергетике истории» соединил бифуркационную модель с эволюционной. Эволюционная модель у него характеризуется действием детерминаций, которые не сводятся к причинно - следственным связям, а помимо них включают функциональные, целевые и другие связи, которые обеспечивают внутреннее равновесие социума, его системное качество. В случае внутреннего неравновесия социум вступает в бифуркационную фазу развития, для которой характерно исчезновение прежнего системного качества. В условиях, когда прежние детерминации уже не работают, а новые еще не работают. •>..-ч ^^ет новая «карта возможностей», представляющая набор потенциальных путей выхода на новые системные качества. Выбор системой того или иного пути зависит от деятельности отдельных людей, которые

вводят систему в ее новое качество (170).

А.П. Назаретян в курсе прочитанных в 1996 г. лекций «Агрессия, мораль и кризисы в мировой культуре. Синергетика ис-186

торического процесса» и в статье «Синергетика в гуманитарном знании» рассматривал модель самоорганизации как дополнительную к равновесным моделям функциональной социологии, способную служить связующим звеном между ними и диалектической концепцией, ориентированной на социальные конфликты как движущую силу исторического развития (678).

Сочетая эволюционизм с идеей многовариантности, И.В. Бестужев-Лада в 1997 г. в статье «Ретроальтернаристика в философии истории» разработал теорию утраченных возможностей в историческом процессе, которую он назвал «действенной философией истории». В ней придавалось большое значение изучению не только реализованных, но и нереализованных возможностей. Вопреки привычному «безальтернативному» пониманию истории он предложил новый подход - «ретроаль-тернаристику», базирующуюся на вероятностных суждениях, приглашая сосредоточить внимание на критериях виртуальных сценариев: реальности, логичности, сопоставимости, оптимальности (67-68).

С философской точки зрения наиболее интересным представляется подход В.П. Бранского, рассматривавшего социальную самоорганизацию на трех уровнях: онтологическом (в форме дифференциации и интеграции социальных институтов (учреждений)), гносеологическом (в форме дифференциации и интеграции знаний) и аксиологическом (в форме дифференциации и интеграции ценностей) (87). Этим самым он углубил данное нами обоснование методов истории в онтологическом, гносеологическом, логическом, аксиологическом и праксеологическом аспектах (288-292).

Касаясь изучения истории в XXI в., ныне прогнозируются два подхода: универсальный, в форме единой «интегративной теории исторического процесса», дающей «голографический» образ истории (297) и

антицивилизационный, постмодернистский подходы. В итоге сегодня наряду с классическими антитезами (субъективизм и объективизм, идеализм и материализм, рационализм и иррационализм, позитивизм и неокантианство, презентизм и антикваризм и др.) имеют место антитезы цивилизационного и антицивилизационного, модернистского и постмодернистского, глобалистского и антиглобалистского подходов.

187

Цивилизационный подход, как известно, был основан на исследованиях М. Вебера, Л.Н. Гумилева, Н.К. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.И. Ламанского, О. Шпенглера, А. Тойнби и др. и активно обсуждался такими исследователями, как А.В. Иванов, И.Н. Ионова, В.М. Найдет, Ю.В. Павленко, К.Е. Сигалов, В.Л. Усманова, В.М. Хачатурян и др. В свое время Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, отвергнув старые стереотипы и подходы к изучению истории, предложили рассматривать ее как смену культурно-исторических типов, и ввели в научный оборот культурологический подход (258, 551). Вслед за ними О. Шпенглер в 1918 г. издал книгу «Untergang des Abendlandes» (рус. пер. «Закат Европы»), где на месте «монотонной картины однолинейной мировой истории» представил «феномен множества мощных культур, каждая из которых придает своему материалу, человеческой природе, свою собственную форму, обладающую своей собственной идеей, своими собственными страстями, своей собственной жизнью, волей, манерой воспринимать вещи, своей собственной смертью». Последний, нисходящий этап каждой из рассмотренных им девяти культур он называл цивилизацией (1087). Его последователь А. Тойнби в книге «A study of History» (русские переводы: «Исследование истории», «Постижение истории») определял цивилизацию как целый период, как общность людей, существующих в пространстве и времени, объединенных единой религией и единым набором обычаев и традиций (943). Вслед за ним сторонники цивилизационного подхода трактуют историю как смену цивилизаций, каждая из которых живет по своим законам, по своему историческому времени, со своей религией и

своей культурой. Их противники полагают, что будущее не тождественно ни одной из существующих цивилизаций и надеются на то, что человечество идет к новому миру, соответствующему другому историческому времени.

Сторонники глобалистского подхода, озабоченные решением глобальных проблем (ядерных, экологических, демографических и пр.), исходят из того, что глобальные проблемы должны иметь глобальные способы их решения. Будущее они, как правило, отождествляют с вестернизацией, т. е. с западным (американским или европейским) образом жизни. Антиглобалисты отстаивают для каждого народа, нации особый путь и тем самым провоцируют национализм, фундаментализм, экстремизм, фашизм и терроризм.

188

И, наконец, модернисты провозглашают конец истории, конец рационального подхода к истории, конец логического ее исследования, и ставят на их место иррациональность, интуитивность творческого процесса и его результатов (Ф. Фукуяма: 1014-1015). Для постмодернизма характерно увлечение мистикой, астрологией и другими оккультными «науками», тяготение к восточным таинствам. И пик этого влечения еще не пройден, хотя уже высказывается мнение, что постмодернизм устарел (91). Несмотря на это, модернистскому и постмодернистскому подходу большое внимание уделяли такие исследователи, как И.Л. Бородин, С.А. Клишина, Ж.Ф. Лиотар, Б.Г. Могилышцкий, Л.П. Репина, С. Смит и др.

Нельзя не отметить, что все означенные подходы в рамках онтологической ориентации применяются и сегодня. Трудно, правда, говорить о преимущественном положении какого-либо одного из них: обращает на себя внимание реставрация откровенно теологических догм; наблюдается новая вспышка классических и неклассических подходов, продолжает существование марксизм в форме «критического марксизма» и «постмарксизма». Критика марксистского подхода, как догматического, «идеологизированного» (852. С. 4.14), вызывает, по крайней мере, два

нарекания, во-первых, это отрицание не содержит «удержания положительного», во-вторых, при отрицании устаревшего подхода в качестве нового предлагается не менее старый - плюрализм, без разъяснения, что же в нем нового, чем он отличается от плюрализма столетней давности в трактовке Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, В.М. Хвостова и др. Разумеется, у плюрализма имеются свои основания. Границы предмета исторической науки постоянно раздвигаются, включая многообразие природных и социальных связей, характеризующих человека, его физических и духовных потребностей, общечеловеческих и национальных черт, групповых и личных интересов. Для осмысления их требуется сложная система методов, объединяющая научные и философские, эстетические и этические, правовые и политические, логические и чувственные, рациональные и эмоциональные, когнитивные и ценностные способы осмысления человеческой деятельности. Для осмысления такой системы методов требуется довольно сложная теория и весьма сложная методология истории.

189

2.3. Соотношение теории и методологии истории

Не менее важными и дискуссионными являются вопросы о соотношения предмета и метода исторической науки, теории и методологии истории. Традиционно специфика предмета истории выяснялась, главным образом, сравнительным путем. Многочисленные авторы сопоставляли историю и природу, историю и общество, историю и современность, историю и политику, историю и социологию, историю и психологию, историю и социальную психологию, историю и культуру. Предметная специфика исторической науки устанавливалась в статьях А.В. Гулыги, Н.М. Есипчука, Г.М. Иванова, В.П. Конева, А.В. Кузьмина, В.П. Лавровского, А.С. Морозова, М.Н. Терешко и др.

Многие авторы шли по линии сопоставления предмета и метода исторической науки с предметом и методом исторического материализма. В ходе неоднократных дискуссий выявились три концепции. Согласно первой,

излагаемой в философских работах конца 50-х - начала 60-х годов: В.С. Калашникова, И. Сосонкина, Е.Ф. Сулимова, Ж. Туленова и др., предметом исторической науки являются исторические события, факты, а предметом исторического материализма - законы общественной жизни. Подчеркивая теоретический и философский статус исторического материализма, авторы этой концепции невольно оставляли историческую науку на эмпирическом уровне. Это был шаг назад даже по сравнению с позитивистами, в частности, с рассмотренной выше концепцией В.О. Ключевского.

Сторонники второй концепции, особенно ярко проявившейся в дискуссии конца 60-х - начала 70-х годов (М.А. Барг, А.Я. Гуревич, Н.А. Девяшин, Е.М. Жуков, А.Я. Кертмап, К.Х. Момджян, С. Попов, Е.Б. Черняк, О.Д. Ярош и др.), утверждали, что предметом исторической науки являются особые исторические законы или специфические исторические закономерности, а предметом исторического материализма - наиболее общие законы общественной жизни. Бесспорно, это был более высокий уровень понимания предмета исторической науки. Эта концепция наносила удар по эмпирическим представлениям о предмете исторической науки и привлекала внимание к изучению законов иной степени общности, иного уровня обобщения, чем те, которые изучаются философами. Однако, наряду с положительным стрем-

190

лением защитить теоретический статус исторической науки, идея «особых исторических законов» ограничивала возможность проникновения историков в глубины реальной истории. Оставаясь в рамках своей науки, историки якобы не способны дать знание, столь же глубокое, как у философов. Задача раскрытия сущности исторических процессов казалась недостижимой для исторической науки.

Третья точка зрения, утвердившаяся в начале 80-х годов в работах И.А. Желениной, Г.М. Иванова, А.М. Коршунова, Ю.В. Петрова, С.Н. Сайко, исходила из того, что исторической науке подвластна самая глубокая

сущность истории: «история причастна к законам всех уровней обобщения» (291 - 293). В этой позиции полнее и глубже подчеркивалась связь общего и особенного. Историкам, конечно, приходится иметь дело и с теми, и с другими законами. Одна из особенностей исторической науки в том, что она через отдельное изучает общее, через особенное познает всеобщее. Все зависит от того, в какой степени историку удастся в особенном увидеть общее, в гуще конкретных событий проследить действие общих законов. Задача исторического исследования в том и заключается, чтобы в отдельном, особенном узреть общее и всеобщее, а в общем увидеть отдельное и особенное. Предмет исторической науки поэтому не может быть сведен ни к общему, ни к отдельному, ни к особенному, как бы оно ни называлось: фактами или закономерностями. Разрыв их уже имел печальные следствия: абсолютизация единичного приводила к фактографизму, особенного - к идиографизму, общего - к вульгарному социологизму.

Положительным итогом дискуссий являлись попытки пересмотреть устоявшиеся положения о предмете исторической науки с учетом новейших представлений о «двууровневости и многообразии общественной жизни («два уровня» М.А. Барга (43), «три аспекта» И.А. Желениной (326)). Но, пытаясь учесть новейшие научные данные, участники дискуссии рассматривали разные уровни и аспекты видения истории, не сходя за рамки марксистского подхода, что, в конечном счете, обесценивало их усилия.

Не менее важным предметом дискуссий являлся вопрос о соотношении исторического материализма и методологии истории;!. Одни авторы противопоставляли их, другие отождествляли (408, 880). Сегодня этот вопрос по известным причинам потерял свою

191

актуальность и снят с повестки дня, но возросло значение вопроса о соотношении теории исторического процесса и методологии истории. Поскольку задача философского обоснования статуса и специфики предмета и метода истории оказывается в прямой зависимости от философии истории

и теории исторического процесса, то правомерен вывод об их единстве. Единство теории исторического процесса и методологии истории основано на изучении единого исторического процесса, на признании законов общественного развития. Без этого нет социальной философии, нет социальной методологии. Вместе с тем сравнительный анализ их позволяет провести грань между ними, увидеть различие в предметном и методологическом отношении. Предметом теории исторического процесса является историческая реальность, предметом методологии истории - способы познания этой реальности, методы познавательной деятельности; теория исторического процесса представляет собой теоретическое отражение общественных отношений, процессов, структур и ролей, методология истории есть основанное на этой теории учение о способах и средствах их познания; теория исторического процесса представляет собой систему философских положений об истории, в методологии истории раскрывается их методологическое значение. Теоретические положения превращаются в методологические и используются в качестве нормативных и регулятивных установок для дальнейшего исследования истории. Для превращения теоретических положений в методологические руководства существует целый ряд посредствующих звеньев, приемов, путей, знание которых позволяет понять механизм этого превращения. Для раскрытия этого механизма необходимо, конечно же, осмыслить методологическую функцию теории исторического процесса, указать на ее органическую связь с мировоззренческой, уточнить методологическую роль отдельных исторических и социологических теорий, выяснить методологическую роль важнейших принципов, законов, категорий данной теории. Выступая в качестве онтологического основания методологии истории, теория исторического процесса не сводится к методологической функции. Она выполняет ряд других функций, связанных с методологической, но не тождественных ей.

Методология истории, в свою очередь, помимо конкретизации методологической функции философской теории, решает

другие задачи и не сводится к теории по ряду причин. Помимо общих философских, исторических, социологических и методологических вопросов методология истории решает множество специальных проблем, связанных с исторической наукой, историографией, источниковедением. Ее интересуют, прежде всего, методы познания истории.

Таким образом, заканчивая характеристику методологии истории в онтологическом аспекте, мы определяем ее, прежде всего, как учение о методах понимания истории. В ее задачи входит применение общих философских принципов, законов, категорий к анализу исторических явлений; обоснование объективного статуса метода истории в его предметной специфике; обобщение и разработка специфических методов понимания историко-социальных явлений, отличных от природных явлений. Предметом методологического анализа выступает система средств изучения различных уровней общественного бытия и форм общественного сознания, констатации исторических событий и установления исторических закономерностей, описания различных сторон общественной жизни (экономической, социальной, политической и духовной), выяснения роли больших и малых групп и личностей в истории.

Указывая на значение онтологического подхода, мы в то же время считаем необходимым подчеркнуть, что методология истории не сводится к онтологическому содержанию. Неправильно было бы приписывать ей натурфилософскую («историософскую») роль. Проблемы отражения исторической реальности, исторического исследования присущи ей имманентно; без них проблематика исторического бытия не может быть рассмотрена полноценно. Онтологический подход входит в методологию истории как один из компонентов, необходимый, но недостаточный. «Отдельное бытие (предмет, явление, etc.) есть лишь *одна сторона* идеи (истины). Для *истины* нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (*besonders*

fur sich bestechende). Лишь в их совокупности (*zusammen*) и в их отношении (*beziehung*) реализуется истина (550. Т. 29. С. 178). Так что подлинная сущность исторического метода и методологии истории может быть определена лишь в связи с историческим знанием и теорией исторического знания.

13 Зак.253

193

Глава III

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ -ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

3.1. «Кризис исторической науки» и ориентация на историческое знание

Изменения в понимании методов и методологии истории, имевшие место в начале XX века, связаны, безусловно, с кризисом онтологического подхода. Однако главной причиной переориентации философии и методологии истории в то время явились внутренние трудности исторической науки, которые так же, как и в физике, заставили говорить о кризисе исторической науки. Указывая на необходимость разработки теоретико-познавательных проблем исторической науки, Р.Ю.Виппер в брошюре под названием «Кризис исторической науки?» подчеркивал, что повышенный интерес к ним заключает в себе «начало крупного и глубокого кризиса в общем научном методе, в научном анализе и понимании явлений» (126. С. 26). По его мнению, общественные науки переживают такой же кризис общих понятий и терминов, как и естествознание (125. СЮ). Суть кризиса он видел в *остром противоречии между требованиями развивающейся науки и средствами, которыми она располагала для их решения*. Научные открытия опровергали старые метафизические представления о предмете и методе истории, но большинство историков в начале XX в. не знало иной формы материализма, кроме метафизического, представляющего историческое знание не иначе, как копию реальности.

Даже такой крупный философствующий историк, как Н.И. Кареев утверждал: «Знание должно быть копией объективного мира» (410. Т. 1. С. 285).

Ситуация, сложившаяся в исторической науке, требовала пересмотра многих теоретических понятий, причем пересмотра

194

не отдельных частных положений, а всего теоретического и методологического арсенала исторического познания. «Отсюда возникает потребность общей проверки, общего пересмотра всего хода нашего познания, всего аппарата описания и истолкования фактов, подлежащих научному толкованию», - разъяснял Виппер. Он видел задачу - в анализе и пересмотре установившихся в истории рубрик и терминов, схем и подразделений, приемов и методов (125. С. 9; 126. С. 28).

Ревизия началась с пересмотра прежних представлений о предмете и методе истории. Крушение старых онтологических представлений часть философов и историков восприняла как исчезновение предмета. «Предмет исчез», «предмет умер» - так выражалось основная причина кризиса исторической науки. «Всякое познание, в том числе и историческое, - подмечал Виппер, - никогда не имеет перед собой «чистой действительности». Оно прежде всего встречается с рядом наслоенных друг на друга схем, в которых предшествующие поколения передали нам воспринятый ими материал» (125. С. 75). Безусловно, каждый историк начинает исследование с изучения истории вопроса, с анализа предшествующих знаний об изучаемом предмете. Неотъемлемой частью процесса познания становится критическое отношение к предшествующему знанию. Из этой верной посылки были сделаны неверные выводы: раз нет «чистой действительности», значит нет предмета, нет объективного метода. Предмет исчез, осталось одно знание.

Ценность исторического знания определяется его значением как источника информации, необходимой во все времена, как составной части

научного мировоззрения, вооружающей системой убеждений. Без ценностной интерпретации историческое знание превращается в умозрительные доктрины, представляющие интерес только для эрудитов и любителей исторических анекдотов. Знание важно не только для того, чтобы наилучшим образом приспособиться к окружающему миру, но, главным образом, для того, чтобы изменить этот мир в лучшую сторону, а изменять можно лишь тогда, когда хорошо знаешь то, что хочешь изменить. Следовательно, знание приобретает особую ценность тогда, когда оно служит средством изменения мира, способом преобразования действительности.

Признавая значение исторического знания, многие российские философы и историки начала XX века, такие как П.Н. Ар-

13*

195

дашев, Р.Ю. Виппер, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов обратились к анализу исторического знания. Историческое знание стало предметом гносеологического и методологического анализа.

Перемещение центра методологических исследований с предмета истории на знание о ней, конечно, не означало, что прекратилось обсуждение ранее поставленных вопросов. В XX в. продолжалось обсуждение вопросов: что такое история как процесс, каков предмет исторической науки, каков ее метод, в чем специфика методологии истории. И это не удивительно, потому что на вопрос о том, что такое историческое знание, невозможно правильно ответить, не установив, что собою представляет история, что является предметом исторического познания. С другой стороны, историческое знание тоже изучалось и раньше, пусть и не в такой степени и не в таких ракурсах. На онтологическом уровне оно рассматривалось, прежде всего, как отражение исторической реальности. Главным достижением теории познания предыдущего периода было рассмотрение исторического знания

исторически, т. е. изучение и обобщение происхождения и развития познания, переход от незнания к познанию, от низших ступеней к высшим. С помощью диалектики удалось представить историческое познание как постоянный процесс развития, показать закономерные связи различных школ и направлений, увидеть прогресс в решении различных проблем исторического познания, рассмотреть повторяющиеся в истории попытки решения этих проблем как моменты формирования истины, когда «каждый оттенок мысли» представал как «круг на великом круге (спирали) развития человеческой мысли вообще» (550. Т. 29. С. 221).

Поэтому дело было не только в изменении предмета исторического познания, но и в новой проблематике. Типичными становятся не столько вопросы, в чем специфика познания исторической реальности, в чем отличие ее от познания природной и социальной реальности, сколько следующие вопросы:

- каковы особенности познания прошлого, специфика объекта и субъекта в историческом познании;

- чем отличается метод познания прошлого от методов изучения настоящего и предвидения будущего;

- чем отличается метод добычи источникового знания от не-источникового;

196

- что собою представляет исторический факт и каковы методы его получения;

- что собою представляет историческая теория и каковы методы ее построения;

- является метод получения исторических знаний научным, ненаучным или вненаучным;

- чем научный метод познания истории отличается от художественного, философского, религиозного, нравственного, правового, политического способов осмысления истории;

- каков критерий истины в исторической науке, применим ли в ней критерий практики и в чем специфика его применения;

- может ли и должен ли историк при изучении прошлого пользоваться теорией отражения, достаточно ли для исторического познания общих принципов теории познания или кроме них нужны дополнительные средства;

- достаточно ли для характеристики метода и методологии исторического познания чисто гносеологического подхода или здесь нужны еще другие подходы.

Немаловажное значение имел тот факт, что все эти проблемы, довольно успешно разрабатывавшиеся в методологии естественных наук, в методологии общественных наук не получили должного освещения. Поэтому здесь особенно остро ощущалась потребность в создании обобщающих трудов по теории и методологии исторического познания.

Но дело было не только в новой проблематике (ведь многие из указанных проблем ставились еще Декартом и Кантом), а в новом подходе к анализу исторического знания и его методов. Этот подход сначала называли гносеологическим, потом эпистемологическим (и *gnosis*, и *episteme* в переводе с греческого одинаково обозначают знание). В сущности, онтологический и гносеологический подходы всегда были связаны, и эта связь так или иначе проявлялась при решении любых методологических проблем, но главным в разных исторических и познавательных ситуациях выступал либо тот, либо другой.

Значение гносеологического подхода велико. Именно здесь дается установка на знание, выясняется связь и зависимость исторического метода от характера исторического знания, от теории исторического знания, от философии и социологии знания. Только здесь дается гносеологическая характеристика метода

исторического познания, причем не только устанавливается научный и общенаучный статус исторического метода, но и решается вопрос об его

истинности и критериях этой истинности.

Не случайно гносеологические проблемы со времен Декарта и Канта привлекали внимание многих философов. Они пользовались большой популярностью в дореволюционной России (Р.Ю. Виппер, Н.И. Карсев, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов и др.), в Советском Союзе (А.В. Гулыга, А.Я. Гуревич, А.И. Данилов, Г.М. Иванов, И.С. Кон А.И. Уваров и др.), за рубежом (Р. Кол-лингвуд, Ф. Мейнекс, М. Мандельбаум, К. Поппер, Г. Риттер, Е. Ротакер и др.). Но при решении методолого-гносеологических проблем возникали опасности редукционистского толка. Первая - гносеологизация методологии, сведение ее к одной гносеологии, игнорирование собственно методологической проблематики и принижение других философских оснований методологии истории — онтологии, логики, аксиологии, праксеологии. Абсолютизация гносеологии вызывала отпор со стороны оппонентов, которые впадали в другую крайность, отрицая необходимость и значение гносеологического анализа истории и методов ее познания. Вторая опасность — отождествление методологии истории с одним из уровней учения об историческом знании: историографией, теорией исторического знания, с социологией и философией знания. Безусловно, с методологией истории связаны все указанные уровни, но связь с ними отличается разной степенью интенсивности. Наиболее тесными непосредственными узами методология истории связана с философскими проблемами исторического знания, да и то не со всеми, а с методолого-гносеологическими, в рамках которых рассматриваются взаимоотношение, взаимосвязь и взаимозависимость метода и знания, методологии и гносеологии, методологии и теории познания, методологии и философии знания.

Гносеологический подход явился, в определенной мере, следствием разочарования в онтологическом подходе, сторонники которого игнорировали теоретико-познавательные проблемы, проводили анализ познания без учета познавательных средств и способов получения исторического знания, не всегда учитывали роль субъекта в историческом

познании. Сторонники гносеологического подхода акцентировали внимание на проблемах, связанных с историческим знанием, способами его получения и кри-

198

териями проверки его истинности. Для гносеологического подхода характерна установка не на предмет, а на знание; установка не только на объект, но, главным образом, на субъект познания; поиск гносеологических корней, гносеологических оснований исторического метода и методологии истории; анализ методов критики знания в целом и его структурных элементов: методов критики исторических источников, исторических фактов, исторических теорий; анализ методологии исторического познания, ее связи с общей теорией познания и с теорией исторического знания.

Под влиянием нового подхода произошли изменения во всех сферах исторического сознания: философии истории, теории истории, методологии истории. На изменения в философии истории указывал Р.Ю. Виппер: «В современном движении философской мысли все более выступают на передовое место вопросы теории познания» (126. С. 26). Под влиянием этих изменений философия истории разделилась на две философии: предметную, содержательную, акцентирующую внимание на проблемах исторического бытия, смысла и направленности истории, и философию знания, которая, изучая не сам предмет, а знание об этом предмете, становилась рефлексией, т. е. знанием об этом знании.

На изменения в теории истории указывал В.Н. Перцев: «Легко заметить, что общие вопросы исторической науки волнуют их с совершенно другой стороны, чем полемистов 80-90-х гг. прошлого столетия. Тогда интересовал самый исторический процесс, теперь — способы познания этого процесса и зависимость этого познания от нашего сознания. Вопросы исторической методологии и вопросы теории исторического знания получили теперь доминирующее значение» (737. С. 270-271).

Терминологически эти изменения пытался закрепить Н.И. Кт[^]еев, вводя новые термины: «историософия», «историология», «историка» для обозначения, соответственно философии истории, теории исторического процесса, теории исторического знания (415, 416). Изменения в теории истории коснулись самых существенных сторон ее содержания: если в теории исторического процесса изучались законы общественного развития, то в теории исторического знания стали изучаться законы исторического знания (347); если в теории исторического процесса рассматривалось соотношение различных сторон общественной жизни (экономической,

199

социальной, политической, духовной), то в теории исторического знания стало рассматриваться соотношение различных сторон исторического знания (объективной и субъективной, абсолютной и относительной истины); если в теории исторического процесса обсуждалась роль субъективного фактора в истории (массы - классы - партии - вожди), то в теории исторического познания рассматривалась роль историка в процессе познания и т. д.

Эти изменения привели к появлению новых дефиниций: история стала определяться как знание, исторический факт - как факт знания, теория истории - как теория исторического знания, философия истории - как философия знания, исторический метод - как метод получения или критики знания, методология истории - как методология исторического познания. Изменилась постановка вопроса о статусе исторического познания: стали вестись споры о том, является оно научным или ненаучным, объективным или субъективным, позитивным или критическим. Существенно изменилась постановка вопросов о специфике исторического знания, способах доказательств и аргументации: если раньше в качестве важнейшего аргумента указывалось на сложность исторического бытия, то теперь стали говорить о сложности познания прошлого; если раньше ссылались на специфику предмета социальных наук (социальной реальности), то теперь

стали говорить о специфике исторической реальности. Вскоре изменился и этот подход: перестали искать специфический предмет, изучаемый исторической наукой, и стали искать специфические «эпистемические» формы познавательной деятельности историка, специфические свойства исторического знания. Появилось качественно новое осмысление исторического метода и методологии истории, касающиеся, прежде всего, их гносеологических предпосылок. Все теоретические и методологические построения стали нуждаться в гносеологическом обосновании. Все попытки философского обоснования методов и методологии исторического познания, лишенные анализа их гносеологических корней, стали отвергаться, как не имеющие научного смысла.

Такой подход привел, в конце концов, к существенным изменениям в понимании методов и методологии истории. Появились новые определения исторического метода как способа нахождения данных о прошлом, как способа добывания исторических истин. Например, В.М. Хвостов под историческим методом ра-

200

зумел «способ, при помощи которого по научным принципам из исторического материала получается историческое знание» (1020. С. 378); В.И.Столяров видел в историческом методе «метод решения задач, встающих в ходе познания какого-либо предмета, путем воспроизведения, т. е. путем получения знаний об его истории» (922. С. 6). Внимание историков стало концентрироваться на методах познавательной деятельности историков, на методах «производства» исторических знаний, на способах проверки их истинности и правильности построения. Изменилась постановка вопросов о специфике методов исторического познания, типичными стали вопросы: является он научным или ненаучным, методом отражения прошлого или отражением настоящего, методом реконструкции или конструкции, ретроскопии или проскопии, ретроспективы или перспективы?

В рамках нового подхода изменилось определение методологии

истории: она стала определяться как раздел гносеологии (161), как учение о методах познания прошлого, о методах анализа исторического знания, Например, М.М. Хвостов определял методологию истории как «учение о тех познавательных путях, при помощи которых мы в состоянии познавать прошлое человеческих обществ» (1020. С. 85); по утверждению А.С. Лаппо-Данилевского, «методология истории стремится дать теорию исторического знания и выяснить методы исторического изучения» (542. С. 5). Такие представления о методе и методологии истории, безусловно, раскрывали их в новом аспекте, дополняя ранее существовавшие дефиниции, но в то же время абсолютизировали его эпистемические черты. Поэтому конфронтация среди методологов не прекратилась, а продолжалась в новой, еще более острой форме.

3.2. Две линии в понимании исторического знания и его методов

Все философы и историки, занимавшиеся указанными вопросами в России, объединялись вокруг двух направлений: неопозитивистского «теоретико-познавательного критицизма» и «критической философии» истории. Представители первого направления, подчеркивая единство научного знания и необходимость превращения истории в такую же строгую науку как ес-

201

тествознание, специализировались на разработке позитивных методов «производства» исторического знания: способах построения исторических фактов и теорий и способах проверки правильности этих построений.

Сторонники второго направления, продолжавшие традиции неокантианской методологии истории в начале XX в., подчеркивали специфику исторического познания, его отличие от естественнонаучного познания, акцентировали внимание на методах исторической критики (критики исторических источников, исторических фактов и исторических теорий), проверке их истинности и на анализе критериев истинности исторического знания.

3.2.1. «Теоретика-познавательный критицизм» Р.Ю. Винпера

Сделав *предметом* методологического анализа историческое знание и методы его получения, неопозитивисты поменяли терминологию: гносеологический подход стал именоваться эпистемологическим; теория исторического познания — теорией исторического знания; исторический метод стал определяться как способ построения исторических фактов и теорий; методология истории стала отождествляться с эпистемологией. Впрочем, позитивистские представления о методах и методологии истории не оставались неизменными. Они менялись вместе с меняющимися представлениями о характере и структуре исторического знания. Прослеживая эволюцию позитивистских представлений об историческом методе и методологии исторического познания, важно показать их изменения в трех проблемных ситуациях, соответствующих трем элементам структуры исторического знания: исторический источник, исторический факт, историческая теория.

Для первой характерно отождествление исторического метода с методами работы с историческими источниками. Считая основой исторического познания исторический источник, а главным источником - документ, позитивисты первого поколения определяли и историю, и метод ее познания через документ: «История пишется по документам. Документы - это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей...Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории» - утверждали французские историки Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобос (536. С. 13.48). Исторический метод квалифицировался ими как «кос-202

венный путь изучения оставшихся следов» и сводился к выявлению свидетельств, к обработке документов. Например, Ш. Сень-обос утверждал: «Исторический метод состоит в том, чтобы исследовать документы с целью выяснить факты древности, следами которых эти документы являются» (865. С. б). Главную задачу методологии истории они видели в том, чтобы дать «детальный анализ умозаключений, ведущих от констатирования и

отыскания документов к знанию фактов» (536. С. 50). Конечной целью научного построения считалось «сведение полученного материала к некоторым формулам, венчающим «процесс научного построения с научной точки зрения» (536. С. 169, 248). Заметим, что пристрастие к формулам характерно для позитивистов всех поколений!

На таком понимании исторического метода с самого начала лежала печать исторической ограниченности. Эти представления ставили предел исторической науке, считая ее «не настоящей», отводя ей роль помощницы, служанки других наук. «Критические розыскания в области *Quellforschung* (исследование источников) и обстоятельное повествование, т. е. пересказ критически проверенных фактов - вот область исторической науки. Дальше этого ее компетенция не простирается, деятельность ее может быть уподоблена так называемой добывающей промышленности, она только добывает и очищает материал для общественной науки. Обработка материала, построение, реконструкция общественного процесса - это дело уже настоящих общественных наук, среди которых истории нет места», - писал историк Д.М. Петрушевский в начале своего творческого пути (742. С. 6).

Проявлением ограниченности можно считать и сведение методологии истории к источниковедению. Разумеется, методология истории связана с источниковедением, но никоим образом не сводится к нему. Источниковедение даже в лучших своих образцах занимается анализом методов получения источникового знания, а методологию истории интересуют методы получения и источникового, и неисточникового знания и еще многое другое. Источниковедение, так же, как историография, разрабатывает научный подход к изучению исторического материала, а методология истории не только научные, но и философские подходы.

Серьезная критика первого этапа позитивистской методологии содержалась в трудах Р.Ю. Виппера. Предшествующие пози-

тивистские установки он называл «попытками избавить историю от требований общенаучного метода» (125. С. 48). Главным недостатком позитивистов он считал слабую разработку гносеологических проблем истории, невнимание к познающему субъекту: «Если говорить очень обще, позитивное направление мало интересовалось самим научно-мыслящим субъектом; молчаливо позитивизм принимал человеческий ум за аппарат, за группу средств, служащих для простого и чистого отражения внешних фактов» (126. С. 26). Принципиальное отличие своей позиции, которую он сам обозначил как «теоретико-познавательный критицизм» (126. С. 60), состояло в акцентировании внимания на изучении процесса исторического познания, на анализе его зависимости от познающего субъекта. Главную задачу теории исторического познания он видел в осмыслении и описании самого процесса познания. «Общепhilософское настроение, - по его мнению, - характеризуется стремлением дать себе отчет, определить, что мы сами вносим в восприятие, в наблюдение фактов, с какими категориями мы подступаем к ним; какие элементы нашей психики мы вводим наперед при всяком приступе нашем к предмету изучения» (126. С. 27). Соединяя гносеологический подход с психологическим, он хотел выделить те элементы психики, которые определяют толкование исторических явлений, и с этой точки зрения проверить всю терминологию, все принципы построения фактов. Центральной методологической задачей он считал осмысление познавательного опыта с помощью рефлексии и саморефлексии (108. С. 33). Поставив опыт в центр методологической проблематики, он, по существу, встал на позиции эмпириокритицизма.

Исходя из опыта познающего субъекта, Р.Ю. Виппер пришел к субъективно-идеалистическим выводам, которые изложил в статье «Несколько замечаний о теории исторического познания». Ссылаясь на верный тезис, что историческое познание есть сложный творческий процесс, он превратил познающего субъекта в творца, который «творит для себя идеальное прошлое, набрасывает для себя собственную историческую

картину» (126. С. 61). В итоге все основные категории исторической науки он определял как субъективные: даже «то, что мы называем объективной действительностью, должно быть признано одной из субъективных категорий, и притом категорий изменчивых по своему со-

204

держанию» (126. С. 61). Критикуя тех позитивистов первого поколения, которые, не учитывая всей сложности отношений исторического факта с исторической действительностью, с одной стороны, и его интерпретацией, с другой, - определяли исторический факт либо как реальное историческое событие, либо как абсолютно объективное истинное знание («первооснова», «пер-вокирпичик» исторической науки), Р.Ю. Виппер утверждал, что факт является субъективной категорией: «факты переставляются, меняют цвет и форму, исчезают и вырастают в зависимости от перспективы нашей, от угла зрения... Факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого» (126. С. 29,32). Исходя из правильного тезиса, что историк производит по плану определенный отбор фактов, он делал субъективистский вывод: «Под влиянием такого плана происходит даже и не подбор, а *создание фактов* в уме нашем, их формировка по чертежу, по архитектурным линиям известной схемы» (126. С. 33). Таким образом, начав с критики исторического позитивизма, Виппер создал на эмпириокритической основе его новый — неопозитивистский вариант.

Не менее сложным оказалось разрешение проблемной ситуации, связанной с исторической теорией. Пытаясь внедрить единый научный стиль, создать единые формулы построения научных фактов и теорий, неопозитивисты вместе с тем игнорировали специфику методов исторической науки. Даже признавая объективный характер исторического метода, они отождествляли объективное знание с данными чувственного опыта, а объективный метод - с процедурой сведения любых содержаний сознания (представляемых, мыслимых, воображаемых) к исходным

элементам.

Кроме того, для неопозитивистов характерно было сведение функций философии и методологии истории к анализу логических форм исторического знания, к выработке правил построения исторических конструкций и проверке формальной правильности высказываний историков. Инициатива методологического анализа принадлежала философам, функции которых существенным образом отличались от функций историков: историк формулирует высказывания, философ проверяет логическую правильность их построения, сводя их к элементарным высказываниям: если сводятся - правильны, если не сводятся - не пра-

205

вильны. Дело философа, а следовательно, и методолога, - проверка научности, но не в смысле истинности знания (это якобы дело науки!), а в смысле правильности построения. Метод историка при этом определялся как способ построения эмпирических структур, а метод философа - как способ проверки правильности этих структур. Выясняя предпосылки, которыми пользуются историки, философы должны проверить, нет ли в этих предпосылках внутренних противоречий, наличие которых обесценивало бы результаты проделанной работы. Бесспорно, такая постановка дела, требующая серьезного выяснения реальных логических предпосылок, необходима и заслуживает положительной оценки. Стремление философов разработать единые правила построения исторического знания, поиски средств достижения «унифицированного знания», стремление обосновать научный статус исторической теории и исторического метода, стремление признать историю наукой в той степени, в какой она может обладать научными методами - являются несомненными достоинствами неопозитивистов

В то же время, сосредоточив внимание на логико-гносеологической проблематике, они взяли курс на построение исторического знания как формально правильной системы, не заботясь об ее отношении к объективной

реальности. В основе их методологических суждений лежат идеи, согласно которым реальность ничего не диктует историку, который сам строит знание, как бэ-коновский паук ткёт паутину из собственной слюны. отождествляя труд историка с трудом математика, они сводят его к ощущениям и мыслям познающего субъекта, строящего знание по правилам формальной логики, не задумываясь об объективных основаниях своих построений.

Занявшись разработкой правил построения исторического знания и стремясь найти критерии правильности исторического знания, неопозитивисты искали их только в сфере формальной логики. В качестве критерия правильности объявлялось, например, соответствие построенных конструкций правилам синтаксического языка. Это противоречило действительной структуре науки. Наука, как известно, складывается не только из атомарных предложений. Наука есть система, в которой есть и эмпирия (факты), и теория. Теоретическое не может быть сведено к эмпирическому, к элементарным высказываниям о чувственных дан-

206

ных. Эмпирический уровень, в который входит констатация фактов, описание различных сторон исторического объекта, достаточен для определенного уровня развития науки и недостаточен на современном уровне. Рассматривая вопрос об единстве знания и единстве метода, неопозитивисты решали его с сциентистских позиций, пытаясь внедрить единый научный стиль, создать единые формулы построения научных фактов и теорий, они вместе с тем игнорировали специфику метода познания прошлого. Таким образом, решение поставленных гносеолого-методологических проблем оказалось невозможным с метафизических позиций. Сопоставляя историческое познание с другими видами познания: научного и вненаучного, приравненного к другим уровням и формам общественного сознания, метафизики в итоге отождествляли или противопоставляли метод исторического познания и методы обыденного, философского, этического, эстетического, политического осмысления исторической действительности.

Вариантов метафизического понимания методов исторического познания много: методология субъективизма, эстетизма и пр., но суть одна: отрицание применимости к истории теории отражения и, объективного анализа, апология субъективизма. Основания для таких крайних выводов, на первый взгляд, имеются: историческое познание в самом деле имеет свою специфику: ретроспективный подход, особенная связь разорванных во времени субъекта и объекта, значительная доля субъективных моментов в знании, особая роль эмпирии (исторических фактов) и т. п. Специфика есть, но если ее оторвать и абсолютизировать, то можно сделать выводы, аналогичные тем, которые делал И. Кант, пришедший от априоризма к субъективизму

3.2.2. «Критическая философия» истории В.М.Хвостова

Российские неокантианцы начала XX в. (В.М. Хвостов, М.М. Хвостов и др.) выступили с критикой онтологических и неопозитивистских теоретико-познавательных установок и предложили свою методологическую концепцию. Основными чертами ее являлось критическое отношение к знанию, поиск критериев его истинности, стремление определить специфику исторического познания и его методов. Наиболее ярко сущность этого направления была выражена в монографии В.М. Хвостова «Теория исторического процесса», в которой давалась критика

207

спекулятивной, догматической философии истории, с одной стороны, и критика исторического позитивизма, с другой, а также обоснование качественно новой «критической философии» истории, несущей в себе не только онтологическое, но, главным образом, гносеологическое содержание. Традиционная философия, по его мнению, содержала лишь преимущественно общие спекуляции на тему о смысле всемирной истории. Подлинная же задача теории исторического процесса, по его мнению, состоит в том, чтобы «дать историку философски обоснованное, т. е. критически проверенное мировоззрение» (1020. С. 4). Это мировоззрение может

быть создано путем критического исследования и размышления, поэтому задача философии истории в том и состоит, чтобы «внести элемент строгой, критической проверки в мировоззрение историка» (1020. С. 5). Критическая работа, конечно, нужна для переоценки философских онтологических концепций, для критики метафизических конструкций. Без критической работы и философия истории, и теория исторического процесса в самом деле могут превратиться в догматические дисциплины. По его убеждению, задача «критической философии» истории состоит не в том, чтобы путем отвлеченных умозрений создавать спекулятивные построения о смысле мироздания, а наоборот, в том, чтобы помогать науке разобраться в самой себе, в своих задачах: «Критическая философия должна отправляться от факта научного познания и базироваться на данных, добытых научным исследованием. При этом она ставит своей задачей выяснить самые первоосновы научного знания. Специальной проблемой философии является, прежде всего, проблема гносеологическая, т. е. вопрос о самом историческом познании, его предмете и его образовании, и о границах эмпирического познания; затем философия ставит себе целью исследовать те *общие принципы*, которые лежат в основе уже добытого знания, попытаться свести их в систему и, в случае нужды, предложить свои гипотезы для восполнения пробелов, оставляемых наукой, но с сознанием предположительности такого рода дополнений. Философия, понимаемая таким образом, не только не содержит в себе элементов, вредных для науки, но, напротив, является необходимой предпосылкой научного исследования, *помогает науке уяснить самое себя*» (1020. С. 6-7). Исходя из такого понимания задач и целей критической философии истории, В.М. Хвостов

208

наметил также основные задачи теории исторического процесса: установление места истории в системе научного знания, выяснение основных принципов исторической науки и связанных с ними ее специфических задач, анализ особенностей предмета и метода исторической науки.

Вклад В.М. Хвостова в развитие философско-методологической проблематики можно определить следующим образом: критика спекулятивной догматической философии истории («исторической метафизики»), противопоставление ей качественно новой «критической философии», несущей в себе новое гносеологическое и методологическое содержание; критика монистических теорий исторического процесса и обоснование плюралистической теории факторов, направленной как против исторического позитивизма, так и против исторического материализма; доказательство необходимости гносеологического анализа истории, постановка вопроса о границах исторического знания, защита его научности и ценности; анализ особенностей предмета исторической науки, как «науки о мире духовном», «науки о мире психическом», и соответствующих специфических черт метода исторической науки как индивидуализирующего, психического, «метода отнесения к культурным ценностям»; анализ ошибок субъективистского толка и советы, как их избежать.

Главной же его заслугой следует считать разработку методологической программы «критической философии» истории. «Те задачи, которые критическая философия выполняет вообще по отношению к науке, философия истории выполняет специально в отношении к исторической науке» (1020. С. 7). В рамках этой методологической программы методология истории определялась как часть философии знания, как часть гносеологии, утверждалось, что она так же, как и философия не может иметь позитивного содержания, а должна выполнять лишь критические функции. В отличие от спекулятивных философов онтологического типа, которые пытались подменить историков, стараясь лучше их описать или объяснить исторический процесс, представители «критической философии» истории ставили цель - дать критику готового исторического знания. Они противопоставляли функции историка и философа, считая делом историка - писать историю, а делом философа и методолога - критиковать написанное. Соответственно, различались и методы: метод

историка - способ критики исторических источников, метод философа - способ критики исторических трудов, проверки истинности заложенных в них исторических фактов. В задачи методологии истории включалось также обоснование методов критики знаний, способов проверки их истинности, поиск эффективных критериев истины. По существу, такая методология истории отождествлялась с историографией.

Сторонники «критической философии» истории также основное внимание сосредоточивали на специфике метода исторического познания. Так, М.М. Хвостов разъяснял суть двух специфических методов исторического познания - аналогии и ретроспективы. «Первый состоит в заключении от явлений позднейших, более известных эпох к явлениям ранее, менее известного времени. Метод аналогии, или сравнительный, основан на том соображении, что явления в жизни известного общества, о котором имеются скудные сведения, можно осветить путем наблюдений над явлениями в жизни другого общества, которое находилось или находится в подобных же условиях существования и на том же уровне развития, как и первое общество, но о котором имеется больше сведений, чем о первом» (1022. С. 98-99). Разумеется, такой взгляд на метод исторического познания отличался от предшествующих, ибо речь здесь шла не о специфике предмета истории, а о специфике его познания.

Итак, осознав важность исторического знания, представители «критической философии» истории, сделав предметом анализа «чистое знание», т. е. знание само по себе, вне связи с исторической реальностью, с историческим исследованием, объявили знание единственным источником, основой и средством приобретения нового знания. В основе такого представления лежала идущая от Канта установка на рассмотрение знания вне связи с чем бы то ни было, кроме него самого (405. Т. 3. С. 160). При этом метод исторического познания квалифицировался как метод критики

знания, как способ сопоставления знания со знанием же. Негативным следствием такого подхода явилась изоляция и знания, и метода от предмета.

Существенным недостатком неокантианских методологов была абсолютизация критического подхода. Справедливо считая критику необходимой частью исторического исследования (есть критика - есть исследование, нет критики - нет исследования),

210

они сконцентрировали внимание на методах критики исторического знания, на способах проверки его истинности, непомерно сузив тем самым функции методологии. Методологу отводилась только роль контролера, проверяющего результаты работы историка. Не ставя цели создать что-либо позитивное, они ограничивались критикой знания, разрабатывая для этой цели особые способы проверки его. Занявшись критикой знания (критикой исторических источников, исторических фактов и исторических теорий), сторонники «критической философии» истории стремились выработать для этой цели особые критерии истинности. Следуя за Кантом, выдвинувшим в свое время «логический критерий истины» (405. Т. 3. С. 160), В.М. Хвостов, например, полагал, что «в пределах науки критерием истины остается исключительно логическое единство опыта» (1020. С. 77). Обращение к «логическому опыту» сближало их с логическим позитивизмом. Критике их позиций уделялось большое внимание в статьях В.И. Мишина, А.С. Морозова, Г.Ч. Синченко, С.В. Синякова, Н.И. Смоленского, посвященных проблемам истины в исторической науке и критериям истинности.

Подытоживая анализ «критической философии истории», можно сделать вывод об ее достоинствах и недостатках. Предлагаемый ею гносеологический подход способствовал совершенствованию старых и появлению новых исторических дисциплин: теории исторического знания, методологии исторического познания. Появилось новое понимание предмета методологии истории, новая проблематика, новое понимание исторического метода и методологии исторического познания. Расширилось представление

о методах исторического познания; в круг методологических исследований вошли методы критики исторических источников, методы критики исторических фактов и теорий, способы проверки истинности этих построений, поиск критериев научности и истинности теорий. В положительном плане можно отметить интерес к гносеологическим основаниям методологии истории, прослеживание связи между методом и знанием, попытки решить проблему статуса и специфики исторического метода познания.

В то же время деятельность в этом направлении имела и негативные следствия: сведение истории к историческому знанию, теории истории - к теории исторического знания, философии истории - к гносеологии, методологии истории - к методологии

И*

211

историографии и источниковедения; ограниченное понимание методов исторического познания, сведение их к процедурам критики исторического знания, проверки истинности его построения; изолированное рассмотрение исторического знания, отрыв его от реальной действительности, одностороннее сведение его к одному из элементов (источнику, факту или теории), к одной из сторон (объективной или субъективной, абсолютной или относительной истины). Все это на деле означало обеднение и упрощение теории исторического познания.

Абсолютизация гносеологического подхода привела к появлению новых форм исторического идеализма. Выступив с критикой онтологических установок на предмет исторической науки, сторонники гносеологического подхода вообще устранили предмет из исторического познания. Начав говорить о специфике предмета исторического познания, договорились до того, что самого предмета исторической науки не существует. В итоге, занявшись чисто гносеологической проблематикой, они окончательно порвали связь между предметом и методом истории. Справедливо критикуя

метафизические формулы вульгарного материализма («история - копия реальности»), все острие критики направили против материалистической теории отражения, отказывая исторической науке в возможности отражать прошлое.

Чрезмерное увлечение гносеологической проблематикой привело также к появлению новых форм исторической метафизики. Вариантов метафизического понимания метода и методологии исторического познания много: методология критицизма, субъективизма, аитисциентизма, с одной стороны, и методология позитивизма, объективизма, сциентизма — с другой. Результат один: сопоставляя метод исторического познания с другими методами, они не могли решить главную проблему методологии исторического познания - проблему статуса и специфики исторического метода познания.

3.3. Общее и особенное в методах исторического познания

Проблема общего и особенного в методах исторического познания представляет собой, по существу, целый комплекс проблем, включающий проблему специфики предмета исторической

212

науки (исторической реальности), проблему специфики отражения прошлого, проблему специфики исторического мышления, проблему специфики метода и методологии исторической науки в целом. Безусловно, все эти проблемы взаимосвязаны. И все вместе, и каждая в отдельности требуют специального разбора, тем более, что большинство из них носит дискуссионный характер.

В определенной мере поставленные проблемы уже рассматривались в советской методологической литературе (А.В. Гулы-га, А.Я. Гуревич, Г.М. Иванов, И.С. Кон, Н.Е. Колосов и др.). Выяснение статуса и специфики исторической науки и ее методов устанавливалось тремя путями:

- путем сравнения исторической науки с другими формами общественного сознания и установления ее места в системе духовных

ценностей;

- путем сравнения исторической науки с естественными науками и установления ее места в системе современного научного знания;

- путем сравнения исторической науки с другими общественными науками и установления ее места в системе современного обществознания.

Такой сравнительный анализ проводился многими авторами. Например, Б.Г. Могильницкий сравнивал историческое и художественное познание; А.Ф. Шишкин сравнивал историю и нравственность, А.Я. Гуревич, И.С. Кон, Д.К. Шелестов выясняли место истории в системе общественных наук. А.В. Гулыга, Н.И. Смоленский, А.И. Уваров обосновывали научный статус исторического познания. Эпистемические особенности исторической науки рассматривались в статьях А.В. Гулыги, В.А. Ельча-пинова. С.В. Илларионова. А.И. Ракитова и др. Однако в решении этих проблем еще много сложностей и трудностей.

Для более полного решения этих проблем полезно учитывать методологический опыт предшественников. Известно, что более или менее объективные представления об общем и особенном в методах исторического познания начали складываться во второй половине XIX в. Они определялись философской концепцией исторического процесса и вытекающим из них пониманием предмета истории и задач историка. При решении этих проблем в онтологическом аспекте четко обозначились две линии, Одна была представлена позитивистами (О.Конт - во Франции,

213

Дж. Ст. Милль, Г. Спенсер - в Англии, В.О. Ключевский, М. М. Ковалевский, Н.А. Рожков и др. — в России); другая - неоиdealистическими течениями (Л. Ранке, Г. Зибель, Г. Зиммель и др. — в Германии; П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, Л.П. Карсавин и др. - в дореволюционной России). Позитивистская линия характеризовалась натурализмом и стремлением построить методологию истории по образцу естественных наук. Выступив с критикой различных форм «классического историзма»,

позитивисты пришли к отрицанию всякого историзма. Понимая историю как однонаправленную социальную эволюцию или как «историю структур», историю ролей, они стали на позиции эволюционизма, структурализма и функционализма, игнорируя сложность и специфику познания истории. Сторонники неоидеалистической линии, отрицая саму возможность общих закономерностей в истории, абсолютизировали уникальность ее событий. Такой подход к истории неизбежно вел к субъективизму и психологизму в понимании методов истории. Типичными являлись рассмотренные выше определения исторического метода как «субъективного», «идиографического», «индивидуализирующего».

Почувствовав разочарование в онтологическом решении вопроса, методологи искать новые теоретические и философские основания и пошли по линии разработки указанной проблематики в гносеологическом направлении. Актуальными стали вопросы о соотношении общего и особенного в историческом знании, в методах критики исторического знания, в методах построения исторических фактов и теорий. Такой поворот исследовательского интереса в начале XX века привел к «пессимизации» всех сфер исторического знания, в том числе и в вопросах специфики методов: если раньше ссылались на специфику предметных методов изучения истории, то теперь стали говорить о специфических формах познавательной деятельности историка. В итоге в рамках данного направления был поставлен вопрос об «эпистемической» специфике исторического метода. Сама постановка вопроса в данной плоскости была вполне правомерна, поскольку историческая наука эпистемична, как никакая другая: историк в отличие от натуралиста и социолога имеет дело не с непосредственной реальностью, а с реальностью, канувшей в прошлое. Исследователь имеет дело либо с ее материализован-

ными остатками, либо с отражением ее в исторических источниках и в исторических трудах, в силу чего методы получения исторического знания

специфичны.

В середине и конце XXв. понимание общего и особенного в методах исторического познания также вытекало из философского понимания исторического знания. Обострился спор между представителями марксистской и немарксистской философии, между основными течениями внутри последней, продолжавшими методологическую конфронтацию в форме неопозитивизма и неидеализма. Первое направление, доминировавшее во французской и в англоамериканской литературе (И. Берлин, Л. Гольдштейн, Р. Коллингвуд, М. Мандельбаум, В. Уолш и др.), продолжало подчеркивать единство научного знания и необходимость пользоваться такими же методами, как в естественных науках. Его сторонники специализировались на разработке общих (позитивных или конструктивных) методов получения исторического знания, способов «построения» исторических фактов и теорий и способов проверки правильности этих построений, поисках критериев этой правильности. Конечной целью исторического познания позитивистами считалось «сведение полученного материала к некоторым *формулам*, венчающим процесс научного построения с научной точки зрения» (536, С. 169, 248).

Второе направление, развивавшее идеалистические позиции ранкеанской и неокантианской философии, доминировало в Германии (М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Мейер — в начале XX в, В. Хоффер, Г. Риттер и др. - в середине XX века), и в дореволюционной России (А.С. Лаппо-Данилевский, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов и др. Его сторонники акцентировали внимание на методах исторической критики, подчеркивали специфичность исторического знания, несводимость его к другим видам знания.

Однако при всей ценности постановки вопросов ни одному из конструирующих направлений не удалось правильно решить ни гносеологические, ни связанные с ними методологические вопросы, касающиеся особенностей исторического метода. Позитивисты, поставив проблему общего, единого, «унифицированного» знания, не могли решить ее

с сциентистских и объективистских позиций. Представители «критических» направлений («теоретико-познавательный критицизм» «критическая философия» истории) искали особенное или п критике источников, или

215

в критике «готовых» исторических знаний и, как правило, либо оставались на поверхности, не проникая в глубины исследовательского труда историков, либо преувеличивали особенности исторического метода. Примерами являются «историческая реконструкция» М.М. Хвостова, «конструкция воображения» Р. Дж. Коллингвуда, «гипотетическая реконструкция» Л. Гольдштейна. В итоге никому из них не удалось решить проблему общего и особенного в методах и методологии исторического познания. Причинами являются, во-первых, общий метафизический характер философских методологических посылок и рассуждений их представителей, во-вторых, ограниченность подходов к историческому материалу абсолютизация ими отдельных аспектов исторического знания, отрыв их от объективных связей действительности, от законов исторического развития; в-третьих, игнорирование теоретиками единства диалектики, логики, теории познания и методологии применительно к исторической науке.

С помощью диалектики удастся дать научную критику различных вариантов гносеологического и связанного с ним методологического монизма и дуализма и доказать применимость общей теории познания к историческому познанию. Указывая на сложность и специфику исторического познания, диалектика помогает найти его общие с другими видами познания черты (в этом суть обоснования научного, объективного статуса метода исторического познания) и в то же время разработать специальную методику «производства» исторических знаний, изучения специальных способов «добычи» исторической информации, методов критики исторических источников, конкретных приемов отделения объективной истины от всякого рода фальсификаций истории. Совокупный анализ всех этих методов «производства» исторической истины и составляет

предмет и содержание методологии истории.

Для правильного рассмотрения всеобщего, общего и особенного в методах исторического познания необходимо исходить именно из тождества диалектики, теории познания и логики. Специфика методов исторического познания на уровне всеобщего рассматривается одновременно: 1) в рамках *диалектики* разрабатываются общие принципы понимания истории: принципы развития, общей связи, конкретно-исторического подхода; здесь же дается монистическое обоснование исторического метода,

216

доказывается его объективный характер, выясняется его специфика по сравнению с методами анализа природных явлений; 2) в рамках общей теории познания разрабатываются общие принципы исторического познания (познаваемости, историзма, объективности); доказывается применимость теории отражения к исторической науке; здесь же дается обоснование научного статуса исторического метода, показывается его отличие от методов отражения прошлого в других формах общественного сознания и в других науках, изучающих прошлое, настоящее и будущее; 3) в рамках логики разрабатываются общие правила всякого научного, в том числе и исторического, исследования: правила, касающиеся формы исследования (формальная логика) и содержания (диалектическая логика); здесь же дается логическое обоснование рационального характера исторического исследования; обоснование логического статуса исторического метода; выясняется аксиологическая специфика методов отбора и оценки исторических фактов. На основе применения всех этих правил вырабатываются конкретные методики исторического исследования.

Современный уровень анализа методологических проблем требует выяснения специфики их не только на уровне всеобщего, но и на уровне общего и особенного. Укажем на основные пути общего и особенного на разных уровнях, каждый из которых может иметь свою внутреннюю градацию:

— показ того общего, что есть в методах и методологии естественных и общественных наук и выявление различий *внутри научных методов*, выяснение специфики метода и методологии общественных наук;

— изучение того общего, что есть в методах и методологии всех общественных наук, выявление различий *внутри социальных методов*, выяснение специфики методов и методологии социально-исторических наук;

— выяснение того общего, что есть в методах и методологии всех исторических наук, имеющих своим предметом прошлое (геология, биология, зоология, палеонтология и др.), выявление различий *внутри исторических методов*;

- рассмотрение того общего, что есть внутри специальных исторических дисциплин (археология, этнография, военная история, нумизматика и др.), выявление особенностей специальных исторических методов;

217

- нахождение общих черт и различий *внутри методов конкретно-исторических исследований* на разных его уровнях (методы критики исторических источников, исторических фактов, исторических теорий).

Анализ общего и особенного в методах исторического познания в указанных аспектах позволяет дать наиболее полное определение методологии исторического познания как системы знаний о применяемых в исторической науке методах, которое включает положения общефилософские, используемые во всех областях человеческой деятельности, общенаучные, применяемые во всех науках, и особенные, опирающиеся на теоретические положения исторического знания (теорию исторического развития, теорию исторического знания, теорию исторического исследования), и практику исторических, источниковедческих, историографических исследований.

Метод исторического познания характеризуется, прежде всего, как научный способ изучения исторической реальности, способ восстановления

прошлого по сохранившимся остаткам (реконструкция), способ получения опосредованного знания о прошлом на основе знания о других прошлых или настоящих явлениях (ретроспектива), способ умозаключения о неизвестных исторических явлениях на основе предыдущих или последующих явлений того же порядка (ретроскопия), способ изучения прошлого по источникам и способ получения «внеисточникового» знания.

Из такого понимания исторического метода вытекает представление об его специфике. В отличие от методов изучения настоящего и предвидения будущего, в которых мысль исследователя движется по объекту вперед или ввысь, исторический метод избирает путь, противоположный действительному развитию. Известно, что историческое мышление начинается *post festum* -задним числом, т. е. исходит из готовых результатов, совершая как бы обратное движение мысли по объекту: от высших ступеней к низшим, двигаясь как бы назад, вглубь. Для обозначения этой «эпистемической» специфики употребляются близкие по значению термины: ретроспектива, ретросказание, ретроскопия, ретроспекция. Вес они объединяются словом *retro* — обратно, назад, хотя каждое из них имеет свой смысловой оттенок.

Образцом реализации этого метода является метод исторической реконструкции, созданный в лаборатории Пластической

218

антропологической реконструкции Института этнографии АН СССР антропологом и скульптором М.М. Герасимовым и усовершенствованный его ученицей Г. В. Лебединской. Им удалось разработать метод реконструкции мягких частей лица по черепу, позволяющий в наши дни восстанавливать внешний облик людей, живших десятки и сотни тысяч лет назад. В основе этого метода лежит знание законов соотношения между черепом человека и покрывающими его мягкими тканями. Реконструкция в данном случае представляет собой долгий и кропотливый процесс, требующий владения не только специальными приемами, но и глубокого

знания анатомии и антропологии, большой наблюдательности и опыта. Сначала по следам на черепе восстанавливаются мышцы, которые формируют овал лица; затем в соответствии с «грушевидным» отверстием на черепе реконструируют спинку носа; по глубине и форме глазниц определяют глазное яблоко и веки; по расстоянию между малыми коренными зубами, а также по форме верхней и нижней челюсти воссоздают рот и т. д. Самое сложное — по едва сохранившимся среди костных останков деталям черепа, по соотношению размеров отдельных участков, соответствию в их форме симметрии и асимметрии - выявить особенности индивида и создать единственный и неповторимый лик, адекватно воспроизводящий оригинал. Этот метод позволил создать целую серию скульптурных портретов, начиная с питекантропа, синантропа, неондертальца и кончая портретами многих известных исторических деятелей (Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тимура, Улугбека и др.). Продолжая начатое Герасимовым дело, его ученица Г.В. Лебединская создала «документальные портреты» С.П. Крашенинникова (сподвижника М.В. Ломоносова, одного из первых русских академиков), казачьего атамана И.Д. Сс-рко, народного героя Якутии первой половины XIX века Василия Манчары и др. В последующем усилия сотрудников лаборатории направлены на усовершенствование метода Герасимова и Лебединской. К разработанным ими антропологическим методам и рентгенологическим приемам добавляются новые методы, связанные с применением ультразвука, стереографии и других технических достижений. Сегодня этот метод считается не только историческим, но, если не считать причесок и костюмов скульптурных портретов изображаемых исторических деятелей, но *общенаучным*

219

методом, применяемым во многих других областях, например, в криминалистике.

Отвечая на вопрос, не следует ли придерживаться принципиально различных методов при изучении прошлого, настоящего и будущего, мы

приходим к выводу, что разграничение методов изучения прошлого и настоящего относительно, потому что временные пределы прошлого, настоящего и будущего весьма условны: то, что сегодня в настоящем, завтра будет в прошлом. Каждая ступень развития содержит «остатки прошлого, основы настоящего и начатки будущего» (550. Т. 1, С. 181). Поэтому единственно верным представляется анализ истории как системы, содержащей в себе элементы предшествующих и последующих систем. Такой подход открывает путь для ретрос-копии и проскопии, ретроспективы и перспективы, ретросказа-ния и предсказания.

В науке с давних пор использовались разные подходы: и способы осмысления явлений с точки зрения предшествующих им (проскопия — от причин к следствию), и способы изучения исторических явлений с позиций последующих (ретроскопия как технический прием отсчета от настоящего к прошлому, от следствия к причине). Первый путь воспроизводит действительное движение объекта (*perspective* — идет вперед); второй противоположен их действительному развитию (*retro* — обратно, назад). *Ретроскопия* является коррелятом проскопии. Если проскопия означает способ изучения явлений, ведущий отсчет от причины к следствию, то ретроскопия означает обратное движение: отсчет от следствия к причине. *Ретроспектива* соотносится с понятием «перспектива». При перспективе мысль следует за ходом развития объекта и даже может опережать сто развитие (лат. *perspicere* - глядеть вперед, вдаль, на далеко находящиеся предметы; идти по объекту), воспроизводится действительный ход событий: от низших стадий развития к высшим. Ретроспектива означает путь, противоположный действительному развитию, движение назад: от высших к низшим ступеням. *Ретроспекция* (лат. *retrospicere* - глядеть назад) означает способ изучения явлений с точки зрения последующих состояний, в отличие от способа изучения явлений с точки зрения предшествующих фаз процесса, т. е. вывод о неизвестном на основании известных последующих явлений того же порядка. И, на-

конец, *ретросказание* - коррелят предсказания. Под предсказанием обычно понимается процедура получения выводного знания о будущем на основе знания прошедшего; под ретросказанием - процедура выведения знания о прошлых предметах на основе знания настоящего. Такое определение давал, например Е.П. Никитин: «Ретросказание - это процедура (и соответственно совокупность применяемых в этой процедуре методов) опосредованного получения знаний о прошлых предметах на основе знаний о настоящем или о других прошлых предметах» (690. С. 3). Суммарно все эти способы обозначаются как метод исторической реконструкции, который применяется не только в исторической науке. В естественных науках также имеют место исторические экскурсы, исторические обзоры, помогающие решить современные проблемы, равно как и в исторической науке могут применяться методы других наук. Сочетание методов вполне оправдано, важно лишь понимать специфику каждого из этих способов и правильно устанавливать границы их применения.

Сегодня эти способы различаются также как историзм и актуализм (760; 686. С. 73) Употребление понятий «историзм» и «актуализм» отличается широким диапазоном, однако чаще всего под актуализмом понимается способ осмысления настоящего для получения знаний о прошлом, а под историзмом — способ осмысления прошлого для получения знаний о настоящем. Такое разграничение относительно по ряду причин. Во-первых, временные пределы прошлого и настоящего весьма условны: то, что сегодня в настоящем, завтра будет в прошлом. Во-вторых, с помощью указанных методов могут подвергаться переосмыслению и прошлое, и настоящее. В случае осмысления прошлого анализируются отдельные стороны настоящего, содержащие информацию о прошлом. Актуализация таких сторон помогает попятить прошлое. В случае осмысления настоящего любая наука «консультируется» с прошлым, отыскивая в старых способах решения проблем интересные для нас способы постановки проблем и способы

их решения. В третьих, неверно было бы относить эти способы к одной истории, поскольку и в естественных, и в социальных науках применяется и историзм, и актуализм. Их сочетание вполне оправдано при правильном их применении. Оба эти способы считаются научными, если они направлены на достиже-

221

ние истины. Абсолютизация их приводит либо к архаизации, либо к модернизации.

Признание единства вместе с тем не отменяет, а наоборот, предполагает наличие различий внутри методов исторического познания. Эти различия конкретизируются в системе методов анализа исторического знания, из которых наиболее типичными являются: а) методы анализа исторических источников, их внешней и внутренней критики; б) методы анализа исторических фактов, проверки их истинности и правильности построения; в) методы анализа исторических теорий, критерии их объективности, истинности, правильности и ценности.

Итак, методология исторического знания, содержащая в себе учение об историческом знании, его принципах, законах, методах, тесно связана с общей теорией познания, теорией исторического знания, историографией, источниковедением. В ее задачи входит применение в исторической науке наиболее общих принципов теории познания, конкретизация ее в специальной теории исторического знания; выяснение общих черт и «эпистемической» специфики исторического познания, обобщение и разработка научных методов познания прошлого, отличных от способов отражения современной реальности и от других способов отражения исторической реальности в разных формах общественного сознания (философского, религиозного, художественного, нравственного, правового, политического). В наиболее общем виде метод исторического познания может быть определен как разновидность научного метода, адекватно отражающего историческую реальность, способ правильного (с логической точки зрения)

построения исторического знания. В зависимости от уровня овладения историческим материалом метод исторического знания может мыслиться как совокупность методов анализа исторических источников, исторических фактов, исторических теорий.

3.3.1. Методы анализа исторических источников

Методы анализа исторических источников, как известно, изучаются в рамках специальной, исторической дисциплины -источниковедения, достигшей в наше время необычайного расцвета. Такие источниковеды, как С.Н. Валк, В.П. Данилов, О.М. Медушевская, С.П. Сайко, М.Н. Тихомиров, В.Б. Устьян-222

цев, Л.В. Черепнин, С.И. Якубовская и др. от эмпирического и теоретического анализа исторических источников перешли к их философскому и методологическому анализу. В рамках методологии истории проблема исторического источника рассматривается как одна из основных философских проблем исторической науки. Конкретизацией этой проблемы являются вопросы:

- что такое исторический источник,
- какова его природа, структура, функции в познании,
- как он соотносится с исторической реальностью,
- какова степень его достоверности и ценности,
- каковы методы работы с историческими источниками,
- каковы статус и специфика этих методов.

Все эти вопросы являются актуальными и дискуссионными. В дискуссионной полемике встречается и чисто онтологическое определение исторического источника («кусочек действительности»), и чисто гносеологическое («отражательная структура», «субъективная конструкция»). Например, Г.М. Иванов трактовал исторический источник, как «сложную отражательную систему, состоящую из множества взаимосвязанных отражательных структур различного уровня, каждый элемент которых несет в себе как прямые, так и косвенные сведения о

различных сторонах исторической действительности» (374. С. 223). В методологическом плане метод анализа исторических источников традиционно определяется как специфический, присущий только историческим наукам, способ получения информации из исторических источников, включающий в себя критику источников (внешнюю и внутреннюю), проверку истинности источников, их отбор и классификацию.

Метод работы с историческими источниками подчиняется общим принципам научной деятельности. При анализе исторических источников применяются принципы объективности, историзма, но в отличие от естественных наук, где эмпирические знания проверяются посредством таких методов, как наблюдение и эксперимент, в историческом познании истинность источников проверяется с помощью методов исторической критики, которая традиционно делится на внешнюю и внутреннюю. Объективным основанием для такого деления являются взаимосвязанные стороны самого источника: материальная и идеальная. Первая наиболее четко представлена в памятниках материаль-

223

ной культуры: остатках орудий труда, предметах домашнего обихода, памятниках архитектуры и скульптуры; вторая - в устных и письменных источниках, а также фото-фоно-кино-телематериалах. Материальная сторона источников исследуется в процессе внешней критики методами естественнонаучного типа; идеальная - более сложными, опосредованными методами внутренней критики источников. К методам внешней критики относятся приемы установления происхождения источника, его места и времени возникновения, его подлинности, выяснения первоначального текста и его последующих изменений. К методам внутренней критики относятся приемы критического изучения содержания источника, выявления степени его достоверности и полноты содержащихся в нем сведений. Подобная критика, если речь идет о письменных источниках, проводится на двух уровнях: логическом и социологическом. Первый предполагает: а) выявление

противоречий внутри отдельного источника; б) выявление противоречий при сопоставлении данного источника с другими источниками; в) выявление фактической ценности содержащейся в источнике информации. Второй предполагает: а) учет мотивов и целей, приведших к появлению источника, его соответствие эпохе, в которой он был создан; б) учет личности автора, его социально-политических симпатий и антипатий, мировоззрения, психической индивидуальности и т. п. Ценность информации, заключенной в отдельном источнике или группе источников, может учитываться и с качественной, и с количественной стороны путем подсчета частоты употребляемых терминов, их новизны и пр. Такой учет создает условия для применения количественных методов обработки материала. Оценка отдельно взятых исторических источников в качестве логического продолжения имеет отбор источников и их классификацию. Если отбор исторических источников показывает наше отношение к ценности того или иного источника, то классификация помогает не только сгруппировать имеющиеся источники, но и изучить их связи с другими источниками; выявить полноту и ценность содержащейся в источниках информации. Такова оценка источника с объективной стороны. Она имеет место в любом историческом исследовании. Основным результатом работы с источниками является получение объективной информации, которая должна составить содержание научных исторических фактов.

224

3.3.2. Методы анализа исторических фактов

Методы анализа исторических фактов содержит в себе систему средств построения фактического знания из источникового и внеисточникового знания, способов проверки истинности и правильности построения. Они зависят от решения проблемы факта в историческом познании. Проблема факта является одной из центральных проблем современной методологии истории. Актуальными и дискуссионными являются вопросы:

- что собою представляет исторический факт?

- какова его природа, структура и функции в познании?
- чем отличается исторический факт от фактов в естественных науках и от социологических фактов?
- каков статус и специфика исторических фактов; научны они или ненаучны, объективны или субъективны?
- каковы методы анализа исторических фактов?

Суммируя различное понимание исторического факта в современной методологической литературе (А.Я. Гуревич, А.П. Ли-совина, Ю.В. Петров и др.), мы констатируем нерешенность вопросов, касающихся, во-первых, дефиниций понятий «факт», «социальный факт», «исторический факт»; определения статуса исторического факта (явление случайное или необходимое; единичное или общее; субъективное или объективное); во-вторых, истинности (является ли факт объективной, абсолютной или относительной истиной; каков критерий его истинности); в-третьих, методологических критериев отбора и оценки исторических фактов. Множество трактовок, в основе которых лежат часто разные основания, свидетельствует о недостаточной разработке проблемы исторического факта. В то же время все позитивно сказанное об исторических фактах, можно классифицировать по трем группам. К первой относятся высказывания о необходимости исходить из фактов, требования класть в основу всякого исследования объективный анализ фактов; ко второй — утверждения о возможности познания исторических фактов; к третьей — формулировки методологических принципов анализа исторических фактов на всех уровнях исторического исследования.

Рассмотрение исторического факта в различных философских аспектах позволяет сделать вывод, что исторический факт является результатом и, в определенном смысле, процессом человеческой деятельности. В онтологическом аспекте он может

быть определен как сложное историческое событие, представляющее собой результат действующих сил, зависящий от их соотношений («параллелограмм сил»), по-разному переплетающихся в различных конкретно-исторических условиях. Каждый факт наряду с единичным, уникальным, содержит в себе особенное и общее. Исторический факт представляет собой единство взаимосвязанных противоречивых сторон: явления и сущности, случайности и необходимости, единичного и общего, индивидуального и массового, неповторимого и повторяющегося. В каждом конкретном случае он предстает как факт бытия и факт сознания, факт-развитие и факт-состояние, факт-процесс и факт-результат, факт-элемент структуры и факт функционирования, факт-событие и факт знания о нем. В каждом историческом факте отражается конкретное явление. Объективной основой конкретного в мышлении является конкретное в действительности - мир исторических фактов и явлений. Конкретное действительного факта есть объективная взаимосвязь всех его сторон. Конкретное научного факта есть отражение этой реальной связи в системе понятий, воспроизводящих объективное содержание исторического факта. Конкретность означает высшую степень объективного рассмотрения фактов, она является одним из принципов познания, обеспечивающих совпадение знания с содержанием объекта (охват всех сторон данного факта, учет обстановки, места и времени и пр.). В то же время подлинная конкретность исследуемого факта базируется на научной абстракции, вследствие чего конкретное знание выступает не как хаотическое восприятие целого, а как живое единство сущности и проявления внутреннего содержания объекта и конкретной формы его выражения. Диалектика соотношения объективного и субъективного такова, что в отражаемом факте трудно отделить субъективную форму от объективного содержания без утраты при этом «предметного» характера отражения, причем «предметность» отражения определяется не формой, а содержанием отражаемого, делая его похожим на отражаемый объект.

С гносеологической точки зрения исторический факт является одним из элементов исторического знания, которому присущи объективные и субъективные стороны. Содержание исторических знаний доминировано объектом извне и поэтому оно объективно, т. е. независимо от какого-либо субъекта. Форма

226

же знаний (способ их выражения, осмысления) определяется субъектом и зависит от отдельных историков. Формула (содержание объективно, форма субъективна) выражает общий принцип соотношения объективного и субъективного в исторических знаниях, но и она, на наш взгляд, относительна, поскольку в содержании, имеющем объективную основу, могут присутствовать субъективные моменты в силу того, что знание возникает и существует лишь в сознании субъекта; и в форме содержатся некоторые объективные моменты, делающие наше знание общественным достоянием. Нет такой ступени познания, на которой наше знание было бы абсолютно объективным или абсолютно субъективным. Факт исторической науки объективен в том случае, если он адекватно отражает факт действительности. В таком факте есть объективное содержание, независимое от познающего субъекта, поскольку факт науки стал результатом отражения исторической действительности в сознании людей, которое не имеет самостоятельного содержания и заимствует его через исторические источники из исторической реальности. Факт объективен в источнике и в результатах отражения. Будучи одновременно результатом усвоения информации, взятой из источников, и результатом творчества субъекта, факт науки формируется в процессе познавательной деятельности и приобретает зависимость от субъекта. Вследствие этого исторический факт содержит не только объективные, но и субъективные моменты, которые делают его относительной истиной, содержащей в себе элементы истины абсолютной, выступающей порой как всем известные, банальные истины (600. Т. 20. С. 90). Объективируясь в знании, факт приобретает определенную

независимость не только от объекта, но и от субъекта. Не совпадая по времени с познанием, он независим от познающего субъекта и объективен по отношению к нему. Такой факт имеет относительную самостоятельность и для других историков служит объектом дальнейшей работы.

Подытоживая рассмотрение исторического факта в различных философских аспектах, мы можем характеризовать его в онтологическом аспекте как реальное историческое событие, складывающееся из «общественных действий личности» (550. Т. 1. С. 424); в гносеологическом — как важнейший элемент исторического знания, связанный с историческими источниками и исторической теорией, занимающий промежуточное положение

15'

227

между ними; как элемент исторической истины, обладающий всеми ее свойствами; в логическом — как результат исторического исследования, система знаний, правильно (с логической точки зрения) построенная, включенная в систему других знаний и изложенная в конкретной эмпирической форме; в аксиологическом — как определенная ценность, имеющая историческое и современное значение. Суммируя все эти аспекты, мы определяем исторический факт как важнейшую категорию исторической науки, обозначающую реальное историческое событие, адекватно отраженное в факте знания, являющегося результатом исторического исследования, изложенное в конкретно-эмпирической форме, имеющее определенное историческое значение и ценное с современной точки зрения.

В методологическом плане важен не столько сам по себе исторический факт, сколько способы отражения реального события в факте науки, способы получения факта науки, способы проверки истинности факта и правильности его построения, способы изложения факта, способы его интерпретации. В зависимости от глубины проникновения в сущность объекта, от уровня исторического исследования различаются эмпирические и теоретические

методы исследования, методы констатации факта и методы его интерпретации. В процессе констатации историк не просто копирует источники, а, в известной мере, конструирует факт науки. Эта конструкция является результатом реконструкции действительного факта.

Процесс реконструкции факта состоит в обобщении и систематизации разрозненных сведений, почерпнутых из источника с целью воспроизведения исторического факта во всей его сложности и полноте. Историк перерабатывает данные источников и создает научную картину, соответствующую реальному историческому процессу. Полная историческая реконструкция возможна лишь на теоретическом уровне, где рассматриваются связи и отношения самого факта и где он предстает как элемент определенной системы знаний.

С теоретической точки зрения важно установить систему фактов, так как не отдельные разрозненные факты, а группы фактов, сведенных в системы, составляют исходные элементы исторических теорий и придают им большую достоверность. Каждая такая система имеет объективное содержание, потому что она

228

адекватно отражает определенную систему реальных отношений. Кроме того, содержание системы (т. е. сами факты, соотношение их элементов и пр.) определяется уровнем развития исторической науки, ее методологией. Когда факт входит в новую теорию, он приобретает форму новой логической системы и может даже стать ее исходным элементом. Изменяется при этом не только форма, но и содержание исторического факта: увеличивается объем информации, качество ее и значение.

333. Методы анализа исторических теорий

Методы анализа исторических теорий самым непосредственным образом связаны с проблемой исторической теории. Несмотря на проявленное к ней в последнее время внимание в работах А.Д. Максимовой, А.И. Уварова и др., она является менее разработанной по сравнению с

историческими источниками и историческими фактами. Большой научный интерес вызывают вопросы:

- что собою представляет историческая теория;
- какова ее природа, структура, функции;
- каков статус теории в исторической науке;
- чем она отличается от естественнонаучных и социологических теорий;
- каковы методы анализа исторических теорий?

По этим вопросам существуют альтернативные позиции. Для одной из них характерно неумение понять соотношение исторической теории и исторической действительности и преувеличение момента совпадения исторических теорий с исторической реальностью. При этом подходе теория отождествляется с реальной действительностью, со всем присущим ей многообразием исторических фактов и законов, и в тех случаях, когда имеет место несовпадение, от нее отказываются, как от теории, противоречащей фактам. С другой позиции теория рассматривается не как отражение реальных законов истории, а как некий конструкт, выработанный учеными для удобства, для систематизации фактического материала, как логическое построение, не определяемое свойствами мира. С материалистической точки зрения историческая теория определяется как отражение исторической действительности. Такое определение давал, например, Ю.В. Петров: «Теория в исторической науке есть обобщенное и система-

229

тизированное знание о совокупности фактов прошлого, объективно отражающее историческую действительность в форме исторических законов» (740. С. 352). Такое понимание исторической теории, основанное на отношении исторической теории к исторической реальности, на наш взгляд, правильно, но недостаточно. Современный уровень анализа исторической теории требует выявления ее отношения к другим структурно-функциональным зависимостям исторической науки: с историческим знанием в целом

и с отдельными его элементами (историческими источниками и историческими фактами), с историческим исследованием в целом и с отдельными его процедурами (историческим описанием, объяснением, оценкой, обобщением), с историческим опытом, с историческим методом. Учитывая все эти отношения, мы определяем историческую теорию как определенный уровень исторических знаний (более высокий по сравнению с эмпирическим), отражающий общие связи исторического процесса (исторические законы) в определенной системе научных понятий, правильно (с логической точки зрения) построенных и изложенных в абстрактной форме.

По структуре своей историческая теория представляет собой сложную иерархическую систему исторических знаний. В ней можно выделить, по крайней мере, два уровня: общую теорию исторического процесса и частные, собственно исторические теории. Общая теория исторического процесса является более абстрактной, философской основой исторического знания; частные теории являются ее конкретизацией. Общая теория составляет «скелет», «каркас», базу, отражающую наиболее общие исторические связи. Частные исторические теории дополняют общую теорию, отражая локализованные в пространстве и времени конкретные исторические закономерности разной степени общности. Конкретность сближает их с историческими фактами. В историческом тексте многие теоретические положения присутствуют имплицитно, пронизывая весь понятийный аппарат исторической науки. В отличие от естественнонаучных теорий, исторические теории излагаются естественным литературным языком. Органически вплетаясь в повествование, исторические теории включают в себя обобщающие, объясняющие, оценивающие положения, реализующие основные методологические функции исторической теории: обобщение, объяснение, оценку исто-

исторической теории, способность ее объяснять не только прошлое, но и настоящее.

В современной методологической литературе рассматриваются различные методы, связанные с исторической теорией: метод отражения реальных исторических законов в исторической теории, метод построения исторической теории, способы проверки истинности исторической теории, правильности ее построения, критерии истинности, правильности и ценности теории. Рассматриваются они с разных точек зрения. С марксистской точки зрения теоретический метод определяется как метод отражения закономерных исторических связей в системе научных понятий. Теоретический метод дает отражение, исправленное соответственно законам, которые дает сам исторический процесс, причем каждый момент его может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы (600. Т. 13. С. 497). К теоретическим методам относятся способы построения исторической теории, средства проверки ее истинности и правильности построения, поиск критериев истинности, правильности, ценности. Истинной и правильной считается та историческая теория, которая не противоречит основным принципам предшествующего знания, соответствует логическим правилам построения научных теорий и подтверждается практикой. Советские исследователи (Л.Н. Коган, В.Т. Логин, А.С. Морозов и др.) рассматривали специфику применения критерия практики в количественно меньших, но качественно более сложных опосредованных формах.

В постпозитивистской литературе метод анализа исторических теорий рассматривался не как способ отражения закономерных исторических связей, а как способ проверки истинности теории и правильности ее построения. Например, Карл Поппер сделал предметом анализа метод критической проверки теорий «the third-world method», называя его по-разному: «метод проб и ошибок», «метод проб и устранения ошибок», «метод обучения на ошибках», «метод предположений и опровержений», «метод

фальсификации» (771, С. 53-54, 260, 326, 407, 529, и др.). Считая этот метод критическим, он описывал его как сознательное стремление подвергнуть имеющиеся теории самой строгой проверке. До тех пор, пока теория выдерживает самые строгие про-

231

верки, она признается; как только не выдерживает - отвергается. Заключительным этапом является вынесение некоторого решения относительно выводимых высказываний путем проверки их с результатами практических применений и экспериментов: «Если такое решение положительно, то есть, если сингулярные следствия оказываются приемлемыми, или *верифицированными*, то теория может считаться в настоящее время выдержавшей проверку и у нас нет оснований отказываться от нее. Но если вынесенное решение отрицательное или, иначе говоря, если следствия оказались *фальсифицированными*, то фальсификация их фальсифицирует и саму теорию, из которой они были логически выведены» (771. С. 53-54). Обосновывая критический характер предложенного метода, Поппер в то же время подчеркивает, что его нельзя абсолютно отождествлять с критическим подходом. Суть его заключается не в случайных и беспорядочных пробах, а в конструктивном отношении к ошибкам, которые ученый добросовестно стремится обнаружить для того, чтобы самому устранить ложные теории и утвердить истинные. Поэтому критический и конструктивный подходы у него в некоторой степени совпадают. Их взаимодействие рождает «гипотетическую реконструкцию проблемной ситуации», которая выдается за наиболее правильный метод научного познания. В этом смысле позиция Поппера сегодня рассматривается как определенная вершина в развитии эпистемологических концепций.

Подводя итог анализу различных направлений «эпистемологии истории», можно сделать вывод, что анализ гносеологических и связанных с ними методологических вопросов исторического познания исторически обусловлен, необходим и значим. Гносеологический подход сыграл

определенную положительную роль в разработке методологических проблем исторической науки, оказав существенное влияние на решение ее важнейших методологических вопросов. Анализ гносеологических проблем позволил, во-первых, выявить гносеологические основания методологии исторической науки; во-вторых, дать гносеологическое обоснование метода исторического познания, определить его статус и специфику; в-третьих, установить место методологии исторического познания в системе учений об историческом знании, выделить круг гносео-методологических вопросов, показав их отличие от других гносеологических вопросов; в-четвертых,

232

установить место методологии исторического познания в общей структуре исторического, философского и методологического знания; в-пятых, преодолеть неправомерное отождествление или противопоставление гносеологии и методологии истории, установить место и значение гносеологического подхода в системе методологии исторической науки. В своей наиболее общей части, воплощающей сущностные характеристики исторического знания, методология исторического познания совпадает с историографией, с теорией исторического знания и общей теорией познания, но не сводится к ним. Различаются они в следующих отношениях: историография изучает историю исторической науки, методология истории - логику исторического знания; историография занимается критикой существующего знания, сопоставляя различные исторические концепции, разоблачая приемы фальсификации исторических истин и пр.; методология истории обобщает историографический опыт, анализируя и негативные, и позитивные методы получения исторического знания, и не только методы получения этого знания, но и методы критики этого знания; историография занимается анализом «готового» исторического знания, методология истории - методами «производства» этого знания и методами его интерпретации. В отличие от теории исторического знания, изучающей законы возникновения, структуры и функций исторического знания, методология истории фиксирует

внимание на методах исторического познания, способах его получения и проверки его истинности и правильности. В ее задачи входит, с одной стороны, применение к исторической науке общих принципов, законов, категорий общей теории познания, ее конкретизация; с другой - анализ специфических методов исторического познания.

Рассматривая методологию истории как систему, мы определяем гносеологический аспект ее как один из элементов этой системы и соответствующим образом оцениваем его. Взятый в связи с другими аспектами, он правомерен, взятый в отрыве от других, он не полон, недостаточен. Абсолютизация его деформирует общую структуру методологии истории. Так что наиболее полная характеристика методологии исторической науки может быть дана только в единстве, в связи с другими философскими аспектами: онтологией, аксиологией, праксеологией и, прежде всего, с логикой исторического исследования.

233

Глава IV

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ -ЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1. Проблемы логики исторического исследования

Новый подход в понимании методов и методологии истории, наметившийся во втором десятилетии XX в., тоже был связан, в определенной степени, с кризисом классического историзма, не справлявшегося количественными и качественными изменениями в исторических исследованиях. В XX в. неизмеримо увеличилось число исторических исследований: в научный оборот были введены новые источники и факты, ранее остававшиеся вне поля зрения историков. Сравнительно большая информация стала извлекаться из старых, уже известных источников. Количественный рост их привел к качественным изменениям: от критики источников перешли к критике фактов и теорий, от констатации фактов - к обобщению и установлению законов, от описания - к

объяснению и прогнозированию. Переход на более высокий уровень исследований потребовал анализа объективной и субъективной его сторон, выяснения не только самого факта, но и его интерпретации, анализа дихотомии между фактом и его пониманием, между объективным и субъективным его пониманием, между объективным пониманием факта и субъективным отношением к нему. Под историческим исследованием стал пониматься не только процесс получения знания, но и процесс понимания полученного знания, интерпретации готовой информации. В связи с этим изучение различных процедур исторического исследования стало важнейшей методологической задачей.

Потребность в анализе исследовательской деятельности историка диктовалась также сложностью и спецификой исследовательской практики: наряду с научным описанием и объясне-

234

нием в исторической науке присутствуют нравственные, эстетические, правовые, политические оценки исторических деятелей; рядом с логическим, рациональным методом исследования имеют место эмоциональные и интуитивные способы понимания исторической действительности. Осознание этой сложности и привело таких философов и историков, как Н.И. Кареев, Л.П. Карсавин, Д.М. Петрушевский, М.М. Хвостов, Г.Г.Шпет и др. в первой половине XX в, к специальному изучению исторического исследования.

Это, разумеется, не означало, что прекратилось исследование исторического бытия или исторического знания. В специальной методологической литературе продолжалось обсуждение вопросов: что такое история, каков предмет ее исследования, что такое историческое знание, каковы методы его анализа и др. И это естественно, потому что нельзя правильно характеризовать историческое исследование, не выяснив предварительно, что собою представляет история как предмет исследования или, что собою представляет знание как результат исследования. Следует

также отметить, что само историческое исследование тоже изучалось ранее, правда, в других аспектах (онтологическом и гносеологическом), просто теперь центр методологических изысканий с собственно истории и знания о ней переместился на исследовательскую деятельность историка. При этом изменился предмет исследования, проблематика и подход.

Поворот исследовательского интереса вновь привел к изменениям в концептуальном аппарате исторической науки: появилось определение истории как исследования, как интерпретации: «история - исследование жизни человечества, опирающееся на документы» (Ф. Бальве), «история - это интерпретация (Э. Карр), «история - интерпретация и реинтерпретация прошлого» (А. Стерн). Встал вопрос о создании теории исторического исследования, которая занималась бы анализом законов самого исторического исследования (787,788). Предметом методологического анализа становится историческое исследование и его методы в целом, и методы отдельных уровней - исторического описания, исторического объяснения, исторической оценки и отбора. Понимание метода исторического исследования ставится в зависимость от понимания исторического исследования и меняется вместе с ним.

235

Выделение на первый план исследовательской проблематики привело к новым определениям исторического метода и методологии истории. Не случайно В.М. Хвостов определял исторический метод как «сумму правил и приемов ведения исторического исследования» (1020. С. 127). Изменились вопросы о статусе исторического метода: типичными стали вопросы: является он рациональным или иррациональным, логическим или герменевтическим, методом объяснения или методом понимания. Произошли изменения и в постановке и в решении вопроса о специфике исторического метода: ее стали искать не в особенностях предмета истории и не в эпистемических особенностях познания прошлого, а в особенностях осмысления истории, в особенностях ее интерпретации.

Разрыв с традиционными формами историографии XIX в. привел к обновлению проблематики, неизбежно сопровождаемому новыми методологическими средствами, расстановкой новых акцентов и смещением приоритетов. Наиболее типичными стали следующие проблемы:

- что собою представляет историческое исследование, чем оно отличается от исторического понимания;
- в чем специфика исторического исследования, подчиняется оно правилам научного исследования или нет;
- в чем специфика исторического типа мышления: является оно логическим или алогическим, рациональным или иррациональным;
- что собою представляет метод исторического исследования, какова его структура и функции;
- какова специфика методов исторического описания, исторического объяснения, исторической оценки.

Постановка этих вопросов не потеряла своего значения до сих пор. Обсуждение их продолжается в современной философско-методологической литературе (Х. Баттерфильд, П. Гардинер, К. Гемпель, В. Галл и, У, Дрей, П. Кирн, Э. Нагель, И. Шеффлер и др.). Известные дискуссии 60-70-х гг. XX в. о герменевтике (Х. Гадамер, Ю. Хабермас), «спор о позитивизме» (В. Адорно, У. Дрей, К. Поппер и др.) специально были посвящены проблемам методологии и логики исторического исследования.

Специальный методологический анализ исторического исследования проводился и в советской литературе. В работах

236

А.С. Арсентьева, М.А. Варшавчика, Е.Н. Коломоец, В.В. Косолапова, М.А. Кукарцева, Н.И. Смоленского, М.Н. Терешко, А.И. Уварова, В.И. Юрчука и др. давалось логическое обоснование исторического исследования, доказывалась возможность логического, рационального осмысления истории, ставился и решался вопрос о правильности исторических исследований, вырабатывались критерии их правильности в плане соответствия их

требованиям формальной и диалектической логики. М.Н. Грецкий, В.А. Ельчаинов, Н.И. Смоленский занимались проблемами стиля исторической науки, специфики исторического мышления. Ф.Р. Ан-керсмит, В.П. Красавин, В.Т. Маклаков, С.Ф. Молодина, В.Н. Орлов, А.Порк исследовали логику и методы исторического описания; В.С. Егорова, А.Н. Елсуков, В.В. Иванов, В.Н. Карпович, И.С. Кон, Э.Н. Лооне, Е.П. Никитин, В.Н. Орлов. С.А. Орлова, Г.Ч. Синченко, В.П. Фомин - логику и методы исторического объяснения; Е.С. Жариков, В.П. Конев - логику и методы исторической оценки. И опять же дело было не только в новой проблематике, а в принципиально новых подходах.

При решении всех этих вопросов наметились два основных подхода: формально-логический и герменевтический, явившихся продолжением методологической конфронтации в середине и второй половине XX столетия тех же двух линий: позитивистской и антипозитивистской. Представители логического позитивизма (К. Гемпель, У. Дрей, Э. Нагель, К. Поппер и др.) сосредоточили внимание на анализе объективной стороны исторического исследования, изучая методы исторического описания и объяснения. Сторонники второй линии ((Ф. Шлейер-махер, В. Дильтей, Г. Риккерт и др. — в первой половине XX в., Х.Г. Гадамер, П. Кирн, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др. - во второй) сосредоточили внимание на субъективной стороне исторического исследования, сделав объектом изучения методы понимания, отбора и оценки. Для первой линии характерна ярко выраженная логическая ориентация, признание единого логического статуса исторических методов описания и объяснения; доказательство применимости рациональных средств в историческом исследовании, применение в исторической науке количественных, математических, статистических методов, электронно-вычислительной техники, стремление построить методологию исторического исследования по образцу

логического статуса метода исторического исследования, рациональных средств в исторической науке, абсолютизация специфики метода исторического понимания, субъективизм, психологизм, иррационализм и интуитивизм.

Необходимость критики двух крайних позиций, связанных, с одной стороны, с абсолютизацией формально-логического подхода, характерного для современного логического позитивизма; с другой - с отрицанием применимости логики к исторической науке, характерной для иррационализма и интуитивизма, вызывает потребность в разработке логики исторического исследования. Реализацией этой потребности в России явились многочисленные обращения к данной тематике как в начале XX в. (Д.М. Петрушевский, Г.Г. Шпет), так и в конце его (М.А. Варшавчик, И.А. Грудинин, Б.А. Грушин, В.С. Егорова, М.В. Егорова, В.А. Ельчанинов, В.И. Карпович, В.П. Конев, В.В. Косолапов, Е.А. Лехнер, С.Д. Мадиевский, И.Д. Нарский, Т.И. Ойзерман, В.Н. Орлов, М.И. Пирен, А.И. Ракитов, С.В. Синяков, Н.И. Смоленский, М.Н. Терешко, А.Н. Ящук и др.).

Значение логического подхода очень велико: именно здесь дается установка на исследование, определяется зависимость исторического метода от характера и уровня исторического исследования, от логики исторического мышления. Именно здесь дается логическая характеристика метода исторического познания, обосновывается его логический, рациональный характер, а также ставится и решается вопрос о правильности исторического исследования, о критериях правильности исторического описания, объяснения, оценки исторических явлений.

Но при решении логико-методологических проблем возможны ошибки двоякого рода: 1) логизация методологии истории, сведение только к формальной логике и связанное с этим игнорирование собственно методологической проблематики и принижение других философских оснований методологии истории (онтологии, гносеологии, аксиологии, праксеологии). Гипостазирование логики вызывает, естественно, возражение

со стороны онтологов, гносеологов, аксеологов, которые впадают в другую крайность, отрицая значение логического анализа истории и ее методов, или защищая антилогику иррационализма и интуитивизма; 2) сведение методологии исторического исследования к

238

одному из уровней учения об историческом исследовании: к эмпирии или теории. С методологией связаны все уровни, но связь эта неоднозначна. Связь с эмпирией и теорией исследования опосредованная, поскольку они не содержат прямого учения о методе исторического исследования. Непосредственным образом методология исторического исследования связана лишь с философскими проблемами исследования, в частности, с логико-методологическими проблемами, в рамках которых рассматривается взаимосвязь, взаимозависимость и взаимоотношение метода и исследования, методологии и логики исследования (логики описания, логики объяснения, логики оценки).

Помимо этого, в разработке логических проблем исторической науки встречается много трудностей, в частности, понятийного характера. Понятие «логика исторической науки» употреблялось во многих значениях. Полисемантность его во многом объяснялась тремя исторически сложившимися значениями: социальная логика, логика знания, логика исследования. Применительно к исторической науке это означало: логика исторического развития, логика исторического знания, логика исторического исследования, которые довольно часто отождествлялись. Так, одни отождествляли логику исторического исследования с объективной логикой исторического развития, например, Б. А. Грушин видел цель логики исторического исследования в «общей характеристике логических закономерностей мышления, направленного на воспроизведение процессов развития объекта» (183, С. 36). Другие отождествляли ее с логикой знания, например, согласно А.И. Ракитову, «логика науки как раз и изучает законы организации «готового» научного знания» (788. С. 195). Третьи

отождествляли логику исторического исследования с методологией истории в целом и с ее отдельными частями, например, О.Л. Вайнштейн считал, что логика исторического исследования является одной из теоретических проблем методологии истории: «Логика или теория познания занимается изучением логического процесса мышления историка, ролью абстрагирования в процессе исследования истории, т. е. вопросами типизации, моделирования, объяснения» (104, С. 228). Четвертые считали логику исторического исследования самостоятельной наукой, например, В.В. Косолапов был убежден, что «логика исторического исследования - это наука, изучающая логическую

239

технику получения, обработки и систематизации исторических знаний, специфику использования категорий научного познания применительно к историческому процессу, логические правила перехода от фактов к исторической теории, от выбора и постановки проблемы - к проверке (верификации) результатов конкретного исторического исследования» (503. С. 55). Очевидно, что каждая из этих дефиниций имеет право на существование, поскольку они имеют разные философские основания и разные исторические корни.

Известно, что представления о логике истории не были статичными, они менялись вместе с меняющимися представлениями и о логике, и об истории. Первоначально *логика истории* отождествлялась с философией истории и теорией исторического процесса, что выразилось, например, в названиях книг А. Бэна «Логика общественных наук» (97), В.А. Вазюлина «Логика истории» (101), В.В. Гребенщикова «Свобода в логике истории» (176), М.И. Пирен «Исторический процесс и логика его воспроизведения на основе фактов» (751), Е.Б. Черняк «История и логика» (1056).

Первоначально в центре внимания философов и логиков были логико-онтологические проблемы:

- может ли историк пользоваться логическим методом;

- можно ли выразить исторический процесс в логике понятий;
- в чем специфика логического анализа истории, в чем его отличие от логического анализа природных явлений;
- достаточно ли логических (рациональных) средств для правильного понимания истории и нет ли необходимости в применении иррациональных средств;
- достаточно ли логико-онтологических средств для понимания методов изучения истории и нет ли необходимости в применении других философских подходов.

Надо сказать, что в общем виде эти проблемы были поставлены еще в «Науке логики» Гегелем, задумывавшимся над вопросом, как выразить историческое движение в логике понятий. Затем ответить на этот вопрос пытался в Германии Г. Риккерт, считавший, что «логика истории является исходным пунктом и основой всех философско-исторических исследований» (817. С. 7-8). В России этот подход выразился, прежде всего, в назва-

240

ниях работ ГГ. Шпета: «История как проблема логики», «История как предмет логики».

Однако по мере того, как складывалось различие между знанием о конкретной предметной области и знанием о самом этом знании, постепенно стало появляться различие между онтологией и логикой, принимавшее вид корреляции содержания и формы: если в онтологическом аспекте акцентировалось внимание на содержании, то в логическом - на форме. Появились определения логики как «науки о форме выражения исторической науки» (1089. С. 62)

Логика исторического знания. Постепенно отделяясь от онтологии, логика истории стала сближаться с теорией познания, становясь частью теории познания, что отразилось в названиях работ А.И. Введенского «Логика как часть теории познания», А.А. Орлова «Предпосылки истории: логико-гносеологический анализ». Как было показано в предыдущей главе, в

рамках теории познания стали анализироваться логические процедуры получения исторического знания, способы его обоснования и проверки его результатов, принципы верификации и фальсификации применительно к исторической науке. Объединял их сам процесс исторического познания, в котором неразрывно связаны процесс и результат. В отличие от гносеолога, логик рассматривал знание как функционирующее в «готовом», «ставшем» виде, отвлекаясь от эвристических, психологических, историографических характеристик его. Объектом анализа здесь становилась структура и функции исторического знания в целом и его отдельных элементов (исторических фактов и исторических теорий) в частности. Здесь же были сформулированы логико-эпистемологические проблемы:

- каков язык исторической науки;
- в чем специфика логического анализа исторических знаний;
- какова логическая структура истины в исторической науке;
- каковы особенности логического анализа исторических источников, фактов и исторических теорий;
- достаточно ли логических средств для построения исторических знаний;
- каков логический критерий истины в исторической науке.

16

Зак.

253

241

Следует заметить, что эти проблемы в общем виде были поставлены еще И. Кантом, который выдвинул в качестве логического критерия истины: «соответствие с всеобщими и формальными законами рассудка и разума», однако он сам понимал, что «один лишь логический критерий истины есть, правда, *condicio sine qua* поп, стало быть, негативное условие всякой истины, но дальше логика идти не может и никаким критерием не в состоянии обнаружить заблуждение, касающееся не формы, а содержания» (405. Т. 3. С. 160).

В середине XX в. началась критика с логических позиций

традиционных методов исторического исследования. Так, Р. Кол-лингвуд в книге «Идея истории» подверг критике старый метод, иронически назвав его «методом ножниц и клея», видя главный порок его в том, что он не приводит к получению нового знания: исследователи просто переписывают старые знания из разных источников и располагают их в новом порядке. Порядок может быть и новый, а знания остаются старые. Выход он видел в переходе на логический подход, названный им «логикой вопросов и ответов». В основе его - проблемный метод, согласно которому каждый исследователь должен решать какую-нибудь важную проблему. Проблема - это сложный вопрос, на который еще никто не дал ответа. Поэтому бессмысленно искать его в старых источниках. Его можно найти самостоятельно лишь логическим путем, разлагая сложный вопрос на множество простых и начиная решать с самого простейшего и потому самого легкого, постепенно переходя от простого к сложному, от предыдущего к последующему и т. д., пока не подойдешь к решению последнего, самого трудного, но решение которого будет искомым ответом, ведущим к решению проблемы. В итоге достигается, по его мнению, действительно новое знание, происходит рост знания. Этот логический подход нашел за рубежом много последователей, в частности. К. Поппера, который в книге «Логика и рост научного знания» создал формулу «роста знания»: $P_1 - TT - EE - P_2$, где P_1 означает поставленную вначале проблему, а P_2 - результат ее решения путем теоретического обоснования гипотетических решений (ТТ) и элиминации ошибок (ЕЕ). Согласно этой формуле, по утверждению автора, осуществляется прирост знания и происходит продвижение познания на более высокую ступень (771).

242

В дальнейшем процесс дифференциации научного знания привел к отделению логики от гносеологии. Если в гносеологическом аспекте историческое знание рассматривалось как процесс «производства» знания, процесс добычи исторических истин, т. е. гносеолога интересовала творческая лаборатория его получения, то в логическом аспекте предметом

изучения становилась форма его изложения. Такую задачу ставил перед собой Г.Риккерт, признававшийся, что его «занимает не столько процесс нахождения результатов и исследования, сколько форма их изложения, т. е. логическая структура их выводов» (816. С. 26). В итоге произошло размежевание между логикой и гносеологией, между логикой знания и логикой исследования, и постепенно осуществилось отделение формальной логики от гносеологии.

Логика исторического исследования. Объектом формально-логического анализа стало историческое исследование в целом и его отдельные уровни: описание, объяснение, оценка, следствием чего явилось появление логики исторического описания, логики исторического объяснения, логики исторической оценки. При этом были сформулированы следующие основные проблемы:

- применима ли к истории формальная логика;
- каков стиль исторического исследования;
- в чем специфика логического анализа исторического исследования;
- каковы особенности логики исторического описания, исторического объяснения, исторической оценки;
- каков логический критерий правильности исторических исследований;
- достаточно ли формально-логических средств для понимания истории и нет ли необходимости в применении диалектической логики;
- достаточно ли чисто логических средств для понимания истории и нет ли нужды в применении герменевтики.

Решение этих проблем за рубежом стало осуществляться в рамках позитивистской логики исторического исследования, в задачи которой входило определение теории и практики исторического исследования, выяснение специфики логического осмысления прошлого, обоснование применяемых в исторической науке формально-логических процедур, формулировка правил исторического исследования, поиск критериев его

правильности.

16*

243

Поворот исследовательского интереса вновь привел к изменению исследовательских задач историка и философа: историку предписывалось заниматься исследованием предмета, философу — законами самого исследования, логикой объяснения. Например, по убеждению У.Дрея, «философа, как философа, интересует характер *логических* отношений, существующих между *экспланан-тами и экспланандумом*» (1993. С. 45). Сосредоточение внимания на логике исторического объяснения привело к созданию нескольких моделей исторического объяснения, таких, как «мотиваци-онная модель рационального объяснения» У. Дрея, «модель объяснения с помощью охватывающего закона* К. Гемпеля, «ситуационная логика» К. Поппера и др. Poleмика между ними о методах исторического объяснения носила альтернативный характер. Например, для Гемпеля характерно сведение исторического объяснения к логическому анализу. Пытаясь выяснить логическую структуру исторического объяснения, он создал модель «объяснения с помощью охватывающих законов», позднее получившую известность как «схема Поппера - Гемпеля». По этой схеме объяснить какое-либо историческое событие значит подвести частный случай под «охватывающие законы»: «В объяснении этого типа некоторое данное эмпирическое явление...объясняется при помощи того, что *экспланандум* (объясняемое положение) выводится дедуктивным путем из ряда других положений, называемых *жспланантами* (объясняющими положениями), и содержание экспланандума состоит в описании данного события. Этот ряд экспланантов включает некоторые общие законы и положения, описывающие определенные конкретные факты или условия, которые предшествуют или сопутствуют объясняемому событию» (1993. С. 72-73). Это объяснение Гемпель разделил на два типа: причинное объяснение дедуктивно-помологического типа, в котором «охватывающие» законы

имеют строго универсальную форму, и объяснение вероятностное или индуктивное. У. Дрей подверг критике указанную схему объяснения, назвав ее «опасной моделью для философии истории», уверяя, что ссылка на закон не является ни необходимым, ни достаточным условием для исторического объяснения (1993. С. 42). Сам У. Дрей разработал теорию и метод «рационального объяснения», согласно которым объяснить - значит показать рациональность, т. е. правильность исторических действий: «Подчас все, что мы хотим знать, требуя

244

объяснения некоторого поступка, — это только то, почему могло показаться рациональным или «правильным» совершить именно этот поступок» (1993. С. 55). Абсолютизация «критерия рациональности» вызвала ответную негативную реакцию у его коллег. Гемпель заметил, что показать логическую правильность исторических действий еще не значит объяснить. Он верно подметил недостаточность чисто рационального подхода при историческом объяснении: «Последнее зависит от того, каковы законы этого мира, и на данный вопрос нельзя ответить только средствами логического анализа» (1993. С. 79). Он упрекал Дрея за то, что он критерии правильности искал только в сфере формальной, «чистой» логики (1993. С. 47). Соглашаясь с тем, что правильность формы не гарантирует истинности содержания, У.Дрей критиковал Гемпеля за то, что он давал ошибочную характеристику логической формы рациональных объяснений, а не содержания» (1993. С. 44, 45). Та-ким образом, взаимно критикуя друг друга, они оба отказались от анализа содержания и ограничились анализом формы исторического объяснения, которую тоже понимали слишком узко. К тому же, увлекшись проверкой рациональности (правильности) логических процедур, они оставили в стороне проверку истинности и правильности структур онтологических, гносеологических, методологических. Это не могло не вызвать перемен.

И в конце XX в. происходит отождествление логики истории с

методологией истории, хотя на их связь указывал еще в начале века М.М. Хвостов: «Собственно говоря, методология любой науки есть часть логики, но логика - общее учение о приемах мышления, между тем, как методология отдельной науки изучает приемы мышления в более узкой сфере, хотя, конечно, согласно с общими положениями логики» (1022. С. 3). Со временем выделился круг проблем, которые относятся к разряду логико-методологических, куда вошли проблема логического обоснования исторического метода, вопросы о соотношении исторического метода и исторического исследования, соотношения конкретно-исторического и абстрактно-логического методов в историческом познании, соотношения логики и методологии исторического исследования. В советской литературе эти проблемы рассматривались в трудах Н.И. Смоленского, В.И. Юрчука и др.

Таким образом, произошли существенные изменения в методологии истории, касающиеся ее логических предпосылок. Все

245

методологические концепции стали нуждаться в логическом оправдании. Все попытки философского осмысления методов истории без специального анализа их логических оснований казались несостоятельными. Для этого потребовался специальный анализ существующих концепций исторического исследования, соотнесения ведущих теоретических понятий исторических исследований, анализ различных уровней исторического исследования и различных исследовательских процедур, выяснение зависимости методов и методологии исторического исследования от формальной и диалектической логики.

Связь с диалектической логикой прослеживалась в двух случаях: в одном она трактовалась как учение о закономерностях исторического развития и тогда она сливалась с объективной диалектикой, и отделить ее от теории предмета, теории познания было очень трудно: в другом - это логика познающего субъекта, логика мышления. Она тоже необходима и нуждается в специальном анализе с учетом специфики исторического мышления.

Исследования в этих двух направлениях дополняли сложившиеся представления об историческом методе и методологии истории. Однако решение их часто приводило к абсолютизации одного из подходов. Основным недостатком их являлось непонимание идущего от Гегеля единства диалектики, теории познания, логики и методологии, вследствие чего вышеназванные подходы рассматривались изолированно: каждый из них мыслился как абсолютно самостоятельный, не связанный с другими. Такого рода изоляция свидетельствовала не только об абсолютной самостоятельности различных способов исследования, но и о далеко зашедшей дифференциации философско-исторического знания.

На наш взгляд, логико-методологические проблемы разрешимы только с диалектических позиций. Метафизики, сопоставляя методы исторического исследования с естественно-научными и социологическими, отождествляли или противопоставляли их. Вариантов метафизического понимания методов исторического исследования накопилось множество: методология нигилизма и позитивизма, субъективизма и объективизма, иррационализма и интуитивизма и т. п., но все они сводятся к отрицанию применимости в историческом исследовании диалектической логики, к отрицанию логического, рационального статуса методов исторического исследования. Основания для таких выводов, казалось

246

бы, имеются: они связаны с вопросом о специфике исторического исследования, которая гипастазуруется и служит основанием для дуализма и плюрализма. Критикуя различные варианты метафизической методологии истории, мы противопоставляем ей диалектическое понимание методов и методологии исторического исследования. Диалектика исходит из понимания сложности исторического исследования (единство объективного и субъективного, эмпирического и теоретического, позитивного и негативного, рационального и интуитивного, содержательного и формально-логического, научного и вненаучного, когнитивного и ценностного) и требует создания

сложной системы методов исторического исследования, включающей все перечисленные моменты. С помощью диалектики возможно решение вопросов о статусе и специфике методов исторического исследования. Сопоставляя историческое исследование с естественнонаучным и социологическим, диалектик находит у них общие черты, доказывающие возможность применения в нем диалектического метода и методов других наук, и определяет особенности исторического исследования, вызывающие необходимость разработки специальных методов исторического исследования и еще более частных методов: исторического описания, объяснения и оценки.

3 2. Г.Г. Шпет о логике исторической науки и герменевтике

В России впервые логический анализ истории, ее метода и методологии истории с диалектических позиций был проведен

Г.Г. Шпетом (1879-1937) в опубликованной в 1916 г. книге «История как проблема логики», показавшим взаимосвязь и взаимозависимость логики исторической науки и методологии истории. Исходя из того, что логика издавна понималась как наука о *формах* познания, или о *формах* мышления (1089. С. 38), он сделал вывод о тождестве логики исторической науки и ее методологии: «Логика, следовательно, изучает не только науку «вообще», но и во всех ее специальных формах. В та-

247

ком виде логика есть наука о формах выражения наук или методология» (1089. С. 42). Но к этому выводу он пришел не сразу. Разумеется,

он знал или предвидел различные варианты отождествления логики исторической науки с психологией, онтологией, гносеологией, формальной логикой и методикой исторического исследования и относился к ним критически. Во-первых, он осуждал смешение логики исторической науки с психологией. Выясняя, что должен иметь в виду логик при предпосылке (метод науки определяется ее предметом), ГГ. Шпет вводил два термина: научный психологизм и научный техницизм. Под психологизмом он понимал возведение в теорию и в научный императив стремление искать последний источник и объяснение *всего* нашего знания в нашем опыте; разумея под опытом — всякое переживание, испытываемое человеком под влиянием внешних природных и социальных воздействий, совершающихся в собственном психофизическом организме человека (1095. С. 4). Однако, подчеркивая значение психологии, как науки о душевной жизни человека и животных, он в то же время сомневался в том, что психологизм мог бы стать правомерным методологическим учением, поскольку психологические процессы субъективны, случайны и переменчивы, как и все остальные процессы природы. Поэтому психология, как и все остальные эмпирические науки, не может быть признана основой всего нашего знания, а психологизм беспочвен в претензии быть основным методологическим принципом научного знания (1095. С. 5). «Переживание есть опыт, и пережить что-либо значит что-нибудь испытать, «узнать» его, но это не значит, что переживание есть знание. Научное знание, и в особенности система его, не есть переживание, а есть ^еф-лексия о нем, не есть опыт, а есть критика опыта. Поэтому-то и основу научного знания надо искать не в переживании, а в рефлексии о нем» (1095. С. 6). Именно с помощью рефлексии удастся схватывать сходство, единообразие и однородность изучаемых явлений. Подвергая анализу любое переживание, мы в нем перестаем жить, мы живем теперь в рефлексии на него, т. е. делаем его предметом своего рассмотрения, изучения, познания. Действительность из процесса переживания превращается в *предмет познания* (1095. С. 8).

Во-вторых, он выступал против смешения логики исторической науки с онтологией истории. «Как ни странно, — писал он в

248

статье «История как предмет логики», — логика до сих пор занималась психологией, — это уже достаточно обнаружено, но сверх того, она занималась также онтологией, она не только видела в онтологии основу для себя, — против чего нельзя было бы возражать,- она просто теряла свое собственное содержание и занималась содержанием онтологическим. В особенности это относится к так называемым «законам мышления», которые суть только онтологические формулы, и к учению о понятиях и категориях. Некоторые были убеждены, что рассуждать о «факторах истории» или об «исторических законах», значит - решать вопросы о логической природе исторической науки. Долго спорили о том, предмет истории есть общее или индивидуальное. И этот чисто онтологический вопрос называли логическим и методологическим. Все это может быть и нужно и полезно, но только это - не логика. *Как* писать, *как* излагать историю, считали делом вкуса, стиля, «искусства». Логика как будто забыла, что понятие есть слово, *логос*, и трактовала его либо психологически, как представление, либо онтологически, как предметную форму (1095. С. 14-15).

ГГ. Шпет указал на два обстоятельства, благоприятствовавшие такому направлению логических исследований: 1) преимущественное устремление традиционной логики в сторону кон-цептивности, т. е. понимания понятий и их отношений, как *объёмов*; 2) мнимая реформа так называемой индуктивной логики, заверявшей, будто настоящая задача логики - в *открытии* и *нахождении* истины. Первое обстоятельство закрывало от логиков содержание понятий и, следовательно, значение или смысл слов, благодаря которым из слова только и создается подлинное *понятие*; второе привело к игнорированию того, что понятие есть именно слово, т. е. знак, выражающий значение (1095. С. 14).

Самым печальным результатом смешения логики с онтологией ГГ.

Шпет считал то, что оставалось нераскрытым основное положение всякой методологии об отношении, которое существует между истинными логическими формами и предметом. «В итоге часто повторяя, что метод зависит от предмета, исследователи приходили к парадоксальному утверждению, что метод определяет предмет. Когда одним из направлений современной философии был провозглашен *примат метода*, т. е. убеждение, что сам предмет науки логически определяется методом, на это в науке посмотрели, как на парадокс, а в самой ло-

249

гике такое мнение встретило весьма оживленную и всестороннюю критику» (1095. С. 1,15). К критикам этого парадоксального утверждения относился и ГГ. Шпет, который, будучи убежден, что метод науки обусловлен ее предметом, утверждал, что методология должна искать материал для себя в содержании соответствующей науки.

Пытаясь определить предмет истории и логики исторической науки, он указывал на их связь, считая *слово* связующим элементом между предметом исторической науки и предметом логики. Более того, утверждая, что слово является одновременно предметом и логики, и истории, он сделал два похожих друг на друга высказывания. Первое касалось предмета логики: «Именно слово, как форма, выражающая и сообщающая, и как знак, имеющий смысл, составляет тот предмет, изучение которого составляет прямое назначение логики» (1095. С. 15). Второе, касающееся предмета истории, практически гласит то же самое: «История, как наука, знает только один источник знания - *слово*. Слово является *формой*, под которой историк находит содержание действительности, подлежащее его научному ведению. Слово является тем *знаком*, от которого историк приходит к своему предмету с его специфическим содержанием, составляющим значение или смысл этого знака» (1095. С. 15-16). По его убеждению, если история изучает действительность, то для нее на первом плане должно быть *слово* в его значащей функции. Значение *слова* дается здесь уже *оформленным*, причем

формообразующим началом в таком случае выступает сам предмет, и здесь должно говорить об онтологических формах изучаемого содержания. «Содержание, имеющее формообразующий «корень» в предмете, видно через транспарант *форм самого слова*. Эти формы языка, как формы организованной речи, есть логические формы. Когда они выделяются в особый предмет изучения, они даются только как *sui generis* предметности» (1095. С. 19-20).

В том, что история сразу же получает материал, облеченный в определенные логические формы слов, ГГ. Шпет видел ее методологическое преимущество по сравнению с другими эмпирическими науками. Поэтому господствовавшему в XIX в. мнению, будто логикой эмпирических наук является естествознание, он противопоставил утверждение, что логикой эмпирических наук является логика истории. Оценивая науку с точки зрения идеал-

250

ла чистого познания, ГГ. Шпет утверждал, что первое место и руководящая роль среди эмпирических наук должна занимать наука, которая представляет собою образец наиболее совершенного познания конкретного в его неограниченной полноте. Такой наукой, по его мнению, может быть только история по двум причинам. Во-первых, она даже в самых частных своих темах имеет дело с такою полнотой конкретной действительности, для которой физическое, живое и психическое - только «части» или «члены» (1095. С. 12). Во-вторых, со стороны метода она также должна дать образец конкретного познания действительности: «История должна занять руководящее место в классификации эмпирических наук не только по приемам, которыми она пользуется при изучении действительности, но и по тем методам, к которым она прибегает в *изображении* действительности, — методам, имеющим целью адекватное выражение «того, что есть, как оно есть» (1095. С. 12). Из этих суждений им было сделано, по крайней мере, два вывода, касающиеся исторической науки: 1) по своим логическим методам

история является основой всего эмпирического познания: «так как именно историческая наука имеет дело со «чтением слов», то отсюда само собою ясно ее логическое первенство среди эмпирических наук; 2) по методам исследования основой для истории может и должна быть филология, изучающая слово (1095. С. 18, 35).

Уточняя предмет исторической науки, Г.Г. Шпет подчеркивал его сходство с предметом логики: «Логика, со своей стороны, знает только одно истинное *principium cognoscendi* — слово. Именно как такое, т. е. *principium cognoscendi*, слово есть предмет логики, в отличие от психологии, которое его изучает как переживание, в отличие от лингвистики, которая его изучает, как социальное явление, и в отличие от других наук, изучающих его со стороны эстетической, грамматической и пр. Слово обращено к логике преимущественно своей выразительной и значащей стороной: понятия, предложения, методы, — все это для логики - способы выражения в широком смысле этого термина» (1095. С. 18).

Сопоставляя предмет логики с предметом исторической науки и подчеркивая их связь, Г.Г. Шпет утверждал, что логика должна искать для себя материал в самом содержании соответствующей науки (1095. С. 1). Безусловно, логика не может и не должна знакомиться со всем содержанием тех наук, над методологией

251

которых она работает. Имея конечной целью изучение методологии всех наук, она должна была бы превратиться в своего рода научную энциклопедию. Но такая задача не под силу человеческому уму. Если исходить из убеждения, что во всякой науке столько науки, сколько в ней логики, то логика должна лежать в основе методологических научных построений, а не быть системой обобщений из данных науки. Поставив вопрос: к какому моменту в научной работе логика приурочивает свой предмет исследования, Г.Г. Шпет утверждал, что логика не нуждается в ознакомлении со всем материалом, который находится в распоряжении

исторической науки, логика должна быть знакома только с «частью» этого материала. Но с какой именно частью? И чем она должна руководствоваться при отборе этого материала: случайным и субъективным указанием историков на то, что они считают «типичным» или «важнейшим», или она должна иметь собственные критерии знаний? Но иметь такой критерий для логики, - утверждал Г.Г. Шпет, — значит, по крайней мере, наполовину разрешить задачу, которая подлежит ее решению (1095. С. 23). По его мнению, история сообщает о разного рода социальных событиях, отношениях, состояниях, переменах и т. д., но это все, что составляет *действительное содержание истории*, логика не интересуется. Для него важно, что это содержание не дается нам и даже просто невысказано без *формы*. Логические формы как в своей предметной обусловленности, так и в своей независимости фиксируются, как искомый предмет изучения логики. Поэтому нигде так явно не обнаруживается роль логики в познании действительности, как в исторической науке.

Отвечая на вопрос: из какого же материала можно извлечь суждения о формах исторической науки, Г.Г. Шпет считал, что, в отличие от онтологических и эмпирически-сенситивных форм, логические формы суть идеальные, внутренние формы словесного выражения исторической действительности, или, что то же, *формы исторических понятий*. Чтобы найти их, нужно обратиться к историческим суждениям и их анализу (1095. С. 26). Эти суждения не могут быть выработаны ни в рамках исторической науки, ни в рамках историографии, как истории самой исторической науки. Вырабатываются они только в рамках философии истории. Философско-исторические суждения, на его взгляд, должны представлять особую ценность для логики исторической

252

науки. По своим философским задачам они дают исторические суждения применительно к идеальному историческому предмету, т. е. применительно к его онтологическим формам, а потому, какова бы ни была

фактическая ценность этих суждений, принципиально они могут быть для логика «чище» и, следовательно, показательнее. Но развитие философско-исторических суждений, как метафизических, идет в ногу с развитием науки, и философия истории своим содержанием своим свидетельствует о росте и изменениях логического и методологического понимания задач истории, как науки. Наконец, философия истории, как философская дисциплина, в особенности проникнута той методологической рефлексией, для которой у историка не остается места. Философия истории дает материал для логики, а материал логики - *форма*. А если историку нужен такой материал, то он должен увидеть его как *требование* содержания самой своей науки. Само историческое явление для него - знак, смысл которого он должен раскрыть. Именно здесь, по мнению Шпета, лежит момент зарождения *научной* мсто/шм (1095. С. 31). Констатируя негативные следствия смешения логики с онтологией, он ставил вопрос о необходимости переработки логики исторической науки: «Логика, как наука о науках, в той части своей, которая касается эмпирических наук, должна быть коренным образом переработана (1095. С. 12). И эта переработка была им сделана.

Во-вторых, «резво оценивая положение гносеологических вопросов среди других проблем философии истории», Г.Г. Шпет выступал против смешения логики и гносеологии, негативным результатом которого он считал то, что при этом много рассказывалось о том, где находятся исторические документы и источники, как ими пользоваться, как их *читать*, и ничего или почти ничего не говорилось о том, как *писать историю*, т. е. не говорилось именно о логике и методах исторического исследования. Он был убежден, что логика исторической науки должна исследовать не приемы нахождения истин, а методы выражения и изложения найденных истин, и настаивал на том, что логика относится отнюдь не к моменту «исследования», а к моменту «изложения» уже «исследованного» и найденного, что логика ни в коем случае не эвристика, не техника исторической работы (1095. С. 21). Отрицая определение логики исторической науки как технической дисциплины, он

обосновывал ее теоретический характер:

253

«Хотя логика изучает формы изложения, она не есть техническая дисциплина, она не предписывает изложению никаких правил; она только исследует идеально возможные формы изложения, т. е. возможные в науке отношения слова к предметному содержанию. Разумеется, практика может ими воспользоваться, как регулятивными нормами, но от' этого логика не становится технической дисциплиной. Логика есть чисто теоретическая дисциплина, имеющая свои самостоятельные теоретические задачи и интересы» (1095. С. 22).

В-третьих, в неумении отделить логику от онтологии и гносеологии ГГ. Шпет видел также источник смешения методов исторического исследования и методов исторического изложения, следствием чего была замена методологии исторической науки методикой исторического исследования или так называемой «ис-торикой». Поэтому он довольно часто выступал против смешения исследования и изложения, которое в исторической науке встречалось довольно часто. «Мы знаем даже особую форму «изложения», которая называется «исследованием». Нам начинает казаться, что форма самого исследования и есть логическая форма нашей науки» (1095. С. 15). Выступая против смешения процесса построения научной концепции с процессом исследования, он утверждал, что наука начинает с того, что она фиксирует, называет и определяет понятие, но это не есть начало мысли о предмете этого понятия. По его мнению, следует различать исследование и нахождение известных истин и их сообщение, доказательство, обоснование. *Как* искать истину — это один вопрос, *как* изобразить найденную истину - это другой вопрос. Материал для ответа на первый вопрос содержится в творчестве исследователя, его психологии; второй вопрос разрешается в другой области, т. е. в методологии (1095. С. 3).

ГГ. Шпет полемизировал с авторами так называемой «историкой» или методики исторического исследования (для примера он называл Бернгейма,

Дройзена, Мейстера, Сеньобоса), которые намечали ряд последовательных ступеней или три основные стадии в работе историка: стадия собирания материала - эвристическая; стадия его творческой обработки - критика и интерпретация и, наконец, стадия изложения (1095. С. 26). В изложении они видели только внешнюю «материальную» задачу, а логику искали либо в технических приемах второй стадии, либо

254

и ее же психологических особенностях, Он подверг критике формулу, объединявшую сторонников традиционного соображения: нельзя ограничивать представления о науке одним «моментом изложения»; научность именно в исследовании, в работе, а не только в продукте ее. Защищая свою позицию, ГГ. Шпет приводил следующий аргумент: история научна не в силу подготавливающих исследований, а в силу того, что она осуществляет идею науки. Это-то и руководит самим исследованием, выясняющим *то, для чего оно*, в чем оно получает свой завершающий смысл (1095. С. 25-26).

Проводя различие между исследованием и изложением, ГГ. Шпет в итоге резко противопоставлял эвристику и логику, методы исследования и методы изложения (1095. С. 15,31) и, соответственно, методологию исторического исследования и методологию исторического изложения. При этом он ссылаясь на специфику занятий историка. Сравнивая метод работы естествоиспытателя («натуралиста», по его выражению) с методом историка, он подчеркивал особенность исторического метода следующим образом. В отличие от натуралиста, который вначале исследует, а потом излагает, историк, даже обладая самым ярким воображением, восстанавливающим перед ним «картины» изучаемого им, не может уйти от власти и действительного значения обозначающих эти образы слов. Историк всегда живо ощущает логическую магию слов уже в процессе своего исследования и прямо на нее направляет свою логическую рефлексию. Больше того, натуралист, как наблюдатель, просто не замечает внутренне произносимых

им слов, фиксирующих перед ним предметы его изучения, тогда как историк находит многообразие логических форм, прямо данных в его «источнике», «документе», и просто для того, чтобы понимать «документ», он уже должен отдавать себе отчет в логической природе этого разнообразия. Отличие историка от «натуралиста» Г.Г. Шпет видел в том, что он одновременно выступает и как читатель, и как писатель. «Формы, усматриваемые историком, как «читателем», частично повторяются им, как «писателем», и начинает казаться, что новые логические формы, возникающие в процессе «изложения», суть только обогащение и расширение форм «исследования», а не нечто принципиально новое. В конце концов историк у себя в кабинете, в архиве или библиотеке может придти к своему пони-

255

манию данного ему, но лишь только он должен придать тому, что он понял, научную форму, он должен соблюдать логические требования. Логике решительно все равно, что и как думает историк, она видит свой предмет только в том, *как он выражает*, и опять-таки не свои представления, чувства, чаяния, а то *содержание*, которое сообщил ему «документ» (1095. С. 21-22).

В этой связи Г.Г. Шпет также не соглашался с традиционным представлением о том, что предметом логики является *мышление*, которое подчиняется некоторым «правилам», каковыми и должна вестись логика, как наука именно о «правильном мышлении». Поскольку сама научная работа традиционно трактовалась как процесс *исследования*, поэтому считалось, что нельзя ограничивать задачи логики моментом изложения, которое занимает второстепенное место. По мнению Шпета, в основе такого соображения лежит психологизм, и оно не имеет значения в решении поставленной проблемы: «Если мы займемся мышлением историка вместо того, чтобы исследовать *то, о чём он мыслит*, то получим только данные о личных качествах этого историка, а не о существе и особенностях его науки. От того, что историк негодует или радуется, от того, что он добросовестен или

партиен, от того, что он мыслит непринужденно или под предвзятым мнением, — от всего этого, скажем, французская революция не передвинется ни на один миг раньше или позднее, не изменится ни одно из соотношений, вызвавших ее причин, не исчезнет и не прибавится ни одно событие. Все в истории было, как оно было, но суть-то именно в том, как *изображает* это историк, поэтому-то и важно иметь *науку о приёмах, способах и методах научного изложения*. Думайте и чувствуйте, как хотите, но излагайте правильно, — не только в соответствии с тем, что было, но и в соответствии с требованиями логики, иначе это будет не наука, а может быть, роман, поэма, проповедь (1095. С. 24-25). Такой «наукой о приемах, способах и методах научного изложения» Г.Г. Шпет считал и логику исторической науки, и методологию историю. Именно в этом смысле он отождествлял их, что было его несомненной исторической заслугой.

В-четвертых, отождествляя логику исторической науки с методологией истории, он стремился к более точному определению логики исторической науки и первый поставил вопрос о необходимости разработки специальной логики исторической

256

науки, которая, по его словам, «не есть какая-либо принципиально новая логика, которая уничтожала бы или делала ненужной остальную логику, это есть та же логика, но специфированная сообразно особенностям исторического предмета» (1089. С. 45). В соответствии с этим и методология истории понималась им тоже не как какая-то новая методология, отрицающая общую методологию, а как специальная методология, определяемая особенностями предмета и метода исторической науки.

Главной задачей специальной методологии отдельных наук Г.Г. Шпет считал изучение форм выражения не предмета вообще, а каждого специализированного предмета в особенности. Специальные понятия и формы их отношений изучаются методологией в первичной и непосредственной данности предмета, следовательно, путем анализа тех

предпосылок, которые наука вбирает в себя в качестве условий своего построения. В этой своей специфике методология истории сохраняет свой философский статус и остается, по существу, философской наукой. Разница лишь в том, что философия разрабатывает наиболее общие положения, а методология только тогда может воспользоваться результатами философского анализа, когда она, не довольствуясь его общими положениями, ищет их применения для своих специальных целей.

Методологические проблемы, по мнению Г.Г. Шпета, изучаются двумя путями: аналитическим и синтетическим. Аналитический путь предполагает изучение предмета в его логических формах выражения, т. е. в понятиях, отношениях понятий, в принципиальных связях и взаимной координации, *resp.* субординации и пр. Синтетический путь направляет методологию на логическое построение науки в целом. Здесь речь идет о способах доказательства, об объяснительных теориях и их специфических особенностях в зависимости от специфичности предмета, об их характере как теорий, устанавливающих законы или допускающих творчество. На этом «синтетическом направлении» Шпет видел возможность решения высших и конечных задач методологии истории (1089. С. 42).

Определив основные направления специальной методологии, он сформулировал четыре основные задачи, стоящие перед логическими и методологическими исследованиями в области истории:

17

Зак.253

25?

а) осмысление предмета, который характеризуется в двух планах: общелогическом - как конкретный или абстрактный, разделительный или коллективный, эмпирический или идеальный, и в узко методологическом - как предмет природы, включающий в себя животный и социальный миры;

б) уяснение места истории в системе остального знания, анализ отношения исторической науки к другим наукам о том же предмете;

в) изучение возможностей применения исторического метода, как

специфического метода исторической науки, в других науках о других предметах, имеющих общие логические свойства;

г) показ особого характера исторической причинности, лежащей в основе всех исторических объяснений и теорий, исходя из особенностей исторического предмета как предмета действительного мира (1089. С. 46-47).

В-пятых, придавая большое значение логическим формам выражения. Г.Г. Шпет в то же время не считал их достаточными для понимания истории и создал учение об исторической герменевтике, отличающееся в то время своей новизной и оригинальностью. Первым основанием для выделения ее в специальное учение он считал интерпретацию. «Стоит припомнить, какое колеблющееся положение занимает у авторов «историки» *интерпретация*, которая относилась то к собственно исследованию, то к синтезу, то к построению. По его мнению, именно здесь, в проблеме интерпретации лежит узел, связывающий историческую науку с логическим учением о природе исторического метода. Логика, ставя перед собой проблему истории, только тогда может надеяться разрешить ее, когда развяжет этот узел. Узел завязывается на том месте, где предмет исследования переходит в предмет познания и по мере этого перехода, т. е. по мере того, как предмет познается, всегда существуют объективные предметные принципы познания, и теория познания именно эти акты в предметной направленности должна выделить в особое принципиальное учение об историческом познании (1095. С. 34).

Вторым основанием для исторической герменевтики Шпет считал методологический принцип плюрализма. «Методология, исходя из принципиального признания «плюрализма» наук и их методов, должна в своих интересах требовать такого же плюрализма теорий познания»(1095. С. 35). Этот плюрализм он выво-

258

дил из якобы присущих исторической науке специфических двух «предметов исследования», двух содержаний, двух пониманий и двух методов исследования: «И вот оказывается, что мы имеем дело как бы с

двумя предметами, - в действительности с двумя содержаниями одного предмета - предмет, подлежащий исследованию, и *тот же* предмет, но известным образом «преображенный», как предмет для изложения, познанный и в познании понятий. Таким образом, *один* предмет играет формообразующую роль, но его содержание различно в «начале» изложения и в «конце»» (1095. С. 33). Специфика предмета и методов исторического исследования требовали, по мнению Г.Г. Шпета, создания своеобразной теории познания: «Теория познания в этом смысле суть прежде всего теория методов исследования, с помощью которых предмет из «предмета исследования» превращается в предмет познания. Теории познания суть теории наблюдения, самонаблюдения, эксперимента, истолкования и т. п. Для исторической науки такой своей теорией познания является герменевтика, которая составляет связующее звено между учением о методах исторического исследования и методах исторического изложения» (1095. С. 34). Такая дуалистическая и плюралистическая трактовка предмета и метода исторического познания была новой и непривычной для приверженцев исторического материализма, твердо стоявших на позициях методологического монизма и не простивших ему увлечения герменевтикой. Он же одну из задач философии истории видел в том, чтобы дать принципиальный анализ основных понятий герменевтики, как теории исторического *познания*, в первую очередь, понятий сообщения и понимания, полагая, что только на почве такого анализа может быть создана специальная историческая герменевтика и специальная логика исторической науки (1095. С. 35). Поэтому самое насущнейшее требование, которое теперь должна предъявить логика к философским принципам, состоит в том, чтобы дать принципиальный анализ основных понятий герменевтики, как теории исторического познания, в первую очередь, понятий сообщения и понимания. Сообщение Г.Г. Шпет считал основным фактом, по которому должна ориентироваться вся методология исторической науки: «Сообщение - коренной факт и условие социального общения; его изучение - основа

исторической науки; метод этого изучения - основа исторической методологии. Только на

17*

259

почве этого анализа создается и специальная историческая герменевтика и специальная логика исторической науки» (1095. С. 35). Понятие «сообщение», равно как и «понимание», на его взгляд, выражает и требует анализа терминов соотношения: говорящий - слушающий, писатель - читатель, авторитет - признание, источник - восприемник и т. д. Как уже говорилось, особенность положения историка Г.Г. Шпет видел в том, что тот в одном лице соединяет оба термина названного соотношения: он и читатель, и писатель одновременно. Он должен уметь понимать - тут метод исследования, и должен уметь передать понимаемое - тут метод формулирования. Разница ясна: историк, как исследователь, как читатель, *сам должен понимать*; как писатель, должен *дать понять* другому (1095. С. 21). Исследуя процесс понимания, Г.Г. Шпет подробно прослеживал процесс превращения статуса историка в ходе исследования, изменение его роли: из «получающего сообщение» он превращается в «передающего сообщение». «Здесь есть взаимная респективность, но отнюдь не тождество и не параллелизм. История, как процесс в действительном мире, не заботится о том, чтобы быть понятой, но историк должен не только понять этот процесс через посредство своего «источника» и не только должен позаботиться, чтобы его поняли, он должен сделать еще понятным самый исторический процесс» (1095. С. 22). Г.Г. Шпету было совершенно ясно, что *понимаемое* не составляет *всего* содержания источника и передается дальше; «излагается» не все содержание источника, и, следовательно, форма его выражения определяется предметом лишь в понимаемом содержании, как его смыслом; поэтому приходится считаться с «понимаемым» только как со смыслом. Такая трактовка роли и специфики понимания в исторической науке потребовалась Г.Г. Шпету для доказательства необходимости исторической

герменевтики.

Исторической герменевтике он уделял много внимания и в книге «Внутренняя форма слова» и в статьях «Философия и история» и «Герменевтика и ее проблемы», в которых он указывал на необходимость универсального понимания («уразумения», истолкования) истории, позволяющего отыскать «первые начала» и «принципы» бытия, называя их «сущностями», «смыслами», «идеями», «эйдосами». «Ибо всякий видит, что значение переживаний, ведущих от «камня» или от правдивых сказаний,

260

или от других исторических источников, состоит преимущественно в их истолковании или герменевтическом характере» (1090. С. 437). Историческая действительность, по его мнению, не дана, а «загадана*», и «разгадка» ее, т. е. обнаружение действительного смысла исторических деяний, достигается с помощью интуитивных актов человеческого разума. Эти интуитивные акты он понимал в духе Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. Лейбница.

Указывая на значение интуиции в историческом познании, Г.Г.Шпет неоднократно подчеркивал ее сложность и специфику. Сложность интуитивного понимания он раскрывал путем сравнения с естественнонаучным познанием: «Мы удивляемся на натуралиста, который по одной кости восстанавливает облик когда-то существовавшего и теперь исчезнувшего вида, но насколько же сложнее та конкретная интуиция, с помощью которой мы восстанавливаем картину исторического быта по ничтожнейшему иногда следу человека» (1090. С. 437). Обращая внимание на эту сложность, он раскрывал пути «уразумения» и интерпретации. По его мнению, для интуитивного уразумения любого «отрывка» в потоке истории нужно не просто реконструировать прошлое, не просто уметь «схватить» картину целого там, где называется только часть, для этого требуется еще большее: по внешнему, наружному дойти до внутреннего, интимного, полагая, что это и есть путь уразумения и интерпретации (1090. С. 437).

Специфику интуитивного понимания он подчеркивал следующим образом; «Здесь, очевидно, есть такое своеобразие, мимо которого не может пройти философский ум со своей логикой и методологией. Он должен поставить здесь *свои* проблемы и должен искать *свои* решения» (1090 С. 437-438). Постановка проблем и поиск решений, конечно же, зависит от историка.

Будучи убежден, что «уразумение стадности» можно выразить рациональными средствами, он не сомневался, что разум может улавливать смысл, постигать сущность исторических явлений так же непосредственно, как он улавливает чувственные вещи. В то же время, определив опосредованное понимание (интерпретацию) как момент весьма существенный, хотя и произвольный, Г.Г. Шпет наряду с рациональным моментом, допускал в определенной мере иррациональный способ понимания. В этом смысле он предвосхитил многие идеи герменевтической «философии понимания». Указывая на значение герменевтики для ис-

261

торической науки, раскрывая ее сущность и специфику, он заслужил звание «первого русского герменевтика». Его историческая заслуга, главным образом в точном определении логики исторической науки, установлении ее связи с методологией истории во всех ее философских аспектах, в обосновании необходимости создания исторической герменевтики. Его идеи за рубежом были реализованы Х. Гадамером, П. Рикером, М. Хайдеггером, К. Яс-персом, а в России их стремился развить Л.П. Карсавин.

4.3. Л.П. Карсавин о методе понимания «психоистории»

В новых исторических условиях проблема исторического понимания приобрела особую остроту. Термин «понимание» стало одним из наиболее часто употребляемых и в обыденной жизни, и в научных и философских исследованиях. Частота и произвол употребления указанного термина объясняется в какой-то степени обилием его значений и недостаточной разработанностью вопроса в теоретическом плане; отсутствием научной квалификации понимания, отсутствием анализа логической природы,

структуры и функций понимания.

Необходимость философского исследования содержания и формы, объема и границ данного понятия определяется не только целями позитивного изучения научного понимания, но также целями критики различных форм метафизического понимания его только как объективного или субъективного, рационального или иррационального, позитивного или критического, научного или ненаучного. Применительно к исторической науке важно понимание его значимости для исторического исследования, осознание того, что без понимания смысла, сущности и значения исторических фактов не может быть научной истории. Не случайно, понимание исторических событий, проникновение в мир чувств, настроений, переживаний их участников всегда отличало труды лучших историков.

Авторами «философии понимания» на Западе считаются немецкие философы Ф. Шлейермахер и В. Дильтей. В 1908 г. была переведена на русский язык статья Дильтея «Описательная психология», в которой он попытался ответить на ранее поставленные вопросы: что такое история, каков ее предмет и метод и в чем их специфика. Он попробовал изменить все структурно-функ-

262

циональные характеристики исторической науки (предмет, знание, исследование, метод), введя новое понимание предмета исторической науки («духовные факты», «внутренние факты сознания»), новое определение истории («наука о духе», «описательная психология»), новые «категории жизни»: *ausdruck*, *erlebnis*, *verstehen* - выражение, переживание, понимание; новый метод, обозначенный им как герменевтический. Его методологические представления были основаны на дуалистическом противопоставлении «наук о природе» и «наук о духе»: «Природу мы объясняем, духовную жизнь постигаем» (278. С. 8). На этой основе противопоставлялись методы объяснения и методы понимания.

В России к проблеме исторического понимания обращались многие

философы: Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк и др., но наиболее глубокий анализ специфики предмета и метода исторического понимания дал Лев Платонович Карсавин (1882-1952). В понимании предмета он исходил из принципа «триединства», базирующегося на основе соловьевского «всединства». Надеясь с помощью «триединства» понять «строение единого исторического процесса», трактуемого как «всеединство культуры», материальной и духовной, передаваемой в различных выражениях: «культура мысли», «культура слова» и пр. Он выражал суть своего триединства в следующих моментах:

- триединство мира как единого развивающегося целого: космос-природа-человек (422. С. 65; 424. С. 349);

- триединство человека как духовно-душевно-телесного единства (422. С. 65; 424. С. 349; 426. С. 156-157);

- триединство субъекта истории: индивидуального, коллективного, «всечеловеческого» (423. С. 11);

- триединство социальной деятельности: экономической, политической и духовной (423. С. 11);

- триединство духовной культуры: религии, философии, науки (420. С. 35);

263

- триединство истории, объединяющей времена: прошлое -настоящее - будущее человечества (423. С. 9,26).

Из такого понимания предмета исторического познания вытекало

карсавинское понимание исторического метода. Вообще, для его понимания исторического метода характерна своеобразная эволюция. Вначале он думал о недостаточности чисто логических, рациональных методов для познания исторической реальности и необходимости применения к истории дополнительных, вспомогательных средств. Затем он пришел к выводу о противоположности научного объяснения и исторического понимания и стал думать, что в основе исторического мышления лежит качественно иной способ понимания. В поисках новых средств он обращался к известным тогда способам познания истории: религиозно-мистическому, символическому, «гностическому». В итоге он уяснил, что, например, религиозная мысль, питаясь мистическим постижением, выходит за рамки рационального знания. И для того, чтобы выразить мистический опыт, недостаточно обычных слов и понятий, приходится фиксировать свое восприятие символами и приходится обращаться к символическому методу - «методу символического понимания», которому присуще «сознание раскрытия тайны мира, нахождение истины, когда толкуемое кажется бездонно глубоким, скрывающим в себе еще какие-то, пока еще неизведанные, но уже чуемые сердцем тайны» (425. С. 168). Символическое толкование рассматривалось им как «метод нахождения истины», дающий «интеллектуальное удовлетворение и ощущение раскрытия тайн мира» (425. С. 169). Он считал этот способ «игрой ума», «игрой всерьез», «не детским фантазированием, а раскрытием смысла, обретением истины» и все же не мог не признать, что символическое толкование в богословии и философии превращается в гадание о будущем (425. С. 169). Еще более туманным и загадочным предстал перед ним «гностический метод», который он в «Глубинах сатанинских» называл «методом убывающего ряда эманации» (429. С. 47).

Результатом методологических поисков явилось обоснование Карсавиным качественно нового метода исторического познания, открывающего путь для реконструкции прошлого и понимания настоящего. Для этого метода подходит термин «психосинтез» (кстати, сам он не

употреблял этого термина), ко-264

торый довольно точно отражает суть его подхода, объединяющего психологический анализ и исторический синтез и в то же время отличающего его от фрейдистского психоанализа. Выдвигая на первый план психосинтез в качестве главного инструмента исторического понимания, Карсавин дал ответ на вопрос о статусе и специфике исторического метода. По своему статусу психосинтез является гуманитарным подходом, объединяющим антропологический, социологический, психологический способы познания истории. В психологизации он видел основное свойство исторического метода, его принципиальное отличие от методов естественных наук: «Определяя историю как психически-социальное развитие человечества, мы уже вскрываем специфические особенности исторического метода» (423. С. 12).

Усматривая специфику исторического метода в психологизации, он выводил ее из сходства объекта и субъекта, как чужого и своего развития. «Методы постижения чужого развития должны быть в основе своей теми же, что и методы постижения своего развития» (424. С. 62). Из этого делал вывод, что в познании прошлого соединяются два психических процесса, идущих от субъекта истории и от познающего ее субъекта - историка. Из этой особенности вытекало его понимание специфики исторического мышления, связанной, главным образом, с сопереживанием. Под сопереживанием он понимал не столько личное, субъективное переживание, сколько проникновение в иной духовный процесс. Суть сопереживания, по Карсавину, вовсе не в конструировании душевного понятия по аналогии со своим собственным. Тайна должна раскрываться не из рассуждений историка, а из чувства отличия, даже отчуждения, возникающего при прикосновении к душам ушедших людей: «Для историка необходимою предпосылкою его науки является не только и не главным образом его субъективное переживание, а *реальное проникновение в иной душевный процесс, подлинное слияние с ним*, как бы такое вливание в индивидуальную

и коллективную душу ни объяснялось. Для него это факт. И всякое объяснение, сводящее этот факт на иллюзию или самообман, им признано быть не может» (423. С. 16). Он указывал на отличие своего метода от метода Г. Риккерта: «...воспринимая действительность, мы воспринимаем ее в ее реальности, а не преобразуем ее, как полагает неокантианец Рик-керт»(423. С. 16-17).

265

Определяя историческую науку как форму самопознания, Карсавин уделял большое внимание познающей личности, называл ее «симфонической личностью» и раскрывал механизм постижения ею истории: «Раз я познаю инобытие - я в некоторой степени с ним един, хотя, конечно, и разъединен, причем разъединен более чем с собственно «моими» моментами. Процесс познания мною инобытия есть процесс моего соединения с ним... Соединение мое с инобытием осуществляется как *сфера наших общих качествований*», которая упирается, с одной стороны, в мою личность, а с другой стороны, - в инобытие, *как для меня -уже или еще некачествующее и неопределимое*. Очевидно, что общая сфера может и сужаться до крайней разделенное™ моей личности с инобытием, и расширяться в направлении к нашему единству. В ней инобытие отдает себя мне, а я отдаю себя инобытию» (426. С. 95). Таким образом, Карсавин рассматривал весь механизм познания прошлого: первичное единство инобытия и личности, их разъединение и, в конечном счете, воссоединение. «Акту знания предшествует *первичное единство или первичная слиян-ность инобытия и личности*. Таким образом, *знание начинается с разъединенности инобытия и личности и заключается в их воссоединении*» (426. С. 96). На наш взгляд, такой анализ взаимодействия субъекта и объекта (историка и инобытия) в познании гораздо глубже дильтеевского понимания, отождествляющего их. В своем методе он видел предохраняющее средство от вульгарного подражания и параллелизма: «Этот чрезвычайно тонко и глубоко проникающий метод, который позволяет улавливать малейшие извивы чужой

душевной жизни и по обрывкам воспроизводить целое, совершенно необъясним путем вульгарного сведения его на «законы» подражания и параллелизма душевных и телесных движений» (423. С. 16).

Такой подход к делу и понимание задач исторической науки казались Карсавину единственно правильными и необходимыми для выведения истории из состояния аморфности и рассеянности, в какой она тогда находилась. Он считал себя обязанным пренебречь личными соображениями и указать на основные проблемы исторической науки, что достигается, по его мнению, «не методологическими трактатами, а синтетическими построениями, время которым все равно приходит, хотим мы того или не хотим» (419. С. 2). Сам он дал прекраснейшие образцы таких

266

построений в таких философских и исторических трудах, как: «Культурасредних веков», «Католичество», «Монашество в средние века», пятитомная «История европейской культуры» и др. Его интерпретация предмета и метода истории имеет не только историческое, но и современное значение. Выступая серьезной альтернативой, одной стороны, интуитивизму и иррационализму, а с другой - историческому материализму, рационализму и формализму, она дает новый стимул для развития методологии истории.

В итоге, несмотря на значение указанных направлений, приведенный анализ позволяет сделать вывод, что ни одному из них не удалось до конца решить ни логические, ни связанные с ними методологические проблемы исторического исследования. И здесь осталась нерешенной важнейшая методологическая проблема - проблема статуса и специфики методов исторического понимания.

4.4. Специфика методов исторического исследования

4.4.1. Методы исторического описания

Историческое описание в современной литературе (Ф.Р. Ан-керсмит, М.А. Киссель, В.П. Карсавин, В.Т. Маклаков, С.Ф. Молодина, В.Н. Орлов, А.А. Порк, Л.В. Свистова и др) рассматривается в разных аспектах:

онтологическом (репрезентация исторических явлений), гносеологическом (определенная система «описывающего знания»), логическом (строгая логическая процедура.). В интересующем нас методологическом аспекте фиксируется внимание на методах исторического описания, выяснении их гатуса и специфики. Суммируя эти аспекты, мы определяем историческое описание как начальную ступень (процедуру) исторического исследования, фиксирующую *проявление* сущности исторического процесса, отражающую ход исторических событий в их пространственно-временной связи, излагающую систему исторических фактов в конкретной эмпирической форме. Другими словами можно определить его как один из методов исторического понимания, направленный на адекватное отражение исторических явлений в их конкретно-исторической форме, способ изложения исторических фактов. Для исторического метода описания характерно описание конкретных истори-

267

ческих событий, констатация различных стадий развития предмета в определенных пространственно-временных границах. Метод исторического описания строится, прежде всего, на основе знания общих законов научного исследования, вытекающих из общих правил формальной и диалектической логики с помощью таких понятий, как «факт», «явление», «событие», «конкретное», «единичное», «индивидуальное», «отдельное», «частное» и др. Каждое из этих понятий оказывается непременно связанным с другими категориями: в факте проявляется действие законов, в явлении «светится» сущность, за случайностью скрывается необходимость, в конкретной ситуации отражается общий ход событий.

Метод исторического описания подчиняется всем принципам диалектического метода. Одним из главных принципов, оказывающих влияние на описание, является принцип объективности, суть которого может быть выражена требованием адекватного воспроизведения исторических фактов. В основе исторического описания лежит объективный анализ фактов,

с помощью которого описывается историческая реальность во всей ее сложности и многообразии: материального и идеального, индивидуального и массового, физического и психического, стихийного и сознательного, сознательного и бессознательного. Сложность метода описания здесь определяется сложностью предмета исторического исследования.

Не менее сложной является реализация методологического принципа историзма, требующего рассматривать исторические явления в их исторической связи. Анализ исторических связей равноценен описанию исторических явлений как ступеней развития и связей между различными ступенями развития. В исследовательской практике это означает описание исторических явлений в их движении от простых к сложным, от неразвитых к развитым; описание изменений, происходящих внутри каждого исторического явления; описание противоречивых тенденций исторического развития. Подчиняясь общим требованиям диалектической логики, историческое описание обладает в то же время рядом специфических черт, делающих его непохожим на другие описания. Специфика исторического описания может быть определена путем сравнения его с описанием природных явлений в естественных науках, с описанием социальных яв-

268

ний в других общественных науках, с другими уровнями исторического исследования: историческим обобщением, историческим объяснением, исторической оценкой.

Сопоставляя описание и объяснение, следует заметить, что вопрос о специфике исторического описания, о его месте и роли в историческом исследовании, является дискуссионным. По этому вопросу сложились две точки зрения. Первая представлена в статье В.Т. Маклакова и Л.В. Свистовой: «Описание и объяснение в историческом познании представляют собой диалектическое единство противоположностей, которое реализуется через их синтез в процессе познания» (581. С. 134). Выясняя общие черты описания и объяснения (общая знаковая система, общий структурный

элемент, общий интерпретационный момент), они различали их по объему, по глубине проникновения в сущность исторического процесса. По их мнению, описание по объему уже объяснения, но объяснение - глубже в смысле отражения сущности; в описании фиксируется видимая роль, исполняемая «актерами», в объяснении - скрытый замысел автора (режиссера, продюсера); в описании констатируются все связи действительности (существенные и несущественные, необходимые и случайные), в объяснении - только существенные, необходимые; в описании отражаются генетические связи, в объяснении - причинные.

Резкое разграничение описания и объяснения как низшей и высшей ступеней исследования, сделанное по мерке естественнонаучного исследования, породило вторую точку зрения, наиболее четко представленную в статье М.А. Кисселя «К изучению структуры исторического исследования». Утверждая, что подобное разграничение характерно только для естественных наук, где описание предваряет объяснение и в определенном смысле противостоит ему, М.А. Киссель считал, что в историческом исследовании описание не может быть механически привязано к эмпирии, оно сохраняется на всех этапах исторического исследования (449. С. 94) Здесь описательность не порок, а выражение специфической структуры исторического исследования. И в отличие от философского, теоретического исследования, где описание играет второстепенную роль, в историческом исследовании оно играет ведущую роль, включая в себя объяснение и оценку. Вплетаясь в ткань исторического описания, историческое

269

объяснение и оценка придают фактической последовательности характер причинно-следственной связи. В примате исторического описания Киссель видел особенность структуры исторического исследования, определяемую сложностью и спецификой исторического объекта. Он справедливо подчеркивал специфику всего исторического исследования, но,

на наш взгляд, несколько преувеличил в нем роль исторического описания. Как бы ни было оно связано с объяснением и оценкой, но возможности его ограничены. В ходе описания могут быть даны ответы на вопросы: что, где, когда, как происходило, но не может быть дан ответ на вопрос: почему происходило именно так, а не иначе, не может быть выяснена необходимость и неизбежность происходившего в данной конкретной ситуации. Безусловно, в ходе описания может быть частично изложена суть происходившего и даже указаны следствия, вытекающие из данного хода событий, но не выясняется смысл и значение описываемых событий, не выясняется ценностное отношение исследователя к происходящему. Для решения этих задач исследователь должен двигаться от описания к объяснению и оценке. Будучи связаны с описанием, объяснение и оценка требуют особого дара понимания. Историческое описание имеет ряд отличий, обусловленных конкретно-историческим подходом. Суть его в описании конкретных фактов, конкретной обстановки, конкретных условий происходящего, в описании особенностей, отличающих одно явление от другого. В противном случае описание не будет историческим, какими бы преимуществами оно ни обладало. Упомянув о таких конкретных деталях, как «нос Клеопатры», «насморк Наполеона перед Бородинским сражением», «несварение желудка Карла IX в Варфоломеевскую ночь»? «раненая под Полтавой пятка Карла XII» и пр., историк, наряду с общими, типичными чертами, раскрывает уникальное, неповторимое, связанное с особенностями того или иного народа или исторической личности, особенностями времени и места.

Вместе с признанием специфики исторического описания, сегодня осуждается в равной степени и «вульгарный социологизм», пытающийся сделать историю абстрактной, неконкретной, и вульгарный историзм с его излишней детализацией. Видя в конкретизации одно из специфических свойств исторического описания (без этого нет исторической науки!), мы в то же время

считаем, что конкретно-исторический подход характерен не только для исторического, а для всякого научного описания, требующего, с одной стороны, «конкретного анализа конкретной ситуации», с другой, — знания общих закономерностей. Это общее правило диалектического метода.

Специфика исторического описания обнаруживается не только в содержании, но и в форме его, т. е. в способе изложения, в манере повествования, в нарративе. Для исторического описания, как известно, не подходит язык математических, физических, химических формул, язык философских абстракций или социологических обобщений. Безусловно, здесь повествование ведется соответствующим времени литературным языком. Именно этим объясняются различия в форме описания одних и тех же фактов в трудах историков разных эпох: Татищева, Костомарова, Тарле, Конрада, Манфреда и др. Искусство изложения исторического материала зависит не только от знания историком правил логики, но и от художественного дара; в зависимости от его таланта оно приближается к художественной прозе. История знает немало примеров художественного описания исторических событий, наглядных изображений драматических коллизий. Так, известен в этом отношении талант В.О. Ключевского, Е.Н. Тарле, научный характер исторических трудов которых выигрывал от первоклассной художественной прозы. Общие моменты в содержании и форме научного и художественного описания истории фиксируют американские историки Дж.Л. Мотли, УХ. Прес-

кот и др.

Итак, преодолевая крайние точки зрения в оценке исторического описания, мы подчеркиваем диалектическое единство описания, объяснения, оценки в историческом понимании. Все они связаны, но не идентичны. Объяснение и оценка строятся на описании исторических явлений и в то же время дополняют и углубляют его. Описание - важный способ исторического понимания, но не единственный и не достаточный. Большей частью понимание реализуется в объяснении и оценке.

4.4.2. Методы исторического объяснения

Объяснение, позволяющее постигнуть генезис и сущность исторических явлений, поднимает понимание на более высокий уровень, придаст ему теоретический характер. В рамках теории

271

исторического объяснения в работах таких российских исследователей, как В.С. Егорова, М.В.Егорова, А.Н. Елсуков, В.В. Иванов, В.Н. Карпович, Э.Н. Лооне, В.Н. Орлов, С.А. Орлова, А.А. Порк, В.П. Фомин и др. дается не только критика, но и конструктивный анализ исторического объяснения. Оно рассматривается в различных философских аспектах: онтологическом, выясняющим характер исторических связей и зависимых от них видов научного объяснения (причинного, генетического, структурного, функционального); гносеологическом, раскрывающим природу исторического объяснения, его зависимость от объекта и субъекта; логическом (анализ отношений логического следования, логических процедур исторического объяснения); методологическом, обеспечивающим характер методов исторического объяснения, поиск методологических средств, помогающих выяснить существенные связи истории. Такой многосторонний подход к историческому объяснению позволяет показать, что оно, с одной стороны, по своим наиболее общим характеристикам сходно с другими видами научного объяснения (естественнонаучного и социального), а с другой стороны, имеет ряд специфических черт, обусловленных сложностью и спецификой исторического познания. Суммируя указанные аспекты, мы определяем историческое объяснение как одну из важнейших ступеней исторического понимания, отражающую сущность исторических явлений, их закономерность и необходимость. В соответствии с этим метод исторического объяснения определяется как один из способов исторического исследования, направленный на выражение сущности исторических явлений, выяснение их закономерности и необходимости.

Сущность исторического метода объяснения также вытекает из общего

диалектического подхода. Объяснить с исторической точки зрения - значит показать историческую обусловленность, вскрыть исторические корни данного явления, понять историческую необходимость его существования в данных исторических условиях, правомерность функционирования в данной конкретной исторической обстановке. В этом плане исторический метод объяснения совпадает с общим диалектическим требованием рассматривать всякое явление как ступень развития, ступень исторически закономерную в данных условиях, исторически необходимую в данной конкретной обстановке. 272

Указанные свойства исторического объяснения сегодня нередко абсолютизируются как позитивные и противопоставляются научному объяснению. Так, немецкий историк Т. Шидер на XIII Международном конгрессе историков противопоставил историческую науку как позитивную, социологической науке как критической. По его мнению, социология возникла как критическая наука, ставящая своей целью изучать господствующие системы и указывать на их относительность. В противоположность этому историческая наука возникла якобы с целью доказывать законность исторически сложившихся государственных и общественных форм и тем самым предотвращать революционные попытки их изменения. В качестве примера он приводил немецкую историографию, которая или оправдывала существующее, или, признавая необходимость его изменения, ориентировала на исторические образцы национального прошлого (1075. С. 20).

Это противопоставление, на наш взгляд, неверно ни по отношению к социологии, ни по отношению к истории. Социологи не только критикуют, но чаще оправдывают существующие системы. И историки во все периоды, несмотря на действительно значительный вес апологетических тенденций в их трудах, ставили задачи критического анализа прошедшей действительности, о чем свидетельствует историографическая практика всех времен и народов. Это противопоставление является неверным и в методологическом

отношении, являясь попыткой отождествить исторический метод с позитивным анализом и оторвать его от критического.

Всякое исследование немислимо без выражения отношения субъекта к изучаемому объекту. Это отношение может быть положительным, а может быть и отрицательным, хотя в жизни нет явлений абсолютно положительных или абсолютно отрицательных. Абсолютизация того или другого порождает, соответственно, позитивизм и нигилизм. Обе эти крайности являются разновидностями метафизического метода и, в сущности, обе реакционны.

Позитивизм, девизом которого является положи к-льное отношение к существующему, есть установка в рамках реформизма и оппортунизма - установка на оправдание всех существующих форм, на апологию всего существующего, вплоть до оправдания «кнута» на том основании, что он имеет тысячелет-

18

Зак.253

273

нюю историю (550. Т. 13. С. 401) .Формы исторической апологетики различны. Н.Г. Чернышевский, например, указывал на две ее основные формы: «Первый сорт апологии таков: форма, существующая ныне, существовала у вавилонян, ассириян, мидийцев, персов, греков, и т. д., а, следовательно, человечество обойтись без нее не может. Второй вид апологии представлен в иной форме: первоначально это дело имело такой вид, при высшем развитии получило такой-то, а еще при высшем — такой-то, а ныне, при еще высшем имеет вот такой, следовательно, нынешний вид дела уж очень хорош, и недовольны им могут быть лишь безумцы» (1053. Т. 2. С. 569). Склонный к апологетике, позитивизм противился всяким попыткам радикального изменения общества. Не случайно приверженцы О.Конта обвинялись в обосновании вечности капиталистического строя (600. Т. 17. С. 567). Эта доктрина сознательно консервативна, а в периоды революционных ситуаций - даже реакционна.

Нигилизм тоже в сущности контрреволюционен: будучи идеологией

мелкой буржуазии, он критичен и революционен только внешне. В основе позитивизма и нигилизма лежит метафизическое понимание метода исторического исследования, разрывающее его позитивные и критические стороны. Сводя историческое исследование к позитивному анализу, позитивисты ограниченно понимали и сам позитивный анализ, и все исследование в целом. Позитивное понимание есть часть (сторона, функция) исторического метода, имеющая самостоятельный статус. Суть позитивного анализа - в констатации объективного положения дел, в понимании исторической обусловленности происходящего, доказательстве появления и существования исторических форм в данных конкретных условиях. Но в то же время позитивный анализ носит *относительно* самостоятельный характер, несет в себе заряд негативного понимания, критики отрицательных сторон. Критика есть также самостоятельная часть исторического понимания, имеющая свои цели и задачи: показать историческую ограниченность социальных явлений, их отсталость, историческую обреченность; доказать историческую неизбежность отмирания исторических форм в новых исторических условиях. Но самостоятельность ее также *относительна*: абсолютная критика, «критика ради критики», критика, не удерживающая положительные моменты, противопоказана науке.

274

Таким образом, дав качественно новое понимание и позитивного, и критического способов исследования, мы объединяем их в историческом методе как две его стороны (части, функции) и показываем их взаимосвязь, взаимодействие, взаимообусловленность. В этом принципиальное отличие диалектического понимания исторического метода объяснения от метафизического. Именно поэтому диалектика внушала «доктринерам идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении,

следовательно, и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (600. Т. 23. С. 22). Эти свойства диалектики в целом, и диалектической логики в частности, свойственны историческому методу объяснения.

Проблематичным здесь остается другой, поставленный еще Гегелем, вопрос: как объяснить историю в философских категориях, не омертвив, не огрубив ее? В логическую структуру объяснения входят категории: «сущность», «развитие», «связь», «причина», «закон», «необходимость», «система», «структура», «количество», «качество», «противоречие», «противоположность», «цель» и др. Разумеется, дело не сводится к перечислению категорий, задача методологов - показать, как они используются конкретно, как они «работают» в историческом объяснении. Кроме того, сами эти категории не рядоположены, а представляют собой некоторую систему как моменты, стороны сущности. Поскольку объяснение есть, в первую очередь, обнаружение сущности явлений, то анализ использования в объяснении тех или иных категорий приводит к типологии исторического объяснения. Построение такой типологии позволяет более эффективно полемизировать с зарубежными теоретиками объяснения (К. Гемпель, У. Дрей, Э. Нагель, К. Поппер и др.). Полемизируя с ними, российские теоретики объяснения (И.С. Кой, Е.П. Никитин, В.Н. Орлов, С.А. Орлова, В.П. Фомин и др.) разработали два типа объяснения: дедуктивно-вероятностное и индуктивно-статистическое. Сложность исторического объяснения требует комплексного изучения различных типов объяснения и разработки соответствующей им системы методов научного объяснения. 18* 275

Метод объяснения истории неизбежно предполагает установление закономерности появления и существования исторических явлений в определенных пространственно-временных границах. При выяснении действия закона в конкретных исторических условиях имеет место не простая логическая процедура подведения событий под известные общие

законы и категории, как это представляли себе авторы позитивистской формулы «объяснения через закон». Подлинное историческое объяснение не является подбором иллюстративного материала к социологическому закону. Как справедливо подчеркивал М.А. Киссель, оно отличается от подобного иллюстрирования как настоящее решение задачи от «подгонки под ответ». Это объяснение уникального хода событий, не вытекающих с железной необходимостью из законов истории. Законы везде действуют одни и те же, а события в разных странах у разных народов разные. Единичное событие не может автоматически редуцироваться из общего закона, хотя без закона факт превращается в нечто загадочное, иррациональное, выпадающее из общей исторической связи (449. С. 92). Вообще, объяснение с помощью закона (например, закона единства и борьбы противоположностей) представляет собой невероятную сложность: здесь мало показать однонаправленные действия людей, надо показать тех, кто движется в противоположном направлении, понять те противоположные тенденции, которые являются внутренними источниками исторического движения; мало показать общие тенденции развития, надо показать те отклонения (флуктации), которые не укладываются в обычные нормы поведения людей. Только в этом случае удастся раскрыть противоречивую диалектику истории, рассмотреть исторический процесс как самодвижение, саморазвитие, понять внутренние пружины самодвижения, «двигательные силы» саморазвития.

Диалектический характер исторического процесса требует диалектического метода объяснения. С помощью последнего должны быть вскрыты все элементы диалектики единичного и общего, индивидуального и коллективного, случайного и необходимого, субъективного и объективного, т. е. объясняемое явление должно рассматриваться не только как единичное, индивидуальное, уникальное, неповторимое, но как проявление общих связей, законов, детерминирующих исторический процесс. Наличие в исторических событиях объективных и субъективных

сторон требует применения не только модели объяснения через закон, но и различного рода личностных форм объяснения, вскрытия не только материальных причин исторических фактов, но и духовных, социально-психологических мотивов человеческих действий. Объяснить с диалектической точки зрения значит: а) рассмотреть каждое историческое явление как определенную ступень развития; б) доказать, что данная ступень развития правомерна в свое время и на своем месте, имеет оправдание для тех условий, в которых она возникла; в) обосновать, что в новых исторических условиях она перестает быть необходимой и правомерной.

Из вышесказанного следует, что особое значение в историческом объяснении имеет применение категории «историческая необходимость». Применение ее помогает историку за рядом случайностей видеть необходимые связи, за сутолокой индивидов - движение масс, за частным - общее, за неповторимым — повторяющееся. Указывая на значение категории «историческая необходимость», необходимо раскрыть ее сущность: это не метафизически понятая необходимость, действующая за спиной людей, не какая-то автоматическая сила,двигающаяся независимо от людей, не какой-то внешний фактор, шагающий впереди или позади событий. Это диалектически понятая необходимость, формирующаяся в самом историческом процессе, внутри человеческой деятельности. Поскольку в обществе нет иных движущих сил помимо человека, нет и необходимости помимо человека. Она к тому же никогда не выступает в чистом виде, а всегда существует и раскрывается в контексте случайного и особенного. Поэтому мало указать на необходимость, надо показать, как она проявляется в конкретных условиях; раскрыть роль идей, цели, воли людей в их деятельности; показать, как эта необходимость реализуется на практике, в свободной и несвободной деятельности людей; как она прорывается сквозь массу случайностей, как случайность «резюмируется» в исторической необходимости и т. д. При рассмотрении исторических событий как естественного, закономерного результата всего предшествующего развития,

отрицается их случайность в абсолютном смысле и доказывается их необходимость в тех условиях, в то время, в том месте, где они возникли и функционировали. Установление необходимости способствует позитивному пониманию истори-

277

ческой деятельности. Включая в себя позитивное объяснение явлений и критическое их рассмотрение, историческое понимание обеспечивает научный подход в истории.

Соотнося объяснение и понимание, мы делаем вывод, что им присущи общие черты и различие. Общее заключается в понимании закономерности и необходимости исторических явлений. Различие вытекает из относительности тождества этих категорий. Категория «понимание» шире объяснения, поскольку включает в себя а) не только объяснение, но и описание, и оценку; б) не только объективное объяснение исторических событий, но и субъективное отношение к ним; в) не только логику объяснения, но и интуицию; г) не только рациональное объяснение, но и эмоциональную оценку их; д) не только научное объяснение, но и эстетическую, этическую, правовую, политическую оценку их.

4.4.3. Методы исторической оценки

Историческая оценка в современной методологической литературе (М.В. Егорова, А.А. Ивин, Е.Г. Жариков, О.И. Пастикова и др.) рассматривается в разных философских аспектах: онтологическом (выяснение следствий, функций, роли, места, значения исторических фактов), гносеологическом (определенная система оценивающего знания), логическом (определенная логическая процедура), аксиологическом (ценностное отношение к истории в целом и историческим фактам в частности). В методологическом аспекте изучаются методы исторической оценки, критерии отбора и оценки исторических фактов. Суммируя все эти аспекты, мы определяем историческую оценку как необходимую ступень исторического исследования, адекватно отражающую объективное значение

исторических фактов и выражающую определенное отношение-оценивающего субъекта (историка, общества) к изучаемому объекту.

Метод исторической оценки в соответствии с этим определяется как один из способов исторического исследования, направленный на выяснение объективного значения исторических фактов и ценностного отношения к нему познающего субъекта. Он также подчиняется общим принципам диалектической логики. При логическом подходе дается анализ формы оценки, ее структуры и элементов, вырабатываются логические правила оценки, анализируются рациональные средства оценки, харак-

278

теризуются различные виды оценки. Диалектическая логика требует анализа не только формы оценки, но и содержания ее, стремясь выразить оцениваемое явление в специфической логике понятий. Основными понятиями оценки является «следствие» (последствие), «значение» (значимость), «роль» (функция), «ценность» (историческая ценность). Анализ используемых в оценке понятий и категорий приводит к типологии оценок. Эта типология частично разработана В.П. Коневым (493).

Наиболее яркое представление об оценке дает сопоставление идеалистической и материалистической оценок. Идеалист, оценивая историческое явление, как правило, сравнивал его с идеей, с политико-юридическими и прочими надстроечными явлениями; материалист связывал его с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами определенных классов. Идеалист сопоставлял исторический факт с идеалом и, поскольку он, как правило, не соответствовал идеалу, осуждал его. Цель диалектико-материалистической оценки - «сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, причем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован целый ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными

ступенями развития» (550. Т. 1. С. 167). Диалектико-материалистический метод оценки, следовательно, состоит в том, чтобы определить действительное значение исследуемого факта, его объективные последствия, которые наступают в силу объективных условий, установить место каждого исторического явления в сложной структуре общественной жизни, показать его объективную роль и сделать практические выводы. Важнейшим диалектическим требованием является постановка всякого явления в определенные исторические рамки и обоснование исторического характера и исторического места социальных явлений. Такое требование впервые было сформулировано Гегелем и дополнено Лениным. С помощью этого метода стало возможно обоснование исторических заслуг различных исторических деятелей, о которых стали судить не по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками (550. Т. 2. С. 178). При этом довольно часто при оценке исторического места тех или

279

иных личностей выяснялось не только то, что они дали, но и то, чего они не дали по сравнению с их последователями.

Оценка места исторических событий сочетается с оценкой фактов в свете более общей исторической перспективы, по отношению к которой изучаемое историческое явление — только частная ступень развития. Рассмотрим это положение на примере оценки крестьянской войны под предводительством Степана Разина (1670-1671). Оценка этого события зависит от масштаба рассмотрения. Если рассматривать его только в системе крестьянских движений в России - ее историческое место между восстанием под предводительством Ивана Болотникова в 1606-1607 годах и пугачевским движением 1773-1775 годов, то, бесспорно, эта война является принадлежностью истории России. И ее возникновение, содержание, форма и значение обусловлены ходом российской истории. Если же включить ее во всемирно-историческую связь, в систему крестьянских войн во всем мире, то становится ясно, что данная война являлась лишь одним из звеньев в цепи

мощных выступлений крестьян в их борьбе с феодальным гнетом, начавшихся в начале ХУП века и прокатившимися по всему миру - от Франции до Японии: в Османской Турции (восстание Кара-Ясыджи в 1600 г.); в Персии — восстание Абиль-паши в 1629 г.; во Франции (кульминационный момент - восстание босоногих в 1639 г.); в Китае (кульминация — восстание Ли-Цзы-чена в 1639-45 гг.); в Японии (кульминация - восстание Симабара в 1837-38 гг.). Особое историческое значение каждого из этих восстаний раскрывается при полном синхронном и диахронном обозрении всего исторического процесса вплоть до наших дней. Только при таком видении выступает подлинное значение этих восстаний как «своеобразного пролога будущей буржуазной революции» (496. С. 295).

Для исторической оценки оказываются качественно значимыми и пространственные, и временные координаты. Значение пространственных характеристик для исторических оценок очень верно подметил Н.И. Конрад, труды которого во многом могут служить образцом диалектической оценки. Говоря, например, о нидерландской революции XVI в., он считал необходимым учесть то, что Нидерланды тогда входили в состав мировой испанской державы и играли значительную роль в ней, как торговый, финансовый и промышленный центр. Если учесть, что вслед за ни-

280

дерландской революцией развернулась колониальная экспансия, охватившая и южную часть Африки, некоторые населенные пункты Индии, Индонезии и даже Японии, и оценить появление Ост-Индской кампании как первого орудия колониализма, — если все это учесть, то революция в Нидерландах предстанет как событие всемирно-исторического масштаба, как начало капиталистического этапа в историческом развитии (496. С. 296-297) Сказанное позволяет сделать вывод, что смысл и значение многих социальных явлений становится понятным только на широком историческом фоне.

Важнейшей задачей методологии истории является рассмотрение

методологических критериев оценки, позволяющих отделить факты существенные от несущественных, повторяющиеся от неповторимых, объективные от субъективных, и тем самым установить в них общее и особенное. Критерием общего является критерий повторяемости социальных явлений (550. Т. 1. С. 137), с помощью которого историк может выделить ведущую тенденцию исторического развития и определить факт как конкретную форму проявления закономерности. Применение критерия повторяемости в исторической науке, безусловно, имеет свою специфику, ибо здесь ценится не только то, что повторяется, что присуще всем стадиям развития, но и неповторимое, уникальное, индивидуальное.

Общими критериями оценок являются диалектические «критерии развития», «критерии движения», «критерии прогресса». Благодаря применению «критериев развития» каждое историческое явление оценивается не просто как ступень развития, а как:

а) ступень более развитая по сравнению с предыдущими (более ранними ступенями развития) и отсталая, ограниченная по сравнению с последующими, более поздними ступенями развития;

б) ступень прогрессивная в одних исторических условиях и консервативная и даже реакционная в других;

в) ступень, сыгравшая определенную историческую роль, выполнившая определенную историческую миссию, и потому имеющая определенное историческое значение. Критерий развития в данном случае выступает и как критерий прогресса: по сравнению с предыдущими ступенями развития явления оцениваются как прогрессивные, по сравнению с последующими - как консервативные и даже реакционные. Оценка в таких случаях

281

носит конкретно-исторический характер. Диалектике чуждо рассмотрение явления безотносительно к эпохе, характеристика одних явлений как абсолютно прогрессивных, других - раз и навсегда консервативных или

реакционных. Признавая прогрессивность, мы указываем на: а) противоречивый характер прогрессивности: прогрессивно в одном отношении, и консервативно и реакционно в другом отношении; б) относительный характер прогрессивности: прогрессивно в одно время, в одних условиях и реакционно в другое время, в других условиях; в) исторический характер прогрессивности: прогрессивно по сравнению с предыдущими и отстало, ограничено по сравнению с последующими. Образцом может служить ленинская характеристика капитализма. По сравнению с феодализмом, он был всемирно-историческим шагом вперед по пути свободы, равенства, демократии, цивилизации. По сравнению с более развитыми общественными ступенями он был и остается системой наемного рабства, порабощения миллионов трудящихся (550. Т. 39. С. 115).

Подчиняясь общим требованиям диалектического метода, историческая оценка в то же время обладает рядом специфических черт. Специфика исторической оценки выясняется при сопоставлении ее с другими уровнями исторического исследования (историческим описанием, историческим объяснением, историческим пониманием и пр.); при сопоставлении оценки социальных явлений с оценкой природных явлений; при сопоставлении оценки научной с оценкой донаучной или вненаучной (философской, религиозной, этической, эстетической, правовой, политической); при сравнении ценностного подхода с когнитивным.

Рассматривая ее соотношение с пониманием, мы делаем следующий вывод. Пониманию и оценке присущи общие черты и различие. Общее заключается в адекватном воспроизведении объективного значения исторических явлений, объективной роли исторической деятельности. Главным критерием того и другого является объективная истина. Но при всем их сходстве они не идентичны. В оценке субъект не только исследует объект, но и высказывает свое мнение о нем. В процессе выявления разных сторон объекта, его достоинств и недостатков, у исследователя складывается субъективное отношение к нему. В этом смысле оценку справедливо

определяют как акт умственного отношения субъекта к объекту (954. С. 3).
Всякая оценка имеет объектив-

282

цию и субъективную сторону. Объективная сторона есть адекватное воспроизведение реального значения рассматриваемого явления. В субъективной - зависимой от субъекта стороне, выражается его отношение к изучаемому объекту. Это отношение зависит и от объекта (каков он есть на самом деле), и от субъекта, его социальных, психологических, идеологических позиций, научных, философских, религиозных, эстетических, нравственных, правовых и политических взглядов. Примером могут служить разные оценки войн пацифистами, анархистами, марксистами. Объективной своей стороной оценка, также как и описание, и объяснение, входит в понимание, как его составная часть, функция которой заключается в понимании объективного, реального значения исторического явления. Говоря о значении, мы различаем его реальное значение и понимание его. Последнее может быть объективным и субъективным, правильным и неправильным, истинным и ложным. Если понимание совпадает с объективным, реальным значением, оно истинно, если не совпадает - ложно. Оценка определяется объективными и субъективными факторами. Основой этой двойной детерминации являются факторы объективные. Зависимость от объекта проявляется в том, что значение фактов деятельности масс, социальных групп или отдельного индивида - различна по их функциям, по степени влияния на последующую жизнь общества. Это различие требует особых методологических критериев. Зависимость от субъекта проявляется в ценностной ориентации, вследствие чего система значений, взятых на вооружение познающим субъектом, приобретает в его глазах особый личностный смысл, придающий оценке субъективный характер. Оценка является связующим звеном между логическим и аксиологическими подходами, ибо сочетает в себе логическое осмысление исторических явлений и ценностные их характеристики.

Ценностная проблематика ныне активно рассматривается и в общей философской литературе (О.Ф. Дробницкий, Г.И. По-лушин, С.И. Попов, В.П. Тугаринов и др.) и применительно к историческим исследованиям (О.И. Джигоев, А.М. Камышин, А.Ф. Килунов, В.А. Киселев, О.А. Лосева В.Т. Маклаков, О.И. Па-стикова, Н.С. Петренко, С.П. Рамазанов, Н.И. Савцова, В.П. Го-локнов, М.А. Юрасова и др.). Однако по сравнению с другими ценностный подход менее изучен. В его задачи входит ценност-

283

ное осмысление исторической науки, выяснение ее ценностных оснований, зависимости историка от ценностных установок. Здесь же осуществляется поиск критериев ценности, критериев отбора и оценки исторических фактов и теорий, а также рассматривается вопрос о соотношении истории и современности, выясняется ценность исторической науки и ее структурных элементов: исторических знаний, исторических исследований, исторического метода и исторического опыта.

Ценностный анализ сам по себе исторически обусловлен и правомерен. История, пишущаяся сама по себе, безотносительно к нуждам и потребностям человека, никогда практически не существовала. Все исторические конструкции по своему характеру селективны, все они предполагают ценностный анализ, все они требуют извлечения ценностных характеристик из общего знания, дифференцированного разграничения исторических ценностей, отказ от одних, выбор других. На зрелых стадиях науки историк тем более обращается к прошлому через сложную систему современных потребностей, интересов, т. е. через систему ценностных установок. Поэтому ценностный анализ является необходимым и актуальным. Он сыграл определенную роль в развитии исторического и методологического знания.

Ценностные установки произвели определенные изменения во взглядах на историю, ее метод и методологию. Было предложено новое понимание истории, теории истории, новое определение задач философии и

методологии истории. Одним из первых такие определения давал Г. Риккерт. Он отрицал традиционное понимание оценки, утверждая, что исторической науке не нужно «разрешать вопросы о том, какую ценность имеет данный объект, положительную или отрицательную; поэтому она и может совершенно отвлекаться от всякой - непременно положительной или отрицательной - оценки» (818. С. 55). Он рассматривал оценку как отбор, отнесение к определенным культурным ценностям, недоступное эмпирическому познанию. Отбор ценностей, по его мнению, должна производить философия истории, которую он ограничивал «царством ценностей»: «Предоставив всю область эмпирического бытия специальным наукам и подчинившись необходимости отречься от желания проникнуться в метафизическую сущность мира, философия отстаивает себе царство ценностей, в котором она видит свой ис-

284

тинный домен» (817. С. 147). Пользуясь понятием «трансцендентная ценность», он определял ее как «самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта», подчеркивал ее «вневременную значимость», считая, что «лишь вневременная реальность могла бы быть метафизической носительницей вневременных ценностей» (818. С. 146-147). Поскольку ценности надисторичны, то и критерии ценности, по его мнению, находятся вне истории.

Учение Риккерта о методах «отнесения к ценности» было воспринято и дополнено румынским исследователем А.Д. Ксе-нополем и русскими методологами Н.И. Кареевым, А.С. Лаппо-Данилевским, В.М. Хвостовым. Из них особенно большая заслуга в разработке методов оценки и критериев отбора принадлежит Н.И. Карееву. Его основные методологические взгляды изложены в книгах: «Основные вопросы философии истории», «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», «Историология: Теория исторического процесса», «Теория исторического знания». Двадцатая глава его последней книги целиком посвящена анализу различного отношения

познающего субъекта к прошлому и разных видов оценки прошлого. Он подверг критике когнитивно-позитивистский взгляд на науку, которая якобы «спокойно зрит па правых и виновных, не ведая ни жалости, ни гнева», воплощая лозунг «sine ira et studio», цитировал Спинозу, призывающего «не радоваться и не печалиться, а только понимать» (415. С. 268). В конструктивной части он выделял несколько типов оценки: научной и ненаучной. Наука, по его мнению, описывает то, что было и как оно было, а затем, после того уже, как констатированы факты, найдены их причины, указаны их следствия и сделаны на их основе обобщения, ученые могут заняться оценкой того, что установлено наукой, как приятного и неприятного, полезного или зредного (415, С. 269, 275). Помимо научной оценки, касающейся, по существу, эмпирического уровня исторического исследования (констатации значения фактов, установления их следствий), Кареев рассматривал еще три вида оценок, имеющих место в исторической науке: теоретическую, эмоциональную и утилитарную. Теоретическая оценка отождествлялась им с интеллектуальной, совпадающей с научной критикой, определяющей соответствие или несоответствие чужих взглядов с фактами и логикой. Интеллектуальная

285

оценка делилась на эмоциональную и логическую. Логическая оценка якобы одобряет умное и порицает глупое. К эмоциональным оценкам, возбуждаемым разными чувствами, он относил эстетические, моральные, патриотические, религиозные. Политической он считал оценку с точки зрения государственного интереса, общего блага, политической целесообразности; этическую - с помощью категорий справедливости. Эмоциональной оценке он противопоставлял рациональную или утилитарную, определяющую пользу или вред происходящего, показывающую, умели ли люди надлежащим образом пользоваться доставшимися на их долю благами. Эмоциональные и утилитарные оценки он считал крайне противоречивыми и субъективными: «Не только приятное

бывает вредным, как вкусный яд, а неприятное полезным, как противное лекарство, но и временная выгода может повлечь за собой большие убытки. И временная потеря может приносить пользу» (415. С. 273). Несмотря на кажущуюся наивность, эти положения не потеряли своего значения до сих пор, поскольку методологические проблемы, связанные с исторической оценкой, разработаны сравнительно мало.

Известно, что историческая оценка осуществляется с помощью определенной системы ценностей. Сравнивая полученный исторический факт с уже известными аналогичными фактами, исследователь включает его в определенную систему ценностей, с помощью которых осуществляется интерпретация событий. Ценностные установки влияют на все методы исторического исследования, но более всего их влияние сказывается на методах отбора и оценки исторических фактов, где наряду с научными, когнитивными критериями вступают в силу ценностные критерии. Ценностный подход ставит задачу - уяснить историю с учетом вкусов, интересов, потребностей современного общества. В исторической науке ценится не только научная информация и такие внутринаучные ценности, как научная истина, научное знание, научное исследование, научный метод, но и другие (внеа-учные) ценности философского, эстетического, этического, правового, политического плана. Рассмотрим их по порядку.

На возможность *философского* осмысления истории указывал Н.И. Конрад в известном письме А. Тойнби: «Историю культуры можно изучать, так сказать, «академически» — устанавливать, что было, как и когда возникло, когда и почему менялось

286

или совсем исчезало; можно изучать и философски - размышляя над всем этим процессом, над его смыслом» (496. С. 273). Помимо идейно-теоретического осмысления истории в задачи философии входит разработка системы ценностей и ценностных критериев, с помощью которых можно правильно оценить различные стороны человеческой деятельности.

Квалифицируя исторические ценности, философия помогает историкам выполнять селективную функцию отбора, Именно здесь происходит объединение научного и ценностного, когнитивного и аксиологического подходов, в которых выражается избирательность исторического сознания, его ориентация на выработанные обществом и принятые познающим субъектом ценности: научные, эстетические, этические, правовые, политические. Перечисленные аспекты носят когнитивно-ценностный характер. Их нельзя считать абсолютно самостоятельными, ибо речь здесь может идти лишь об относительной самостоятельности. Все они никогда не выступают в чистом виде, всегда переплетаются друг с другом и могут преобразовывать друг друга. Даже «научное» в эталонном историческом труде не выступает в чистом виде, а пересекается с другими, влияющими на него. Поэтому каждый из них может быть охарактеризован как аспект (сторона, момент) исторической оценки, дополняющий и углубляющий научное понимание. В задачу *эстетической* оценки, исследованной А.В. Гулыгой, Е.С. Ляхович, М.В. Нечкиной, Л.Б. Подгорных, А.Х. Самиевым, Л.С. Треповой и др., входит эстетическое осмысление исторической деятельности в свете эстетических категорий прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического; определение эстетических ценностей, присущих той или иной исторической эпохе. Потребность в эстетическом осмыслении истории связана с выработкой эстетических критериев оценки человеческого поведения, главным из которых является красота. Эстетические оценки представляют собою неотъемлемое звено в понимании истории. Реальным основанием эстетического подхода является объективное существование эстетических отношений в действительности. В отличие от научного отражения действительности в научных понятиях, *художественный метод помогает постичь историю в художественных образах*. Дополняя научный анализ, художественная образность и эстетические оценки оттеняют суть происшедшего. Безусловно, эстетичес-

кие оценки носят всегда более эмоциональный характер, в них более ярко выражается отношение субъекта познания к происшедшему. Выраженная в них позиция исследователя помогает дать более точную характеристику историческим явлениям. Эстетический подход является средством воплощения и утверждения эстетического идеала. Главным его достоинством является формирование художественного вкуса, воспитания эстетического отношения к окружающей действительности, воспитание интеллигентности и культуры в лучших ее традициях. Способствуя эстетическому воспитанию на лучших образцах отечественной и мировой истории, историческая наука вносит свою долю в воспитание подрастающего поколения, в освоение им сокровищ духовной и материальной культуры. Эстетический подход в исторической оценке тесно связан с этическим.

В задачи этической оценки, в определенной мере исследованной В.А. Ельчаниновым, А.В. Разиным, Т.В. Холостовой, А.Ф. Шишкиным и др., входит нравственное осмысление истории, выражение исторической деятельности в этических категориях добра и зла, чести и совести и др., уяснение нравственной сущности исторических деятелей (герой или трус, честный человек или подлец, порядочный или непорядочный). Необходимость нравственного осмысления истории связана с выработкой нравственных критериев оценки человеческих поступков. Реальным основанием для этического подхода является объективное существование нравственных отношений и нравственного осознания этих отношений. Поэтому историческая наука, объективно исследуя общественные отношения в их развитии и связи, не может пройти мимо нравственных отношений, мимо морали как формы общественного сознания. С моральной точки зрения историк интересуется судьбами людей, их нравами, нравственным сознанием и самосознанием. И в этом смысле он, как правило, не ограничивается констатацией фактов, анализом их причин и следствий, а дает им соответствующую моральную оценку. В этом смысле осуждение таких

явлений, порочащих человеческий род, как эксплуатация, рабство, крепостное право, фашизм, расизм, терроризм и т. п., — явление не только правомерное, но и необходимое. Безусловно, оно не дает права противопоставлять этический подход научному как субъективный - объективному. Наука описывает и объясняет эти явления с логической точки зрения,

288

нравственная оценка дополняет и углубляет научное познание. Нравственная оценка - не лежащий за пределами науки момент, а его необходимый внутренний компонент, призванный расширить и углубить научное исследование. Игнорирование или преувеличение его («моральные сентенции») приводят к не меньшим затратам, чем отступление от научных методов познания. Этическая оценка теснейшим образом связана с правовой, почти совсем не изученной в современной литературе.

В задачи *правовой* оценки входит осмысление истории с позиций существующего права, уяснение правовой ценности человеческой деятельности (соблюдение законности или нарушение ее), выработка критериев правовой оценки поведения действующих в истории людей. Потребность в правовом осмыслении истории диктуется необходимостью выработки профилактических мер, позволяющих предотвращать преступления. Правовое осмысление истории определяется, прежде всего, тем, что предметом исторического познания являются люди, которые в отличие от животных обладают определенными правами, нарушение которых считается несправедливым и даже преступным. Понятие справедливости и несправедливости складывается на основе моральных и правовых идей, связанных в определенной мере с экономическими формами собственности, обмена, распределения, потребления.

Историку часто приходится оценивать поступки людей, к которым применимы статьи трудового, гражданского, уголовного, процессуального, семейного, международного права. Поэтому юридическая оценка является

составной частью исторического познания. В существующей системе ценностей юридическая оценка выражает меру осознания социального равенства (или неравенства) живущих в обществе людей, Производя правовую оценку человеческих поступков, историк должен судить их без снисхождения, но при этом не впадать в крайности, не увлекаться излишними приговорами. Он может и должен выражать правовое отношение, но оно должно делаться на основе объективного анализа, в соответствии с требованиями научного подхода, а не вопреки ему. Правовая оценка в историческом познании наиболее тесно связана с оценкой политической.

В задачи *политической* оценки, лучше, по сравнению с другими оценками, исследованной в методологической литературе

19
289

Зак.

253

(Г.Я. Козлов, Б.И. Марушкин, Л. Шарапов и др.), входит осмысление политической жизни общества, анализ поведения действующих в истории людей с позиций оределенных социальных групп, классов, партий, государств, квалификация их политической зрелости и ценности. Политический подход учит распознавать врагов и истинных друзей, помогает бороться с враждебными силами (550. Т. 2. С. 548; Т. 23. С. 47). Потребность в политическом осмыслении истории связана с разработкой критериев оценки политической деятельности. Главную роль при этом играют политические критерии, диктующие соответствующую интерпретацию исторического материала.

Примером политической оценки может служить противоположное понимание итогов второй мировой войны. В течение нескольких последних десятилетий во всем мире не прекращаются дискуссии, в ходе которых даются противоположные оценки Ялтинской и Потсдамской конференций, победы Советского Союза, поражения гитлеровской Германии. Одни стремятся зачеркнуть их значение, другие не могут не дать объективную оценку этим событиям, оказавшим огромное влияние на судьбы че-

ловечества. Противоположные оценки отражают позиции определенных политических кругов, стремящихся переписать историю, а, по возможности, и переделать ее на свой лад. Понимание значения второй мировой войны сводится к альтернативному толкованию ее исхода: поражение или победа, конец или начало? За каждым из этих вопросов (и соответствующих оценок) стоят определенные силы с характерными для них ценностными установками, конфронтация которых приводит к неоднозначным ответам. Поэтому несмотря на все обращения к аксиологической проблематике, сегодня остается еще много нерешенных проблем.

Ценность такого подхода не только в объединении всех этих аспектов, но и в качественно новом понимании каждого из них. Это сложный тип отношений, который включается в идеологические формы и позволяет исторической науке принимать активное участие в практической жизни. К тому же побуждают исторические реалии: начатая у нас перестройка, окончание или возобновление холодной войны, распад социалистического лагеря и Советского Союза потребовали переоценки ценностей и, следовательно, осмысления ценностного анализа.

290

Подводя итог, можно сделать вывод, что ценностный анализ представляет собой сложное интегративное исследование, включающее большое количество разнообразных сведений и подходов из различных областей общественнознания. Он позволяет глубже понять объективное значение исторических фактов и субъективное отношение к ним; выразить позитивное и критическое отношение к действительности; оценить не только научную информацию и другие внутринаучные ценности (научные факты, научные теории, научные методы), но и вненаучные ценности философского, этического, эстетического, правового и политического характера; уяснить прошлое и с позиций исторического времени, и с учетом интересов, вкусов и потребностей современного человека; установить теоретическое значение исторических истин и практическую значимость их для нынешних и

будущих поколений.

Правильно указав на значение ценностного анализа истории, сторонники аксиологического подхода не смогли дать полноценного решения указанных проблем из-за узкого понимания предмета исторической науки, сведения функций исторической науки только к служебным, противопоставления истинности и ценности, науки и идеологии; сведения исторического исследования к отбору и оценке при игнорировании других процедур, отрицании объективных критериев отбора или выведении их из сознания познающего субъекта. Противопоставляя научной оценке - ненаучную, рациональной - иррациональную, интеллектуальной - эмоциональную, представители ценностной ориентации игнорировали объективную оценку или подменяли научное понимание субъективными оценками, моральными сентенциями.

Наносило вред и гипертрофированна внимание к ценностной проблематике, сведение всех функций философии и методологии истории к одной только аксиологической. Такого рода изоляционизм отражал факт далеко зашедшей внутренней дифференциации философско-исторического знания и относительной самостоятельности различных способов исследования. Следствием аксиологизации метода и методологии истории явилось искажение структуры всего методологического знания. Основной причиной искаженного понимания всех этих проблем явилась попытка решить их с позиций метафизического мышления,

19*

291

которое разрывало и противопоставляло когнитивное (познавательное) и ценностное отношение. Правильное решение их возможно только с помощью диалектики, рассматривающей эти отношения в их единстве и противоположности, указывающей на их общие черты и различие. Непонимание диалектики исторического мышления, сложности и специфики исторического исследования, внутренней противоречивости и полярности

его сторон порождало антитезы сциентизма и антисциентизма, субъективизма и объективизма, позитивизма и антипозитивизма.

Глава V

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ КАК СИСТЕМА

И ПОДСИСТЕМА

5.1. История как система

Понятия «система», «системный анализ», «системный подход» применительно к истории прочно вошло в методологический арсенал российских философов и историков (М.А. Барг, Л.И. Дробижева, М.С. Каган, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, В.Н. Кузьмин, Н.И. Конрад, Л.К. Науменко и др.)- Действительно, получить более или менее полное представление о методологии истории можно лишь с помощью системного подхода, позволяющего преодолеть трудности методологического характера, связанные с полисемантической, полиструктурной, полифункциональной употребляемых понятий. Идя не от терминов, а от необходимой системы (или систем) понятий, мы в качестве базовых употребляем три основные понятия: «история», «исторический метод», «методология истории», а остальные рассматриваем как элементы единой системы, зависимые друг от друга и влияющие друг на друга.

Понятие «история» здесь рассматривается в двух отношениях: в первом - история характеризуется в системе понятий: историческое бытие - историческое сознание - историческое пространство - историческое время -- исторический процесс - исторические структуры - исторические роли. В этом случае рассматриваются внутренние связи и отношения истории: отношения между различными сторонами общественной жизни, между различными факторами, уровнями социальной организации, социальной структуры и социальных ролей. Во втором отношении предметом анализа выступает не только (или не столько) сама история, сколько ее наиболее общие связи и отношения, т. е. связи и отношения истории и природы, истории

и общества, истории и исторического знания, истории и исторического исследования, истории и исторического метода, истории и современности.

Эти связи и отношения являются, на наш взгляд, предметом философии истории, которая в последнее время стала объектом пристального внимания многих философов и историков (В.А. Вазюлин, И.А. Гобозов, Т.Ф. Кузнецова, М.А. Кукарцева, Г.Г. Лукава, А.В. Малинов, М.В. Масарский, В.М. Межуев, Е.Е. Михайлова, Е.В. Мочалов, Л.И. Новикова, Т.И. Ойзерман, З.М. Оруд-жев, И.Н. Сиземская, А.С. Панарип, В.А. Салин, С.Н. Семенов, Ю.И. Семенов, Е.М. Сергейчик, и др.). В пределах философского анализа истории а) выясняется связь истории и природы, изучаются общие законы, действующие в природе и обществе, особенно актуальные в условиях современной экологической ситуации; выясняется предметная (онтологическая) специфика истории и метода ее познания; б) рассматривается связь истории и исторического знания, устанавливается связь исторической реальности и исторической науки, выявляются гносеологические основания истории, дается эпистемологическая характеристика истории, доказываемая возможность познания истории, вырабатываются критерии истинности исторического знания; в) устанавливается связь истории и исторического исследования, зависимость истории от характера и уровня исследования, дается логическая характеристика истории, обосновывается возможность исследования ее логическим, рациональным путем, вырабатываются критерии правильности (с логической точки зрения); г) выясняется связь истории и современности, выясняются ценностные основания истории, ее зависимость от ценностных установок исследователя, устанавливается ценность исторического опыта, вырабатываются критерии отбора и оценки исторических фактов; д) исследуется связь истории и исторического метода, устанавливается связь предмета и метода истории, дается методологическая характеристика истории, разрабатывается система принципов и методов познания истории.

В итоге на этом философском уровне история предстает как сложная

система, включающая в качестве элементов: историческую реальность - историческое знание - историческое исследование - исторический метод - исторический опыт. Каждый из них, будучи элементом указанной системы, сам по себе является

294

относительно самостоятельной системой и может входить в другие системы. Вследствие этого, системный анализ помогает преодолеть поэлементное понимание истории, сведение ее либо к историческому бытию, либо к историческому знанию, либо к историческому исследованию, либо к историческому опыту, либо к историческому методу, и позволяет дать наиболее полное определение истории как реального исторического процесса, адекватно отраженного в системе исторического знания, правильно (с логической точки зрения) исследованного, представляющего определенную ценность для современного общества. Из системного понимания истории вытекает системное понимание методов познания истории.

5.2. Система методов исторической науки и практики

В основе системного понимания методологии истории лежит системное понимание методов, применяемых в исторической науке. Идя от систем понятий к терминологии, мы рассматриваем систему методов исторической науки, в которой понятия «исторический метод», «метод истории», «метод исторического познания», «метод исторического исследования» и т.п. предстают как элементы единой системы, каждый из которых имеет определенное место в данной системе и выполняет определенную функцию. Кстати, стремление дать системное определение методов исторической науки уже имело место в современной методологии. Одному из первых это удалось сделать А.И. Уварову, который методом исторического исследования предлагал считать «систему категорий исторической науки и логических приемов, приспособленных к ее особенностям, направленную на достижение объективной исторической ис

Глны» (966. С. 4). Его аспирантка А.Н. Гурьянова в кандидатской диссертации дополнила и конкретизировала предложенную им дефиницию: «Метод исторической науки - адекватное свойствам объекта, исторически развивающаяся, иерархически организованная система методов, определяющим среди которых является генетический метод, система определенным образом организованных элементов теоретического знания: законов, категорий, принципов» (254, 255. С. 10).

Чтобы понять системный характер метода исторических наук, необходимо рассматривать все элементы его, закон связи

295

которых образует сложную структуру. Многоэлементность, многоуровневость метода исторической науки делают его полиструктурным образованием. Полиструктурность его отражается в различных типах классификации и систематизации. Наиболее типичной для нашей литературы является классификация, объединяющая методы по диалектическому принципу связи всеобщего, общего, особенного и единичного, Такие известные наши философы, как В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, В.А. Лекторский, Л.А. Микешина, А.И. Уваров, В.С. Швырев, Б.Г. Юдин и др. выделяют в методе различные уровни, начиная от философского и кончая частными, техническими приемами, применяемыми в различных исторических науках (археологии, истории искусства, всеобщей истории, истории отдельных стран и народов и пр.). Наиболее наглядной в этом плане представляются классификация А.И.Уварова, который различал четыре группы методов: 1) философский метод познания, отождествляемый с мировоззрением историка; 2) исторический метод, подразделяемый на сравнительно-исторический и историко-структурный метод; 3) специфические исторические приемы и способы изучения объекта, например, метод биографий, ретроспекция, реконструкция, метод исторического интервью; 4) методы, заимствованные исторической наукой из других отраслей знания (965. С. 159-160). Мы также предлагаем свою классификацию, состоящую из семи уровней. Первый - фи-

лософский метод, в качестве которого выступает диалектика, рассматриваемая как всеобщий метод познания и преобразования природы, общества и мышления. Второй - общенаучный метод, включающий такие научные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование и др. Третий - общесоциологический метод познания, применяемый во всех общественных науках. Четвертый - общеисторический метод, применяемый во всех исторических науках. Пятый - специальные научные методы, применяемые в специальных исторических науках (археологии, этнографии, истории философии, истории права и др.). Шестой - методы конкретных исторических исследований (методы исторического описания, исторического объяснения, исторической оценки). Седьмой - методы других наук, применяемых в исторической науке, например, в археологии применяются радиоуглеродный, дендрохронологиче-296

ский, палеомагнитный, геологический, физический и другие методы.

В современной методологической литературе (Ю.Л. Бессмертный, В.В. Бовар, Ю.Ю. Какк, И.Д. Ковальченко, Б.Н. Миронов, Н.Н. Моисеев, Т.И. Славко, Э.В. Степанов, К.В. Хвостова и др.) уделяется также большое внимание количественным (математическим, статистическим) методам, применяемым в исторической науке. Имеется также специальная литература (Ю. Мошков, Т.К. Рабб, С.В. Станкевич, К. Шнейдер и др.) по поводу употребления в исторической науке технических средств научного исследования. В век научно-технического прогресса - это дело необходимое и закономерное. Неприемлемы лишь такие ситуации, когда технические приемы абсолютизируются, а содержательная сторона дела отходит на второй план. Против такого подхода выступали даже сами приверженцы «новой количественной истории». Например, «отец кибернетики» Н. Винер пришел к выводу: «Гуманитарные науки - убогое попрание для новых математических методов. Нравится ли это нам или нет, но многое мы должны предоставить «ненаучному» повествовательному методу профессионального историка» (122. С. 74, 238).

В системе понятия «метод исторической науки» центральным является исторический метод. Помимо него часто употребляются понятия «метод исторического познания», «метод исторического исследования», которые тоже определяются далеко не однозначно. Идя от системы понятий к терминологии, мы рассматриваем систему методов исторической науки, в которой понятия «исторический метод», «метод исторического познания», «метод исторического исследования» и др. предстают как элементы единой системы, каждый из которых имеет определенное место в данной системе и выполняет определенную функцию.

Таким образом, метод исторической науки включает все вышеназванные уровни как интегрированные множества, образующие единое устойчивое целое, и выступает как сложная, многослойная, многогранная система, обладающая сложной структурой. Обладая такой структурой, метод исторической науки синтезирует указанные способы, каждый из которых выступает как подсистема. Не совпадая ни с одной из указанных подсистем, метод исторической науки и не сводится ни к одной из них.

297

Историческая наука вначале выработала исторический метод для своих собственных нужд, затем им стали пользоваться все науки (естественные, общественные, гуманитарные). В настоящее время наряду со специальным значением он приобрел универсальный, общенаучный характер. И методология истории в этом смысле приобрела также общенаучный, универсальный характер. Поставив цель - выявить общенаучное значение исторического метода, установить его связь с современностью, мы дополняем структурный анализ функциональным, с помощью которого надеемся преодолеть одностороннее понимание исторического метода, продемонстрировать обилие его функциональных значений, из которых наиболее важными являются:

а) методы анализа исторического бытия (система средств изучения различных форм и уровней исторического бытия и исторического сознания;

способы установления исторических событий и исторических закономерностей; описания различных сторон общественной жизни: экономической, социальной, политической и духовной; выяснения роли масс, социальных групп и личностей в истории);

б) методы анализа исторического знания (система средств получения исторического знания; способы критической проверки истинности и правильности его построения; способы анализа исторических источников, фактов и теорий);

в) методы исторического исследования в целом и отдельных исследовательских процедур в частности (формы исторического мышления, способы исторического описания, объяснения, оценки, отбора, обобщения исторических фактов).

Рассматривая исторический метод во всех означенных функциях, мы определяем его как систему методов научной деятельности, выполняющих одновременно функции способов анализа исторического бытия, исторического знания и исторического исследования, и приходим к выводу, что исторический метод, являясь элементом указанной системы «история», в то же время выступает элементом другой системы понятий: метод исторической науки - метод исторического познания - метод исторического исследования- метод исторической деятельности. Каждый из них имеет свои внутренние градации. Будучи разработан представителями разных философских направлений (неокантианцами — как конкретно-исторический метод; позитивистами — как

сравнительно-исторический метод; гегельянцами и марксистами — как часть диалектического метода), исторический метод во всех философских аспектах означает разное: в онтологическом аспекте - как способ изучения предмета исторически, т. е. изучения происхождения и развития его, главным образом, как *процесса*, исследования *стадий развития предмета*, предполагающее движение мысли по объекту: от низших ступеней к высшим, от мало развитых к более развитым и т. д.; в гносеологическом

аспекте - как движение познания от незнания к знанию, от менее развитых форм знания к более развитым, от источников к фактам, от фактов к теории; в логическом - как движение по ступеням исторического исследования: от описания к объяснению и оценке, от констатации фактов к обобщению их и т. д. Структурно-функциональное понимание исторического метода позволяет правильно понять структуру методологии истории и ее место в структуре современного знания.

Методы гуманитарных наук. Новая проблемная ситуация в конце XX века привела к актуализации гуманитарного (лат. *humanus* - человеческий, человеческий) подхода, благодаря которому вновь входит в моду известный с античных времен гуманистический критерий: *человек как мера всех вещей*. Надо сказать, что в российской историософии гуманистический подход, как следствие применения антропологического принципа к истории, не умирал. Примером может служить позиция П.Л. Лаврова и Н.И. Кареева. Лавров характеризовал человека как «единственное орудие и единственный предмет истории» (531. Т. 2. С. 38). По убеждению Кареева, «историософия естественно становится на антропологическую точку зрения, ибо и на самом деле *человек - центр мира истории*, через которого и для которого происходит все совершающееся в истории» (411. С. 228). Гуманитарный подход положен в основу современных исследований В.Г. Афанасьева, С.С. Батенина, Е.В. Гужновой, В.С. Невеловой, С.Л. Утченко, Н.П. Францужовой, В.А. Хотяковой и др. Сторонники гуманитарного подхода сегодня провозглашают приоритет общечеловеческих ценностей над групповыми (классовыми, расовыми, национальными, государственными). В итоге гуманитарный подход приобретает значение нового подхода, основанного на новой теории человека (189,977).

299

При решении вопроса о специфике методов гуманитарных наук велись многочисленные дискуссии, включая знаменитый «спор о позитивизме» по методологии социального познания, споры о «единой науке», дискуссии о

герменевтике, уроки экзистенциализма, дебаты о специфике социологического и культурологического знания. Под влиянием этих дискуссий в современной философской литературе сложились две методологические программы. Представители первой, идущей от неокантианской философии В. Виндельбанда, В. Дильтея, Г. Риккерта, отрицают возможность применения в гуманитарных науках научных, объективных, рациональных методов и абсолютизируют субъективные, психологические, иррациональные способы познания. Проблему специфики гуманитарного знания они связывают со сферой «духовности», души, сознания, идеалов, ценностей и пр. Представители второй, идущей от позитивистской методологии О. Конта, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера, подчеркивают научный, объективный, рациональный статус гуманитарного подхода, считают эти признаки универсальными. Обе программы несут на себе следы метафизического мышления, противопоставляющего или отождествляющего методы естественных и гуманитарных наук. Наличие этих программ проявилось при решении многих методологических проблем, причем главной в разных познавательных ситуациях выступала какая-нибудь одна из них. Их персплетение и пересечение отражает сложный и противоречивый характер современной методологии.

Проследивая процесс развития *научных* знаний о человеке, мы выделяем три этапа: человек в системе естествознания, человек в системе обществознания и человек в системе собственно гуманитарного знания. Человек в системе естествознания начинал рассматриваться тогда, когда сложилась система естественных наук, основанная на механике Галилея - Ньютона, и соответствующая ей система методов естественных наук. Начиная с XVII в. формировалась модель познания, согласно которой истину можно познать в исследовании природы, в том числе и природы человека. В философских системах того времени (Бэкон, Гоббс, Декарт, Локк, Спиноза и др.) конечная цель познания виделась в достижении господства человека над природой.

В рамках естествознания сложились такие пауки как антропология, изучающая становление человека; анатомия, изучающая

300

структуру человеческого организма; физиология, исследующая различные функции его жизнедеятельности. Поскольку человек здесь изучался как природное существо с помощью научных, объективных, логических методов, оценка его жизнедеятельности проводилась по естественнонаучным меркам. Основными критериями оценки человеческого поведения служили объективные критерии развития, повторяемости. Однако претензии на всеобщность, универсальность естественнонаучных методов, отождествление их с гуманитарными порождали натуралистические выводы. За онтологическим и методологическим монизмом крылось непонимание специфики в анализе различных форм движения материи, редукционистское сведение сложных методов социального анализа к более простым (механическим, физическим, химическим, биологическим).

Примерно с середины XIX века научные знания о человеке и, соответственно, методы гуманитарных наук стали разрабатываться в системе общественных наук: в области истории, изучающей естественноисторический процесс развития людей; социологии, исследующей социальные структуры и социальные роли человека; психологии, изучающей психическую деятельность людей. Человек здесь рассматривался как социальное существо с помощью методов общественных наук. Оценка его поведения производилась по социально-научным меркам. Основными критериями человеческих действий служили критерии общественного прогресса.

В конце XX в. формируется новая проблемная ситуация, ставятся новые проблемы, касающиеся взаимоотношения человека и космоса, человека и природы, человека и общества. Меняется отношение к человеку, формируется новое гуманитарное мышление, требующее нового осмысления гуманитарных проблем, новых методов познания человека и способов

человеческой жизнедеятельности (173). Актуализируется вопрос об изменении места гуманитарных методов в системе философской и научной методологии. При решении этого вопроса сегодня намечаются два пути, соответствующие двум тенденциям в развитии современного научного знания: интеграции и дифференциации. Сторонники интеграции исходят из того, что границы предметной и методологической сферы гуманитарных наук значительно раздвигаются. Они оказываются гораздо сложнее предмета и мето-

301

да естественных и общественных наук, включая многообразие природных и социальных связей, характеризующих человека, присущих ему материальных и духовных ценностей; физических и духовных потребностей; общечеловеческих и национальных черт, групповых и личных интересов. Для осмысления его требуется сложная система методов, объединяющая научные и философские, эстетические и этические, правовые и политические, логические и чувственные, рациональные и эмоциональные, когнитивные и ценностные способы осмысления человеческой деятельности.

Сторонники дифференциации говорят о необходимости обособления предмета гуманитарных наук и выделения его в особую, относительно самостоятельную область, где человек рассматривается не только как зависимое от природы и общества существо, но как самостоятельная, независимая от природы и общества реальность, имеющая общие, но в то же время и особенные, характерные только для нее признаки. Они ставят вопрос о необходимости разработки наряду с критериями научными, объективными, логическими и социологическими особых гуманистических критериев, делающих именно человека мерой всех вещей. Эта мысль о выделении гуманитарных методов и критериев в особую область, являющаяся следствием дальнейшей дифференциации научного знания и разграничения методов научного познания, представляется правомерной и актуальной.

Методы практической деятельности. Стремление преодолеть

недостатки, существующие в разработке методологии истории, поднять ее на качественно новый уровень, делает необходимым создание специальной отрасли методологии, которая занималась бы анализом методов практической деятельности. Разумеется, речь идет не о создании какой-то иной методологии, а о *расширении предмета* методологии истории. Общая методология едина, поскольку в основе познавательной и практической деятельности, по существу, лежат одни и те же принципы: учет объективных условий, знание реальной расстановки сил, учет конкретных фактов действительности и др. Общие принципы научной и практической деятельности, единство науки и практики служат объективным основанием для интеграции методологии познания истории и методологии практической деятель-

302

ности. Дифференциация имеет своим основанием различие между наукой и практикой. Каждая из этих сфер представляет сложную форму деятельности, имеющую относительную самостоятельность. Качественное различие проявления методологии в сферах науки и практики подводит к выводу, что практическая, преобразующая деятельность человека нуждается в собственной методологии, не сводимой целиком к методологии научного познания.

В ее задачи должно входить, с одной стороны, применение общих принципов, законов, категорий диалектики к общественной практике, с другой, — изучение исторического опыта, обобщение методов исторической деятельности, оценка практических действий, отрицание старых, косных, инертных методов и утверждение новых, передовых, прогрессивных методов практической деятельности; извлечение из богатейшего в своем многообразии исторического опыта таких методов, которыми можно пользоваться и сегодня. Обобщение и пропаганда исторического опыта может способствовать сознательному выбору средств, приемов и методов, «способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее

прочные результаты» (550.

Т. 9. С. 208).

Анализ методов практической деятельности осуществляется с помощью праксеологического подхода, в рамках которого рассматриваются вопросы о соотношении истории и современности, исторического метода и исторического опыта. Ценность исторического опыта определяется не столько тем, учит он кого-либо чему-либо или нет, сколько пониманием того, что без использования исторического опыта история превращается в кладбище мертвых останков, груды пепла, собрание старины, имеющих чисто академическое значение. Представляемое исторической наукой знание исторического опыта опять же превращается в способ действия, способ ориентации в сложном и постоянно меняющемся мире. Сочетать исторический опыт и новаторство, традиции и современность, уроки истории и собственную инициативу - значит действовать творчески и в теоретической, и в практической области.

Праксеологический подход тесно связан с рассмотренными выше онтологическим, гносеологическим, логическим и аксиологическим подходами, но не тождествен им. Сравнитель-

303

ный анализ их показывает следующие различия. Если при онтологическом подходе ставился вопрос: *что* делалось людьми в определенной исторической ситуации или в определенный исторический период, то при праксеологическом подходе выясняется, *как* это делалось, какими методами достигались результаты человеческой деятельности (материальной и духовной), т. е. изучается практический опыт наших предков и возможное использование этого опыта на практике. Если при гносеологическом подходе изучались формы знания, методы критики исторических источников, исторических фактов и исторических теорий, то при праксеологическом - учитывается познавательный опыт наших предшественников и его возможное использование в нашем познании. Если

при логическом подходе изучались формы исторического мышления, различные способы исследования, методы описания, объяснения, оценки исторических фактов, то при праксеологическом - обобщается этот логический опыт и рассматривается возможность его использования в наших исследованиях. Если при аксиологическом подходе рассматривалась ценность исторической науки в целом и исторического метода в частности, то при праксеологическом - осознается практическое использование всех исторических ценностей в современных условиях. И, наконец, если при методологическом подходе характеризовались все методы духовной и практической жизнедеятельности людей, то при праксеологическом подходе не только учитывается весь методологический опыт человечества: позитивный (конструктивные, созидательные, творческие методы) и негативный («анархический метод», «тактика террора»), но также даются рекомендации, как действовать, чтобы не допустить тех ошибок, которые совершали наши предшественники, указывать, каким путем идти, чтобы не повторять ложных путей.

В основе данного подхода лежит качественно новое понимание предмета и метода истории. Новизна его в свое время позволила Марксу объединить предметный анализ с методологическим. Этому способствовало два обстоятельства. Во-первых, после его знаменитого 11-го тезиса о Фейербахе, в котором главная задача философии виделась не в том, чтобы интерпретировать мир, а в том, чтобы изменять его, философы стали думать не 304

только о методах объяснения и оценки истории, но и о методах преобразования действительности. Во-вторых, исходя из того, что эпохи различаются не только тем, *что производится*, но и тем, *как производится*, Маркс впервые нацелил историков на изучение способов производства материальных и духовных благ, способов их распределения и потребления, способов обмена, организации труда и управления. Впервые история стала изображаться как смена способов жизнедеятельности людей, способов их

практической деятельности. В итоге предметный анализ стал переходить в методологический, а методологический в предметный. Ценность данного подхода не только в объединении предметного и методологического анализа, но и в качественно новом понимании каждого из них.

В итоге к концу XIX века философы пришли к осознанию необходимости изучения методов практической деятельности. Аналогичный подход просматривался у Ленина («прием, способ, метод деятельности», «метод революционных действий») (550. Т. 41. С. 379; Т. 44. С. 221), у Гумилева («способ поведения», «стереотип поведения»). В последнее десятилетие обращение к изучению методов практической деятельности характерно для таких советских исследователей, как: Р.И. Иванова, М.А. Киссель, В.Ф. Сержантов, Л.Н. Суворов, В.Ф. Фофанов, С.П. Щавелев и др. Вопрос о методах деятельности как средствах практического решения задач современного развития в условиях обострившейся экологической, экономической, политической, демографической ситуации, как никогда актуален. Интерес к нему диктуется не только теоретическими, но и практическими соображениями: необходимостью преодолеть разрыв между предметным и методологическим анализом, ограниченное понимание каждого из них в отдельности, сведение методологии только к методологии познания, недостаточное изучение методов практической деятельности.

Рассмотрение истории как смены способов жизнедеятельности людей, способов их практической и духовной деятельности наложило отпечаток на рассмотрение всех сторон общественной жизни. В экономической сфере историки стали нацеливаться на изучение способов производства материальных и духовных благ, способов их распределения и потребления, способов обмена, организации труда и управления. В социальной сфере, где основны-

жизненных потребностей», «способ жизнедеятельности», стало обращаться внимание на способы образования и воспитания, лечения и здравоохранения, способы поведения людей в общественных местах и проведения досуга. В политической сфере объектом изучения стали методы проведения внешней и внутренней политики; способы регулирования ел ношений между расами, нациями, классами и отдельными людьми в их отношении к власти, способы наведения порядка, подавления инакомыслящих и др. В духовной сфере стали изучаться методы философской, религиозной, научной, художественной, нравственной, правовой, политической деятельности.

В зависимости от субъекта деятельности стали различать методы государственной, общественной, кооперативной, частнособственнической деятельности; методы социальной интеграции и дифференциации; способы деятельности различных социальных групп в современном обществе; методы деятельности масс, партий и их лидеров; различных политических и общественных организаций; формальных и неформальных объединений; методы творчества народа, различных художественных коллективов, гениальных и выдающихся личностей.

Таким образом, благодаря прагматическому подходу создается методология практической деятельности, занимающаяся анализом методов переустройства общества, поиском путей, которыми должно идти человечество в целом, и каждый народ в отдельности. В ее задачи должно входить, с одной стороны, применение общих принципов философии и методологии истории к общественной практике, к новым историческим условиям, с другой - изучение исторического опыта, обобщение методов исторической деятельности, практики проведения реформ в той или иной области общественной жизни. Обобщение исторического опыта может способствовать подбору методов деятельности, способных при минимальных затратах добиваться максимальных результатов. Разумеется, создание такой методологии, которая одновременно занималась бы изучением методов познания и методов действия, методов исторической деятельности и методов

современной практической деятельности — во многом еще ждет своих исследователей,

306

5.3. Синергетический подход к методологии истории

Будучи тесно связана с понятиями «история» и «исторический метод», *методология истории* также подлежит системному и даже синергетическому подходу. Синергетический подход к методологии истории понимается нами в следующих значениях:

1) как междисциплинарный подход, объединяющий усилия представителей различных *исторических* дисциплин: истории, историографии, источниковедения и др.

2) как междисциплинарный подход, объединяющий усилия *философов* различных специальностей: онтологов, гносеологов, логиков, аксиологов, праксеологов;

3) как форма синтеза достижений различных подсистем методологии истории (методологии истории, методологии исторического знания, методологии исторического исследования, теории исторического метода);

4) как междисциплинарный подход, употребляемый совместными усилиями историков, философов и методологов, действующих в одном направлении.

5) как системно-структурный подход, противостоящий редукционизму и элементаризму и рассматривающий не только входящие в структуру методологии истории элементы, но и *закон связи* этих элементов.

Системно-структурный подход является продолжением и углублением системного подхода. Указание на системный характер исторических исследований и методологии истории содержится в трудах многих российских философов, историков, методологов (Г.А. Антипов, М.А. Барг, А.И. Демидов, А.З. Гомаюнов, А.Г. Коновалов и др.). Одним из первых это сделал С.Л. Франк в 1922 г. в книге «Очерк методологии общественных наук». Его методологические взгляды проистекали из философской концеп-

ции общества как системы. Рассматривая вслед за В.С. Соловьевым и Л.П. Карсавиным общество как *единство*, он рассмотрел и общество, и метод общественных наук, и их методологию как систему. Положив в основу системы единство общества, он характеризовал его не как отвлеченное понятие, противоположное множественности, а как единство системы: «Единство общества есть не отвлеченное единство, а единство *системы*, т. е. конкретное единство единства и множественности. Общество обладает

307

первичным единством или есть первичное единство, но не в том смысле, что в нем нет никакой множественности элементов, а в том смысле, что реальной множественности противостоит *столь же реальное единство*, на почве которого развивается множественность и которое его, так сказать, насквозь пропитывает» (997. С. 73-74). Главное основание системного понимания общества он видел не в абстрактных, хотя бы и логически правильных доводах, а в реальности: «Единство стихийно слагающейся или действующей системы есть не производное, чисто абстрактное единство - что-то в роде простого отражения единства научной мысли, — а обосновано, и притом первичным образом, в самой реальности. Более того, такое единство *системы*, т. е. единства единства и множественности, логически предполагает абсолютное единство *целого*, на почве которого развивается само отношение между единством и множеством, т. е. сама система» (997. С. 73-74). В этом смысле С.Л. Франк считал правильным выводить системное понимание общества из органической теории развития, утверждая, что единство общества, как системы частей, основано на полном органическом его единстве, как целого или как *единого существа*.. И именно в силу этого часто бывает методологически так плодотворна органическая теория общества - уяснение внутреннего сродства между обществом и организмом, как аналогичными типами живого, исконного единства многообразных процессов» (997. С. 74).

Исходя из понимания общества как системы, С.Л. Франк построил

систему общественных наук, основанную не на одном каком-нибудь принципе деления, а на «скрещивании, или комбинации нескольких принципов деления» (997. С 110). Он разделил общественные науки по трем основным принципам: 1) по их логической задаче — науки исторические (конкретно-описательные) и теоретические; 2) по основам, изучаемым ими общим моментом общественного бытия - идеальной форме отношений к реальным процессам жизни — науки феноменологические и реальные; 3) по частным областям, на которые может быть разложено общественное бытие — науки специальные (997. С. 111).

Франк занимался не только методами общественных наук, но и методами преобразования общества, уподобляясь тем русским мыслителям, которые «стремились улучшить мир или возвестить идеал» (997. С. 489). У него было свое представление о

308

целях и средствах улучшения мира. Цель он видел не в установлении рая на Земле (эту идею он считал утопичной христианской ересью), а в том, чтобы *не допустить ада на ней*. Что касается средств, то он был, конечно, противником методов революционных преобразований. Революционный скачок определялся им не иначе, как «скачок мимо духовности». Наиболее надежным путем к человеческому счастью он считал постепенную, доходящую до глубин народной души «реформу бытия». Призывая к творческому преображению жизни на духовной основе, он сделал много для системного понимания общества и «систематической методологии общественных наук».

Применительно к методологии истории это сделал А.С. Лап-по-Данилевский, заслугой которого является создание систематического учения о методах исторической науки и методологии истории. Он дал качественно новую дефиницию методологии истории, где имело место, во-первых, новое определение методологии истории как учения о *принципах и методах* исторической науки (542. С. 16); во-вторых, новое понимание целей и задач

методологии истории: основной и производной: цель основной он видел в том, чтобы установить принципы, положенные в основу науки, в силу которых она получает свое значение, а производной - выработать систематическое учение о тех методах, при помощи которых что-либо изучается (542. С. 6); в-третьих, он создал новое понимание структуры методологии истории, состоящей из трех частей: учения об историческом методе, методологии исторического источниковедения и методологии исторического построения. «Учение о методе выясняет то соотношение, которое существует между принятыми в нем принципами и методами изучения, а также соответствие той, а не иной комбинации с ближайшим предметом исторического исследования... Методология исторического источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал или существует. Методология исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк объясняет, каким образом произошло то, что действительно существовало или существует, и построит историческую действительность» (542. С. 7). Такое определение ме-

309

тодологии истории, ее структуры и функций имело основополагающее значение, сочетая:

- историческое и философское содержание, позволяющее квалифицировать методологию истории не только как элемент исторического знания, как историческую дисциплину, но и как философское учение о самой методологии истории, ее структуре и функциях;

- источниковедческий и историографический анализ, объединяющий методологию исторического источниковедения и методологию построения исторического знания;

- критический и позитивный анализ исторических источников и

исторических фактов, позволяющий установить то, что действительно существовало или существует;

- эмпирический и теоретический анализы, с помощью которых не только констатировалось происшедшее, но и объяснялось, каким образом произошло то, что действительно существовало;

- гносеологический и методологический анализы, между которыми с тех пор установилась прочная связь, которая проявлялась при решении всех методологических проблем.

Судя по этим анализам, можно вполне сделать вывод, что А.С. Лаппо-Данилевский вплотную подошел к синергетическо-му подходу в его первом и втором значениях, т. е. междисциплинарному подходу, объединявшему совместные усилия историков, источниковедов и историографов, с одной стороны, и философов, с другой. Итогом явилось создание им систематической «Методологии истории» в трех томах и систематическое изложение ее в основном и специальных курсах, прочитанных на историческом факультете Санкт-Петербургского университета. В этом величайшая заслуга А.С. Лаппо-Данилевского, дающая право считать его наравне с В.О. Ключевском основоположником российской методологии истории.

Продолжая и развивая взгляды С.Л. Франка и А.С. Лаппо-Данилевского на системно-структурный характер методологии истории, мы исходим из того, что структура методологии истории детерминирована, прежде всего, структурой предмета методологии истории и структурой методологического знания. Метод истории - сложное суммарное образование. Как указывалось выше, сегодня в историческом познании применяется не один метод, а целая система методов, включающая общенаучные и ча-

стнаучные, теоретические и эмпирические, всеобщий метод познания и специальные методы, логические методы и технические средства

обработки информации. Сложному «многоэтажному» методу соответствует не менее сложное, разветвленное методологическое знание. Методология истории состоит из нескольких разделов, каждый из которых имеет свою внутреннюю структуру. Первый раздел - учение о методах конкретного исторического исследования, о методах критики исторических источников и фактов, делящееся, в свою очередь, на более частные методики специальных исторических дисциплин: археологии, этнографии, медиэвистики, новой и новейшей истории и др. Второй раздел - учение о специфике применения в истории общенаучных методов: анализ, синтез индукция, дедукция, гипотеза др. Сюда же входит учение о применении в истории методов естественных наук. Третий раздел - учение о применении в историческом познании всеобщего (философского) метода, в качестве которого выступает диалектический метод.

Сложная по структуре система методов исторического познания отражается в не менее сложной по своей структуре системе знаний. Методологическое знание состоит из нескольких уровней, из которых наиболее важными являются три: эмпирический, теоретический и философский. Эмпирический уровень методологии истории содержит *описание* всех методов, когда-либо применявшихся в исторической науке. Знание о них на этом уровне носит также описательный, эмпирический характер. Теоретический (обобщающий) уровень включает теоретическое понимание метода, анализ законов развития методов, их взаимосвязь, взаимодействие, переход от одного к другому и пр. На этом уровне разрабатывается теория метода, включающая в себя логическую характеристику метода, знание его природы, структуры, функций, анализ соотношения внутренних сторон метода. Теоретический уровень венчает научное знание о методе и служит связующим звеном его с философским.

Философский уровень методологического знания выходит за рамки чисто научного учения о методе. Предметом его является не столько метод сам по себе, сколько его связи и отношения: отношение к другим методам

(общим и частным); отношение к предмету (объективной реальности), к знанию (теории), к правилам логического мышления, к субъекту и пр. На этом уровне

311

преодолевается догма «чистого метода» и выясняется взаимосвязь и взаимозависимость исторического метода и предмета, исторического метода и исторической теории, исторического метода и исторического исследования, исторического метода и исторического опыта. Философское знание о методе составляет базис, реальное основание методологии истории. Значение философского уровня трудно переоценить. Именно на этом уровне дается наиболее общая характеристика исторического метода, выясняются его наиболее общие связи и отношения. Здесь же определяется статус и специфика исторического метода. Соотнесение его с методами других наук (естественных и социальных) позволяет установить их общие черты и отличие. Строго говоря, вопрос о специфике метода истории неразрешим ни в рамках исторической науки, ни в рамках «чистой» методологии. Решается он только на метатеоретическом уровне, где дается онтологическое, гносеологическое, логическое, аксиологическое и праксеологическое обоснование методологии истории.

Итоговое рассмотрение ведущих тенденций исторического развития и современного состояния методологии истории позволяет привести в *систему* различные элементы (части) методологического знания.

Первая — онтологическая часть методологии истории, содержащая в себе учение о методах изучения истории, об основных подходах к ее пониманию и исследованию. В ее задачи входит применение общих философских принципов, законов, категорий к анализу исторических явлений, обоснование объективного статуса метода истории и его предметной специфики; обобщение и разработка специфических методов исторических (социальных) явлений, отличных от природных. Предметом методологического анализа здесь выступает система средств изучения

различных уровней общественного бытия и различных форм общественного сознания, констатации исторических событий и установления исторических закономерностей, описание различных сторон общественной жизни (экономической, политической, социальной, духовной); установления роли масс, макро - и микрогрупп, отдельных личностей в истории. Все это, вместе взятое, позволяет понять сложную структуру онтологической части методологии истории.

Вторая — гносеологическая часть — методология исторического познания, включающая методы анализа исторических ис-

312

точников, исторических фактов и исторических теорий. Метод анализа исторических источников традиционно определялся как специфический, присущий только историческим наукам, способ получения информации из исторических источников, включающий в себя критику источников (внешнюю и внутреннюю), проверку истинности источников и отбор их. Метод анализа исторических фактов содержит в себе систему средств построения фактического знания из источникового и внеисточникового знания, способов проверки истинности и правильности построения. Метод анализа исторических теорий выступает как способ отражения закономерных исторических связей в системе научных понятий, включающей в себя систему средств проверки истинности теории и правильности ее построения.

Третья и четвертая — логическая и аксиологическая части — методология исторического исследования, включающая изучение методов исторического исследования: метода исторического описания, метода исторического объяснения, метода исторической оценки. Метод исторического описания направлен на адекватное отражение исторических явлений в их развитии и пространственно-временной форме, нарративный способ изложения их в исторической последовательности. Метод исторического объяснения определяется нами как один из способов исторического исследования, направленный на выяснение сущности исто-

рических явлений, понимание их закономерности, исторической необходимости, а иногда и случайности. Для исторического метода объяснения характерно указание на более ранние ступени развития предмета, поиск исторических корней происходящего. Метод исторической оценки определяется нами как специфический способ исторического исследования, направленный на выяснение объективного значения исторических фактов и выражение ценностного отношения субъекта к изучаемому объекту. Для исторического метода оценки характерно указание не только на ранние (предшествующие) стадии развития предмета, но и на более поздние (последующие) стадии развития, выяснение следствий (позитивных и негативных) исторических событий, установление их места в системе исторических фактов, их роли в историческом развитии и ценности для современного общества в смысле их значимости для решения сложнейших проблем настоящего.

313

Пятая часть методологии истории — теория исторического метода, который помимо указанных особенностей имеет еще одну особенность, отличающую его от методов изучения настоящего и предвидения будущего. Различие между ними, как отмечалось выше, преодолевается путем анализа истории как системы, содержащей в себе элементы предыдущих и последующих систем. Сегодня исторический метод считается общенаучным и даже универсальным, в силу чего и методология истории приобретает также общенаучный, универсальный характер.

Методология исторической науки как специальная теория исторического метода, содержит учение не только о собственно историческом методе, но и о методах других наук, применяемых в исторической науке. Появление этого раздела связано с кон-ституированием методологии исторической науки в относительно самостоятельную философско-историческую дисциплину, имеющую свою историю и логику развития. В ее задачи входит анализ всех методов, когда-либо

применявшихся или применяющихся ныне в исторической науке; их обобщение, классификация и систематизация; объяснение методов исторической науки, анализ закономерностей их развития, структуры и функционирования, оценка методов исторической науки, установление их места и роли в общей системе научных методов.

Понимая всю относительность такого деления методологии истории на отмеченные части, можно назвать три объективных основания, позволяющих это сделать:

а) в пределах единства между теорией исторического процесса, теорией исторического знания, теорией исследования, теорией метода и теорией деятельности есть конкретные различия, определяющие внутренний характер дифференциации методологии истории;

б) осмысление методов может осуществляться в разных отношениях, с разных сторон и с разными целями: для обоснования объективного статуса исторического метода, для доказательства научного статуса метода исторического познания; для обоснования рационального (или иррационального) характера метода исторического исследования;

в) выяснение специфики исторического метода в разных философских аспектах: предметной, эпистемической, ценностной и пр.

314

В силу этих оснований все указанные части методологии истории имеют относительную самостоятельность, и в то же время, будучи тесно связаны между собой, они сливаются в методологии истории таким образом, что нет между ними резкой разделяющей черты. Каждая часть по мере приближения к другой что-то теряет от своей сущности и что-то приобретает от другой, с которой она граничит, так что вместо разделяющей черты появляется соединительная полоса. Ликвидируя разрыв между ними, сохраняя и преобразуя их, методология истории играет объединяющую интегративную роль.

В этой связи нельзя не отметить, что деление на эти части -не

классификационное и в некоторой степени оно даже условно, ибо в реальных познавательных и исторических ситуациях указанные части не так различимы, но их дифференциация представляется необходимой для понимания структурно-функциональной характеристики метода и методологии истории. Такое понимание структуры методологии истории позволяет преодолеть ограниченное, поэлементное понимание методологии истории, сведение ее к той или иной теории и дать качественно новое, синергетическое определение ее. Приведение в систему различных элементов методологического знания позволяет определить методологию истории как некое интегративное фило-софско-историческое учение, включающее общие методологические принципы, применяемые во всех областях исследовательской и практической деятельности, и особенные, опирающиеся на теоретические положения и практику исторических, источниковедческих и историографических исследований.

Становясь единой целостной системой, методология истории синтезирует все рассмотренные аспекты в совершенно новом, своеобразном единстве, где все они сохраняются и в то же время качественно преобразуются. Системный анализ ведет не к ликвидации внутренней самостоятельности каждой из входящих в систему частей, а напротив, предполагает четкую фиксацию и максимальное использование возможностей каждой из них. Каждая часть только в системе становится тем, чем она может и должна быть. Возникнув в результате синтеза указанных подсистем, методология истории не совпадает ни с одной из них и не может быть сведена ни к одной из них как более глубокой или доминирующей. Будучи системой, методология истории сама в то же

315

время является подсистемой, т. е. элементом систем более высокого порядка: исторического, философского и методологического знания.

В зависимости от структурной принадлежности она рассматривается в системах понятий другого уровня. Так в структуре исторического знания

методология истории характеризуется в системе понятий: методология исторической науки - методология историографии - методология источниковедения — методология исторического познания - методология исторического исследования. Эти понятия, на первый взгляд, воспринимаются как синонимы, но при более глубоком анализе предстают как взаимосвязанные элементы единой системы.

В структуре философского знания методология истории включается в систему философских дисциплин: философия истории - теория исторического процесса - теория познания - логика исследования - аксиология — праксеология. Такой подход позволяет выяснить различные связи и отношения методологии истории и понять ее место в структуре современного философского знания.

В структуре методологического знания они рассматриваются в системе следующих понятий: методология научного познания - методология естественных наук - методология социальных наук - методология гуманитарных наук.

Итак, заканчивая системно-структурный анализ методологии истории, мы делаем следующие выводы:

1. Системно-структурный характер методологии истории детерминирован ее генезисом и структурой. Становление и функционирование методологии истории представляет собой сложный, противоречивый процесс, являющийся частью общего процесса дифференциации и интеграции современного научного знания. Детерминация методологии истории ее генезисом связана с ее происхождением из нескольких однопорядковых учений, для которых характерно диахронное и синхронное существование, закрепленное существующей системой разделения научного труда. В качестве таковых подсистем выступало не только учение об историческом бытии, историческом знании и историческом исследовании, но и учение об историческом методе, приобретшее в конце XIX - начале XX века

относительно самостоятельный статус. Объединяя взаимодействия представителей

316

всех исторических дисциплин, методология истории предстает как самостоятельная историческая дисциплина, имеющая свой предмет (систему методов, применяемых в исторических науках) и метод (синергетический подход).

2. Методология истории есть система, органично включающая в себя не только собственно учение о методах исторической науки, но и методологические положения философии истории во всех ее аспектах: онтологии, гносеологии, логики, аксиологии, праксеологии. Представляя собой соединение, пересечение, переплетение указанных учений, методология истории конституируется в сложную систему, включающую в качестве элементов собственно методологию истории, опирающуюся на философию истории и теорию исторического развития; методологию исторического познания, опирающуюся на общую теорию познания и теорию исторического знания; методологию исторического исследования, опирающуюся на диалектическую и специальную логику исторического исследования. Объединяя с помощью синергетического подхода совместные действия философов различных направлений (онтологов, эпистемологов, логиков, аксиологов, праксеологов), методология истории представляет собой философскую дисциплину.

3. Методология истории имеет сложную структуру, сложившуюся в результате длительного развития и конфронтации различных направлений (идеалистических и материалистических, метафизических и диалектических, неокантианских и позитивистских, рациональных и иррациональных) и различных ориентации, стилей, школ внутри этих направлений. Детерминируемая таким образом структура методологии истории состоит из нескольких однорядковых учений о предмете исторической науки (методология истории), об историческом знании (методология исторического

знания), об историческом исследовании (методология исторического исследования), об историческом методе (теория исторического метода), для которых характерно синхронное и диахронное существование, закрепленное существующей сегодня разделением научного труда. Разрыв между этими учениями преодолевается с помощью синергетического подхода, который, опираясь на тождество диалектики, логики, теории познания, объединяет все ветви методологии истории и продолжает их развитие на качественно новом, более глубоком уровне.

317

Именно синергетический подход позволяет определить методологию истории как философско-историческую дисциплину.

4. Представляя собой сложную систему, методология истории, в свою очередь, сама является подсистемой, т. е. элементом других систем более высокого порядка: философских, исторических, методологических. Содержание, включенное в понятие «методология истории», условно можно разделить на две части, одна из которых имеет признаки, общие всем модификациям методологии, другая - признаки, характеризующие ее как отдельный вид, как определенную, относительно самостоятельную подсистему, включающую специальное учение о системе методов, применяемых и применяющихся в исторической науке со всеми присущими ей спецификациями. В таком понимании методология истории не сводима ни к общей, ни к другим специальным методологиям (естественных, социальных или технических наук). Синергетический подход позволяет объединить усилия всех методологов и трактовать методологию историю как относительно самостоятельную методологическую дисциплину.

5. Методология истории, равно как и исторический метод, носит общенаучный, универсальный характер. Большое количество работ по методологии истории в последнее время, в известной мере, определяется тем, что историческая наука выступает в качестве модели всех наук об обществе и даже науки в целом. Этим она обязана принципу историзма и историческому

методу, применяемым в любой познавательной деятельности, но в наиболее концентрированном виде применяемым в исторической науке. Общенаучное значение исторического метода, его особая важность для социального знания придают методологии истории наряду со специальным значением общенаучный, универсальный характер.

6. Исходя из единства науки и практики, методология истории рассматривается в единстве познания и преобразования общественной жизни. Сосредоточив, главным образом, внимание на формах и методах научного познания, современная методология истории для удовлетворения социальных потребностей раздвигает традиционные рамки своей проблематики и делает предметом своего рассмотрения не только методы познания, но и методы практической деятельности, знание которых может помочь выработать новые, более эффективные методы, способы,

318

рычаги управления, конкретизировать пути и сроки решения задач, связанных с реформированием общественной жизни.

7. Будучи результатом синтеза указанных подсистем, методология истории не совпадает ни с одной из них и не может быть сведена ни к одной из них как более глубокой или доминирующей. Не совпадая также ни с одной из традиционно различающихся философских и исторических дисциплин (философией истории, теорией исторического бытия, теорией исторического знания, логикой исторической науки, историографией, источниковедением и пр.), методология история одновременно «снимает» и объединяет их, оказываясь в итоге весьма сложным по содержанию и форме многослойным, многоаспектным учением. Таким образом, объединяя усилия всех историков, философов и методологов, синергетический подход позволяет преодолеть односторонность и редукционизм в понимании методологии истории и дать наиболее верное представление о ней как сложной целостной философско-исторической дисциплине.

319

Заключение

В ходе исследования сделаны следующие выводы: *Теоретическими основаниями* методологии истории выступают теория исторического процесса, теория исторического знания и теория исторического исследования, которым соответствуют методология истории, методология исторического познания, методология исторического исследования. Объективным основанием для такого деления являются качественно различные формы проявления диалектики в трех различных сферах (историческое бытие, историческое знание, историческое исследование), определяемых сложностью социальной формы движения, спецификой понимания прошлого и особенностями исторического мышления. Их тождество обеспечивается диалектикой, которая выступает в роли и теории исторического процесса, и теории исторического познания, и логики исторического исследования. Диалектика едина во всех этих проявлениях: «Не надо трех слов, это одно и то же» (550. Т. 29. С. 301). Разумеется, это тождество не исключает различий и относительной самостоятельности диалектики бытия, диалектики познания и диалектической логики. И потому это деление не классификационное, в некоторой степени оно даже условно и в реальной познавательной практике они не так различимы, как в приведенной схеме, но их различие представляется необходимым для функциональной характеристики метода и методологии исторической науки. Такое понимание позволяет преодолеть одностороннее понимание методологии истории, сведение ее к той или иной теории и дать качественно новое системное определение методологии истории. *Философскими основаниями* методологии истории являются историческая онтология, гносеология, логика, аксиология, праксеология. Органично включая в себя не только собственно учение о методах исторической науки, но и методологические положения философии истории, теории познания, логики исторического исследования, аксиологии и праксеологии, методология историческая представляет собою сложную систему и подвергается системному

анализу. Системный анализ ведет не к ликвидации внутренней самостоятельности каждого из входящих в систему разделов, а, напротив, предполагает четкую фиксацию и максимальное использование возможностей каждого из них. Только на

320

этой основе обнаруживается их взаимопроникновение и взаимодействие, что делает возможным синергетическое понимание методологии истории.

Синергетика по отношению к методологии истории предполагает рассмотрение ее 1) как более сложной, целостной системы, состоящей из нескольких подсистем, 2) как синергетический подход, употребляемый в пяти значениях:

- как междисциплинарный подход, объединяющий совместные усилия представителей различных *исторических* дисциплин: истории, историографии, источниковедения и др.

- как междисциплинарный подход, объединяющий усилия представителей различных *философских* специальностей: онто-логов, гносеологов, логиков, аксиологов, праксеологов;

- как синтез достижений различных *методологов*, представляющих различные подсистемы методологии истории (методологии исторического процесса, методологии исторического знания, методологии исторического исследования, теории исторического метода);

- как междисциплинарный подход, объединяющий совместные усилия историков, философов и методологов, действующих в одном направлении;

- как системно-структурный подход, противостоящий редуccionизму и элементаризму и рассматривающий не только входящие в структуру методологии истории элементы (подсистемы), но и *закон связи* этих элементов.

Разумеется, реализация синергетического подхода во всем его объеме - дело будущего. Поэтому данная работа не претендует на решение всех

проблем методологии истории, поскольку некоторые из них уже получили достаточно полное освещение, а решение всего комплекса поставленных проблем может быть результатом усилий большого количества ученых, представляющих разные науки и разные уровни исследовательской работы.

21 Зак. 253

321

Литература

1. *Алексеев В.П.* Философы России XIX- XX столетий: биографии, идеи, труды. М., 2001.
2. *Абдымаианов С.Л.* Жизнь и научная деятельность Л.Н. Гумилева. Астана, 2004.
3. *Абрамсон М.Ю.* О некоторых проблемах микроистории // Историк в поиске. М., 1999.
4. *Азимов А.* Язык науки М., 1985.
5. *Александров В.Б.* Культура и историческое познание. Калинин, 1986.
6. *Александров В.Б., Федотова В.Г.* Всеобщая история как теоретическая основа общенаучного метода исторических наук // Эмпирическое и теоретическое в гуманитарном познании. Калинин, 1978.
7. *Андреев А.Ю., Бородкин Л.И., Левандовский М.И.* История и хаос: новые подходы в синергетике // Сравнительное изучение цивилизаций мира. М., 2000.
8. *Андреев Н.Л.* Метод аналогии в истории // На путях строительства коммунизма. Тюмень, 1968.
9. *Андреев А.Б.* Методология. Диалектика системы и фактора. Чита, 2001.
10. *Аникеев А.А.* Проблемы методологии истории. Ставрополь, 1995.
11. *Ашисимова И.И.* О диалектике истории и теории в научном познании // Вестник ЛГУ. 1978. № 23.
12. Анкерсмит Т.Ф. *Историография и постмодернизм*// Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.

13. *Анкерсмит Т.Ф.* История итропология: взлет и падение метафоры. М. 2003.
14. *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003.
15. *Антипов Г.А.* К вопросу об историческом опыте // Ученые записки Томского университета. 1969. Т. 79.
16. *Антипов Г.А.* Исторический источник и его функция в историческом исследовании // Научные труды Новосибирского университета. 1970. Вып.3.
17. *Антипов Г.А.* Система исторических исследований // Проблемы систем исследований. Новосибирск, 1985.
18. *Антипов Г.А.* Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск, 1987.
19. *Антипов Г.А. Розов М.А.* К определению исторического источника // Научные труды Новосибирского педагогического института. 1971, Вып. 68. 322
20. *Ардашев П.Н.* О прогрессе в исторической науке. Киев, 1904.
21. *Арон Р.* Избранное: Введение в философию истории. М., 2000.
22. *Арсеньев А.С.* Историзм и логика в марксистской теории // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.
23. *Атласов Г.В.* К характеристике некоторых тенденций в современной французской буржуазной историографии // Труды Томского университета. 1967. Т. 193.
24. *Афанасьев В.Г.* История как движение к высшему типу ценности общества и человека // Вопросы истории. 1980. № 6.
25. *Афанасьев Р.* История и мир // Коммунист. 1985. № 6.
26. *Афанасьев Ю.Н.* Историзм против эклектики: Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980.
27. *Афанасьев Ю.* Прошлое и мы // Коммунист. 1985. № 14.

28. *Ахмедли Д.Т., Согомонов Ю.В.* Об историческом познании: популярный очерк методологических вопросов. Баку, 1969.
29. *Ашин А.Г., Беленький В.Х.* О субъекте истории // *Философские науки.* 1976. №5.
30. *Багалеи Д.И.* Русская история. Харьков, 1911.
31. *Баннх С.* Географический детерминизм от Л.Мечникова до Л.Гумилева. Екатеринбург, 1997.
32. *Баранов Г.С.* Индивидуализация как метод построения гносеологического образа исторического события // *Социальные проблемы познания и управления.* Томск, 1983.
33. *Барг М.А.* Структурный анализ в историческом исследовании // *Вопросы философии.* 1964. № 10.
34. *Барг М.А.* О некоторых предпосылках формализации исторического исследования // *Проблемы всеобщей истории.* Казанский педагогический институт. 1967. Вып. 1.
35. *Барг М.А.* Методологические вопросы исторической науки // *Очерки методологии познания социальных явлений.* М., 1973.
36. *Барг М.А.* Вопросы метода в соврешклок буржуазной историографии // *Вопросы истории.* 1972. № 9.
37. *Барг М.А.* Понятие всемирно-исторического как познавательный принцип исторической науки. М., 1973.
38. *Барг М.А.* О некоторых методах типологизации исторической науки // *История СССР.* 1973. № 2
39. *Барг М.А.* Исторический факт: структура, форма, содержание // *История СССР.* 1976. №2.
40. *Барг М.А.* Историческая закономерность как познавательная ценность исторической науки // *История СССР.* 1979. № 1.

21'

323

41. *Барг М.Л.* Категории «всемирно-исторический» и «локально-

исторический» в марксистско-ленинском историзме // Вопросы истории. 1980. №1.

42. *Барг М.Л.* Принцип системности в марксистских исторических исследованиях // История СССР. 1981. № 2.

43. *Барг М.Л.* О двух уровнях марксистской теории исторического познания // Вопросы философии. 1983. № 8.

44. *Барг М.Л.* Категории и методы исторической науки. М., 1984.

45. *Барг М.Л.* Категория «развитие» в историческом исследовании // История СССР. 1986. № 1.

46. *Барг М.Л.* Шекспир и история. М., 1986.

47. *Барг М.Л.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.

48. *Барг М.Л.* «Историческое время»: методологический аспект // Новая и новейшая история. 1990. № 1.

49. *Барг М.Л.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. №1.

50. *Батенин С.С.* Человек в его истории. Л., 1976.

51. *Беленький И.Л.* Ученый-историк в системе научных коммуникаций. М., 1983.

52. *Беленкова Л.П.* Д.И. Писарев о предмете и методе исторической науки // Некоторые вопросы философской науки. М., 1984.

53. *Белинский ВТ,* Поли. Собр. Соч. М., 1953.

54. *Белл Д.* Возобновление истории в новом столетии // Вопросы философии. 2002. № 5.

55. *Беляева Г.В., Николаева Л.В.* Народные массы и личность как объективная сила и субъект исторического процесса. М., 1985.

56. *Белявский И.Г., Пронштейн А.Н.* Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1974. №1.

57. *Белявский И.Г., Шкуратов В.А.* Проблемы исторической психологии. М., 1982.

58. *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов. Опыт об одиночестве и общении. Париж, 1934.

59. *Бердяев НЛ.* Смысл истории. М., 1990.

60. *Бердяев НЛ.* Судьба России. М., 1990.

61. *Бердяев НЛ.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

62. *Бердяев Н.А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. М., 1991.

63. *Бердяев ИЛ.* О назначении человека. М., 1993.

64. *Бердяев НЛ.* Философия свободы // Бердяев Н.А. Сочинения. М., 1994.

324

65. *БерезнойЛЛ.* Критика методологии современной американской буржуазной историографии Китая. Л., 1968.

66. *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. СПб., 1908.

67. *Бернгейм Э.* Учебник исторического метода. СПб., 1905.

68. *Бестужев-Лада И.В.* Ретроальтернаристика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8.

69. *Бестужев-Лада И.В.* Философия истории с элементами эзотерики и этики // Философские науки. 2004. № 7.

70. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872.

71. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Методы исторических занятий // Журнал министерства народного просвещения. 1887. № 2.

72. *Бессмертный ЮЛ.* Математические методы и их применение при изучении проблем средневековья // Средние века. 1971. Вып. 34.

73. *Бессмертный Ю.Л.* Проблема интеграции микро- и макроподходов // Историк в поиске. М., 1999.

74. *Библер В.С.* Исторический факт как фрагмент действительности // Источниковедение. М., 1969.

75. *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925.

76. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973.

77. Бобинска Ц. Пробелы в источниках. Методологический анализ // Вопросы истории. 1965. № 5.

78. Бовар В.В. Количественный анализ исторического развития общества // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.

79. Богданов А.Л. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901.

80. Бойцов М.Л. Вперед к Геродоту // Историк в поиске. Микро- и макро-подходы к истории. М., 1999.

81. Бокль П. Способы изучения истории // Отечественные записки. 1861. Т. 134. №1-2.

82. Болингброк Г.С.Дж. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.

83. Большаков А.М. Лекции по русской истории: Введение в изучение истории. М.-Пг., 1923.

84. Бородин Л.И. Квантитативная история в системе координат модернизма// Новая и новейшая история. 1998. № 5.

85. Бородин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

86. Бочаров А.В. Идея альтернативности исторического развития в отечественной историографии // История мысли. М., 2003. Вып. 2.

87. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. №6.

325

88. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая деятельность // Философия и методология истории. М., 1977.

89. Бубнов Н.М. Пособие по методологии истории. Киев, 1914.

90. Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5.

91. Бугалин А.В. Постмодернизм устарел (Закат неолиберализма чреват угрозой протоимперии) // Вопросы философии. 2004. № 2.

92. *Бурмистров А.А.* Предмет методологии исторической науки // Зарубежная история и историография. Вып.2. Казань, 2001.
93. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
94. *Буянова Н.В.* К вопросу о роли понятия «исторический опыт» в историческом познании // Вопросы методологии историографии, источниковедения. Томск, 1984.
95. *Бухарин Н.И.* Избранные труды. Л., 1988.
96. *Быковский С.Н.* Методика исторического исследования. М., 1923.
97. *Бэн А.* Логика общественных наук. М., 1882.
98. *Ваганов П.А.* Физики дописывают историю. Л., 1984.
99. *Вазюлин В.А.* О социальной философии истории // Социальные исследования. 1992. № 12.
100. *Вазюлин В.А.* Диалектика исторического процесса и методология его исследования. М., 1978.
101. *Вазюлин В.А.* Логика истории. М., 1988.
102. *Вазюлин В.А.* О социальной философии истории // Социологические исследования. 1992. №12.
103. *Вайнштейн О.Л.* Теоретические дисциплины истории // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967.
104. *Вайнштейн О.Л.* Философия, история и социология // Труды Института истории СССР АН СССР Л., 1976. Вып. 15.
105. *Вайнштейн О.Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX-XX веках. Л., 1979.
106. *Волк С.Н.* Из «Введений в историю» // Историк-марксист. 1927. №5.
107. *Волк С.Н.* Исторический источник в русской историографии XVIII в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934. №7.
108. *Ванеев А.А.* Два года в Абези: В память о Л.П.Карсавине. Брюссель, 1990.
109. *Варшавчик М.А.* Вопросы логики исторического исследования и

исторический источник // Вопросы истории. 1968. № 10.

НО. *Варгиавчик М.А.* Вопросы методологии историко-партийной науки // Вопросы истории. 1976. № 2.

\\.*Варшавчик М.А.* О предмете и основных принципах марксистско-ленинской методологии исторического источниковедения // Акту-
326

альные проблемы источниковедения истории СССР. Специальные исторические дисциплины и их преподавание. Новороссийск, 1979.

112. *Василенко И.А.* Политическое время // Вопросы философии. 1997. №9.

113. *Васильева Т.В.* Сущность и смысл истории. Пермь, 1996.

114. *Вашик Клаус.* Представление исторического знания: новые мультимедийные технологии. М., 1999.

115. *Введенский А.М.* Логика как часть теории познания. М.-Пг. (1922-1923).

116. *Вдовина А.И., Дробижев В.З.* Социальная психология и некоторые вопросы истории советского общества // История СССР. 1971. № 5.

117. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1999.

118. *Вен П.* Как пишут историю: опыт эпистемологии. М., 2003.

119. *Верещагина Т.Д.* Особенности художественного познания исторической действительности // Вестник ЛГУ. 1963. № 11.

120. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. М., 1977.

121. *Вершинин С.Е., Кудачков В.Е.* Принцип историзма и понимание истории // Принцип историзма в науке. Уфа, 1985.

122. *Винер И.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968.

123. *Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904.

124. *Виноградов А.И.* Философские модели истории: Опыт классификации философско-исторических концепций. Мурманск, 2003.

125. *Виннер Р.Ю.* Очерки теории исторического познания. М., 1911.
126. *Виннер Р.Ю.* Две интеллигенции и другие очерки. Сборник статей и публичных лекций. 1900-1912. М., 1912.
127. *Виннер Р.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921.
128. *Витухновский А.А.* История, о чем она рассказывает, чему учит, как помогает преобразовывать мир. Петрозаводск, 1975.
129. *Витухновский А.Л.* В гостях у Клио. Петрозаводск. 1986.
130. *Власова В.Б.* Исторический факт в ічяоке парадигмальных сдвигов // История методологии социального познания (конец XIX - начало XX вв.). М., 2001.
131. Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984.
132. Вопросы методологии исторической науки // Труды Московского историко-архивного института. 1967. Т. 25.
133. *Воробьев А.Я.* Об идейно-методологических основах исторических взглядов Г.фон Белова // Труды Томского университета. 1969. Т. 209.
134. *Воронцов Г.А.* Некоторые новейшие направления в буржуазной историографии ФРГ // Вопросы истории. М., 1974. № 9.
- 327
-] 35. *Воронцова Ю.В., Зотов Л. Ф.* О гносеологическом анализе в историческом научном исследовании // Вопросы истории естествознания и техники. 1976. № 4.
136. Всесоюзное совещание историков // Вопросы истории. 1963. №2.
137. *Габович Е.Я.* История под знаком вопроса. СПб., 2005.
138. *Гавриленко И.Г.* Диалектика общественного процесса // Вопросы общественных наук. Вып. 23. Киев, 1975.
139. *Гаврилычев В.А.* Теоретико-методологические исследования Г. фон Белова // Труды Томского ун-та. 1963. Т. 166.
140. *Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
141. *Гаджиев К.С.* Некоторые проблемы современной американской

«новой левой» историографии // Вопросы методологии истории исторической науки. Вып.1. М., 1977.

142. *Таджиев К.С., Сивачев Н.В.* Проблемы междисциплинарного подхода в современной американской буржуазной историографии // Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 2. М., 1978.

143. *Гайденко П.П.* Буржуазная философия в поисках реального содержания исторического процесса // Вопросы истории. 1968. № 1.

144. *Гайденко П.П.* Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX в. // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

145. *Галактионов И.В., Эпштейн А.Д.* О синхронизации как методе исторического познания // Историографический сборник. Вып.6. Саратов, 1977.

146. *Ганжа А.Г.* Методология исследования влияния окружающей среды на темпы развития исторического процесса // Проблемы взаимодействия общества и природы. М., 1983.

147. *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения в 14 т. М.-Л., 1929-1959.

148. *Гедде А.* Антиномия постисторизма в современном буржуазном сознании // Философия, политика, культура. М., 1983.

149. *Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу. М., 1955.

150. *Герасименко Г.А.* Философские основы русской науки. Дооктябрьский период. Саратов, 2002.

151. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 152. *Геродот.* История // Историки Греции. М., 1989. Т. 1. 153. *Герменевтика,* история и современность. Критические очерки. М., 1985.

154. *Герцен А.И.* Избранные философские произведения. В 2-х тт. М., 1948.

155. *Гефтер М.Я.* Предчувствие прошлого // Век XX и мир. 1990. №9.

328

156. *Гефтер М.Я.* Из тех и этих лет. М., 1991.

157. *Гефтер М.Я.* История позади? Историк - человек лишний? // Вопросы философии. 1993. № 9.
158. *Гершгорин В.С.* Принцип развития в историческом познании (Методологические и философские проблемы истории). М., 1983.
159. *Герье А.И.* Очерк развития исторической науки. М., 1866.
160. *Герье А.И.* Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915.
161. *Гиргинов Г., Янков Н.* Методология как раздел гносеологии // Вопросы философии. 1973. № 8.
162. *Глазман М.С.* О соотношении теоретического и художественного начала в историческом исследовании // Общественное сознание и вопросы формирования мировоззрения. М., 1977.
163. *Гобозов И.А.* Современная буржуазная философия истории. М., 1978.
164. *Гобозов И.А.* Философия истории Р. Арона // Философские науки. 1984. №6.
165. *Гобозов И.А.* Введение в философию истории. М., 1993.
166. *Гобозов И.А.* Философия истории. Проблемы и перспективы // Философия и общество. 1997. № 7.
167. *Гобозов И.А.* Единство и многообразие исторического процесса // Философия и общество. 1998.
168. *Говорков А.А.* М.Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976.
169. *Гокунъ А.А.* Некоторые вопросы ленинской методологии истории. Балашов, 1997.
170. *Гомаюнов С.Т.* От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 22.
171. *Гончарук С.И.* Законы развития и функционирования общества. М., 1977.
172. *Тончарук С.И.* Принцип историзма и анализ общественных законов // Методологический анализ некоторых философских категорий. М,

1976.

173. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

174. *Гранин Л.Е.* Философия, социология и теория истории. Волгоград, 2000.

175. *Грановский Т.Н.* О современном состоянии и значении всеобщей истории. Речь, произнесенная на торжественном собрании Московского университета 12 января 1852 г.

176. *Гребенчиков Я.В.* Свобода в логике истории. М., 1997.

177. *Трецкий М.Н.* О специфике исторических исследований // Актуальные проблемы истории общественной мысли. 1974. Вып.4. Ч. 2.

329

178. *Григоренко Б.Г.* О методологии японских исследований в первой половине XX в. // Бахрушинские чтения. 1966.

179. *Григорьева Г.П.* Синергетика и Восток // Вопросы философии. 1997. № 3.

180. *Грин-шин ДМ., Калинин Л.А.* Проблемы философии истории в системе Канта // Философские науки. 1974. № 6.

181. *Грушин Б.А.* Маркс и современные методы исторических исследований // Вопросы философии. 1958. №3.

182. *Грушин В.А.* Процесс развития (логическая характеристика категории в свете задач исторической науки) // Ученые записки Томского университета. 1962. № 41.

183. *Грушин Б.А.* Очерки логики исторического исследования. М. 1961.

184. *Грылев А.И.* О некоторых вопросах методологии военно-исторического исследования // Военно-исторический журнал. 1965. № 7.

185. *Губман Б.Л.* Проблемы методологии исторического исследования в современной англо-американской аналитической философии истории // Гуманистическая теория и ПТР. 1975. № 1.

186. *Губман Б.Л.* Смысл истории. Очерки современных западных

концепций. М., 1991.

187. *Гугнин А.М.* Истина и ее критерии в истории // Вопросы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1975.

188. *Гугнин А.М.* Методологические проблемы познания исторического процесса // Философия и современность. Днепропетровск, 1976.

189. *Гужнова К.В.* Гуманизм и первые шаги буржуазной исторической мысли // Вопросы истории. 1965. № 2.

190. *Гулыга А.В.* О характере исторического знания // Вопросы философии. 1962. №9.

191. *Гулыга А.В.* О методологических вопросах исторической науки // Вопросы философии. 1964. № 6.

192. *Гулыга А.В.* О предмете исторической науки // Вопросы истории. 1964. №4.

193. *Гулыга А.В.* Понятие и образ в исторической науке // Вопросы истории. 1965. № 9.

194. *Гулыга А.В.* История как наука // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

195. *Гулыга А.В.* К вопросу об особенностях истории как науки // Труды Московского историко-архивного института. 1967. Т. 25.

196. *Гулыга А.В.* Эстетика истории. М., 1974.

197. *Гулыга А.В.* Искусство истории. М., 1980.

198. *Гумилев Л.Н Хунт.* Срединная Азия в древние времена. М., 1960.

330

199. *Гумилев Л.Н.* По поводу «предмета» исторической географии (Ландшафт и этнос: III) // Вестник ЛГУ. Вып.3. Л., 1965. Т. 18. С. 112-120.

200. *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М., 1966; М., 2001.

201. *Гумилев Л.Н.* О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий ВГО (Этнография). Л., 1967. Вып.3. С. 3-17.

202. *Гумилев Л.Н.* Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967, № 1.

203. Гумилев Л.Н. 1) Этнос как явление // Доклады отделений и комиссий ВГО. (Этнография). 1967. Вып. 3; Известия ВГО. Т. 100.1968.

204. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967; М., 1993; М., 2002.

205. Гумилев Л.Н. Страна Шамбала в легенде и истории // Азия и Африка сегодня. 1968, № 5.

206. Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях // Народы Азии и Африки. 1970. № 1.

207. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970; М., 1979.

208. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970, № 1, 2.

209. Гумилев Л.Н. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии (Ландшафт и этнос: X) // Вестник ЛГУ. 1970, № 24. Вып. 4.

210. Гумилев Л.Н. Этнос - состояние или процесс? (Ландшафт и этнос: XI) // Вестник ЛГУ. 1971. № 12. Вып. 2.

211. Гумилев Л.Н. Этногенез - природный процесс // Природа. 1971. № 2.

212. Гумилев Л.Н. О странном неприятии географии // Известия ВГО. 1971. Т. 103. Вып. 3.

213. Гумилев Л.Н. Сущность этнической целостности (Ландшафт и этнос: XII). // Вестник ЛГУ 1971. № 12. Вып. 4.

214. Гумилев Л.Н. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1972, № 4.

215. Гумилев Л.Н. Этнология и историческая география (Ландшафт и этнос: XIII) // Вестник ЛГУ. 1972, № 60.

216. Гумилев Л.Н. Нужна ли география гуманитариям? // Славяно-русская этнография. М., 1973.

217. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. М. 1974.

218. Гумилев Л.Н. Старобурятская живопись. М., 1975.

219. Гумилев Л.Н. Этносфера как одна из оболочек Земли // Вопро-

сы физической географии и палеографии. «Ученые записки ЛГУ». 1977, № 388.

220. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 2002.

221. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; М., 1992; М., 1997; СПб., 2001; М., 2002.

331

222. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1989; Л., 1990.

223. Гумилев Л.Н. Этносы и антиэтносы // Звезда. 1990. № 3.

224. Гумилев Л.Н., Панченко А.М. Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л., 1990.

225. Гумилев Л.И. «Меня называют евразийцем...». Алма-Ата. 1991.

226. Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. М., 1991, №13. С. 19-26.

227. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992

228. Гумилев Л.Н. «Скажу вам по секрету, что...» // Социум. 1992, № 9.

229. Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 2002..

230. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической России. М., 2000.

231. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 2003.

232. Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М., 1993.

233. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 2003.

234. Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. СПб., 1993.

235. Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.

236. Гумилев Л.Н. «Арабские истории». Кн.1. М., 1994.

237. Гумилев Л.Н. Сочинения. Древний Тибет. М., 1996.

238. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1998.

239. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 2003.
240. *Гумилев Л.Н.* История народа хунну. В 2-х книгах. М., 1998; М., 2002.
241. *Гумилев Л.Н.* Сочинения. М., 2004.
242. *Гумилева Н.В.* Лев Николаевич Гумилев и идеи евразийства // Евразийский университет и евразийское сообщество: взгляд на начало XXI в. Астана, 2002.
243. *Гуревич АЛ.* Некоторые аспекты изучения социальной истории // Вопросы истории. 1964. № 10.
244. *Гуревич А.Я.* К вопросу об особенностях истории как науки // Труды Московского историко-архивного института. 1967. Т. 25.
245. *Гуревич А.Я.* Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
246. *Гуревич А.Я.* Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы М., 1969.
247. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
248. *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология, // Вопросы философии. 1988. № 1.
- 332**
249. *Гуревич А.Я.* История и психология // Психологический журнал. 1991. №4.
250. *Гуревич А.Я.* Двойкая ответственность историка // Новая и новейшая история. 1997. № 5.
251. *Гуревич А.Я.* Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. М., 1998.
252. *Гуревич А.Я.* Историк у верстака // Отечественные записки. 2004. № 5.
253. *Гуревич А.Я.* История в человеческом измерении // Н.Л.О.2005. №5.
254. *Гурьянова А.Н.* К вопросу о понятии метода исследования в ис-

торической науке//Гуманитарная теория и НТР. Вып. 1. Калинин, 1975.

255. *Гурьянова А.Н.* Метод исторической науки // Эмпирическое и теоретическое в историческом познании. Калинин, 1978.

256. *Гурьянова А.Н.* Проблема соотношения описания и объяснения в буржуазной методологии истории // Природа истины в социальном познании. Калинин, 1985.

257. *Гуссейнова А.С., Павловский Ю.Н.* Математическое моделирование исторического процесса // Исследование операций. Вып. 6. М., 1978.

258. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.

259. *Данилов А.И.* Теоретико-методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ // Средние века. Вып.15.М., 1959.

260. *Данилов А.И.* О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. 1961. №3.

261. *Данилов А.И.* Ф. Мейнеке и немецкий буржуазный историзм// Новая и новейшая история. 1962. № 2.

262. *Данилов А.И.* Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука// Средние века. Вып.24. М., 1963.

263. *Данилов А.И.* К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 1969. № 5.

264. *Данилов А.И.* Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков // Труды Томского университета. 1969. Т. 209. Вып. 6.

265. *Данилов А.И.* Историческое событие и историческая наука // Средние века. Вып.43. 1980.

266. *Данилов А.И.* Проблема континуитета в историографии ФРГ // Вопросы истории. 1981. №3.

267. *Данилов А.И., Иванов В.В., Ким Ю.С.* История и общество // Вопросы истории. 1977. Кз 1.

268. *Данилов В.П., Якубовская С.И.* Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопросы истории. 1967. № 5.

269. *Данто А.С.* Аналитическая философия истории. М., 2002.

210. *Девяшин Н.А.* К вопросу об историческом законе как философской категории // Ученые записки Томского университета. 1969. № 79.

271. *Девяшин Н.А.* К вопросу об историческом законе и его структуре // Ученые записки Томского университета. 1971. № 82.

211. *Девяшин Н.А.* Проблема исторического закона в немецкой философии истории // Вопросы философии, психологии и педагогики. Томск, 1972.

273. *Девяшин Н.А.* Проблема исторического закона в современном позитивизме // Некоторые вопросы марксистско-ленинской теории и истории КПСС. Томск, 1974.

274. *Дегтярев С.М.* К вопросу о формировании научного уровня исторического сознания // Закономерности формирования общественных отношений. Барнаул, 1984.

215. *Демоз Л.* Психоистория. Ростов н/Д., 2000.

276. *Деррида Ж.* Рана истины или единоборство языков // Отечественные записки. 2004. № 5..

211. *Дербов Л.А.* Введение в изучение истории. М., 1981.

278. *Дилтей В.* Описательная психология. М., 1924.

279. *Джемс В.* Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления. СПб., 1910.

280. *Джигоев О.И.* Природа исторической необходимости. Тбилиси, 1967.

281. *Джигоев О.И.* Материалистическое понимание истории и буржуазная философия. Тбилиси, 1974.

282. *Джигоев О.И.* Проблемы исторического познания в философии Б. Кроче // Вопросы философии. 1971. №5.

283. ДылымгенскгшГ.М. Марксистко-ленинская теория и историческое исследование // Вопросы истории.1963. № 3.

284. *Дмитренко В.П.* Историческая наука и воспитание человека М., 1984.

285.*Добрянов В.С.* Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968.

286. *Добролюбов И. А.* Собрание сочинений в 9-тт. М. -Л. 1961-64.

287. *Донской М.В.* Философия истории большевизма. М., 2002.

288. *Дорошенко Н.М.* Методология истории как система. Калинин, 1985.

289. *Дорошенко Н.М.* Становление и развитие методологии истории. Калинин, 1987.

290. *Дорошенко Н.М.* Философия и методология русской истории (начало XX в.). СПб., 1995.

334

291. *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России (конец XIX - начало XX в.). СПб., 1997.

292. *Дорошенко Н.М.* Российская методология истории: философские подходы. СПб., 2005.

293. *Дорошенко Н.М.* Репрессированные методологи истории. Астана. 2006.

294.*ДрабкинЯ.С., Мирский Э.М.* Дискуссии по проблемам методологии истории // Вопросы философии.1971. № 6.

295. *Драбкина СМ.* Историческая теория и историческое исследование современности // Вопросы истории. 1966. № 11.

296.*ДробижеваЛ.М.* История и социология. История и современность. М., 1971.

297. *Дука ОТ.* Историческая синергетика и интеграционные процессы в отечественной исторической науке // Науковедение: фундаментальные и прикладные проблемы. Красноярск, 2004.

298. *Дьяков В.А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

299. *Дюбюк А.* История на перекрестке гуманитарных наук. М., 1970.

300. *Егоров В.К.* История есть смена поколений. М., 1986.

301. *Егоров В.К.* История в нашей жизни. М., 1990.

302. *Егорова В.С.* Проблема факта в историческом познании // Вестник МГУ. Серия «философия». 1976. №5.

303. *Егорова В.С., Карпович В.И.* К вопросу о логической структуре рационального объяснения в истории // Философские науки. 1977. №3.

304. *Егорова М.В.* К вопросу о понимании исторического объяснения в новейшей англо-американской философии истории // Проблемы методологии и логики науки. № 79. Вып. 5. Томск, 1969.

305. *Егорова М.В.* Кризис буржуазного историзма и понимание исторической теории в новейшей англо-американской буржуазной философии истории // Вопросы теории как формы мышления. Томск. 1970. Вып. 1.

306. *Егорова М.В.* К вопросу о роли оценочного знания в историческом исследовании // Вопросы методологии общественных и гуманитарных наук. Калинин, 1974.

307. *Егорова М.В.* Категория «историческое время», ее методологическое значение // Вопросы методологии науки. Вып.5. Томск, 1975.

308. *Елсуков А.Н.* Проблема объяснения в социально-историческом исследовании // Философия, методология, наука. М., 1972.

309. *Ельчанинов А.Н.* К вопросу о соотношении исторической науки и социологии // Вопросы исторического материализма и критика некоторых концепций буржуазной социологии. М., 1969.

335

310. *Ельчанинов В.А.* Сущность исторического метода и его отношение к методу в искусстве // Вопросы теории познания. Барнаул, 1974.

ЪМ. Ельчанинов В.А. Об отношении истории как науки к искусству. Барнаул, 1975.

312. *Ельчанинов В.А.* К вопросу о моральном содержании и функции исторического знания // Средние века. 1978. Вып. 42.

313. *Ельчанинов В.А.* Проблемы творчества в историческом познании и искусстве. Томск, 1979.

314. *Ельчанинов В.А.* К вопросу о гносеологической специфике исторической науки и ее критериев // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1983. Вып. 17.

315. *Ельчанинов В.А.* О стиле научного мышления и его роли в историческом познании // Теория и методология формирования сознания. Барнаул, 1985.

316. *Ельчанинов В.А.* Методологические проблемы исторической науки. Учебное пособие. Барнаул, 1990.

317. *Ермекбаев Ж.А.* Теория этногенеза и евразийские идеи Л.Н. Гумилева в преподавании исторических дисциплин. Астана, 2003.

318. *Ерофеев Н.А.* Что такое история? М., 1976.

319. *Ерофеева Н.И.* Соотношение субъекта и объекта в историческом познании // Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности. Вып. 1. Ч. 1. М., 1975.

320. *Ершов Ю.Г.* Методологические проблемы типологизации исторического процесса. Свердловск, 1982.

321. *Ерыгин А.Я.* История и диалектика // Диалектика и историческое знание в России XIX в. Ростов-на-Дону, 1987.

322. *Есинчук Н.М.* Историческая реальность как предмет познания. Киев, 1978.

323. *Жариков Е.С.* О логическом аспекте изучения оценки // Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1965.

324. *Жарников А.Е.* Теория этногенеза Льва Николаевича Гумилева (опыт системного изложения). М., 2002.

325. *Желенина И.А.* Историческая ситуация: методологический анализ. М., 1987.

326. *Желенина И.А.* О законах исторической науки // Проблема закона в общественных науках. М., 1989.

327. *Желенина И.А.* Философия истории: Современные проблемы познания исторического процесса. М., 1994.

328. *Жигунин В.Д.* Проблема исторических закономерностей и буржуазная наука // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 4. Казань, 1975.

336

329. *Жилин П.А.* Основные методологические принципы изучения военной истории // Вопросы философии. 1977. № 11.

330. *Жилин П.А., Тюшкевич С.А.* Философские проблемы исторического познания. М., 1978.

331. *Жуков ЕМ.* Историческая наука и общая методология // Методологические проблемы науки. М., 1964.

332. *Жуков ЕМ.* О соотношении общесоциологических и исторических закономерностей // Вопросы философии. 1977. № 4.

333. *Жуков ЕМ.* Некоторые проблемы методологии истории // Общественные науки. 1978. № 1.

334. *Жуков ЕМ.* Очерки методологии истории. М., 1987.

335. *Жуков ЕМ., Барг М.А., Черняк Е.Б.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.

336. *Журавлев Л.А.* Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980.

337. *Завьялова М.П.* Теория и модель в историческом исследовании // Вопросы научной теории как формы мышления. Томск, 1970.

338. *Завьялова М.П.* Моделирование как необходимая сторона и условие применения структурного метода в историческом исследовании // Ученые записки Томского университета. 1971. № 82.

339. *Завьялова М.П.* Структурный метод и проблема эмпирического знания в историческом исследовании // Ученые записки Томского уни-

верситета. 1969. № 79.

340. *Завьялова М.П.* Познавательные традиции как объект реконструкции истории ч ее ко го развития науки // Закономерности научного развития. Томск, 1985.

341. *Завьялова М.П., Масюкова С.Б.* О механизме преемственности в развитии исторической науки // Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения. Томск, 1984.

342. *Звягинцев Е.Г., Сергеев А.А.* Гегель о понятии «исторический процесс» // Проблемы общественных наук. Челябинск, 1974.

343. *Звягинцев Е.Г., Сергеев А.А.* К определению понятия «исторический процесс» // Проблемы общественных наук. Челябинск, 1974.

344. *Зевелев АМ.* Методология и метод в историографическом исследовании// Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.

345. *Зевелев АМ.* О междисциплинарном статусе методологии истории//Методологические вопросы историко-партийной историографии. М., 1984.

346. *Зевелев А.М., Наумов В.П.* Историографический факт: критерии оценки и анализа // Вопросы истории. 1980. № 5.

347. *ЗибельГ.* О законах исторического знания. М., 1867.

22 Зак. 253

337

348. *ЗиминаЛ.А.* О случайности в истории // Философские проблемы общественного развития. Вып.2. М.,1974.

349. *Зиммель Г.* Проблемы философии истории. М., 1898.

350. *Зубкова Е.Ю., Куприянов А.М.* Ментальное измерение истории: поиски метода// Вопросы истории. 1995.№ 7.

351. *Иванов А.В.* Духовно-экологическая цивилизация, устои и перспективы. Барнаул, 2001.

352. *Иванов А.В., ФотиеваИ.В., ШишинМ.Ю.* Скрижали метаисто-рии.

Творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул, 2006.

353. *Иванов В.В.* К характеристике идейно-методологических взглядов М. Блока // Труды Томского университета. 1965. Т. 178.

354. *Иванов В.В.* В.И. Ленин о соотношении истории и современности // Вопросы истории. 1970. № 4.

355. *Иванов В.В.* К вопросу о содержании и развитии исторического метода // Труды Томского университета. 1967. Т. 178.

356. *Иванов В.В.* Историческое объяснение как методологическая проблема // Вопросы историографии всеобщей истории. 1971. Вып. 5.

357. *Иванов В.В.* Ленинские принципы партийности и научной объективности // Средние века. 1980. Вып. 43.

358. *Иванов В.В.* В.И. Ленин о роли принципа историзма в научном познании // Вопросы истории КПСС. 1971. № 12.

359. *Иванов В.В.* К вопросу о методологической сущности концепции «теоретизация истории» // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Казань, 1972.

360. *Иванов В.В.* Материалистическое понимание соотношения истории и современности и его значение для критики субъективизма // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. 1973. Вып. 2.

361. *Иванов В.В.* Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973.

362. *Иванов В.В.* Методология исторической науки. М., 1985.

363. *Иванов В.В.* К вопросу о соотношении методологии и методики // Ученые записки Казанского педагогического университета. 1978. Вып. 184.

364. *Иванов В.В.* Историзм в ленинской методологии научного исследования. М., 1982.

365. *Иванов Г.М.* Современная буржуазная методология истории о специфике предмета исторического познания // Ученые записки Томского университета. 1960. № 35.

366. *Иванов Г.М.* Своеобразие отражения действительности в исто-

рической науке // Вопросы истории. 1962. № 12.

367. *Иванов Г.М.* К вопросу о своеобразии исторического познания // Труды Томского университета. 1963. Т. 166. Вып. 1.

338

368. *Иванов Г.М.* О специфике познания истории // Вопросы истории. 1964. № 12.

369. *Иванов Г.М.* К вопросу о понятии «исторический факт» в исторической науке // Труды Томского университета. 1969. № 2.

370. *Иванов Г.М.* П. Сальмон. История и критика // Вопросы истории. 1971. № 10.

371. *Иванов Г.М.* Гносеологические основы исторического источника // Философские науки. 1973. № 3.

372. *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск, 1973.

373. *Иванов Г.М.* О социальной природе исторического источника // Труды Томского университета. 1974. Т. 247.

374. *Иванов Г.М.* Кризис позитивистской концепции исторического источника и Б. Кроче // Вопросы истории. 1974. № 1.

375. *Иванов Г.М.* О специфике социального познания // Специфика социального познания. М., 1984.

376. *Иванов Г.М.* К вопросу о достоверности и полноте исторического знания // Вопросы философии. 2002. № 6.

377. *Иванов Г.М., Коршунов А.М. Петров Ю.В.* Субъект и объект в историческом познании // Научные доклады высшей школы: Философские науки. 1975. № 4.

378. *Иванов Г.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.

379. *Ивин А.А.* О логике оценок // Вопросы философии. 1968. № 8.

380. *Ивин А.А.* Введение в философию истории. М., 1997. 38\.*Ивин А.А.* Философия истории. М., 2000.

382. *Игрицкий Ю.И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974.

383. *Игрицкий Ю.И.* Глобализация: контуры XXI века. М., 2002.

384. *Илларионов С.В.* К вопросу о достоверности и полноте исторического знания // Вопросы философии. 2002. № 6.

385. *Илюшин В.А.* Критерий отбора исторических фактов и познание законов общественного развития // Теория познания и современная наука. М., 1967.

386. *Ильин В.В.* О специфике гуманитарного знания // Вопросы философии. 1985. №3.

387. *Ильин В.В.* Философия истории. М., 2003.

388. *Ильин Н.А.* Собр.соч. в 10 тт. М., 1993.

389. *Ильичев Л. Ф.* О методологической функции исторического материализма // Вопросы философии. 1976. № 2.

390. *Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004, № 4.

22"

339

391. *Ионенко И.О.* О единстве исторического процесса // Коммунист Татарии. 1976. № 10.

392. *Ионич Л.Г.* Понимающая социология: историко-критический анализ. М., 1979.

393. *Попова И.Н., Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX в. СПб., 2002.

394. *Ирибаджакоев Я.* Клио перед судом буржуазной философии: К критике современной философии истории. М., 1972.

395. Историческая наука. Вопросы методологии (Бромлей Ю.В., Ким М.П., Минц И.И. и др.). М., 1986.

396. Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского. СПб., 2003.

397. История и психология. М., 1996.
398. История и социология. М., 1964.
399. *Каган М.С.* Системность и историзм // *Философские науки.* 1977. №5.
400. *Каган М.С.* Введение в историю мировой культуры СПб., 2000.
401. *Каждан А.П.* О работе историка: путь исследования // *Вопросы истории.* 1968. № 11.
402. *Калюкина Т.Е.* Историзм как методологический принцип социального познания // *Философские исследования.* 1975. № 1.
403. *Камышан М.А.* Историческая необходимость и моральные ценности // *Диалектика общественного развития.* Днепропетровск, 1969.
404. *Канке В.А.* Историческое время: методологические аспекты // *Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения.* Томск, 1984.
405. *Кант И.* Соч.: В 6 тт. М., 1964.
406. Кантор К.М. Двойная спираль истории: История проектизма. М., 2002.
407. *Капица С.П.* Об ускорении исторического времени // *Новая и новейшая история.* 2004. № 6.
408. *Караваев Г.Г.* Исторический материализм - метод познания общественных явлений. М., 1973.
409. *Караваешкина А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М., 2003.
410. *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. Т. 1. Сущность и задачи философии истории. М., 1883.
411. *Кареев Н.И.* Философия истории и теория исторического процесса // *Очерк русской философии истории.* М., 1996.
- 340
412. *Кареев Н.И.* Суд над историей (Нечто о философии истории) //

Рубеж. 1961. №1.

413. *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. Т. 3. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890.

414. *Кареев Н.И.* История с философской точки зрения // Кареев Н.И. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1912.

415. *Кареев Н.И.* Историка (Теория исторического знания). СПб., 1913.

416. *Кареев Н.И.* Историология (Теория исторического процесса). Пг., 1915.

417. *Карелова Г.Д.* К вопросу о взаимоотношении исторической науки с искусством и эстетикой // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1967. Т 25.

418. *Карсавин Л.П.* Очерки религиозной жизни Италии XII-XIII веков. СПб, 1912.

419. *Карсавин Л.П.* Культура средних веков. М., 1914; Киев, 1995.

420. *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках, преимущественно в Италии. Пг. (1915; СПб., 1997.

421. *Карсавин Л.П.* Католичество. Пг., 1918.

422. *Карсавин Л.И.* Метафизика любви// Русская мысль. 1918.

423. *Карсавин Л.П.* *Salaqia*, или весьма краткое и душеполезное размышление о боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах. Пг., 1919.

424. *Карсавин Л.П.* Введение в историю: Теория истории. Пг., 1920.

425. *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922.

426. *Карсавин Л.П.* О началах: Опыт христианской метафизики. Берлин. 1925; СПб., 1994.

427. *Карсавин Л.П.* Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М., 1992 (В кн. вошли «О личности», «Поэма о смерти»), «Философия истории» М., 1993; Сочинения. М., 1993; Малые сочинения. М., 1994.

428. *Карсавин Л.П.* Монашество в средние века. М., 1992. 420.
Карсавин Л.П. Глубины сатанински? СПб., 1993.

430. *Карсавин Л.П.* История европейской культуры (пер. с литов.).

СПб., 1995.

431. *Carr E.* Was ist Geschichte? Stuttgart. 1963.

432. *Карцев Е.А.* История и культура. О некоторых актуальных проблемах исторического исследования // История. Постигание смысла. М., 1995.

433. *Карцев Е. А.* Философия истории. М., 2000. "

434. Категории исторических наук. М, 1988.

435. *Кахк Ю.Ю.* Нужна ли новая историческая наука // Вопросы истории. 1969. № 3.

341

436. *Кахк Ю.Ю.* Математические методы в исторических исследованиях // Общественные науки. 1978. № 2.

437. *Кахк Ю.Ю., Ковальченко ИД.* Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях // История СССР. 1974. №5.

438. *Кощеев В.И.* О соотношении методологии и частных методов в буржуазных исторических исследованиях // Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения. Томск, 1984.

439. *Келле В.Ж., Коеалъзон М.Я.* Теория и история. М., 1981.

440. *Келле В.Ж.* Методология социального познания // Исторический материализм как наука. М., 1974.

441. *КеллиД.* Основания для сравнения//Диалог со временем. М., 2001. Вып. 7.

442. *Кертман Л.Е.* Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971. № 1.

443. *КессидиХ.Ф.* Идеи и люди: Философские и социально-политические этюды. М., 2003.

444. *КилуноваА.Ф.* Несостоятельность буржуазной методологии истории // Коммунист Украины. 1974. № 6.

445. *Ким С.Г.* Современная немецкая историография о возможностях

микро- и макроанализа // Историк в поиске. М., 1999.

446. *Кимелев Ю.А.* Философия истории. М., 1995.

447. *Кирюшкин М.* Размышления о предмете истории // Знание - сила. 1991. №10.

448. *Киссель М.А.* Задачи мета-философии истории // Современные проблемы философии истории. Тарту, 1979.

449. *Киссель М.А.* К изучению структуры исторического исследования // Проблемы методологии социального познания. Л., 1985.

450. *Киссель М.А.* Историческое сознание и нравственность. М., 1990.

451. *Клишина С.А.* Русская идея в постмодернистском пространстве // Россия XXI. 1998. №1.

452. *Ключевский В.О.* Методология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 6. Специальные курсы. М., 1989.

453. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение // Вопросы философии. 1992. № 12.

454. *Князева Е.Н., Турбов А.Л.* Единая наука о единой природе // Новый мир. 2000. № 3.

455. *Кобелева Л.С.* Методология исторических исследований концепции Х. Уайта // Вестник СПбГУ. 1999. Серия 6. Вып.3.

456. *Ковалевский М.М.* Философское понимание судеб русского прошлого мыслителями и писателями 30-40-х гг. // Вестник Европы. 1915. №12.

342

457. *Ковалевский М.М.* О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений // Юридический вестник. 1878. Т. 1.

458. *Ковалевский М.М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1896.

459. *Ковальченко И.Д.* Применение количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1984. № 9.

460. *Ковальченко И.Д.* О применении математико-статистических методов в историческом исследовании // Источниковедение. М., 1969.

461. *Ковальченко ИД.* О моделировании исторических явлений и процессов // Вопросы истории. 1978. № 8.
462. *Ковальченко ИД.* Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. № 4.
463. *Ковальченко И.Д.* Роль дискуссий в исторической науке // Всемирная история и Восток. М., 1989.
464. *Ковальченко ИД.* Методы исторического исследования. М., 2003.
465. *Ковальченко И.Д., Шикло А.Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX-начале XX в. // Вопросы истории. 1982. №1.
466. *Ковальченко ИД., Сивачев Н.В.* Структурализм и структурно-количественные методы в исторической науке // История СССР. 1976. №5.
467. *Ковальченко ИД., Соколов А.К.* Итоги и перспективы применения математико-статистических методов и ЭВМ в исследованиях по отечественной истории // Изучение отечественной истории между XIV и XV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 2.
468. *Коган Л.Н.* О специфике применения критерия практики в исторической науке // Практика - критерий истины в науке. М., 1960.
469. *Коган Л.Н.* Исторический факт и структура исторических исследований // Методологические вопросы науки. Саратов, 1978. Вып. 7.
470. *Козин Н.Г.* Проблемы структуры исторического исследования // Единство марксистско-ленинской теории и практики. Саратов, 1978.
471. *Козин Н.Г.* Эмпирический и теоретический уровни исторического познания // Методологические вопросы науки. Саратов, 1979. Вып. 3.
472. *Козин Н.Г.* Познание и историческая наука. Саратов, 1930.
473. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.
474. Количественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1969.
475. *Коллинз РДж.* Идея истории. Автобиография (пер. с англ.). М., 1980.

476. *Коломийцев В.В.* Законы истории или социологические закономерности // Отечественная история. 1997. № 6.

477. *Коломийченко И.И.* Воспитание историей. Киев, 1955.

478. *Коломийцев В. Ф.* Методология истории (от источника к исследованию). М., 2001.

479. *Комиссарова Г.В.* Методологические проблемы исследования исторического сознания // Методологические проблемы научных исследований. Новосибирск, 1984.

480. *Кон И.С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.

481. *Кон И. С.* К вопросу о специфике и задачах исторической науки // Вопросы истории. 1951. № 6.

482. *Кон И.С.* Буржуазная философия истории в тупике // Вопросы истории. 1960, № 12.

483. *Кон И.С.* Христианская философия истории на службе реакции // Вопросы истории. 1961, № 12.

484. *Кон И.С.* Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки // Вопросы истории. 1963, № 9.

485. *Кон И.С.* О современной буржуазной философии истории // Философские науки. М., 1965. № 2.

486. *Кон И.С.* Вильгельм Дильтей и его «критика исторического разума» // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1965.

487. *Кон И.С.* Проблемы истории в истории философии // Труды Томского университета. 1966. Т. 187.

488. *Кон И.С.* К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера-Гемпеля и ее критики) // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

489. *Кон И.С.* История и социология // Вопросы философии. 1970. №8.

490. *Кон И.С.* История в системе общественных наук // Философия и

методология истории. М., 1977.

491. *Кон И.С., Люблинская А.Д.* Труды французского историка М.Блока // Вопросы истории. 1955. № 8.

492. *Конев В.П.* О соотношении предмета исторической науки и искусства // Научные труды Новосибирского педагогического института. 1974. Вып. 106.

493. *Конев В.П.* Типология оценок в исторической науке // Вопросы истории социальной, экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975.

494. *Конев В.П.* Объективные основания интеграции исторической науки и литературы // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск, 1984.

344

495. *Коновалов А.Г., Демидов А.И., Гомаюнов А.З.* Системный подход и его применение в социально-историческом познании // Теория познания и современная наука. Саратов, 1970.

496. *Конрад Н.И.* Избранные труды. История. М., 1974.

497. *Конт О.* Курс положительной философии. Т. 1. СПб., 1899.

498. *Копалов В.И.* Принцип историзма в социальном познании // Специфика социального познания. М., 1984.

499. *Копнин А.В.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.

500. *Колосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001.

501. *Колосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005.

502. *Корсунский А.Р.* Проблемы измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.

503. *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977.

504. *Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф.* Творчество и отражение в ис-

торическом познании. М., 1984.

505. *Костюк В.И.* Методология научного исследования. Киев-Одесса, 1975.

506. *Котов В.Н.* Введение в изучение истории. Киев, 1982.

507. *Крамник В.В.* К вопросу о психологическом аспекте истории политических движений // История и психология. М., 1971.

508. *Красавин В.П.* Марксизм и проблема структуры исторического знания // Сборник научных трудов Пермского политехнического института. 1971. №59.

509. *Красавин В.П.* От факта к историческому описанию // Философские науки. 1972. № 2.

510. *Красавин В.П.* Методологические проблемы социального познания в русской философско-социологической литературе конца XIX в. Пермь, 1974.

511. *Красноярцев И.Г.* К вопросу о генезисе исторического знания // Труды молодых ученых Калмыкии. Элиста, 1971. Вып. 1.

512. *Кроне Б.* О так называемых суждениях ценности // Логос. М., 1910. Кн. 2.

513. *Кроне Б.* Теория и история историографии. М., 1998.

514. *Ксенополъ А.Д.* Понятие ценности в истории. Киев, 1912.

515. *Кузина Е.Б.* Критический анализ эпистемологических конструкций постпозитивизма. М., 1988.

516. *Кузнецова В.А.* Клио и историческая наука // Вопросы методологии и методики изучения советского театра и кино. Кишинев, 1983.

345

517. *Кузнецова Т.Ф.* Методология философии истории // Очерки по истории мировой культуры. М., 1997,

518. *Кузьмин А.Р.* О предмете исторической науки // Предмет и структура общественных наук. М., 1984.

518. *Кукарцева МЛ.* Современная философия истории США. Иваново,

1998.

519. *Кукарцева М.Л.* Онтологические модели философии истории // Вестник МГУ. Серия «Философия*». 1998. № 4. (в соавт.)

520. *Кукарцева М.Л.* Философия истории. Проблема определения // Философский альманах. Вып. 1. Иваново, 1998.

521. *Кукарцева М.Л.* Опыт метафилософии истории. // Вестник МГУ. Серия «Философия». 2000. № 6. (в соавт.)

522. *Кукарцева М.Л.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 5.

523. *Кукарцева М.Л., Коломовц Е.Н.* Историография и историческое мышление // Вестник МГУ. Серия «Философия». 2004. № 2.

524. *Кулига Л.А.* Георг Зиммель о природе исторического познания // Источниковедческие и историографические вопросы всеобщей истории. Томск. 1988.

526. *Кумсшев В.Л.* Методологические проблемы исторической науки // Новая и новейшая история. 1964. № 2.

527. *Кун Г.* Структура научных революций. М., 1975.

528. *Куниша А.Е.* О некоторых методологических проблемах американской буржуазной историографии (1945-1955) // Американский ежегодник. М., 1983.

529. *Куропятник Г.Л., Безруков А.В.* Об идеологической борьбе в исторической науке // Новая и новейшая история. 1973. № 6.

530. *Куширев В.А.* Взаимодействие системного и исторического подходов в социальном познании // Вестник МГУ. 1979. № 3.

531. *Лавров П.Л.* Философия и социология // Лавров П.Л. Избранные сочинения в 2-х т. М., 1965.

532. *Лавров П.Л.* Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческого мысли. М., 1898.

533. *Лавров С.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М, 2000.

534. *Лавровский В.М.* К вопросу о предмете и методе истории // Вопросы истории. 1966. № 1.

535. *Лавровский В.М.* Проблема единства метода исторического и естественнонаучного познания//Проблемы всеобщей истории. Вып.1. Казань, 1967.

536. *Ланглуа Ш., Сеньобос ill.* Введение в изучение истории. СПб., 1899.

346

537. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910. Ч. 1.

538. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1913. Ч. 2.

539. *Лаппо-Данилевский А.С.* Главнейшие направления в развитии номотетического построения исторического знания // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Ч. 72.

540. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Ч. 1 и 2 // Известия Российской академии наук. Серия VI. 1918. № 5.

541. *Лаппо-Данилевский А.С.* Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // Известия Российской академии наук. 1918. № 7, 9, 11, 13.

542. *Лаппо-Данилевский Л.С.* Методология истории (посмертное издание). Петроград, 1923.

543. *Лаптева М.П.* Теория и методология истории. Пермь, 2006.

544. *Лаптин Н.Ф.* О роли гипотезы в историческом исследовании // Вопросы истории. 1970. № 1.

545. *Лебедев* (без инициалов). История. М., 1834.

546. *Левада Ю.А.* Моделирование социальных процессов. М., 1970.

547. *Левада Ю.А.* Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

548. *ЛевяшИ.Я.* Методология культурологического знания. Минск, 1994.

549. *Лелекова ММ.* Исторический процесс и проблема времени //

Некоторые методологические проблемы общественных наук. Новосибирск, 1971.

550. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. В 55 т. М., 1967-1970.

551. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Россия глазами русского. СПб., 1991

552. *Леонтьева О.Б.* «Субъективная школа» в русской исторической мысли: проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004.

553. *Леонтьева О.Б.* Марксизм в России на рубеже XIX - XX веков: Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара, 2004.

554. *Лехнер Е.Л.* Диалектическая логика и логика истории // Диалектика познания социальных явлений. М., 1983.

555. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998.

556. *Липский Б.И.* Историческая истина и социальная реальность // Логика и развитие научного знания. СПб., 1992.

557. *Лисовина А.П.* Категория «исторический факт*» в марксистской и буржуазной методологии истории. Кишинев, 1981.

558. *Логин В.Г.* Истина и ее критерий в исторической науке // Вопросы методологии науки. Вып. 1. Томск, 1971.

347

559. *Лооне Э.Н.* Возможность философии истории // Ученые записки Тартуского университета. 1968. Вып. 212.

560. *Лооне Э.Н.* Об уровнях исторического знания и познания // Ученые записки Тартуского университета. 1973- Вып. 301.

561. *Лооне Э.Н.* Проблема исторического объяснения // Философские науки. 1975. № 6.

562. *Лооне Э.Н.* Возникновение и развитие «аналитической философии истории» // Вопросы философии. 1974. № 6.

563. *Лооне Э.Н.* Современная философия истории. Таллинн, 1980.

564. *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977.

565. *Лосева О.А.* Аксиологическая природа историко-социального познания // *Философские науки.* 2004. № 5.
566. *Лосева О.А.* Аксиологическая детерминация исторического познания. Саратов, 2000.
567. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
568. *Лотман Ю.М.* Клио на распутье // *Новое время.* 1993. № 47.
569. *Лубский А.Б.* О природе методологической деятельности в исторической науке // *Известия Северо-Кавказского центра высшей школы.* № 1. Ростов-на-Дону, 1984.
570. *Лусис К.К.* Проблема соотношения эмпирического и теоретического в историческом познании // *Известия АИ Латвийской ССР.* 1976. №8.
571. *Лукава Г.Г.* Философия истории // *Общество, экономика, образование.* М., 2000.
572. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997.
573. *Лысмакип Е.Н.* Методологические проблемы общественных наук. М., 1979.
574. *Любович Я.Я.* Статистический метод в приложении к истории. Варшава, 1901.
575. *Ляхович Е.С.* Категория «идеал» в историческом познании // *Ученые записки Томского университета.* 1969. № 79.
576. *Маблде Г.Б.* Об изучении истории, о том, как писать историю. М., 1993.
577. *Мадиевский С.Д.* Методология и логика изучения социальных групп в исторической науке. Кишинев, 1974.
578. *Майзель И.А.* Наука и проблема ценностей. Л., 1966.
579. *Маклаков В.Т.* Ценностно-эстетическое отношение как компонент исторического // *Ленинская теория отражения.* Вып. 8. Свердловск, 1977.
580. *Маклаков В.Т.* Факт и его интерпретация в историческом познании // *Методологические основы теории научного знания.* Ч. 1. Свердловск, 1973.

581. *Маклаков В.Т., Свистова Л.В.* Противоречивый характер описания и объяснения в историческом познании // Категории диалектики. Вып. 4. Свердловск, 1975.

582. *Максимов А.Н.* Принцип актуализма в познании исторических явлений // Роль научных принципов и понятий в социальных исследованиях. Вып.5. Л., 1976.

583. *Максимова Д.А.* О взаимосвязи социологической и исторической теории // Вопросы методологии общественных и гуманитарных наук. Вып.2. Калинин, 1972.

584. *Максимова Д. А.* К вопросу об исторической закономерности // Вопросы методологии общественных и гуманитарных наук. Калинин, 1973.

585. *Максимова Д.А.* Категория «историческое время», ее роль в исторической науке // Некоторые проблемы развития социалистического общества и пути его формирования. Вып.2. Новосибирск, 1974.

586. *Малин А.А.* Старое и новое направление в исторической науке. Лампрехт и его оппоненты. М., 1900.

587. *Малинов А.В.* Философия истории в России. Конспект университетского спецкурса. СПб., 2001.

588. *Малинов А.В., Замалеев А.Ф.* Летопись русской философии. 862-2002. СПб., 2003.

589. *Малинов А.В.* Философия истории в России XVIII в. СПб., 2003.

590. *Малинов А.В.* Идея исторической закономерности в университетской философии истории // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2004. Вып. 2.

591. *Мялмноб А.В.* К.Н.Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб., 2005.

592. *Малинов А.В.* Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб., 2005.

593. *Малинов А.В.* Историология литературы Н.И.Кареева // Фигуры

истории или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005.

594. *Мальков В.Л.* Весь век на ладони // Вопросы истории. 1997.

№5.

597. *Мамардашвили М.К.* Язык и культура // Вестник высшей школы. 1991. №3.

598. *Мамонов В.Ф.* Кризис и историческая наука: Проблемы теории, методологии, методики. Челябинск, 1997.

599. *Маньшев Ю.Г.* Монизм материалистического понимания истории общества как методологический принцип систематизации категории // Исторический материализм и методология социального познания. Новосибирск, 1983.

349

600. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 1-50. М., 1954-1981.

601. *Маркаръян Э.С.* Об основных принципах изучения истории // Вопросы истории. 1966. № 7.

602. *Марков Д.Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках // Вопросы истории. 1973. № 10.

603. *Марушкин Б.И.* История и политика. М., 1969.

604. *Марушкин Б.И.* Историческая наука и современная идеологическая борьба. М., 1975.

605. *Марушкин Б.И., Ельчанинов В.А.* К вопросу о моральном содержании и функции исторического знания // Средние века. 1978. Вып. 42.

606. *Марушкин Б.И., Ельчанинов В.А.* История - наставница жизни. М., 1981.

607. *Масарский М.В.* Порядок и смута: Очерки философии истории. М., 2000,

608. Математические методы в историческом исследовании. М., 1975.

609. Материалы дискуссии по вопросам методологии истории // Вопросы истории. 1976. №4-12.

610. *Маслов Н.Н.* Методология исторического исследования. М., 1979.
611. *Медушевская О.М.* Современное зарубежное источниковедение. М., 1983.
612. *Медушевская О.М.* Некоторые проблемы методологии истории в современной французской историографии // Вопросы философии. 1965. №1.
613. *Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Методология истории. М., 2002.
614. Междисциплинарные подходы к изменению прошлого: до и после «постмодерна». М., 2005.
615. *Межуев В.М.* Культура и история. М., 1977.
616. *Межуев В.М.* Философия истории и историческая наука// Вопросы философии. 1994. № 4.
617. *Мейер Э.* Теоретические и методологические проблемы исторической науки. М., 1911.
618. *Мелконян Э.Л.* Проблема сравнительного метода в историческом знании. Ереван, 1981.
619. *Мельгунов П.* Что такое история? Пг., 1917. 620. *Мерцалов А.Н.* В поисках исторической истины: Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984.
621. Методология истории. Киев, 1914.
622. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1963-85. Вып. 1-18.
- 350
623. Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983.
624. Методология историко-научных исследований. М., 1978.
625. Методология историко-психологических исследований. М., 1974.
626. Методология исторического познания и буржуазная наука. Казань, 1997.
627. Методология истории: Всеобщая история, археология. Ново-

сибирск, 1968.

628. *Микешина Л.А.* Методология современной науки. М., 1991.

629. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1993,

630. *Минаков В.Г.* История и трансценденция в философии К. Яс-перса // Современные проблемы философии истории. Тарту, 1979.

631. *Миронов В.Н.* История в цифрах. Математика в историческом исследовании. Л., 1991.

632. *Миронов Б.Н.* История и социология. Л., 1984.

633. *Миронов Б.Н.* Историческая психология и историческое знание // Общественные науки. М., 1976. № 1.

634. *Миронов Б.Н., Степанов З.В.* Историк и математика. Л., 1975.

635. *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980.

636. *Мишин М.Б.* История философии и философия истории // Философские науки. М., 1973. № 2.

637. *Михайлов Ю.А.* Некоторые аспекты марксистского понимания проблемы историзма // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1970. Вып.4.

638. *Михайлов Ю.А.* К критике буржуазных концепций историзма // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 2. Казань, 1973.

639. *Михайлова Е.Е.* Философия истории российского позитивизма: Проблемы социокультурного развития. Тверь, 2002.

640. *Михалкин Н.В.* Методология и методика анализа и оценки социально-политических процессов. М., 1998.

641. *Михайловский Н.К.* Сочинения. С Пб., 1897.

642. *Мишин В.И.* Марксистская философия истории // Вопросы философии. 1965. № 7.

643. *Мишин В.И., Синяков С.В.* Активность субъекта и проблема истины в историческом познании. Калинин, 1985.

QM.Moawibiter М.Б. Художественный текст как носитель информации

о ментальностях и ценностных ориентациях общества // Историческая наука в меняющемся мире. Казань. 1994.

645. *Мошльницкий Б.Г.* Объективность исторического познания и современность // Труды Томского университета. 1967. Т. 193. Вып. 5.

351

646. *Могильницкий Б.Г.* К вопросу о соотношении исторического и художественного познания // Средние века. М., 1975. Вып. 39.

647. *Могильницкий Б.Г.* О соотношении естественнонаучного и исторического познания // Средние века. М., 1975. Вып. 38.

648. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли как предмет историографического исследования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976.

649. *Могильницкий Б.Г.* О содержании понятия «методология истории» // Методологические и историографические вопросы исторической науки. 1976. Вып. 11.

650. *Могильницкий Б.Г.* К вопросу о понимании истории в современной буржуазной литературе // Методологические и историографические вопросы исторической науки. 1977. № 12.

651. *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978.

652. *Могильницкий Б.Г.* О социальных функциях современной буржуазной исторической науки // История СССР. 1978. № 5.

653. *Могильницкий Б.Г.* Буржуазная историческая мысль и современность // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1979. Вып. 13.

654. *Могильницкий Б.Г.* Историческая наука и современность // Методологические и философские проблемы истории. М., 1983.

655. *Могильницкий Б.Г.* Историзм как принцип осмысления социальной действительности // Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения. Томск, 1984.

656. *Могильницкий Б.Г.* Американская «психоистория»: претензии и реальность // Новая и новейшая история. 1986. № 1.

657. *Могильницкий Б.Г.* Альтернативность в истории советского общества // Вопросы истории. 1989. № II.

658. *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989.

659. *Могильницкий Б.Г.* Между объективизмом и релятивизмом: дискуссии в современной американской историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 5

660. *Могильницкий Б.Г.* Дискуссии о постмодернизме в американской историографии // Американские исследования в Сибири. Томск. 2000.

661. *Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Гульбии Г.К.* Американская буржуазная «психоистория»: Критический очерк. Томск, 1986.

662. *Модестов С.А.* Бытие несовершенство. М., 2000.

663. *Моисеев Н.* Нужна ли историку математика? // Наука и жизнь. 1972. №7.

352

664. *Молодина С.Ф.* Подходы к описанию исторического прошлого. Новосибирск, 1998.

665. *Молчановский В.Ф.* Научная методология. М., 1973.

666. *Момджян А.В.* К критике плюралистической интерпретации исторического процесса // Философия и культура. М., 1983.

667. *Момджян К.Х.* Диалектика и сравнительно-исторический метод. М., 1974.

668. *Момджян К.Х.* Единая сущность и многообразие форм проявления исторической закономерности // Диалектика общего и особенного в историческом процессе. М., 1978.

669. *Момджян К.Х.* Исторический закон. М., 1991.

670. *Моно Г.* История // Метод в науках. СПб., 1911.

671. *Морозов Л. С.* К вопросу о критерии истины в историческом познании // Социологические и гносеологические проблемы познания

общественных явлений. Калинин, 1985.

672. *Морозов А.С.* К вопросу о специфике исторического познания // Проблемы общественных наук в работах молодых ученых. Томск, 1975.

673. *Мошков Ю.А.* Кибернетика и методы исторического исследования // История СССР. 1965. № 6.

674. *Мочалов Е.В., Юрченков В.А.* Философия истории. Саранск, 2000.

675. *Мисаелян Л.А.* Теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь. 2005.

676. *Мухина В.С.* Этнопсихология: настоящее и будущее // Психологический журнал. 1994. № 3.

677. *Мягкое Г.Л.* Русская историческая школа: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988.

678. *Назаретян А.П.* Синергетика в гуманитарном знании. Предварительная синергетика исторического процесса. М., 1996.

679. *Найдыш В.М.* Цивилизация как проблема философии истории. М., 1997.

680. *Наливайко Н.В.* Исторический метод в познании личности // Методологические и философские проблемы истории. М., 1983.

681. *Нарский И.С.* Философия позднего К.Г. Юппера // Философские науки. 1979. №4.

682. *Шумейко Л.К.* О методологии системного подхода к общественным явлениям // Проблемы научного коммунизма. Вып.8. М., 1974.

683. *Невелова В.С.* Антропологический принцип в философии истории (от современности к истокам). Челябинск, 2001.

684. *Нейман А.М.* Кризис либерально-исторических концепций и некоторые проблемы методологии в современной английской исторической науке // Актуальные вопросы истории и историографии всеобщей истории. Горький, 1973.

23 Зак.253

353

685. *Нехамкин В.А.* Проблема поливариантности исторического процесса. М., 2002.

686. *Нехамкин В.А.* Сослагательное наклонение в историческом познании // Вестник РАН. 2006. № 2.

687. *Нечкина М.В.* История истории // История и историки. Историография народов СССР. М., 1965.

688. *Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982.

689. *Нечухрин А.Н.* Проблема специфики исторического познания в творчестве Н.И.Кареева // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1979. Вып. 13.

690. *Никитин Е.П.* Метод познания прошлого // Вопросы философии. 1966. № 8.

691. *Никитин Е.П.* Объяснение - функция науки. М., 1970.

692. *Никифоров Н.Н.* Восток и всемирная история. М., 1977,

693. *Никульшин В.Д.* О соотношении объекта и субъекта в историческом исследовании // Труды кафедр общественных наук Пермского педагогического института. Вып.8. Пермь, 1972.

694. *Николаева А.Т.* К вопросу о соотношении методологии и методики в современном источниковедении // Труды Московского историко-архивного института. 1974. Т. 30. Вып. 1.

695. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. // Ницше Ф. Соч. в 2т. М., 1997. Т 1.

696. *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. М., 1999.

697. *Яскоев В.В.* «Метаистория»Хейдена Уайта //Диалог со временем. М. 2004. Вып. 12.

698. *Ньюман Л.* Значение методологии: три основных подхода // Социологические исследования. 1998. № 3.

699. *Обоймова В.Д.* О специфике факта исторической науки // Диа-

лектика социального познания. М., 1979.

700. *Оболенский Л.Е.* Объективный и субъективный методы в социологии и их относительное значение // Спенсер Г. Развитие политических учреждений. СПб., 1882.

701. *Овсянников В.И.* Исторический поиск на пороге XXI в.: Научно-аналитический обзор. М., 1997.

702. *Овчинников В.Г.* Вопросы методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 1989. № 3.

703. Очерки развития истории исторической науки в СССР. М., 1966.

704. *Одудев С.Ф.* Свобода и необходимость в истории // Философские науки. М., 1983. № 6.

354

705. *Ойзерман Т.И.* Постулаты иррациональной философии истории // Философия и современность. М., 1971.

706. *Олегина И.Н.* Методологические вопросы исторической науки // Вестник ЛГУ. Серия «История». 1976. № 20. I

707. *Орлов А.А.* О предпосылках истории: логико-гносеологический анализ // Диалектика общественного развития. М., 1979.

708. *Орлов В.Н.* Роль научного описания в историческом исследовании // Философские науки. М., 1966. № 1.

709. *Орлов В.Н.* Проблема объяснения в исторической науке // Проблемы методологии социального исследования. Л., 1970.

710. *Орлов Д.У.* Событие: исторический мотив // Вестник СПбГУ. 2000. Серия 6. Вып. 1.

711. *Орлова С.А.* Неопозитивистская концепция исторического объяснения // Вестник МГУ. Серия «Философия». 1985. № 6.

712. *Оруджев З.М.* Способ мышления эпохи: Философия прошлого. М., 2004.

713. *Останина О.А.* Вопросы исторического познания в русской философии. М., 1997.

714. *Очкина С.Н., Очкин В.Л.* Проблема субъекта исторического действия // Личность как субъект и объект общественных отношений в условиях развитого социализма. Рязань, 1983.

715. *Павленко Ю.В.* История мировой цивилизации: Философский анализ. Киев, 2002.

716. *Павлова Т.А.* Историческая биографистика в СССР//Новая и новейшая история 1990. № 2.

717. *Пак Г.С.* Многомерное время истории как человеческой деятельности. Нижний Новгород, 2004.

718. *Панарин А.С.* Философия истории. М., 2001.

719. *Пантин В.И.* Глобальное видение истории и современности // Философские науки. 2004. № 7.

720. *Пантин В.И.* Волны и циклы социального развития. М., 2004.

721. *Панфилова Т.В.* Актуальные проблемы философии истории. М., 2001.

722. *Панфилова Т.В.* Проблема смысла истории // Вопросы философии. 2006. № 12.

723. *Парандовский Л.* Алхимия слова. М., 1990.

724. *Парфенов И.Д.* Методология русской истории. Саратов, 2001.

725. *Марыгин Б.Д.* Социальные настроения как объект исторической науки// История и психология. М., 1971.

726. *Парыгин Б.Д., Рудаков Л.И.* Михайловский о психологическом факторе в историческом процессе// История и психология. М., 1971.

23^й

355

727. *Парэн Х.Ш.* Структурализм и история // Структурализм «за» и «против». М, 1975.

728. *Ласков С.С.* Методологические проблемы исторической науки в современной японской историографии // История СССР. 1980. № 6.

729. *Пастикова О.И.* Проблема ценностных факторов в современной

англо-американской философии истории // Вопросы методологии науки. Вып.2. Томск, 1972.

730. *Пастикова О.И.* Аксиологический характер исторического познания // Проблемы познания и моделирования социальных явлений. Томск, 1979.

731. Пастикова О. И. К вопросу об оценке в историческом познании // Конференция молодых ученых по общественным наукам. Томск, 1973.

732. *Пастикова О.И.* Оценочные критерии в теоретизации исторического знания // Вопросы методологии науки. Вып.3. Томск, 1973.

733. *Патрушев А.И.* Традиции немецкого «историзма» в буржуазной историографии ФРГ // Вопросы истории. 1975. № 10.

734. *Пекарчик С.* Марксистская методология истории // Вопросы истории. 1971. № 10.

735. *Перов Ю.В.* Возможна ли в XXI в. философия истории? // Философия на рубеже веков. СПб., 1996.

736. *Перов Ю.В.* Историчность и историческая реальность. СПб., 2000.

737. *Перцев В.Н.* Новые труды по теории исторической науки // Голос минувшего. 1914. № 4.

738. *Петренко Н.С.* Методология истории и проблема ценности и оценки // История методологии социального познания (конец XIX — начала XXв.) М., 2001.

739. *Петров Ю.В.* Причинность в исторической науке. Томск, 1974.

740. *Петров Ю.В.* Практика и историческая паука. Проблема субъекта и объекта в историческом познании. Томск, 1981.

741. *Петров Ю.В.* Проблема факта в современной буржуазной философии истории // Философские науки. 1976. № 3.

742. *Петрушевский Д. М.* Тенденции исторической науки // Образование. 1899. №2.

743. *Петрушевский ДМ.* К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг., 1915.

744. *Петрушевский ДМ.* Очерки из экономической жизни Европы. М.-Л., 1928.

745. *Петряев КД.* Основные методологические вопросы исторической науки, Киев, 1970.

746. *Петряев КД.* Некоторые вопросы методологии источниковедения // Вопросы историографии и источниковедения всеобщей истории. Днепропетровск, 1970.

356

747. *Петряев К.Д.* Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976.

748. *Петряев К.Д.* О методологических основах применения сравнительно-исторического метода // Вопросы общественных наук. Вып. 24. Киев, 1976.

749. *Петряев К.Д.* Гносеологические и методологические основы источниковедения. Киев-Одесса, 1978.

750. *Печуро Е.Э.* «Чистая наука» и историческое познание // Вопросы истории. 1963. № 8.

751. *Парен ММ.* Исторический процесс и логика его воспроизведения на основе фактов // Проблемы философии. Киев, 1977. Вып. 42.

752. *Питц Э.* Исторические структуры. М., 1977.

753. *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения в 5 тт. М., 1956-1958.

754. *Погодин С.Н.* Творческое наследие А.С.Лаппо-Данилевского // Вопросы истории. 2002. № 5.

755. *Погодин С.Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005.

756. *Погодин С.Н., Малинов А.В.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ СПб., 2001.

757. *Погодин С.Н., Малинов А.В.* Теоретико-методологические взгляды П.Г. Виноградова // Клио. Журнал для ученых. 2005, № 2 (29).

758. *Подгорных Л.Б.* Роль искусства в историческом познании //

Проблемы познания и моделирования социальных явлений. Томск, 1970.

759. *Подкорытоо Г.А.* Историзм как метод научного познания. Л., 1967.

760. *Подкорытов Г.А.* Принцип актуализма и его роль в научном познании // Вестник Ленинградского университета. 1978. № 217.

761. *Покровский М.И.* Избранные произведения. М., 1967. Кн.3.

762. *Подосетник ЕМ.* Гносеологическое значение фактов в познании общественных явлений // Теория познания и современная наука. М., 1967.

763. *Полетаев В.Е., Поляков Ю.А., Устинов Р.А.* История, конкретно-социальные исследования, кибернетика // История СССР. 1968. №4.

764. *Полищук В. В.* Философия биполярности: добро и зло. Барнаул, 2002.

765. *Подушин Г.И.* К вопросу об историко-материалистическом понимании категории ценности // Труды Кировского сельскохозяйственного института. 1969. Т. 21.

766. *Поляков А.Н.* Проблемы методологии в исторической науке. Оренбург, 2002.

357

767. *Поляков Ю.Л.* Комплексность в историческом исследовании - и что это означает//Знание - сила. 1981.№ 11.

768. *Попов А.С. В.О.* Ключевский и его «школа». Синтез истории и социологии. М, 2001.

769. *Попов В.Г.* Уровни развития и уровни познания общественно-исторического процесса // Методологическая роль исторического материализма в научном познании. М., 1984.

770. *Попов С.* Существуют ли «специфические исторические законы»? // Философские науки. 1971. № 6.

11\.*ПопперК.* Логика и рост научного знания (пер. с англ.). М., 1983.

112.*Поппер К.* Открытое общество.(пер. с англ.). М., 1992. 773.*ПопперК.* Нищета историцизма (пер. с англ.). М., 1993.

774. *Парк Л.* Три уровня понятия нарратива//Ученые записки Тартуского университета, 1977. Вып. 404.

775. *Порк А.* Методологические вопросы исторической науки в послевоенной англо-американской аналитической философии истории // История и методология истории. Вып. 392. Тарту, 1972.

776. *Порк Л.* Нарратив как проблема методологии исторической науки // Ученые записки Тартуского университета. 1975. Вып. 361.

777. *Порк Л.* Историческое объяснение. Таллинн, 1981.

778. *Порк А.* К вопросу о рациональном объяснении в истории // Ученые записки Тартуского университета. 1980. Вып. 542.

779. *Пресняков Л.Е.* А.С.Лашю-Данилевский. М., 1922.

780. *Поршиев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.

781. *Пронштейн Л.Г.* Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1976.

782. *Пронштейн А.П., Задера А.Г.* Методика работы над историческими источниками. М., 1969.

783. *Нушкарев Л.Н.* Форма и содержание исторического источника // Советские архивы. М., 1966. № 5.

784. *Пыпин А.Н.* Приемы исторической работы // Вестник Европы. 1899. №1.

785. *Рабб Т.К.* Развитие квантификации в историческом исследовании // Количественные методы в советской и американской истории* графин. М., 1983.

786. *Разин А. В.* Моральные абсолюты в историческом мышлении// Вестник МГУ. Серия «Философия». 1997. № 2.

787. *Ракитов А.И.* К вопросу о структуре исторического исследования // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

788- *Ракитное А.И.* Анатомия научного знания. М., 1969. 789. *Ракитов А.И.* Эпистемическая природа и логическая структура истины в историческом познании // Вопросы философии. 1983. № 2.

790. *Ракитов А.И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982.

791. *Ракитов А.И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4.

792. *Рамазанов С.П.* О ценностном подходе в исторической науке // Роль методологии в развитии науки. Новосибирск, 1958.

793. *Рамазанов С.П.* Проблема ценности в историческом исследовании и специфики исторической науки // Социальные проблемы науки, образования, воспитания. Томск, 1977.

794. *Рамазанов С.П.* Методологические воззрения А.С.Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей в историческом познании // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1980. Вып. 14.

795. *Рамазанов С.П.* Методологические искания послеоктябрьской исторической мысли. Волгоград, 2000.

796. *Ранке Л.* Об эпохах новой истории. М., 1898.

797. *Рассел Б.* Человеческое познание (пер. с англ.). М., 1957.

798. *Ратмэйд.* «Новая социальная история» в США // Новая и новейшая история 1990. № 2.

799. *Рачков П. А.* «Конец истории» как социософская проблема // Вестник МГУ. Серия «Философия». 1993. № 2.

800. *Рашковский Е.Б.* Изучение развивающихся обществ и современное историческое знание // Вестник АН СССР. М., 1968. № 4.

801. *Ревель Ж.* История ментальностей // Споры о главном. М., 1993.

802. *Ревель Ж.* Микроанализ и конструирование реального // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.

803. *Ретина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. М., 1996.

804. *Ретина Л.П.* Тендерная история: проблемы и методы исследования

// Новая и новейшая история. 1997. № 6.

805. *Репина Л.П.* Социальная история в историографии XX века: научные традиции и новые подходы. М., 1998.

806. *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.

807. *Репина Л.П.* Что такое интеллектуальная история // Диалог со временем. М., 1999. Вып. 1.

808. *Репина Л.П.* Комбинационные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // Диалог со временем М., 2001.

Вып. 7.

809. *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5.

359

810. *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. М., 2004.

811. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.

812. *Рикер П.* Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1996.

813. *Рикер П.* Время и рассказ. СПб., 1996. 814. *Рикер П.* История и истина. СПб., 2002.

815. *Рикер П.* Память истории, забвение. М., 2004.

816. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий; логическое введение в исторические науки. СПб., 1903.

817. *Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908.

818. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.

819. *Риккерт Г.* О системе ценностей // Логос. 1914, Ч. 1. Вып. 1.

820. *Рожин В.П.* Исторический материализм — всеобщая методология общественных наук // Методологические проблемы общественных наук. Л., 1968.

821. *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом

освещении (Основы социальной динамики). Т. 1. М. - Пг., 1923.

822. *Рожков НА.* Исторические и социологические очерки. Ч. 1. М., 1906.

823. *Рожков НА.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. 4.1. СПб. 1903; Ч. 2 СПб, 1905.

824. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. М., 1995.

825. *Розов МА.* Презентизм и антикваризм - две картины истории // Вопросы истории естествознания и техники. 1994, № 3.

826. *Розов Н.С.* Философия и теория истории. М, 2002.

827'. *Роцин С.К.* Психология толпы//Диалог со временем. М.,2001.

828. *Русакова О.Ф.* Историософия. Структура предмета и дискурса // Вопросы философии. 2004. № 7.

829. *Русакова О.Ф.* Философия и методология истории в XX в.: школы, проблемы, идеи. Екатеринбург, 2000.

830. *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002.

831. *Рюзен И.* Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем.М., 2001.

832. *Саар Г.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930.

833. *Савельева ИМ., Полетаев А.В.* История и время: В поисках утраченного. М., 1997.

834. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Историческая истина: эволюция представлений // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. М., 2001.

360

835. *Савельева ИМ., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: Теория и история. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003.

836. *Савельева ИМ., Полетаев А.В.* Прагматика истории // Диалог со временем. М., 2003.

837. *Савцова Н.И.* О ценностном характере исторического познания //

Ленинская теория отражения. Вып. 8. Свердловск, 1977.

838. *Сайко С.П.* Диалектика эмпирического и теоретического в историческом познании. Алма-Ата, 1976.

839. *Салин В. А.* Философия истории. Бийск, 1993.

840. *Солов В.И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977.

841. *Солов В.И.* Вторжение психоанализа в буржуазную историографию // Новая и новейшая история М., 1972. № 4.

842. *Солов АМ.* Кризисные явления в современной буржуазной методологии истории // Вопросы истории. 1981. №4.

843. *Самиев А.Х.* Образное мышление в творчестве историка // Известия АН Таджикской ССР. 1982. № 1.

844. *Самиев АХ.* Эстетические категории в структуре исторического знания // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1983. № 2.

845. *Санцевич А.В.* Методика исторического исследования. Киев, 1984.

846. *Сапелли Дж.* Методология социальных наук: новые подходы // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999.

847. *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода (пер. с фр.). М., 1994.

848. *Сатыбалов А.А.* Методологические вопросы изучения исторических (этнических) типов общности людей. Л., 1968.

849. *Сахаров АМ.* О некоторых методологических вопросах на XIX Международном конгрессе историков // Вестник МГУ. 1976. № 3.

850. *Сахаров АМ.* Некоторые проблемы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып.1. М., 1977.

851. *Сахаров А.М.* Методология истории и историография. М., 1981.

852. *Сахаров А.Н.* О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8.

853. *Сахаров А.Н.* Россия: народ, правители, цивилизация. М., 2004.
854. *Сбев С.С.* Предистория, история и свобода. К вопросу об исторической необходимости // Проблемы философии. Вып.59. Киев, 1983.
855. *Сванидзе А.А.* Строгости, свободы, музы истории // Историк в поиске. М., 1999.
- 361
856. *Свистова Л.В.* Проблема факта в историческом, познании // Диалектика, логика и методология науки. Свердловск, 1977.
857. *Сен Л.* История идей и философия истории // Вопросы философии. 198/1. №7.
858. *Селунская Н.Б.* Методологические проблемы исторической науки//Историческое образование. М., 1998.
859. *Селунская П.В.* В поисках утраченной микроистории // /Диалог со временем. М., 2004.
860. *Семенов С.А.* О методологических функциях исторических наук// Философские науки. 1964. № 6.
861. *Семенов С.Н.* Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996.
862. *Семенов С.Н.* Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и тенденции. М., 1999.
863. *Семенов Ю.М.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // Вопросы истории. 1966. № 8.
864. *Семенов Ю.И.* Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции. М., 2003.
865. *СеньобосШ.* Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902.
866. *Сергейчик ЕМ,* Осмысление кризиса рациональности в российской философии истории // Вестник СПбГУ. 1977. Серия «Философия». Вып. 3.
867. *Сергейчик ЕМ.* Философия истории. СПб., 2002.
868. *Сухарев С.В.* Лицедейство на поприще истории // Вопросы ис-

тории КПСС. 1990. №3.

869. *Сестаи И.* История событий и история структур. М., 1970.

870. *Сиголов К.Е.* Проблемы периодизации исторического процесса: формационный и цивилизационный подходы. М., 1998.

871. *Си'юненько Е.Б.* Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Одесса, 1965.

872. *Синельников Д.П.* О возможности актуализации методологического опыта русских историков-неокантианцев // Вестник Омского университета. 1996. Вып.2.

873. *Синельников Б.М., Горшков В.А., Саечников В.П.* Основы общей методологии исследования систем. М., 2002.

874. *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и русская буржуазная историография конца XIX - начала XX в. // Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения. Томск, 1984.

875. *Синицын О.В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX - начале XX века. Казань, 1998.

362

876. *Синченко Г.Ч.* Объяснение, предсказание и ретросказание// Вестник МГУ. 1986, №3.

877. *Синяков С.В.* Культура мышления историка и объективность познания // Общественный прогресс и культура. Горький, 1983.

878. *Синяков С.В.* Противоречия в историческом познании // Противоречия в процессе познания. Горький, 1985.

879. *Скворцов Л.В.* Время и необходимость в истории. М., 1974.

880. *Скворцов Л.В.* История и антиистория: К критике методологии буржуазной философии истории. М., 1976.

881. *Скворцов Л.В.* Субъект истории и социальное самосознание. М., 1983.

882. *Славин Б.В.* К вопросу о методе изучения социальных явлений // Проблемы социально-политического развития советского общества. М., 1974.

883. *Слаоко Т.И.* Применение математики при изучении исторических источников // Вопросы философии. 1978. № 6.

884. *Смирное А.И.* Значение понятия социального времени для исторической науки // Методологические вопросы исследования современных общественных процессов. М., 1981.

885. *Смит С.* Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 8.

886. *Смоленский Н.И.* О некоторых теоретико-методологических принципах исторической концепции Л. фон Ранке // Труды Томского университета. 1963. Т 166.

887. *Смоленский Н.И.* Л. фон Ранке. Методология и методика исторического исследования // Труды Томского университета. 1966. Т. 187.

888. *Смоленский Н.И.* Л.Ранке и Ф.Мейнеке // Труды Томского университета. 1967. Т. 193.

889. *Смоленский Н.И.* Оценка современной западно-германской историографией ранкеанского решения проблемы объективности и партийности исторического познания // Труды Томского университета. 1969. Т. 209. Вып. 6.

890. *Смоленский Н.И.* Л.Ранке и проблема утота познания в буржуазной историографии ФРГ//Труды Томского университета. 1969. Т. 209. Вып. 6.

891. *Смоленский Н.И.* К вопросу о содержании понятия «методология истории» // Материалы конференции молодых ученых по общественным наукам. Томск, 1969.

892. *Смоленский Н.И.* История и современность в немецком буржуазном историзме XIX в.//Труды Томского университета. 1972. Т. 211.

893. *Смоленский Н.И.* Понятие истории как науки в немецкой буржуазной национально-политической историографии XIX в. // Актуаль-

1973.

894. *Смоленский Н.И.* В.И Ленин и проблема исторического объективизма // Труды Томского университета. 1974. Т. 247.

895. *Смоленский ИМ.* К вопросу о содержании и значении исторического метода в исторической науке // Труды Томского университета. 1974. Т. 427.

896. *Смоленский Н.И.* К вопросу о природе исторических понятий // Новая и новейшая история. 1976. № 4.

897. *Смоленский Н.И.* Проблема исторических понятий в современной буржуазной историографии ФРГ // Новая и новейшая история. 1978. №6*

898. *Смоленский Н.И.* Историческая действительность и историческое понятие // Вопросы истории. 1979. № 2.

899. *Смоленский Н.И.* Проблема исторической истины в современной буржуазной историографии ФРГ // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып.13. Томск, 1979.

900. *Смоленский Н.И.* Политические категории немецкой буржуазной историографии (1848-1871 гг). Томск, 1982.

901. *Смоленский Н.И.* Язык науки и проблема логики исторического мышления // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984.

902. *Смоленский И.И.* Ступени развития исторических понятий // Проблемы исторических понятий. Горький, 1984.

903. *Смоленский Н.И.* О разработке теоретических проблем исторической науки // Новая и новейшая история. 1993. № 3.

904. *Смоленский Н.И.* Рациональное и эмоциональное в языке историка // Исторические записки. М., 1999. № 2.

905. *Смоленский Н.И.* Об исследовании британским ученым Дж. Тошем проблем методологии истории // Новая и новейшая история. 2002. № 6.

906. *Согрин В.В.* Издания по методологическим проблемам истории //

Новая и новейшая история. 1986. № 2.

907. *Соловьев В.С.* Чтения о Богочеловечестве. М., 1989.

908. *Соловьев В.С.* Из философии истории // Соловьев В.С. Соч. Т. 2. М., 1989.

909. *Соловьев В.С.* Об упадке средневекового миросозерцания // Соловьев В.С. Соч. Т. 2. М., 1989.

910. *Соловьев В.С.* Русская идея. СПб., 1991.

911. *Соловьев С.М.* Философический взгляд на историю России // Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма. М., 1996.

364

912. *Соловьев С.М.* Записка для детей моих, а если можно и для других // Соловьев С.М. Соч. в 29 кн. М., 1989-2000.

913. *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас. М., 1991.

914. *Сорокин Н.А.* Система социологии. Т. 1. Петроград, 1920.

915. *Сорокин П.Л.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

916. *Соскин В.Л.* К вопросу об эффективности исторического исследования // Методологические и философские проблемы истории. М., 1963.

917. Спорные вопросы по методологии истории (дискуссии об общественно-экономических формациях). Л., 1930.

918. *Станкевич С.Б.* История в компьютере // США - экономика, политика, идеология. № 3. М., 1985.

919. *Стасюлевич М. М.* Философия истории в ее главнейших системах. СПб., 1908.

920. *Стефанов Н.* Теория и метод в общественных науках. М., 1967.

921. *Стокяло В. А.* Несостоятельность неотомистских концепций развития // Философские науки. 1969. № 4.

922. *Столяров В.И.* Исторический метод познания в современной науке. М., 1973.

923. *Стоун Л.* Будущее истории // Thesis. 1994. Вып. 4.

924. *Стронина А.И.* История и метод. СПб., 1869.

925. *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894.

926. *Струве П.Б.* Дух и слово. М., 1981.

927. *Струве П.Б.* Размышления о русской революции // Теория и практика социализма. М., 1991.

928. *Струве П.Б.* Скорее за дело! М., 1991.

929. *Сухачев С.В.* Лицедейство на поприще истории // Вопросы истории. 2004. № 6; Вопросы истории КПСС. 1990. № 3.

930. *Сухов А.Д.* Прогресс и история. М., 1983.

931. *Сычев С.* Исторический факт и его методологическое значение // Труды Московского института железнодорожного транспорта. 1968. Вып. 262.

932. *Таганов Р.* О роли системного и исторического методов познания // Общественные науки в Узбекистане. № 10. Ташкент, 1978.

933. *Тарасов И.Н.* Куда движется история? Метаморфозы людей и идей в свете христианской традиции. СПб., 2002.

934. *Тарле Е.В.* Социология и историческое познание // Вестник Европы. 1902. №10.

935. *Тарле Е.В.* Всеобщая история. Очерк развития философии истории. СПб., 1908.

365

936. *Тардиф А.Ф.* Основы исторической критики. Воронеж, 1893.

937. *Таросян Р.* Иррациональная метаистория. М., 2001.

938. *Терешко М.Н.* Некоторые методологические принципы проверки достоверности исторических источников // Ученые записки Томского университета. 1970. № 85.

939. *Терешко М.Н.* Методы установления исторических фактов (по материалам современной польской методологии истории) // Вопросы методологии науки. 1972. Вып. 2.

940. *Терешко М.Н.* Понятие исторического факта и его соотношение с

историческим источником // Ученые записки Томского университета. 1973. № 89.

941. *Терешко М.Н.* О разработке логико-методологических проблем классификации исторических источников в современной польской методологии истории // Проблемы методологии и логики науки. Вып. 7. Томск, 1974.

942. *Терешко М.Н.* Специфика исторического познания и ее извращение современной буржуазной философией истории // Критика современных буржуазно-ревизионистских извращений марксистско-ленинской теории. М., 1975.

943. *Тойнби А.* Постижение истории (пер. англ.). М., 1991.

944. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории (пер. англ.). СПб., 1996.

945. *Толокнов В.П.* «Историзм» Ф. Мейнеке и его место в формировании философских основ немецкой буржуазной историографии // Ученые записки Ярославского педагогического института. Общественные науки. 1971. Вып. 85.

946. *Топольский Е.О.* О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. 1973. № 5.

947. *Топольский Е.* Методология истории и исторический материализм // Вопросы истории. 1990. № 5.

948. *ТошДж.* Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка? М., 2000.

949. *Тощенко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память // Новая и новейшая история. 2000. № 4.

950. *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. М., 1994.

951. *Трепова Л.С.* О соотношении исторического и художественного познания // Материалы межвузовской конференции аспирантов и молодых ученых. Минск, 1967.

952. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 1918.

953. *Трубецкой С.Н.* Сочинения. М., 1994.

954. *Тугаринов В.П.* Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.

955. *ТЭИ.* Происхождение Франции. СПб., 1907.

366

956. *Тюменев А.И.* Индивидуализирующий и генерализирующий методы в исторической науке // Историк-марксист. 1929. Т. 12.

957. *Уайт Х.* По поводу «нового историзма» // Новое литературное обозрение. 2000. № 42..

958. *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

959. *Уваров А.И.* Структура теории в исторической науке // Труды Томского университета. 1965. Т. 178; 1966. Т. 187; 1967. Т. 193.

960. *Уваров А.И.* К вопросу о синтезе в теории исторических наук // Ученые записки Томского университета. 1968. № 70.

961. *Уваров А.И.* К вопросу о взаимосвязи принципа объективности и структурного метода в историческом познании // Ученые записки Томского университета. 1969. № 5.

962. *Уваров А.И.* Проблемы теории и источника в исторической науке // Ученые записки Томского университета. 1970. № 85.

963. *Уваров А.И.* Исторический факт как элемент теории // Ученые записки Калининского педагогического института. 1971. Т. 91. Вып. 1.

964. *Уваров А.И.* Категориальная структура теории и метода в исторической науке // Вопросы методологии общественных и гуманитарных наук. Вып. 2. Калинин, 1972.

965. *Уваров А.И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973.

966. *Уваров А.И.* О методах исследования в исторической науке // Проблемы методологии социального познания. Калинин, 1979.

967. *Уваров А.И.* Философские и методологические проблемы исторического познания. М., 1982.

968. *Удальцова З.Р.* Субъективное и объективное в историческом исследовании // Вестник АИ СССР. 1974. № 6.

969. *Уколова В.И.* Исторический факт как система // Системный метод в современной науке. Новосибирск, 1972. Вып. 2.

970. *Уколова В.И.* Методологическая функция понятий «причинность» и «связь состояний» в историческом исследовании // Методологические проблемы науки. Вып. 4. Новосибирск, 1973.

971. *Установи В.Л.* Культура и цивилизация. Оренбург, 2002.

972. *Устинов В.А.* О применении ЭВМ в исторической науке // Вопросы истории. 1961. № 8.

973. *Устинов В.А., Фелингер А.Ф.* Историко-социальное исследование: ЭВМ и математика. М., 1973.

974. *Устьянцев В.Б.* Исторический источник как специфическая форма отражения действительности // Ленинская теория отражения действительности. Саратов, 1970.

367

975. *Устьянцев В.Б.* Социальные аспекты становления исторического знания // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1971.

976. *Устьянцев В.Б.* Становление исторического знания в свете генезиса форм отражения прошлого // Принцип развития. Саратов, 1972.

977. *Утченко С.Л.* Единство мирового процесса и идея гуманизма // Вестник древней истории. 1975. № 3.

978. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.

979. *Федоров С.Н.* Сочинения. М., 1994.

980. *Федосеев П.Н., Францев Ю.П.* О разработке методологических вопросов истории. М., 1963.

981. *Федотов Е.Б.* О понятии «историческая эпоха» // Вестник МГУ. 1972. №17.

982. *Федотова В.Г.* Критика социокультурных ориентации в совре-

менной буржуазной философии. Сциентизм и антисциентизм. М., 1981.

983. *Федотова В.Г.* Понимание в системе методологических средств современной науки // Объяснение и понимание в научном познании. М., 1983.

984. *Федотова В.Г.* Методология истории сегодня // Новая и новейшая история. 1996. № 6.

985. *Федотова В.Г.* Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3.

986. *Федотова В.Г., Новикова Л.И., Козлова Н.Н.* Цивилизация и исторический процесс. М., 1983.

987. *Ферро М.* Европоцентризм в истории // Метаморфозы Европы. М., 1993..

988. *Ферро М.* Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2.

989. Фигуры истории или «общие места» историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005.

990. Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

991. Философские проблемы исторической науки. Гарту, 1982.

992. Философия истории. Диалог культур. М., 1989.

993. Философия и методология истории. М., 1977.

994. *Фомин В.П.* К вопросу об особенностях исторического объяснения и практики. Саратов, 1978.

995. *Фомин В.П.* К проблеме объяснения в исторической науке // Методологические вопросы науки. № 7. Саратов, 1978.

996. *Фомин В.П.* Виды исторических объяснений // Методологические вопросы науки. № 8. 1978.

997. *Франк С.Л.* Очерк методологии общественных наук. М., 1922.

998. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М., 1992.

368

999. *Франк С.Л.* Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.

1000. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. СПб., 1996.
1001. *Франк С.Л.* Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. М., 1998
1002. *Французова Н.П.* Принцип историзма в исследовании социальных явлений // Философия и культура. М., 1983.
1003. *Французова Н.П.* Исторический метод в научном познании. Вопросы методологии и логики научного исследования. М., 1972.
1004. *Французова Н.П.* Проблема исторического понимания в философии К.Поппера // Современные проблемы философии истории. Тарту, 1979.
1005. *Фршодзоба Я.Я.* Методологический анализ исторической реальности // Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986.
1006. *Французова Н.П.* Историческая реальность: проблемы развития человека. М., 1988.
1007. *Французова Н.П.* Историческое сознание и его структура // Историзм и творчество. 4.1. М., 1990.
1008. *Французова Н.П.* История и историческое сознание в экзистенциализме К.Ясперса // Социальная теория и современность. Вып. 9. М., 1993.
1009. *Фриман Э.* Методы изучения истории. М., 1893.
1010. *Фрумкин С.Н.* «Философия истории» неонацизма // Вопросы философии. 1970. № 11.
1011. *Фукидид.* История // Историки Греции. М., 1976.
1012. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
1013. *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.
1014. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
1015. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.
1016. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
1017. *Хайдеггер М.* Статьи и выступления, М., 1997.

1018. *Хвостов В.М.* Историческое мировоззрение В.О.Ключевского. М., 1910.

1019. *Хвостов В.М.* Науки об общем и науки об индивидуальном // Вопросы философии и психологии. М., 1909. Кн .103.

1020. *Хвостов В.М.* Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. М., 1919.

1021. *Хвостов В.М.* Плюралистическое направление // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 4.

1022. *Хвостов ММ.* Лекции по методологии и философии истории. Казань, 1913.

24 Зак.253

369

1023. *Хвостов ММ.* К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных В.О.Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия в Московском университете. М., 1909.

1024. *Хвостова К.В.* Методологические проблемы применения математических методов в историческом исследовании // Вопросы истории. 1975. №11.

1025. *Хвостова К.В.* К вопросу о методике измерения степени социально-экономического неравенства в исторических совокупностях // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.

1026. *Хвостова К.В.* Некоторые аспекты теоретического подхода к средневековой социально-экономической истории // Вопросы истории. 1980. №4.

1027. *Хвостова К.В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.

1028. *Хвостова К.В.* Количественные методы в историческом познании // Вопросы истории. 1983. № 4

1029. *Хвостова К.В.* История: проблемы познания // Вопросы фи-

лософии. 1997. №4.

1030. *Хвостова К.В., Финн В.К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997.

1031. *Хейзинга И.* Homo ludens в тени завтрашнего дня. М., 1992.

1032. *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX - начала XX в. Томск, 1978.

1033. *Хмылев Л.Н.* Методология истории и историография в системе исторического знания // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984.

1034. *Хмылев П.И.* Проблема актуальности в историческом познании // Труды Томского университета. 1964. Т. 173.

1035. *Хмылев П.Н.* Соотношение историзма и структурного анализа как методов исторического познания // Единство диалектического и исторического материализма. Л., 1978.

1036. *Хмылев П.Н.* Историзм и исследование структур // Вестник ЛГУ. 1978. № 3.

1037. *Хмылев П.Н.* Принцип историзма в исследовании всемирной истории // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984.

1038. *Хмылев П.Н.* Понятие современности в историческом процессе // Вестник СПбГУ. 1993. № 1.

1039. *Хмылев П.Н., Морев А.А., Милецкий В.П. и др.* Теория современного цивилизационного процесса. СПб., 1997.

370

1040. *Хобсбоум ЭДж.* От социальной истории к истории общества // Философия и методология истории. М., 1977.

1041. *Хомяков А.С.* Работы по историософии. М., 1994.

1042. *Хорос ВТ.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1994.

1043. *Хотякова В.А.* Человек и история. М., 1970.

1044. *Хромов С.С.* Идеино-воспитательная функция советской ис-

торической науки // Вопросы истории. 1980. № 7

1045. *Цаин Ф.В.* Деятельная сущность человека - принцип материалистического понимания истории // Вопросы общественных наук. Киев, 1972. Вып. 9.

1046. *Ципко А.С.* Оптимизм истории. М., 1974.

1047. *Чаадаев П.Я.* Философические письма (1829-1830) // Чаадаев П.Я. Поли. собр. соч. и избранные письма. Т. 1. 1991.

1048. *Челидзе ЛЛ.* Что такое история. Тбилиси, 1978.

1049. *Черепнин Л.В.* Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981.

1050. *Черепнин Л.В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М., 1973.

1051. Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии (пер. фр.). М., 2001.

1052. *Черненко А.К.* Причинность в истории. М., 1983.

1053. *Чернышевский Я.Г.* Избранные экономические произведения. М.Д948.Т2.

1054. *Чернышевский Н.Г.* Избранные философские сочинения. В 3 т. М., 1951.

1055. *Черняк В. С.* Мастерство историка // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 4.

1056. *Черняк Е.Б.* История и логика (Структура исторических категорий) // Вопросы истории. 1991. № 3.

1057. *Чесноков Г.Д.* Проблема цивилизации в философии истории А.Тойнби // Вопросы философии. 1966. № 10

1058. *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.

1059. *Чижевский А.Л.* Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца. М., 1930.

1060. *Чижевский А.Л.* Теория гелиотараксии. М., 1930.
1061. *Чижевский А.Л.* Солнце и мы, М., 1963.
1062. *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. М., 1973.
1063. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Ч. 1 -5. М., 1869-1902.
- 24'
- 371
1064. *Шаповалов В. Ф.* Проблема теоретического и эмпирического в социально-историческом познании // Диалектика социального познания. М., 1979.
1065. *Шаповалов В.Ф.* Российская история и герменевтическое непонимание // Свободная мысль. 1992. № 10.
1066. *Шапошников Л.Е.* Очерки русской историографии XIX-XX вв. Нижний Новгород, 2002.
1067. *Шарапов Л.* История и политика // Коммунист Татарии. 1976. №10.
1068. *Шарифжанов И.И.* Проблема объективности в современной англо-американской буржуазной историографии // Труды Томского университета. 1974. Т. 247.
1069. *Швырев В.С.* От классической гносеологии к современной эпистемологии // Философские исследования. 1999. № 3.
1070. *Шевченко В.Н.* Диалектика единства и многообразия развития исторического процесса. М., 1985.
1071. *Шевченко В.Н.* Метод аналогии в историческом познании // Проблемы методологии науки. Иркутск, 1984.
1072. *Шелестов Д.К.* История и демография // Вопросы истории. 1981. № 5.
1073. *Шестаков А.* Методика исторического исследования. Воронеж, 1929.
1074. *Шестов Л.* Собр. соч. Т. 1-6. СПб., 1911.

1075. *Шидер Т.* Различие между историческим методом и методом социальных наук. М., 1970.

1076. *Шидер Т.* Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // *Философия и методология истории.* М. 1077.

1077. *Шиллер И.Ф.* В чем состоит изучение мировой истории и какова цель ее изучения // *Шиллер И.Ф. Собр. Соч.* в 8 тт. М. - Л. 1937. С. 593-612.

1078. *Шильман М.Е.* Такты истории: Алгоритм развития всемирной истории. Харьков, 1998.

1079. *Шишкин А. Ф.* История и нравственность // *Вопросы философии.* 1978. №4.

1080. *Шишко Л.Э.* По вопросам истории и социологии. М., 1909.

1081. *Шмаков В.С.* Структура исторического знания и картина мира. Новосибирск, 1990.

1082. *Шмидт С.О.* Путь историка. М., 1997.

1083. *Шморгун А.А.* Методологическая несостоятельность анализа общественного развития в буржуазных концепциях философии истории // *Проблемы философии.* Вып. 63. Киев, 1984.

1084. *Шнейдер Ж.* Машина и история. М., 1970.

372

1085. *Шорохов ИМ.* Структурализм, функционализм и конкретный историзм: Методологические и идеологические альтернативы // *История философии и современная идеологическая борьба* Новосибирск, 1984.

1086. *Шоффман А.С.* О некоторых исходных теоретико-методологических проблемах исторической науки // *Критика буржуазных концепций всеобщей истории.* Вып. 4. Казань, 1976.

1087. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории (пер. нем.). Т. 1. М., 1993; Т. 2. М., 1998.

1088. *Шпет Г.Г.* Явление и смысл: Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914; Томск, 1996; Иваново, 1999.

1089. *Шпет Г.Г.* История как проблема логики: Критические и ме-

тодологические исследования: Материалы: В 2 ч. 4.1. М.,1916; М., 1995; М.,2002.

1090. *Шпет Г.Г.* Философия и история // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 4 (134).

1091. *Шпет Г.Г.* Мудрость или разум? // Мысль и слово. Вып. 1. М., 1917.

1092. *Шпет Г.Г.* Скептик и его душа // Там же. Кн.11. М., 1918-21.

1093. *Шпет Г.Г.* Философское мировоззрение Герцена. Петроград, 1921.

1094. *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. Ч. 1. Петроград, 1922.

1095. *Шпет Г.Г.* История как предмет логики // Научные известия: философия, литература, искусство. Сб.2. М., 1923.

1096. *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. М., 1927; Иваново, 1999.

1097. *Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст-89. М., 1989 (продолжение в том же ежегоднике за 1990,1991, 1992).

1098. *Шпет Г.Г.* Философские этюды. М., 1994.

1099. Шпет в Сибири: ссылка и гибель (сб. материалов). Томск, 1995.

1100. Густав Густавович Шпет: Архивные материалы. Воспоминания, статьи. М., 2000.

1101. *Штаерман И.М.* О повторяемости в истории // Вопросы истории. 1965. № 7.

1102. *Штаерман И.М.* К проблеме структурного анализа в истории // Вопросы истории. 1968. № 6.

1103. *Шулевский Н.Б.* Метафизика в России и терроризм. М.. 2004.

1104. *Щапов А.П.* Неизданные сочинения // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1926. Т. XXXIII. Вып. 1-2.

1105. *Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К.* Основные принципы изучения древних материалов и технологий // Вестник

МГУ. Серия «История». 2000. № 4.

373

1106. *Щепкин Е.Я.* Вопросы методологии истории // *Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете.* 1905. Вып. 12.

1107. *Эвола Ю.* Люди и руины. М., 2002.

1108. *Эксле О.Г.* Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // *Диалог со временем.* М., 2001.

1109. *Эпштейн М.* Эрос цивилизации. Ирония желания и конец истории // *Вопросы философии.* 2006. № 10.

1110. *Южаков С.Н.* Субъективный метод в социологии // *Знание.*

1873. №10.

1111. *Юрова И.Л.* Материалистическое понимание истории и естествознание. М, 1978.

1112. *Юрчук В.И.* Очерки методологии и логики исторического исследования. М., 1972.

1113. *Яковлев В.П.* Историческая наука и историческое сознание// *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы // Общественные науки.* 1978. № 4.

1114. *Яковлев В.П.* Социальное время. Ростов н/Д., 1980.

1115. *Янагида Кэндзуро.* Философия истории (пер. япон.). М., 1969.

1116. *Ярош О.Д.* Роль количественных методов в исторических исследованиях // *История и историки.* М., 1990.

1117. *Ярош О.Д.* Специфика исторических закономерностей // *Вестник МГУ.* 1979. №1.

1118. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.

1119. *Ясперс К.* Вопрос виновности//*Знамя.* 1994. № 1.

374

ИСТОРИЯ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Дорошенко Надежда Михайловна

**МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ**

Компьютерная верстка *Г.В. Гордеевой* Дизайн обложки *Т.М. Ивановой*

Директор Издательства Политехнического университета Л.В. *Иванов*

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Налоговая льгота - Общероссийский классификатор продукции ОК
005-93, т. 2; 95 3004 - научная и производственная литература

Подписано в печать 18.10.2007. Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 23,5. Тираж 100. Заказ 253.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.

Издательство Политехнического университета, член Издательско-
полиграфической ассоциации университетов России.

Адрес университета и издательства: 195251, Санкт-Петербург,
Политехническая ул.. 29.